Н. Л. КЛАДО
Ординарный профессоръ Николаевской Морской Академіи.

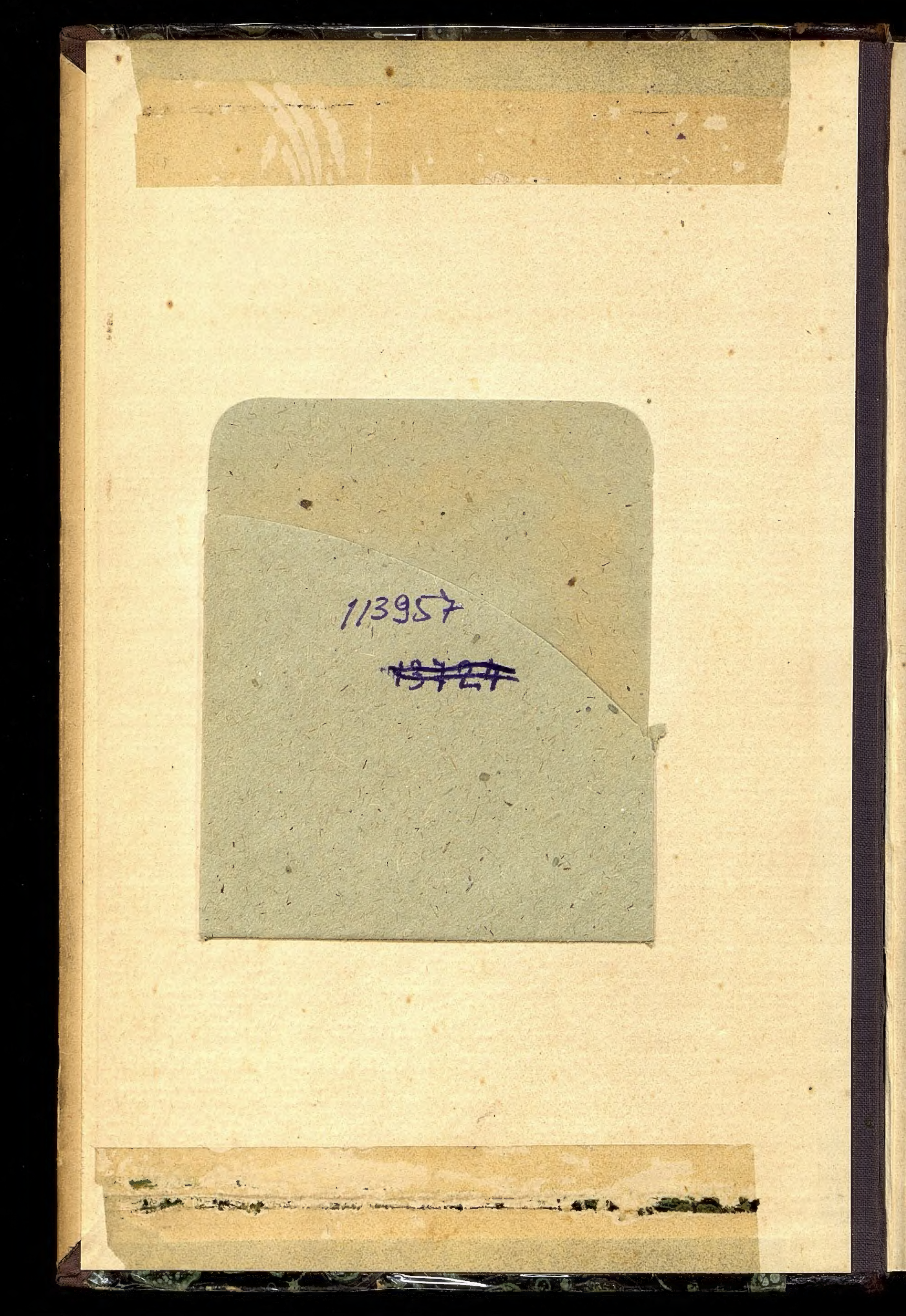
ЭТЮДЫ ПО СТРАТЕГІИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1914.

Н. Л. КЛАДО

Ординарный профессоръ Николаевской Морской Академіи.

ЭТЮДЫ ПО СТРАТЕГІИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

I. Что такое стратегія.

II. Теорія въ военномъ дѣлѣ.

III. Методъ изученія и преподаванія стратегіи.

IV. Историческій очеркъ развитія стратегіи какъ науки.

V. Лееръ и Шлихтингъ.

VI. Морская стратегическая литература.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1914.

Печатано по распоряженію Морского Генеральнаго Штаба.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
13	сн. 7	какія	какіе
30	св. 13	противупоставлять	противопоставлять.
32	» 7	читай	Читай
40	сн. 4	сическому	ническому
40	» 3	намостоятельнаго	самостоятельнаго
50	» 4	Seetactik	Seetaktik
75	св. 10	щенія	щеніе
80	» 9	что	это
102	» 16	готовымъ	готовъ
103	сн. 3	невѣжды	невѣждъ
109	св. 14	поручить	поручать
109	» 16	чить	чать
111	» 4	d'état,	d'état
119	» 6	ихъ	его
119	сн. 2	prinsiples	principles
120	» 7	отстановкѣ	обстановкѣ
122	св. 14	*тппы*	*типы*
134	сн. 2	Anachie	Anarchie
135	пагинація	235	135
146	св. 8	персоналъ,	персоналъ
178	сн. 4	подробнаго	подобнаго
185	св. 1	ос	осо-
198	» 6	вильныя	вильной
200	» 13	гдѣ-то	гдѣ то
204	сн. 9	представелнія	представленія
216	св. 13	наше	нами
224	» 12	создаетъ	создастъ
225	» 10	крупые	крупные
228	сн. 2	проходить	проходитъ
229	» 9	изученія	изученіе

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
236	» 10	орудіяхъ.	орудіяхъ;
250	» 1	Кордетъ	Корбетъ
255	св. 12	и	союзники въ
259	» 6	достаточно	достаточныхъ
263	сн. 11	ог ог	ог
266	св. 3	можетъ	можетъ быть
266	» 12	стр.	(стр.
271	» 1	изъ	изъ за
292	» 12	весъ	весь
292	» 14	они	онѣ
305	» 17	выставленные	выставленныя
307	сн. 7	западу.	западу,
312	» 3	выйны	войны
323	» 16	ее	ея
347	св. 14	и звѣ-	извѣ-
354	сн. 1	стратегіи	стратегіи).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Стратегія, въ области примѣненія ея для войны на сушѣ—наука совсѣмъ молодая.

Стратегія еще совсѣмъ молодая наука. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ люди на землѣ, они безпрерывно воюютъ; уже тысячи лѣтъ тому назадъ цѣлые народы обрушивались другъ на друга съ цѣлью завоеванія, а между тѣмъ первый научный трактатъ по стратегіи (Ллойда) появился всего 130 лѣтъ тому назадъ (1782 г.). И трактовалъ онъ исключительно о веденіи войны на сушѣ, и конечно, какъ первая попытка, былъ далеко не совершененъ. Очевидно также, что съ появленіемъ этого трактата не являлась еще стратегія въ видѣ науки, тѣмъ болѣе въ видѣ науки пригодной и приспособленной для практическаго ея приложенія къ дѣлу. Для этого она должна быть въ такомъ состояніи, чтобы она могла проникнуть въ толщу личнаго состава офицеровъ военной силы. И этого не сдѣлаютъ никакіе трактаты, сколько-бы ихъ не было. Они не связаны требованіями отвѣтить на всѣ вопросы относящіеся къ веденію войны. Отъ нихъ нельзя требовать даже разработки всѣхъ основъ для рѣшенія этихъ вопросовъ. Каждый изъ авторовъ разрабатываетъ въ этихъ трактатахъ тѣ вопросы, которые онъ считаетъ въ данный моментъ болѣе важными, или тѣ, которые ему больше по душѣ. Поэтому изученіе этихъ трактатовъ—удѣлъ немногихъ, а не массы.

Чтобы быть доступными массѣ, они должны вылиться въ *курсы* стратегіи, и должны распространяться черезъ военныя академіи, которыя, въ свою очередь, сохраняя самую дѣятельную связь съ дѣйствующей военной силой, работаютъ надъ тѣмъ, чтобы наука стратегіи въ каждый данный моментъ отвѣчала запросамъ строя, и находилась-бы на уровнѣ совре-

менной обстановки въ которой ведется война. Поэтому именно основаніе военныхъ академій въ значительной степени способствовало разработкѣ стратегіи какъ науки. Однако и при такой обстановкѣ, работа эта была страшно трудная и длительная.

Первая военная академія была основана въ Берлинѣ въ 1816 г., а въ 1832 г., по идеѣ генерала Жомини, и по образцу нѣмецкой, зародилась и у насъ Императорская Военная Академія. Однако, не смотря на то, что во главѣ этихъ академій стояли выдающіеся военные писатели (Клаузевицъ и Жомини), написавшіе классическіе трактаты по стратегіи, имъ не удалось разработать то, что можно-бы было назвать курсомъ стратегіи, и въ 1865 г. генералъ Лееръ долженъ былъ констатировать (*), что въ нашей академіи преподаваніе стратегіи сводилось «къ обзору наиболѣе выдающихся сочиненій по стратегіи, исключительно въ догматической формѣ, т. е. къ чистому умозрѣнію», а военная исторія, т. е. тотъ фундаментъ, на который могло-бы опираться это «умозрѣніе», преподавалась такъ, что одинъ изъ профессоровъ академіи называлъ этотъ курсъ «вензелями, которые арміями выписывались ногами», а офицеры слушатели окрестили его «наукою о томъ, кто куда пошелъ». Въ Россіи первый курсъ стратегіи, оправдавшій это названіе, разработалъ Лееръ, который посвятилъ на это 32 года упорнаго труда (1860—1892 г.). Судя по тому, съ какою жадностью теперь схватились въ нашей арміи за сочиненіе германскаго генерала Шлихтинга «Основы современной стратегіи», появившееся въ Германіи въ 1898 году, которое, по словамъ редактора русскаго перевода—ординарнаго профессора И. Н. В. Академіи полковника Незнамова—«сдѣлало Мольтке понятнымъ всей арміи... и питаетъ идеями всю современную нѣмецкую военную литературу», надо думать, что и на западѣ созданіе настоящаго курса стратегіи для войны на сушѣ—дѣло самаго послѣдняго времени. Вотъ почему можно утверждать, что стратегія еще совсѣмъ молодая наука.

(*) Лееръ. Стратегія. Часть I. Изд. 5-е, предисловіе, стр. VI.

Стратегія, въ области примѣненія ея для войны на морѣ — совсѣмъ не существуетъ какъ наука.

Но если она такова въ области веденія войны на сушѣ, то въ области морской войны стратегія находится только въ зародышевомъ состояніи.

Здѣсь надо оговориться. Основы стратегіи однѣ и тѣ-же для войны во всякой обстановкѣ—на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ. Значитъ, все что разработано нашими сухопутными коллегами по части основъ этой науки—годится и для насъ. Но вѣдь этого мало. Еще остается широкая область *примѣненія* этихъ основъ къ типичнымъ комбинаціямъ обстановки. Этого не могли сдѣлать для насъ, и конечно и не сдѣлали, сухопутные военные писатели, такъ какъ съ обстановкой морской войны они не знакомы.

Кромѣ того и основныя положенія стратегіи они разрабатывали на основаніи матеріала имъ болѣе доступнаго и болѣе понятнаго и для нихъ и для ихъ читателей—на основаніи изученія исторіи сухопутныхъ войнъ, и для нихъ эти основанія незыблемы не только потому, что они имъ повѣрили на слово, а потому, что они имъ доказаны, и вошли въ ихъ область военнаго мышленія путемъ упорнаго труда изученія историческихъ примѣровъ, и переработки этого изученія путемъ размышленія. И только такимъ образомъ воспринятыя основы будутъ прилагаться къ дѣлу. А значитъ, чтобы придти и намъ къ такому результату, надо чтобы основы стратегіи были выведены и на основаніи изученія исторіи морскихъ войнъ, и чтобы онѣ были проведены и черезъ типичныя комбинаціи обстановки войны на морѣ. Эту необходимость мѣтко охарактеризовалъ Гете (Фаустъ) въ словахъ: «Что ты наслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, *пріобрѣти то вновь*, чтобы сдѣлаться полнымъ его обладателемъ». Вотъ именно это и не сдѣлано въ области науки о веденіи войны на морѣ, и это я и подразумѣваю когда говорю, что въ этой области стратегія какъ наука находится только въ зародышевомъ состояніи.

Причинъ — почему это такъ случилось — много. Морская война гораздо сложнѣе сухопутной; обстановка службы на морѣ очень неудобна для занятій требующихъ обширныхъ исто-

рическихъ и философскихъ изысканій; морская техника, гораздо болѣе громоздкая, болѣе сложная, и при томъ постоянно мѣняющаяся, въ значительно большей степени затемняетъ проявленіе неизмѣнныхъ положеній искусства веденія войны и ихъ условныхъ послѣдствій, чѣмъ это дѣлаетъ техника на сушѣ и т. п... Поэтому нельзя указать ни одного научнаго трактата по стратегіи, принадлежащаго автору-моряку, и черезъ 100 лѣтъ послѣ появленія трактата Ллойда. Этому также въ огромной степени способствовалъ и тотъ фактъ, что военно-морскія академіи начали появляться только много десятковъ лѣтъ спустя послѣ академій военно-сухопутныхъ. Такія академіи начали основываться только въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и выдвинули уже нѣсколькихъ писателей по вопросамъ стратегіи. Англійская академія дала Коломба, американская—Мэхэна, французская—Дарріуса. Начали работать по этимъ вопросамъ и писатели, стоявшіе внѣ академій. Таковы—Давелюи, Бриджъ и Корбетъ. Однако не смотря на то, что все это люди съ огромнымъ талантомъ, и одушевленные искреннимъ и горячимъ желаніемъ довести науку о веденіи войны на морѣ до того состоянія, въ которомъ она существуетъ для сухопутной войны, имъ это до сихъ поръ не удалось. Они дали цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ стратегіи въ приложеніи ихъ къ морской обстановкѣ, но не больше. При этомъ, даже въ самыхъ послѣднихъ своихъ трудахъ (*Mahan*. Naval strategy. 1911 г., *Corbett*. Some principles of maritime strategy. 1911 г.) они еще увлекаются теоріями (Мэхэнъ—Эрцгерцога Карла, а Корбетъ — Бюлова), которыя уже давно, около 100 лѣтъ тому назадъ, осуждены и брошены нашими сухопутными коллегами. О *курсѣ-же* стратегіи, принадлежащемъ перу кого-либо изъ военно-морскихъ писателей нельзя и говорить.

Это вполнѣ понятно, такъ какъ такая работа представляетъ изъ себя необычайныя трудности, и требуетъ огромнаго времени, даже и въ гораздо болѣе благопріятной обстановкѣ— мы видѣли съ какимъ трудомъ и какъ поздно дошли до этого на сухомъ пути,—слишкомъ недавно начали работать надъ

изслѣдованіемъ вопросовъ относящихся къ веденію морской войны, и тѣмъ болѣе недавно создалась необходимая обстановка для такой работы—основаніе военно-морскихъ академій.

Задачи военно-морскихъ академій.

И вотъ теперь именно передъ этими академіями стоитъ задача—разработать науку о веденіи войны на морѣ, и привести ее въ такой видъ, который былъ-бы удобенъ для практическаго ея примѣненія во флотѣ, т. е. разработать *курсъ стратегіи.*

Главная задача всякой военной академіи—работать надъ установленіемъ единства военнаго мышленія въ военномъ сословіи. Безъ такого единства и всегда было трудно воевать успѣшно, а теперь это положительно немыслимо. Ни одинъ начальникъ, ни въ какой области, хотя-бы даже въ самой тѣсной, напр. даже на отдѣльномъ кораблѣ, не можетъ всего предвидѣть и всѣмъ распорядиться самъ—онъ долженъ во многомъ предоставить широкую иниціативу своимъ подчиненнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы это предоставленіе иниціативы не имѣло послѣдствіемъ нарушеніе намѣреній начальника. Принципъ личной иниціативы—это не значитъ, чтобы каждый дѣлалъ то что онъ хочетъ—это будетъ анархія—а это значитъ, чтобы каждый поступалъ въ каждомъ непредвидѣнномъ случаѣ именно такъ, какъ поступилъ-бы на его мѣстѣ начальникъ. А къ такому идеалу немыслимо, хотя-бы сколько нибудь, приблизиться безъ единства въ военномъ сословіи военнаго мышленія.

И первая и неизбѣжная ступень. чтобы подойти къ такому единству,—это разработанный курсъ науки о веденіи войны, въ которомъ были-бы установлены, и съ полной ясностью доказаны, тѣ основныя положенія, изъ которыхъ можно исходить при рѣшеніи всякого вопроса веденія войны, и въ которомъ былъ-бы показанъ методъ приложенія этихъ основъ въ наиболѣе типичныхъ обстановкахъ. Распространеніе этихъ положеній черезъ офицеровъ прошедшихъ академическій курсъ и постоянная ихъ повѣрка и критика строемъ, что будетъ вызывать неустанную работу академій по усовершенствованію ихъ курсовъ, должны привести наконецъ къ какой-то опре-

дѣленной *школѣ*,—къ какому то общему мнѣнію о томъ, какъ нужно вести войну.

Такая задача стоитъ и передъ нашей Николаевской Морской Академіей. Ей предстоитъ почетное соревнованіе на этомъ поприщѣ съ морскими академіями въ другихъ государствахъ, такъ какъ и въ нихъ, какъ было указано выше, эта работа только начинается, и такое состояніе и у нихъ и у насъ науки о веденіи войны—яркое отраженіе состоянія военныхъ знаній въ строю.

«Этюды по стратегіи»— обращеніе къ флоту за провѣркой и критикой академической работы.

На меня возложена въ академіи высоко почетная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно отвѣтственная, обязанность руководить работами, чтеніями курсовъ и практическими занятіями по каѳедрѣ стратегіи. Въ продолженіи 16 лѣтъ (съ 1896 г., когда были учреждены при академіи курсы военно-морскихъ наукъ) я работалъ надъ различными вопросами теоріи веденія войны, но только теперь началъ приходить къ нѣкоторымъ результатамъ, которые я могъ-бы болѣе или менѣе научно обосновать. Я подобралъ уже достаточный матеріалъ для того чтобы приступить къ работѣ надъ курсомъ стратегіи, которая—я отлично это сознаю—потребуетъ еще многихъ лѣтъ, какъ потребовала этого такая работа у талантливаго, и такъ хорошо подготовленнаго къ такой работѣ, Г. А. Леера. Безумно было бы съ моей стороны надѣяться сдѣлать ее скорѣе. Но, по моему глубокому убѣжденію, и самый приступъ къ такой работѣ для меня не мыслимъ безъ того, чтобы тѣ результаты, къ которымъ я пришелъ, не были подвергнуты провѣркѣ и критикѣ со стороны флота, путемъ свободнаго обмѣна мнѣній на страницахъ повременныхъ морскихъ изданій.

Вотъ въ этомъ и заключается причина появленія «Этюдовъ по стратегіи». Это обработанный, въ доступной для меня пока мѣрѣ, матеріалъ для будущаго курса стратегіи. Это отчетъ флоту въ той части моихъ работъ въ академіи, которую мнѣ удалось выполнить до сихъ поръ. Въ каждомъ изъ этюдовъ будетъ разобранъ отдѣльный вопросъ, относящійся къ предполагаемому мною курсу, и въ порядкѣ и въ методѣ обработки и изложенія этихъ вопросовъ, я буду руководствоваться тѣмъ планомъ и методомъ, которые я намѣтилъ въ своей бу-

дущей работѣ. Этотъ планъ и методъ будутъ мною изложены въ первыхъ же этюдахъ.

Я глубоко убѣжденъ, что я не преувеличилъ значенія академическаго курса стратегіи въ дѣлѣ созданія единства военнаго мышленія во флотѣ. Я надѣюсь, что такъ думаютъ и во флотѣ. И если это такъ, то я считаю себя вправѣ разсчитывать, что флотъ прочтетъ предлагаемые «этюды» и выскажетъ свое компетентное о нихъ мнѣніе. Ему не можетъ быть все равно, какія идеи о веденіи войны излагаются въ академіи на лекціяхъ и проводятся на практическихъ занятіяхъ. Офицеры, прошедшіе черезъ академію, принесутъ эти идеи въ тотъ-же флотъ, и, въ той или иной мѣрѣ, будутъ примѣнять ихъ и на дѣлѣ. И если флотъ уклонится отъ критики теперь, несправедливо будетъ потомъ обвинять академію въ мертвечинѣ, въ рутинѣ, въ непониманіи того, что нужно флоту и т. п. Тогда уже въ значительной мѣрѣ самъ флотъ будетъ виноватъ въ такомъ положеніи дѣла, которое только въ томъ случаѣ и можетъ имѣть мѣсто, если флотъ будетъ равнодушенъ къ работѣ академіи, и не найдетъ нужнымъ и интереснымъ для себя отнестись критически къ этой работѣ.

Повторяю, я твердо надѣюсь, что этого не будетъ, и что я получу тѣ указанія отъ флота, которыя я вправѣ ожидать отъ него, и единственно для чего я и предпринялъ эту работу.

Если кто либо не найдетъ возможнымъ дать свой печатный отзывъ по разбираемымъ мною вопросамъ, то прошу выразить свое мнѣніе хотя-бы письмомъ, адресуя его на мое имя въ Николаевскую Морскую Академію (С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 11 л. д. 8). Я непремѣнно почту своимъ долгомъ отвѣтить или письмомъ, или въ одномъ изъ слѣдующихъ «этюдовъ». Я былъ-бы сердечно благодаренъ авторамъ печатныхъ отзывовъ объ «этюдахъ», если-бы они нашли возможнымъ извѣщать меня о томъ—въ какомъ изданіи и въ какомъ номерѣ его, помѣщенъ ихъ отзывъ. Иначе боюсь, за невозможностью всегда регулярно читать всю текущую повременную литературу, пропустить какой-либо изъ отзывовъ, что было-бы для меня крайне досадно, такъ какъ, повторяю—вся цѣль этой работы—получить эти отзывы.

Н. Кладо.

I. Что такое стратегія, и какое ея мѣсто среди другихъ военныхъ наукъ.

1. Что такое война. Жизненная дѣятельность государствъ проявляется въ двухъ, очень рѣзко разграниченныхъ между собою областяхъ: въ устройствѣ внутренней своей жизни, и во внѣшнихъ сношеніяхъ — въ установленіи такихъ отношеній между государствами, при которыхъ могли-бы быть соблюдены ихъ общіе, и согласованы—противоположные интересы. Когда объ этихъ послѣднихъ интересахъ возникаетъ споръ, и никто изъ спорящихъ не можетъ, или не хочетъ уступить, остается одинъ путь—рѣшить этотъ споръ силой оружія—войной.

Значитъ война—это одна изъ сторонъ проявленія жизненной дѣятельности государствъ. Состояніе войны характеризуется тѣмъ, что государства рѣшаютъ споръ о согласованіи своихъ противоположныхъ интересовъ, о своихъ правахъ или владѣніяхъ, не путемъ переговоровъ, обосновываемыхъ различными доказательствами юридическаго свойства, а путемъ насилія, посредствомъ своихъ вооруженныхъ силъ.

Внутренняя жизнь государствъ направляется ихъ внутренней политикой, а отношенія ихъ между собою регулируются внѣшней политикой.

Значитъ, война — это продолженіе внѣшней политики съ оружіемъ въ рукахъ. А значитъ веденіе войны связано съ внѣшней политикой, исходитъ изъ нея, и находится отъ нея въ постоянной зависимости. Въ извѣстныхъ случаяхъ и внутренняя политика можетъ привести къ употребленію оружія, и въ этомъ смыслѣ — бунтъ, возстаніе, ихъ подавленіе и междоусобную войну — можно опредѣлить какъ продолженіе, съ оружіемъ въ рукахъ, внутренней политики, и въ этихъ случаяхъ опять, именно эта политика является верховной руководительницей вооруженныхъ силъ.

2. Мѣсто военныхъ наукъ среди остальныхъ. Тѣ науки, которыя изучаютъ разныя стороны жизни человѣческихъ обществъ и государствъ, называются соціальными или общественными. А значитъ, къ числу этихъ наукъ принадлежатъ и военныя.

Государственныя, политическія, экономическія и юридическія науки изучаютъ вопросы объ устройствѣ и сношеніяхъ государствъ, о народномъ хозяйствѣ и объ экономической борьбѣ, о правѣ опредѣляющемъ общественныя отношенія въ государствѣ и отношенія государствъ между собой. Военныя науки отличаются отъ всѣхъ этихъ наукъ лишь тѣмъ, что онѣ изучаютъ вопросы, связанные съ проявленіями дѣятельности государствъ по подготовкѣ населенія и средствъ на случай возникновенія вооруженной борьбы между государствами, и по использованію всей этой подготовки, когда эта борьба имѣетъ мѣсто.

3. Что такое наука. Владиміръ Соловьевъ опредѣляетъ науку (*) «какъ объективно-достовѣрное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка», и говоритъ что «существенные признаки науки какъ такой, или свойства научности сводятся къ двумъ условіямъ: 1) наибольшей провѣренности и доказательности со стороны содержанія, и 2) наибольшей систематичности со стороны формы». При этомъ, по его мнѣнію, «оба эти условія ставятъ науку въ неизбѣжную связь съ философіей, какъ такою областью, въ которой: 1) окончательно провѣряются понятія и принципы, безотчетно *предполагаемые* различными науками, и 2) сводятся къ всеобъемлющему единству всѣ частныя обобщенія этихъ наукъ».

4. Опредѣленіе военной науки и военнаго искусства. Такимъ образомъ, военныя науки, разрабатывающіе вопросы непосредственно связанные съ подготовкой и веденіемъ войны, можно опредѣлить, какъ объективно-достовѣрныя и систематическія познанія о военныхъ явленіяхъ (о войнѣ) со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка. Военное-же искусство — это *умѣнье*, при подготовкѣ и веденіи войны, руководиться положеніями выработанными военными науками.

5. Матеріалъ надъ которымъ работаетъ военная наука. Матеріалъ, надъ которымъ работаютъ военныя науки для вывода своихъ положеній, это: 1) свойства отдѣльныхъ людей и людскихъ массъ, какъ они выражаются въ обстановкѣ войны и въ отношеніи къ войнѣ;

(*) Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXа, стр 692.

2) опытъ прежнихъ войнъ, насколько онъ можетъ быть формулированъ изъ исторіи войнъ на сушѣ и на морѣ; 3) состояніе тѣхъ отдѣловъ техники, современной тому періоду когда производится работа, которые могутъ служить войнѣ.

6. Что должна дать военная наука государству. Практическую задачу военныхъ наукъ можно формулировать такъ: 1) онѣ должны дать государству всѣ необходимыя указанія для созданія и содержанія въ боевой готовности такой военной силы, которая необходима для продолженія въ каждый данный моментъ политики государства силой оружія; 2) онѣ должны указать этой военной силѣ всѣ пути и способы, ведущіе къ побѣдѣ вообще, и въ частности—къ побѣдѣ при борьбѣ съ опредѣленнымъ противникомъ.

7. Задачи военной науки. Для этого военнымъ наукамъ необходимо:

1) изучить сущность (природу) войны, какъ явленія человѣческой жизни, такъ какъ нельзя себѣ представить, что войну могутъ правильно вести, и, сообразно этому, правильно подготовлять, такіе люди, которые не понимаютъ ея природы; вслѣдствіе такого непониманія, они, вмѣсто того чтобы направлять войну въ ея естественное русло, будутъ стремиться направлять ее къ такимъ препятствіямъ, для преодолѣнія которыхъ потребуются затраты лишнихъ силъ и средствъ, чѣмъ умалятся эти силы и средства для одолѣнія противника, т. е. для того, для чего только и ведется война;

2) изучить войну въ ея историческомъ прошломъ, чтобы использовать для настоящаго весь добытый прежними войнами опытъ;

3) изъ этихъ изученій вывести тѣ *неизмѣнныя* положенія (*принципы*), которыми можно руководствоваться при войнѣ вообще, въ какой-бы обстановкѣ она не протекала; вѣдь если такихъ положеній нѣтъ, то нельзя считать военныя явленія подчиняющимися закономѣрности или неизмѣнному порядку, а значитъ и веденіе войны не можетъ быть наукой;

4) изучить всѣ элементы обстановки, въ которой протекаетъ война вообще, и тѣ частности этой обстановки, которыя вызываются съ одной стороны — современнымъ соціальнымъ состояніемъ и стремленіями государствъ, а съ другой—совре-

меннымъ состояніемъ техники, обслуживающей военное дѣло, изъ котораго проистекаетъ современное состояніе различныхъ матеріальныхъ средствъ войны вообще, и въ частности—оружія; такое изученіе необходимо, чтобы ясно представить себѣ все, съ чѣмъ можетъ придтись и придется имѣть дѣло на войнѣ, чтобы познавать войну въ такомъ видѣ, какъ она происходитъ въ дѣйствительности, а не въ умозрительномъ отвлеченіи, чтобы оберечь себя отъ безпочвенныхъ увлеченій и полетовъ фантазіи;

5) изъ этого изученія, проводя выведенные раньше *принципы* черезъ наиболѣе типичныя комбинаціи современной обстановки, вывести условныя (условность ихъ проистекаетъ изъ зависимости ихъ отъ обстановки) отправныя точки (правила и нормы), которыми можно руководствоваться въ современной войнѣ;

6) изъ этого-же изученія, позволяющаго использовать для войны всѣ возможности современной военной техники, выработать такія указанія различнымъ отраслямъ этой техники (напр. кораблестроенію, артиллеріи, военно-инженерному дѣлу, машиностроенію, минному дѣлу, воздухоплаванію и т. п.), чтобы эти отрасли могли работать для военнаго дѣла наиболѣе продуктивно, и чтобы онѣ давали ему, въ предѣлахъ доступныхъ для нихъ возможностей, именно то, что ему нужно, и не уклонялись-бы въ область работы техники для блеска и торжества лишь техники, къ чему наклонность въ техникѣ существуетъ всегда; иначе говоря, военныя науки должны регулировать работу военной техники (*).

Вотъ вся эта работа распредѣляется между четырьмя военными науками: исторіей военнаго искусства, стратегіей, военной организаціей и тактикой.

8. Главная задача исторіи военнаго искусства. Изученіе войны въ историческомъ ея прошломъ беретъ на себя исторія военнаго искусства. Она выбираетъ изъ этого прошлаго именно то, что имѣетъ

(*) В. Соловьевъ въ своемъ опредѣленіи науки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, говоритъ, что «изъ области науки исключаются всѣ чисто фактическія и техническія свѣдѣнія и указанія». Энцикл. Слов. Брокг. и Ефр. Томъ XXа, стр. 692. Клаузевицъ тоже выдѣляетъ технику изъ области теоріи войны (науки), напр. фортификаціонное знаніе и умѣнье. Война. Т. I, стр. 66—69.

характеръ полной неизмѣнности. Судитъ она объ этой неизмѣнности по тому, что это оказывалось въ числѣ причинъ успѣха и неуспѣха совершенно внѣ зависимости отъ обстановки — и на сушѣ и на морѣ, и въ глубокой древности и въ недавнее время, при всякомъ оружіи, и для всякаго народа. Сдѣлавши сводку такихъ историческихъ изслѣдованій, исторія военнаго искусства формулируетъ эти неизмѣнныя составныя части успѣха въ видѣ *принциповъ* военнаго дѣла (подготовки и веденія войны).

9. Что такое принципъ. Слово принципъ для обозначенія этихъ неизмѣнныхъ положеній самое подходящее. Ихъ нельзя назвать аксіомами, изъ которыхъ исходятъ математическія науки, такъ какъ они требуютъ доказательства, напр. путемъ изученія исторіи войнъ. Ихъ нельзя также назвать и законами, которые ложатся въ основу естественныхъ наукъ, такъ какъ законы опредѣляются — какъ количественныя зависимости одного явленія отъ другого, или нѣсколькихъ другихъ, служащихъ причиною перваго или совмѣстныхъ съ нимъ явленій, или какъ количественно выраженныя взаимныя зависимости свойствъ тѣлъ (*). Между тѣмъ — какъ опредѣлить какое-нибудь количественное соотношеніе или зависимость одного соціальнаго, а значитъ и военнаго, явленія отъ другого?

Принципъ-же, или начало, по опредѣленію Владиміра Соловьева (**)—это то, чѣмъ объединяется въ мысли и въ дѣйствительности извѣстная совокупность фактовъ. Вотъ съ такими совокупностями фактовъ мы и имѣемъ обыкновенно дѣло въ соціальныхъ наукахъ вообще, и въ частности въ исторіи войнъ.

Въ приложеніи къ соціальнымъ наукамъ, я опредѣлилъ-бы принципы—какъ *неизмѣнныя* условія (точки зрѣнія), или быть можетъ точнѣе — какъ *неизмѣнныя составныя части* тѣхъ условій, которыя ведутъ къ достиженію опредѣленной цѣли для которой существуетъ наука.

(*) Проф. Петрушевскій. Энцикл. Слов. Брокг. и Ефр. Т. XII, стр. 177.
(**) Энцикл. Слов. Брокг. и Ефр. Т. XXV, стр. 238.

Если напр. цѣль науки—излѣдованіе условій правильнаго устройства общества, то принципы—это будутъ тѣ точки зрѣнія, которыя *неизмѣнно* будутъ способствовать такому устройству, внѣ зависимости отъ мѣста, времени и обстоятельствъ. Напр. таковой явится точка зрѣнія или принципъ справедливости, который непремѣнно долженъ лечь въ одно изъ основаній науки объ устройствѣ общества.

Военная наука, взятая въ общемъ, только для того и существуетъ, чтобы достигнуть побѣды надъ противникомъ. Поэтому принципы военной науки—это тѣ *неизмѣнныя составныя части* тѣхъ условій, которыя ведутъ къ побѣдѣ, и которыя, значитъ, должны быть положены въ основу всякихъ военныхъ дѣйствій и всякой военной подготовки, внѣ зависимости отъ средствъ, времени и мѣста.

Вотъ такіе принципы военнаго дѣла и формулируетъ исторія военнаго искуства. Такой способъ (историческій) вывода этихъ принциповъ—это способъ индуктивный, аналитическій, такъ какъ здѣсь доказательство идетъ регрессивнымъ путемъ—отъ слѣдствій (отдѣльныхъ историческихъ фактовъ) къ причинамъ.

10. Попутная задача исторіи военнаго искусства. Попутно, исторія военнаго искусства отмѣчаетъ національныя особенности и навыки (традиціи) различныхъ народовъ въ военномъ дѣлѣ, и въ особенности своего народа (это одна изъ задачъ у насъ исторіи русскаго военнаго искусства), и даетъ имъ соотвѣтствующую оцѣнку, чтобы можно было учесть и использовать при войнѣ съ опредѣленнымъ противникомъ и эти особенности и навыки, и для себя указать (и это должно быть обстоятельно обосновано въ исторіи русскаго военнаго искусства)—отъ какихъ навыковъ надо избавиться, какія надо бережно хранить и развивать, и какія надо стремиться пріобрѣсти.

11. Задача стратегіи. Вся эта работа исторіи военнаго искусства, какъ исторіи эволюціи идей о веденіи войны, является только частью, правда одной изъ важнѣйшихъ частей, того матеріала надъ которымъ работаетъ стратегія. Работу исторіи военнаго искусства по установленію тѣхъ началъ, которыя устанавливаютъ въ области военныхъ явленій закономѣрность,

стратегія продолжаетъ дальше. Она изучаетъ сущность (природу) войны, какъ извѣстнаго явленія въ человѣческой жизни, и работаетъ надъ тѣмъ, чтобы формулировать принципы подготовки и веденія войны еще и посредствомъ изученія свойствъ духа человѣка и народовъ: 1) по отношенію ихъ къ войнѣ вообще и 2) поставленныхъ въ обстановку современной вооруженной борьбы. Такой способъ (логическій, умозрительный) вывода принциповъ—это способъ дедуктивный, синтетическій, въ которомъ путь доказательствъ—прогрессивный—отъ причинъ къ слѣдствіямъ.

Такимъ образомъ, въ стратегіи военныя явленія получаютъ наиболѣе полное обобщеніе со стороны своей причинности, природы и закономѣрности, или неизмѣннаго порядка. Поэтому, въ извѣстномъ смыслѣ, стратегію можно опредѣлить какъ *философію* военнаго дѣла.

Вѣдь задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы установить основныя истины, могущія служить отправными точками для всѣхъ наукъ, и этимъ она и стремится къ объединенію наукъ, т. е. къ единству науки.

Вотъ, относительно военныхъ наукъ, эту роль и выполняетъ стратегія. Установить основоначала военныхъ явленій, разработать, исходящія изъ этихъ основоначалъ, отправныя точки зрѣнія для всѣхъ остальныхъ военныхъ наукъ—это отвлеченная, теоретическая работа стратегіи, заключающаяся въ формулированіи результатовъ опыта прошедшаго и повѣркѣ этихъ результатовъ изслѣдованіемъ вѣчной сущности (природы) войны. Эту работу можно еще опредѣлить—какъ формулированіе здраваго смысла относительно сущности (природы) военныхъ явленій и задачъ остальныхъ военныхъ наукъ.

12. Практическая работа стратегіи.

Практическая-же работа стратегіи состоитъ въ томъ, что она, базируясь на выработанной ею теоріи, непрерывно изучаетъ современную обстановку войны, и беретъ на себя руководство непрерывной подготовкой государства къ войнѣ,—непрерывной не только потому, что эта подготовка требуетъ чтобы ее постоянно поддерживали, а потому, что эта подготовка все время мѣняется съ

измѣненіемъ обстановки. Затѣмъ, когда начинается война, стратегія руководитъ ея веденіемъ.

Такъ какъ война—это продолженіе политики съ оружіемъ въ рукахъ, то очевидно, стратегія, подготовляющая и ведущая войну, тѣсно связана съ политикой, которая должна ей указать—*съ кѣмъ* и *къ какому времени* слѣдуетъ подготовить войну.

Сама-же политика въ своихъ замыслахъ, начинаніяхъ и дѣйствіяхъ должна все время сообразоваться съ тѣмъ, что уже поспѣла стратегія выполнить изъ поставленныхъ ей политикой задачъ.

Значитъ, практическая задача стратегіи очень сложна,—это разрабатывать *планы подготовки государства къ войнѣ и веденія войны*, поддерживая эти планы все время въ соотвѣтствіи съ *обстановкой*, т. е. 1) съ географическимъ, этнографическимъ и экономическимъ положеніемъ, и съ внутренней и внѣшней политикой какъ своего государства, такъ и возможныхъ его противниковъ, союзниковъ и нейтральныхъ; 2) съ ихъ мѣропріятіями, и 3) съ современнымъ состояніемъ военной науки и военнаго искусства.

13. Остальныя военныя науки выполняютъ указанія стратегіи. Задачи остальныхъ военныхъ наукъ—руководствуясь указаніями стратегіи, *выполнить* соотвѣтственныя части этихъ плановъ. Эти задачи легко выдѣлить изъ задачъ стратегіи, если формулировать тѣ вопросы, на которые приходится отвѣчать стратегіи, и выдѣлить изъ нихъ тѣ, на которые отвѣчаютъ остальныя военныя науки.

На вопросы—*что*, *почему*, *гдѣ*, и *когда должно быть предпринято?*—отвѣчаетъ стратегія. На вопросъ—*какъ все это сдѣлать?*—отвѣчаютъ остальныя военныя науки.

Стратегія, значитъ, указываетъ остальнымъ военнымъ наукамъ тѣ цѣли, къ которымъ онѣ должны стремиться, снабжаетъ ихъ принципами (основами, точками зрѣнія), на которыхъ должна быть основана ихъ дѣятельность, и указываетъ—*что*, *почему*, *гдѣ* и *когда* должно быть сдѣлано, т. е. даетъ имъ *общій планъ мѣропріятій*, выясняя сущность каждаго изъ нихъ и взаимную ихъ связь.

Воспринявъ эти указанія отъ стратегіи, соотвѣтствующія военныя науки занимаются изслѣдованіемъ вопросовъ—*какъ* выполнить указанныя мѣропріятія на дѣлѣ.

14. Что должна указывать стратегія.

Въ чемъ-же состоятъ эти указанія стратегіи?

Воспринявши отъ политики тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ надо стремиться при различныхъ комбинаціяхъ возможныхъ вооруженныхъ столкновеній, стратегія, сообразуясь съ обстановкой (въ чемъ состоитъ обстановка было указано выше), должна опредѣлить: мощность и характеръ различныхъ отраслей военныхъ силъ государства (напр. мощность арміи, флота, воздушныхъ силъ); она должна указать—какъ эти силы должны быть распредѣлены (дислокація арміи, флота и воздушныхъ силъ, расположеніе сухопутныхъ и приморскихъ крѣпостей), какіе должны быть созданы для нихъ въ государствѣ рессурсы (отрасли промышленности, пути сообщенія, заводы, характеръ воспитанія и обученія народа въ той мѣрѣ, въ которой онъ способствуетъ подготовкѣ населенія къ войнѣ), и на какихъ основахъ должно быть организовано управленіе военными силами и ихъ рессурсами.

Послѣ того какъ война уже началась, стратегія, въ зависимости отъ исходнаго распредѣленія своихъ силъ и предполагаемаго непріятельскаго, указываетъ—какія цѣли должны себѣ поставить военныя силы, какія для этого должны быть сдѣланы передвиженія этихъ силъ, и намѣчаетъ мѣсто и время первыхъ столкновеній.

Въ дальнѣйшихъ подобныхъ своихъ указаніяхъ стратегія считается съ результатами каждаго значащаго столкновенія съ противникомъ, съ каждымъ новымъ значащимъ извѣстіемъ о непріятелѣ, и съ тѣми событіями внѣшней и внутренней политики, которыя могутъ вліять на ходъ военныхъ дѣйствій.

При всемъ этомъ стратегія стремится направлять всѣ дѣйствія военной силы къ достиженію намѣченной ею главной цѣли для данной войны, но только до тѣхъ поръ пока эта цѣль достижима и полезна. Въ противномъ случаѣ, руководствуясь оцѣнкой вышеуказанныхъ обстоятельствъ, мѣняется

и главная цѣль, и всѣ дальнѣйшія указанія стратегіи уже приспособляются къ этой новой цѣли.

Однимъ словомъ, стратегія, направляя въ мирное время подготовку вооруженныхъ силъ, а во время войны—ихъ дѣйствія, согласно съ выработанными ею принципами, правилами, и нормами, постоянно считается съ обстановкой, и этимъ обусловливаетъ *практичность* своей дѣятельности.

15. Задача военной организаціи. Получивъ соотвѣтственныя указанія отъ стратегіи, военная организація разрабатываетъ вопросы—*какъ* долженъ быть распредѣленъ и организованъ трудъ исполненія этихъ указаній между различными отраслями военнаго дѣла (отдѣлами военной техники) и военными организмами (административными, хозяйственными и тактическими, т. е. боевыми).

16. Задачи отраслей военнаго дѣла и военныхъ организмовъ. Въ свою очередь, каждая изъ отраслей военнаго дѣла (артиллерія, инженерное дѣло, кораблестроеніе и т. п.) и каждый военный организмъ (управленіе, штабъ, крѣпость, эскадра, полкъ, корабль и т. п.), поставленные на свое мѣсто, и получившіе соотвѣтственную организацію, разрабатываютъ, каждый въ отведенной ему области, способы—*какъ* именно должны быть выполнены указанія стратегіи.

17. Задача тактики. Въ свою очередь, *тактика,* воспринявъ отъ стратегіи, истекающія изъ природы (сущности) войны, основы для веденія военныхъ дѣйствій, и, получивъ отъ организаціи соотвѣтственныя *формы,* въ видѣ извѣстнымъ образомъ скомбинированныхъ людей, боевыхъ средствъ и источниковъ ихъ пополненія, указываетъ—*какъ* должны производиться тѣ боевыя дѣйствія, которыя предписываются стратегіей, и какъ надо готовить къ этому различные тактическіе организмы.

18. Стратегія въ опредѣленіи Леера. Все что было сказано въ достаточной мѣрѣ выясняетъ предметъ, задачи и область стратегіи какъ науки. Существуетъ много различныхъ краткихъ формулъ, имѣющихъ цѣлью дать опредѣленіе стратегіи, но краткость ихъ далеко не въ пользу ихъ ясности, и все равно, давши такое опредѣленіе, приходится его потомъ очень подробно объяснять. Самое лучшее изъ такихъ опредѣленій, на

мой взглядъ, принадлежитъ Лееру, и потому имъ однимъ я и ограничусь.

«Всѣ элементарныя военныя науки», говоритъ Лееръ (*) «изслѣдуютъ вопросъ о военныхъ дѣйствіяхъ, каждая съ своей точки зрѣнія: тактика съ точки боя, фортификація съ точки мѣстности, артиллерія съ точки употребленія оружія...— *аналитически*, и въ этой работѣ анализа заключается громадная ихъ польза, въ дѣлѣ выясненія *сущности* (свойствъ, природы) военныхъ элементовъ; но въ концѣ концовъ всѣ онѣ, въ своихъ выводахъ, *односторонни*. Насколько ихъ выводы вѣрны какъ *частные*, настолько они невѣрны какъ *общіе выводы*».

«Единственный путь къ полученію правильныхъ общихъ выводовъ въ вопросѣ о военныхъ операціяхъ заключается въ томъ, чтобы смотрѣть на *дѣло въ цѣломъ* его объемѣ, изслѣдовать *со всѣхъ сторонъ*, *во взаимной связи* послѣднихъ между собою, т. е. *синтетически*, что въ особенности важно по отношенію къ такимъ *сложнымъ* вопросамъ, какъ вопросы военные. Нигдѣ не такъ важно, какъ именно здѣсь, искусство смотрѣть на дѣло въ цѣломъ».

«Такова задача стратегіи».

«Стратегія въ *широкомъ смыслѣ* есть синтезисъ всего военнаго дѣла, его обобщеніе, его философія. Она является сведеніемъ въ одно общее русло всѣхъ отдѣльныхъ ученій о войнѣ. Какъ философія вообще стремится къ объясненію міровыхъ явленій, такъ и стратегія, понимаемая въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ философія военнаго дѣла, имѣетъ задачею объясненіе военныхъ явленій, не только каждаго по одиночкѣ, но и въ особенности—общей связи между ними».

«Стратегія въ болѣе *тѣсномъ смыслѣ*—это трактатъ объ операціяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, т. е. тактика театра военныхъ дѣйствій, въ противуположность тактикѣ поля сраженія, *начальной тактикѣ*. Понимаемая въ этомъ смыслѣ, стратегія обращается собственно въ *высшую тактику*, какъ ее и называлъ обыкновенно Наполеонъ I».

(*) *Лееръ*. Стратегія. Часть I. стр. 1.

Лееръ свой курсъ стратегіи написалъ именно въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и потому назвалъ его: «Стратегія (тактика театра военныхъ дѣйствій)». Онъ считалъ (*), что «стратегія какъ наука, *въ полномъ ея объемѣ*, не можетъ быть предметомъ теоретическаго преподаванія въ школѣ, предметомъ учебнаго курса», и указываетъ что «эта широкая задача, въ полномъ ея объемѣ, оказалась не подъ силу даже такимъ выдающимся мыслителямъ, какъ Клаузевицъ, Жомини, Ллойдъ, что и вполнѣ естественно, разъ—какъ теорія не можетъ перечислить даже *всѣхъ* элементовъ, вліяющихъ на веденіе войны, а должна ограничиваться лишь главными».

«Всю обстановку» говоритъ Лееръ, «въ полной ея цѣлости, до самыхъ мелкихъ обстоятельствъ, вліяющихъ на веденіе военныхъ дѣйствій, можетъ дать только военная исторія, которая поэтому и считалась Наполеономъ *единственнымъ* средствомъ проникнуть въ тайны высшей части военнаго искусства».

19. Почему въ «этюдахъ по стратегіи» ее можно трактовать въ широкомъ смыслѣ—какъ философію военнаго дѣла.

Конечно такую широкую область никакой *курсъ* захватить не можетъ—эта область самостоятельной, индивидуальной работы каждаго по изученію различныхъ вопросовъ, относящихся къ веденію войны.

Безъ всякаго сомнѣнія, если бы я приступалъ теперь къ составленію *курса* стратегіи, я не рѣшился бы сдѣлать попытку шагнуть дальше, чѣмъ это могъ сдѣлать Лееръ. Но этого намѣренія у меня, по причинамъ указаннымъ въ предисловіи, пока нѣтъ. Я выступаю только съ рядомъ «этюдовъ» по различнымъ вопросамъ стратегіи, только съ матеріаломъ для курса. Въ курсѣ должна быть полная гармонія по соотношенію различныхъ его частей, тамъ не должно быть пропусковъ, и едва затронутыхъ, по какимъ бы это причинамъ ни происходило, вопросовъ. Къ «этюдамъ» же не можетъ быть предъявлено такое требованіе. Они могутъ трактовать различные вопросы, выбранные то изъ одного, то изъ другого отдѣла стратегіи.

(*) Лееръ. Стратегія. Предисловіе.

Въ нихъ одинъ вопросъ можетъ быть разработанъ очень подробно, а другой — только намѣченъ, въ зависимости отъ имѣемаго матеріала, съ опредѣленной цѣлью — вызвать по этому вопросу обмѣнъ мнѣній, чтобы на основаніи этого рѣшить — стоитъ ли разрабатывать его въ такой степени, чтобы можно его было помѣстить въ курсъ или нѣтъ. Такіе вопросы, въ видѣ опыта, излагаются мною въ академіи и въ лекціяхъ, и даже проводятся черезъ экзаменъ—все съ тою же цѣлью, составить себѣ ясное представленіе о томъ—каковъ же долженъ быть тотъ курсъ стратегіи, который явился бы наиболѣе пригоднымъ для его изученія и примѣненія всякимъ строевымъ офицеромъ.

20. Планъ матеріала для «этюдовъ по стратегіи». Поэтому намѣченный мною пока планъ, откуда я буду выбирать тотъ или другой вопросъ какъ матеріалъ для «этюдовъ», имѣетъ въ виду стратегію въ широкомъ смыслѣ этого слова — какъ философію военнаго дѣла. Этотъ планъ я считаю необходимымъ здѣсь привести, чтобы была понятна связь между различными «этюдами», и видно бы было то мѣсто, которое каждый изъ нихъ занимаетъ въ области стратегіи, какъ въ обобщеніи всего военнаго дѣла. Считаю, что этотъ планъ можетъ оказаться еще не безполезнымъ и вотъ для чего. Навѣрно не мало офицеровъ во флотѣ у насъ думаютъ и работаютъ надъ различными вопросами по стратегіи. Каждый изъ нихъ конечно составляетъ извѣстный планъ своей работы, и конечно прежде всего задаетъ себѣ вопросъ—какое мѣсто занимаетъ затронутая имъ область въ наукѣ о подготовкѣ и о веденіи войны.

Для пользы флота, чтобы скорѣе достигнуть ощутительныхъ для него результатовъ разработки этой науки, надо сплотить эти работы, надо достигнуть единства мысли, хотя-бы въ планѣ этихъ работъ, хотя-бы въ опредѣленіи того, что именно нужно разрабатывать.

Для этого нужно дѣлиться съ другими этими планами, и это я и дѣлаю.

Однако раньше чѣмъ изложить самый планъ, надо еще нѣсколько словъ предварительныхъ къ нему объясненій.

Стратегія какъ военная наука (опредѣленіе военной науки дано въ началѣ этого этюда)—это *теорія* дѣла. Это только подготовка къ стратегіи, какъ къ военному искусству, какъ къ *умѣнью* подготовлять и вести войну т. е. къ *практической* стратегіи, и даже, хотя и очень важная, но вмѣстѣ съ тѣмъ только и очень незначительная, часть этой подготовки. Эта подготовка должна быть дополнена опытомъ, и чтобы она дала *дѣйствительное умѣнье*, нуженъ въ той или иной мѣрѣ собственный творческій *талантъ* исполнителя.

Такъ вотъ весь мой планъ относится только до разработки стратегіи, какъ военной науки, т. е. только къ теоріи стратегіи. Но и теорія можетъ быть разбита на два главныхъ отдѣла—на отдѣлъ чисто теоретическій и на отдѣлъ прикладной. Въ этомъ смыслѣ и употреблены въ планѣ выраженія *теорія стратегіи* и *прикладная стратегія*. Первая—это изслѣдованіе природы (сущности) войны, сущности различныхъ элементовъ обстановки, и сущности средствъ войны, и она заканчивается окончательной формулировкой принциповъ подготовки и веденія войны, и тѣхъ правилъ и нормъ, которыя проистекаютъ изъ комбинаціи принциповъ съ нѣкоторыми элементами обстановки, и при томъ только съ тѣми сторонами этихъ элементовъ, которыя представляютъ изъ себя ихъ сущность (природу), а не какую либо только ихъ разновидность.

Прикладная стратегія — это *теорія* примѣненія выводовъ перваго отдѣла къ различнымъ вопросамъ подготовки и веденія войны.

Такое раздѣленіе подобно тому, которое существуетъ и въ другихъ наукахъ.

Самый планъ изображаетъ изъ себя разбивку (классификацію) стратегическаго матеріала по крупнымъ отдѣламъ, и въ каждомъ изъ нихъ—по отдѣльнымъ вопросамъ. Если-бы дѣло шло о курсѣ, то это была-бы программа курса, если—о книгѣ, то—ея оглавленіе.

21. Разбивка стратегическаго матеріала.

Разбивка стратегическаго матеріала.

А. Природа войны

(Теорія стратегіи).

I. Сущность войны какъ явленія общественной жизни.

1. Необходимость для военнаго сословія сознательно относиться къ войнѣ, какъ къ явленію общественной жизни.

2. Природа насилія и его роль въ жизни человѣчества.

3. Причины войнъ и ихъ неустранимость.

II. Обстановка войны.

4. Значеніе и сущность обстановки. Здравый смыслъ и рутина, какъ опредѣлители пониманія обстановки.

5. Разбивка (классификація) обстановки по элементамъ.

6. Ограниченія развитія крайняго напряженія силъ на войнѣ различными элементами обстановки.

7. Политика. 8. Союзники. 9. Международное право. 10. Общественное мнѣніе. 11. Внутреннія тренія въ военной силѣ. 12. Военная тайна. 13. Разсчетъ и случай.

14. Опасность. Психологія отдѣльнаго человѣка и организованной толпы въ сферѣ опасности.

15. Экономическая обстановка войны.

16. Отраженіе національныхъ особенностей на обстановкѣ войны.

17. Особенности обстановки морской войны.

III. Средства войны.

18. Матеріальный элементъ военной силы. 19. Моральный элементъ военной силы. 20. Наступленіе и оборона (выжиданіе).

21. Бой. 22. Угроза. 23. Рискъ. 24. Хитрость.

IV. Обоснованіе и формулированіе принциповъ, правилъ и нормъ военнаго дѣла.

25. Методы обоснованія принциповъ—дедуктивный и индуктивный.

26. Принципъ крайняго напряженія силъ, какъ способъ приложенія на дѣлѣ всѣхъ остальныхъ принциповъ.

27. Принципы веденія войны. 28. Принципы организаціи. 29. О принципахъ вообще.

30. Правила и нормы, какъ выводы изъ приложенія принциповъ къ сущности наиболѣе типичныхъ обстановокъ. Правила и нормы въ морской войнѣ.

Б. Подготовка и веденіе войны.

(Прикладная стратегія).

а. Подготовка войны.

(Планъ войны и планы кампаній).

I. О стратегическомъ замыслѣ.

(Ученіе объ операціонной линіи).

31. Важность цѣли стратегическаго замысла. 32. Условія удобства стратегическаго замысла (условія удобства при выборѣ направленія дѣйствій для достиженія цѣли). 33. Условія безопасности стратегическаго замысла.

34. Простой и сложный стратегическій замыселъ. (Простыя и сложныя операціонныя линіи). 35. Цѣлесообразность раздѣленія силъ въ зависимости отъ обстановки.

36. Война, кампанія и операція. Разбивка (классификація) операцій. 37. Планъ войны и планы кампаній.

II. Элементы подготовки войны.

38. Относительное значеніе и связь между собою различныхъ видовъ военной силы.

39. Разсчетъ мощности военной силы государства и распредѣленіе этой мощности между различными видами военной силы, въ зависимости отъ политики государства и отъ его географическаго положенія.

40. Общая система обороны государства.

41. Политическая подготовка войны.

42. Изученіе противника. 43. Подготовка театровъ войны. Базы.

44. Дислокація военной силы.

45. Созданіе военной силы и ея рессурсовъ и поддержаніе ихъ на уровнѣ современности. Военныя смѣты и программы.

46. Организація военной силы. Вліяніе національныхъ особенностей на организацію.

б. Веденіе войны.

(Выполненіе плана кампаніи).

I. Направляющіе элементы веденія войны.

47. Искусство руководительства. 48. Управленіе военной силой. Военные совѣты. 49. Планы операцій.

II. Подготовительныя операціи.

50. Мобилизація. 51. Стратегическое развертываніе. 52. Оборудованіе театра войны въ періоды вѣроятности и неизбѣжности войны.

III. Главныя операціи.

53. Развѣдка. 54. Стратегическое маневрированіе. 55. Цѣлесообразность различныхъ видовъ боевыхъ дѣйствій. 56. Стратегическое преслѣдованіе и отступленіе.

IV. Дополнительныя операціи.

57. Пути сообщенія съ базами (коммуникаціонныя линіи) и пути отступленія.

58. Организація и оборудованіе тыла. 59. Дополнительное оборудованіе операціонной зоны. Маневренныя базы.

V. Особенныя (частныя) операціи.

60. Оборона береговъ. 61. Смѣшанныя операціи. 62. Дѣйствія въ рѣкахъ. 63. Дѣйствія въ шхерахъ. 64. Крейсерская война. 65. Горная война. 66. Степная война. 67. Дѣйствія противъ государствъ съ низкой культурой.

Вотъ изъ этого матеріала я и буду выбирать темы для «этюдовъ по стратегіи».

Но раньше чѣмъ приступить къ этому матеріалу, мнѣ придется еще остановиться на вопросахъ о значеніи вообще теоріи въ военномъ дѣлѣ, и о методѣ обработки стратегическаго матеріала, а также дать краткій очеркъ развитія стратегіи какъ науки, въ приложеніи ея къ веденію войны на сушѣ и на морѣ. Кромѣ того считаю необходимымъ дать обзоръ литературы по стратегіи. Это и будутъ темы первыхъ послѣдующихъ «этюдовъ по стратегіи».

II. Теорія въ военномъ дѣлѣ.

1. Что такое теорія. Въ предыдущемъ этюдѣ (I. 20) (*) я указалъ, что область предпринятой мной работы обнимаетъ только *теорію* стратегіи, такъ какъ стратегическое искусство (*практическая* стратегія) не дается никакими разсужденіями и никакимъ изученіемъ какихъ-либо курсовъ стратегіи. Оно является только результатомъ *опыта* въ приложеніи въ дѣйствительной жизни положеній теоріи, и степени творческаго *таланта* практическаго дѣятеля. Вотъ, что бы охарактеризовать точнѣе выбранную мною область, я считаю необходимымъ остановиться на значеніи теоріи въ такомъ, казалось-бы чисто практическомъ дѣлѣ, какъ война.

Вообще, теорію во всякой области можно опредѣлить какъ изслѣдованный, обобщенный и сведенный въ систему прежній опытъ. Въ каждый данный моментъ такая сводка даетъ то, что въ извѣстномъ дѣлѣ можетъ быть отмѣчено какъ неизмѣнное или закономѣрное. Примѣненіе такой сводки на практикѣ даетъ дальнѣйшій опытъ, который, въ свою очередь, идетъ въ дѣло для дальнѣйшей сводки и т. д.... Понятіе о теоріи само собой связывается съ представленіемъ о наукѣ, которая тоже исходитъ изъ опыта. Какъ говоритъ соціологъ А. И. Стронинъ «Умѣнье предшествуетъ знанію, эмпирическое искусство предшествуетъ наукѣ. Вышедши изъ искусства, наука и оканчиваетъ искусствомъ (искусство—это умѣнье примѣнять науку къ практическому дѣлу); но то было слѣпымъ, эмпирическимъ, безсознательнымъ, а это является зрячимъ, раціональнымъ, сознающимъ себя. Начало—эмпирическое искусство, конецъ—раціональное».

(*) Римская цифра означаетъ номеръ этюда; арабская—номеръ бокового заголовка.

Такъ очевидно создавалось и военное искусство, питая и взращивая своимъ опытомъ военную науку, отлагая въ ней этотъ опытъ въ кристаллическомъ видѣ—въ видѣ теоріи, и все время исходя изъ нея въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, какъ стебель исходитъ изъ зерна, чтобы выработать, въ свою очередь зерно еще высшаго качества, еще болѣе плодородное и еще лучше приспособленное къ условіямъ почвы и климата.

Итакъ, *теорія* въ военномъ дѣлѣ—*это* изслѣдованный, обобщенный, и сведенный въ систему (*кристаллизированный*) *опытъ всѣхъ предыдущихъ войнъ и эволюціи военнаго дѣла въ мирное время.* А значитъ теорія тѣсно связана съ опытомъ, такъ какъ исходитъ изъ опыта бывшаго и питаетъ опытъ настоящаго. Теорія—это наслѣдіе прошедшаго, приспособленное для примѣненія въ настоящемъ. А приспособленіе это состоитъ въ томъ, что теорія отбираетъ и систематизируетъ изъ прошлаго лишь то, что пригодно для обстановки настоящаго или потому, что это отобранное таково, что вообще оно не зависитъ ни отъ какой обстановки, или оно выказало свои достоинства въ обстановкѣ столь близко подходящей къ настоящей, что можетъ быть къ ней примѣнено въ достаточной мѣрѣ выгодно.

2. Противорѣчіе между теоріей и практикой, внѣ извѣстныхъ предѣловъ, неестественно.

При такомъ опредѣленіи теоріи, очевидно, всякое существенное и глубокое противорѣчіе между теоріей и практикой и неестественно и немыслимо. И если такія противорѣчія все-таки имѣютъ мѣсто, то значитъ это явный признакъ, что либо теорія, либо практика перешли извѣстный предѣлъ въ уклоненіи отъ естественнаго порядка—отъ разумнаго примѣненія выводовъ изъ прошлаго къ обстановкѣ настоящаго. Я нарочно сказалъ «перешли извѣстный предѣлъ», такъ какъ, въ «извѣстныхъ предѣлахъ», такія уклоненія какъ съ той, такъ и съ другой стороны — совершенно неизбѣжны. Теорія, приспособляя выводы изъ опыта прошедшаго къ современной обстановкѣ, можетъ въ извѣстной мѣрѣ ошибаться въ оцѣнкѣ этой обстановки, а значитъ можетъ ошибаться и въ своихъ предположеніяхъ относительно примѣнимости тѣхъ условныхъ

положеній теоріи (правилъ и нормъ), которыя вытекаютъ изъ приложенія безусловныхъ положеній (принциповъ) къ сущности той или другой типичной комбинаціи обстановки. Практика, съ своей стороны, можетъ «перейти предѣлъ» въ томъ отношеніи, что, замѣтивъ эти ошибки теоріи, можетъ слишкомъ поспѣшно признать ихъ за таковыя, не провѣривъ тщательно предложеній теоріи на опытѣ, и перенося свое, иногда и обоснованное, недовѣріе къ извѣстнымъ положеніямъ теоріи и на другія ея положенія, совершенно такого отношенія не заслуживающія. Если прибавить къ такимъ уклоненіямъ извѣстное увлеченіе и страстность съ обѣихъ сторонъ, и извѣстную долю отчужденія, неизбѣжную для людей работающихъ, хотя и въ крѣпко между собою связанныхъ, но, по характеру самой работы, все-таки разныхъ областяхъ, то въ «извѣстныхъ предѣлахъ» разнорѣчіе и споръ между теоріей и практикой вполнѣ естественны. Обѣ онѣ въ каждый данный моментъ работаютъ параллельно для достиженія той же самой цѣли,—наиболѣе цѣлесообразной подготовки къ войнѣ и веденія войны, но пока еще практика не успѣла провѣрить на опытѣ въ современной мирной или боевой обстановкѣ послѣднее слово теоріи, и не успѣла еще передать свой послѣдній опытъ теоріи для анализа и систематизаціи, и пока теорія еще этой работы не выполнила, обѣ онѣ временами не совсѣмъ понимаютъ другъ друга, иногда порываются другъ отъ друга въ разныя стороны. Но это явленіе, хотя и вполнѣ естественное, проистекающее изъ того, что работа идетъ одновременно въ разныхъ областяхъ,—чисто временное въ томъ смыслѣ, что оно характеризуетъ въ каждый данный моментъ только всегда незаконченный конецъ работы по существу безконечной. Уже въ слѣдующій моментъ это разногласіе продвинулось впередъ—къ новой обстановкѣ новаго момента—а на томъ мѣстѣ, гдѣ въ предыдущій моментъ было разногласіе, опытъ уже слился съ теоріей въ томъ смыслѣ, что онъ уже поглощенъ и переваренъ ею, и все не нужное изъ прежняго для дальнѣйшаго роста и жизни организма уже выброшено.

Чѣмъ быстрѣе и съ меньшими треніями совершается этотъ безконечный и вполнѣ естественный процессъ, тѣмъ это лучше

для дѣла—тѣмъ ближе все та же, но вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянно новая по обстановкѣ цѣль—наиболѣе цѣлесообразная подготовка къ войнѣ и веденіе войны. А главный залогъ этой быстроты процесса и отсутствія вредныхъ треній—ясное пониманіе и въ области теоріи и въ области практики, что теорія и практика по существу не отдѣлимы, что онѣ имѣютъ смыслъ и полезны для достиженія общей цѣли только въ той мѣрѣ, по сколько онѣ истекаютъ другъ изъ друга, что противорѣчія ихъ—только естественныя послѣдствія несовершенства всякой человѣческой творческой работы, что какъ только оказались такія противорѣчія, надо сейчасъ же дружными усиліями съ обѣихъ сторонъ ихъ сгладить и примирить, что способствовать этимъ противорѣчіямъ и давать имъ развиваться—огромный вредъ для дѣла, такъ какъ задерживаетъ его естественное развитіе.

3. Въ дѣйствительности часто рознь между теоріей и практикой переходитъ естественные предѣлы.

Быть можетъ мнѣ скажутъ—стоитъ ли тратить столько словъ, чтобы пояснять то что собственно понятно каждому безъ всякихъ поясненій? Не излишняя ли это «метафизика» («а что есть вервіе?») въ такомъ простомъ дѣлѣ? Кто же, собственно будетъ спорить противъ того, что во всякомъ дѣлѣ теорія должна идти рука объ руку съ практикой?

Но вотъ въ томъ то и дѣло, что дѣйствительно *спорить* противъ этого никто не будетъ, а *дѣлаютъ* сплошь и рядомъ такъ, какъ будто истиной признается положеніе совершенно противуположное. На *словахъ* одно, а на дѣлѣ—другое. Да и на словахъ не всегда такъ. Эту странную рознь отмѣчаетъ напр. графъ Л. Толстой. «Меня всегда удивляютъ» говоритъ онъ (*) «часто повторяемыя слова: да это такъ по теоріи, но на практикѣ-то какъ? Точно какъ будто теорія это какія-то хорошія слова, нужныя для разговора, но не для того, чтобы вся практика, т. е. вся дѣятельность неизбѣжно основывалась на ней».

(*) Мысли вызванныя переписью. Полн. собр. соч. 1886 г., ч. XII, стр. 252—254.

А разъ *дѣйствительность* такова, разъ такая дѣйствительность вредна для военнаго дѣла, военная наука не имѣетъ права отмахиваться отъ такой дѣйствительности, пройти мимо нея, пренебречь ею. Она должна изслѣдовать это явленіе, найти его причины и дать указанія—какъ его избѣгнуть или умалить на сколько возможно его вредное вліяніе.

Вотъ почему я счелъ необходимымъ точно опредѣлить—что такое теорія. Это опредѣленіе показываетъ, что теорія и практика—это одно нераздѣльное цѣлое, лишь временно развѣтвляющееся для удобства работы, чтобы немедленно вслѣдъ за этимъ слиться цѣликомъ. И если нельзя опровергнуть это опредѣленіе и приходится принять его, то послѣ того прямо нелѣпо противупоставлять практику теоріи, такъ какъ въ этомъ случаѣ практикѣ приходится отрицать значеніе выводовъ изъ опыта, т. е. саму себя. А значитъ, разъ такая нелѣпость имѣетъ все таки мѣсто, одна изъ причинъ этого—въ лучшемъ случаѣ, безсознательность въ своемъ дѣлѣ, невѣжество—въ худшемъ. А значитъ одинъ изъ способовъ борьбы съ такимъ нелѣпымъ явленіемъ, быть можетъ даже единственный способъ, это—познаніе, образованіе, главнымъ образомъ—высшее образованіе.

4. Что такое высшее военное образованіе.

Вѣдь образованіе на своихъ различныхъ ступеняхъ — низшей, средней и высшей, къ какой-бы области знанія оно ни относилось, отличается именно степенью сознательности въ области этого знанія. Высшее образованіе именно и характеризуется наивысшей доступной въ извѣстной области знанія сознательностью. Оно ничего не принимаетъ на вѣру, все анализируетъ, все стремится доказать, и пріостанавливается только передъ также доказанной невозможностью это сдѣлать при современномъ состояніи изучаемой отрасли знанія.

Вотъ въ этой *сознательности* и заключается главный смыслъ и польза для военнаго дѣла высшаго военнаго образованія. Его распространеніе въ военной средѣ, повторяю, быть можетъ единственный способъ борьбы съ такой напр. нелѣпостью, какъ противупоставленіе практики теоріи.

5. Военные геніи и военная наука.

На сколько именно *безсознательно* такое противупоставленіе, показываетъ очень часто встрѣчаемое, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень характерное, противупоставленіе теоріи и наукѣ таланта и генія.

«Какая забота строевому составу флота и арміи углубляться въ бездну премудрости, когда въ сущности все дѣло обстоитъ значительно проще», говоритъ (*) морской офицеръ, командиръ корабля, имѣющій значительный и служебный и боевой опытъ. «Развѣ Александръ Невскій, Дмитрій Донской, Петръ Великій, Суворовъ и другіе (читай другіе военные таланты и геніи) выдержали-бы экзамены даже въ юнкерское училище, а не только въ академію генеральнаго штаба, однако они оставили послѣ себя безсмертные образцы своего искусства».

Значитъ мысль такая: военные геніи и таланты и безъ всякой науки и теоріи умѣютъ хорошо готовить и вести войну, и имъ достаточно быть только практиками своего дѣла; а тогда, собственно, ни къ чему и военная наука и какая либо теорія военнаго дѣла.

Во первыхъ, это неправда. Біографіи великихъ военныхъ людей доказываютъ намъ, что всѣ они тщательно изучали военную науку своего времени, которая была доступна въ былыя времена только въ видѣ изученія дѣяній великихъ ихъ предшественниковъ.

«Единственнымъ средствомъ для того, чтобы проникнуть въ тайны высшей части искусства» говоритъ Наполеонъ (**) «являются опытъ и изученіе военной исторіи, въ особенности походовъ великихъ полководцевъ... читайте и перечитывайте ихъ походы, подражайте имъ,—вотъ единственное средство сдѣлаться великимъ полководцемъ и проникнуть въ тайны военнаго дѣла.... если хотите знать, какъ даются и ведутся сраженія, то изучите 150 сраженій данныхъ великими полководцами...».

(*) Газета «Котлинъ» отъ 5 октября 1906 г., статья «Нѣкоторые выводы изъ Шантунгскаго и Цусимскаго сраженія».

(**) Лееръ. Стратегія. Изд. V. Ч. I. Приложенія, стр. 143.

«Обладая громаднымъ военнымъ и общимъ образованіемъ» говоритъ про Суворова современный военный писатель (*) «зная нѣсколько языковъ, выписывая положительно всѣ лучшіе журналы Европы, этомъ Великій человѣкъ рекомендовалъ широкое военное образованіе и своимъ подчиненнымъ».

«Генералу» говорилъ онъ: *«необходимо непрерывное образованіе себя науками съ помощью чтеніевъ»* «читай Юлія Кесаря, Аннибала и Бонапарта» отвѣчалъ онъ на вопросъ, какъ сдѣлаться хорошимъ полководцемъ, указавъ, такимъ образомъ тотъ-же путь къ познанію военнаго дѣла, какой впослѣдствіи указалъ и Наполеонъ».

«Выбери себѣ героя», прибавлялъ онъ, «иди за нимъ догоняй его, поровняйся съ нимъ, обгони его. Я выбралъ Цезаря».

«Суворовъ» говоритъ другой современный военный писатель (**) «указалъ даже методъ самообразованія: сначала уставъ (это нужно для ежедневнаго обихода), затѣмъ принципы, потомъ ближайшія войны (особенно свои); послѣ этого—для довершенія образованія—и древнѣйшія».

Уже на о-вѣ Св. Елены Наполеонъ писалъ (***): «Всѣ великіе полководцы древности и тѣ, которые позже достойнымъ образомъ шли по ихъ слѣдамъ, творили великія дѣла только потому, что слѣдовали правиламъ и естественнымъ принципамъ искусства въ дѣлѣ комбинацій, въ дѣлѣ строгаго соотвѣтствія средствъ къ ихъ дѣйствію и напряженія соотвѣтственно мѣры затрудненій. Они потому только и имѣли успѣхъ, что примѣнялись къ нимъ. *Они никогда не переставали изъ войны создавать истинную науку. И въ этомъ только* они намъ должны служить великимъ примѣромъ, и только подражая имъ, можно разсчитывать къ нимъ приблизиться».

(*) Морозовъ. Воспитаніе генерала и офицера, какъ основа побѣдъ и пораженій. 2 изд. 1910 г., стр. 15.

(**) Незнамовъ. Требованія, которыя предъявляетъ современный бой къ подготовкѣ (обученію) начальниковъ и массъ. 1909 г. стр. 6, 7 и 37.

(***) Mémoires de St. Hélène, p. 238.

Наполеонъ считалъ, что теорія очень много можетъ помочь полководцу. Въ 1813 г., получивъ извѣстіе о пораженіи подъ Денневицемъ Нея, который надѣлалъ тамъ много ошибокъ, онъ не поставилъ ему этого въ вину, и считалъ главной причиной пораженія не эти ошибки, а *трудность* военнаго искусства, которое «еще не было должнымъ образомъ объяснено».

«Если» прибавилъ Наполеонъ (*), «буду когда нибудь имѣть свободное время, то напишу книгу, въ которой изложу основанія (les principes) военнаго дѣла съ такой ясностью, что ихъ поймутъ всѣ военные люди, и можно будетъ изучать войну, какъ изучаютъ науки».

Но не въ этой неправдѣ здѣсь главное. Главное-же въ томъ, что наука и теорія признаются ненужными потому, что онѣ будто-бы не нужны талантамъ и геніямъ. И хотя сами таланты и геніи этого не признавали, и считали, что имъ нужно учиться, чтобы сдѣлаться мастерами дѣла, но въ этомъ есть и доля правды. Таланты и геніи въ извѣстной области тѣмъ и выдѣляются изъ общей массы, что они понимаютъ и видятъ сразу, или очень легко то, что другіе усваиваютъ съ большимъ трудомъ. Ихъ теорія—это ихъ дѣйствительный здравый смыслъ, ихъ способность быстраго проникновенія въ сущность дѣла, и, дѣйствительно, они въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ остальные, могутъ обходиться безъ помощи теоріи и науки. Но, какъ мы видѣли выше, они этого сами не думаютъ, и именно потому что они таланты и геніи, такъ какъ тѣ-же природныя ихъ дарованія даютъ имъ пониманіе огромной важности и для нихъ учиться, и остерегаютъ ихъ отъ самомнѣнія. Это ужъ извѣстно давно, что самомнѣніе и презрѣніе къ наукѣ—это удѣлъ посредственности, и въ особенности тупости и невѣжества.

6. Средніе люди и военная наука.

Но въ томъ-то и дѣло, что если талантъ и геній могутъ обойтись безъ науки, то это совершенно недоступно среднему человѣку. Его способъ мышленія, сравнительно тяжелъ и неповоротливъ, блестящая и проникновенная мысль—рѣдкій у него гость, и именно ему

(*) Лееръ. Методъ наукъ, стр. 43.

приходится неустаннымъ трудомъ—изученіемъ сущности дѣла и всѣхъ возможныхъ изъ этой сущности послѣдствій въ приложеніи къ современной обстановкѣ—восполнять то, что, сравнительно, въ недостаточной мѣрѣ ему отпустила природа. Вотъ ему-то безъ теоріи, безъ науки, не обойтись никакъ, такъ какъ въ пониманіи настоящаго онъ подверженъ по своему несовершенству, безконечнымъ ошибкамъ, а изслѣдованіе, обобщеніе и систематизація прошлаго съ выборкой изъ него только того, что годится для настоящаго—для него непосильная задача безъ выработаннаго метода для такой работы и готовыхъ образцовъ. Вотъ это ему и даетъ теорія, направляя его работу на правильный путь, воспитывая правильно его умъ, и пріучая его становиться на правильныя точки зрѣнія, когда ему приходится разбираться въ той или другой обстановкѣ. Вотъ создается теорія, дѣйствительно, изъ тщательно отобранныхъ систематизированныхъ проявленій таланта и генія, но дѣлается это главнымъ образомъ для средней массы, чтобы дать ей то, чего она сама создать не можетъ.

И вѣдь это чистая безсознательность, если не считать это за тупое самомнѣніе, думать, что то, что доступно таланту, въ той-же мѣрѣ доступно всякому, и считать себя способнымъ на то, на что способны были Петръ Великій, Суворовъ, Наполеонъ, Нельсонъ и другіе, имъ подобные.

И всякій разъ, когда противопоставляютъ наукѣ и теоріи генія, а слышать это приходится очень часто—потому я и останавливаюсь на этомъ, какъ на типичномъ примѣрѣ отношенія къ теоріи—мнѣ всегда хочется въ отвѣтъ на это напомнить извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Ньютонъ создалъ свой знаменитый законъ всемірнаго тяготѣнія.

Разсказываютъ, что когда знаменитый ученый отдыхалъ какъ-то подъ яблоней, съ нея свалилось яблоко и попало ему прямо въ носъ. И вотъ увѣряютъ, что именно въ то время, когда Ньютонъ растиралъ себѣ ушибленный носъ, его озарила мысль, объяснившая ему явленіе паденія вообще, и въ частности той непріятности, которая ему была нанесена яблокомъ, лишь подчинявшемуся закону всемірнаго тяготѣнія.

И хочется мнѣ сказать всегда при этомъ людямъ противопоставляющимъ теоріи генія—но вѣдь то былъ Ньютонъ, и его генію, быть можетъ, былъ вполнѣ достаточенъ такой обыкновенный и незамѣтный случай, чтобы прозрѣть въ немъ проявленіе всемірнаго и вѣчнаго закона (одной изъ основъ теоріи). Но много-ли на свѣтѣ Ньютоновъ? И многимъ-ли по плечу то, что просто и легко сдѣлать Ньютону? И прозрѣли-ли-бы мы съ вами міровой законъ, если-бы на насъ свалилось не только яблоко, а обрушилась-бы даже цѣлая египетская пирамида? Вѣдь навѣрно нѣтъ. Ну, а тогда оставимте геніевъ въ покоѣ. Для насъ тѣ пути, которыми идутъ они, и недоступны, и даже и непонятны. Будемте говорить о томъ, что нужно именно *намъ*—среднимъ людямъ, вообще—массѣ. И тогда мы быстро придемъ къ соглашенію, что для *насъ* теорія очень нужна, что безъ нея разумная практика для *насъ* немыслима, что *намъ* отвергать ея пользу, и противопоставлять ее практикѣ—просто нелѣпо.

7. Именно теорія передаетъ «безсмертные образцы» искусства геніевъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

И не забудемте еще одной услуги которую намъ оказала именно теорія.

Когда мы говоримъ, что великіе полководцы и флотоводцы оставили послѣ себя *безсмертные* образцы своего искусства, и когда мы пользуемся этими образцами—надѣюсь, что хотя-бы послѣ анекдота о Ньютонѣ мы не увѣрены, что легко создадимъ столь-же безсмертные образцы, и не погнушаемся использовать образцы геніевъ признанныхъ—то сознательно говорить это, и *сознательно* пользоваться этими образцами, мы можемъ только благодаря теоріи.

Вѣдь не скажете-же вы, что мы будемъ дѣлать хорошо, если будемъ подражать этимъ образцамъ слѣпо, не принимая во вниманіе, что создавались эти образцы въ совершенно другой обстановкѣ? И вы конечно не будете возражать противъ того, что образцы эти только тогда заслуживаютъ названіе *безсмертныхъ*, если они приложимы всегда, при всякой обстановкѣ, а не только при той, при которой они были показаны и которая уже давно прошла и вновь никогда не вернется. Значитъ безсмертны тѣ идеи, которыя создали эти образцы,

а отнюдь не тѣ формы, въ которыя выливались эти идеи, въ зависимости отъ обстановки. А значитъ надо эти идеи очистить отъ временной и случайной ихъ формы, надо ихъ проанализировать, надо поискать не проявлялись-ли эти-же идеи со столь же блестящимъ успѣхомъ и въ другихъ формахъ, въ образцахъ данныхъ другими геніями и талантами, надо такимъ образомъ *доказать* ихъ безсмертность, т. е. независимость ихъ отъ обстановки, надо наконецъ систематизировать эти идеи, и вывести ихъ послѣдствія для настоящей обстановки, проведя ихъ черезъ типичныя комбинаціи этой обстановки. Вотъ только тогда можно *сознательно* говорить о безсмертности образцовъ и объ ихъ примѣнимости для настоящаго.

Но кто-же это сдѣлаетъ, какъ не теорія? Именно она сохраняетъ для потомства и распространяетъ среди личнаго состава эти безсмертные образцы искусства. Скажу даже больше— именно она ихъ дѣлаетъ безсмертными, какъ даетъ настоящій блескъ и цѣну драгоцѣннымъ камнямъ только обрабатывающій ихъ ювелиръ, давая возможность неизмѣнной сущности этихъ образцовъ возрождаться во всѣхъ послѣдующихъ поколѣніяхъ, давая возможность этимъ поколѣніямъ воспитываться на этой сущности, очищая ее отъ налета обстановки прежняго времени, чтобы можно было ее приложить къ любому времени и любой обстановкѣ. Именно теорія, найдя эту сущность въ образцахъ искусства Петра Великаго и Суворова, и находя ту-же сущность и въ образцахъ искусства Өемистокла и Нельсона, даетъ этой сущности силу безсмертнаго закона, не зависящаго ни отъ времени, ни отъ обстановки.

8. Теорія и рецептъ (шаблонъ).

Я опять съ опредѣленнымъ намѣреніемъ нѣсколько остановился на значеніи теоріи по отношенію «безсмертныхъ образцовъ», и именно потому, что *безсознательное* преклоненіе передъ такими образцами—а это почти всегда имѣетъ мѣсто, когда эти образцы не пропущены черезъ лабораторію теоріи—ведетъ къ такъ называемому *рецепту*, т. е. къ преклоненію передъ *формой* образца, къ убѣжденію, что достаточно примѣнять извѣстные пріемы, когда-то примѣнявшіеся талантами, или рекомендованные авторитетами, чтобы имѣть успѣхъ.

Конечно не стоитъ и говорить, насколько это нелѣпо и можно-бы было даже совсѣмъ не упоминать объ этомъ, если бы не дѣйствительная жизнь, которая все время доказываетъ, что вотъ именно къ такой-то нелѣпости сплошь и рядомъ стремятся люди, что этотъ путь имъ болѣе любъ, чѣмъ путь сознательности. И понятно даже почему. Путь рецепта не требуетъ *разсужденія*, а значитъ нѣтъ и *отвѣтственности* за правильность разсужденія—и этимъ все и сказано. А потому на сторонѣ этого стремленія все инертное, все лѣнивое, все недобросовѣстное, все боящееся отвѣтственности т. е.—большинство. Хорошо это или худо—это вопросъ другой. Но дѣйствительность именно такова.

И вотъ тутъ-то проявляется и другая причина почему практика въ своемъ отчужденіи отъ теоріи переходитъ «извѣстный предѣлъ». И причина эта въ томъ, что теорія—анализирующая, обобщающая, систематизирующая, всѣмъ существомъ своимъ стремящаяся къ сознательности—всей силой своего авторитета возстаетъ противъ рецепта т. е. идетъ противъ большинства. А потому она и бываетъ столь часто одинока.

Большинство ожидаетъ отъ нея рецепта, а она не только не даетъ его, но клеймитъ этотъ путь, она властно требуетъ сознательности и отвѣтственности за *способъ примѣненія* ея положеній къ безконечно разнообразной обстановкѣ, и въ отвѣтъ на это большинство отъ теоріи отворачивается, и провозглашаетъ, что разъ она такова, то ломаный грошъ ей цѣна.

Но теорія крѣпко стоитъ на своемъ. Она говоритъ практикѣ: вотъ моя работа по изслѣдованію, обобщенію и систематизаціи всего опыта прошлаго привела меня къ нѣкоторымъ положеніямъ безусловнымъ, не зависящимъ ни отъ какой обстановки—принципамъ, и цѣлому ряду условныхъ положеній—правиламъ и нормамъ; еще я могу доказать, что все это ни въ коемъ случаѣ не рецепты, что ничто изъ этого не можетъ примѣняться слѣпо, а только въ зависимости отъ обстановки, что «обстановка повелѣваетъ» степенью примѣнимости и способомъ примѣненія всѣхъ предлагаемыхъ мною положеній. И вотъ и все, больше я дать ничего не могу.

И дальше уже, дѣйствительно, дѣло творчества исполнителя, и только отъ степени его таланта и умѣнья будетъ зависѣть насколько удачно окажется результатъ примѣненія того или другого изъ положеній, предложенныхъ ему теоріей, и вся отвѣтственность за этотъ результатъ уже падаетъ полностью на него. Очевидно, что теорія и не можетъ идти дальше, т. е. указывать—*какъ* именно надо прилагать ея положенія къ обстановкѣ, и просто потому, что обстановка столь сложна и разнообразна, что никакое человѣческое воображеніе не можетъ предвидѣть всѣхъ ея комбинацій. Теорія только можетъ направлять творчество на путь правильныхъ рѣшеній, снабжая его правильными отправными точками для сужденій, но очевидно—замѣнить творчество она не можетъ.

И вотъ эта-то ограниченная ея роль не удовлетворяетъ большинства, не удовлетворяетъ даже и идеалистовъ. Одинъ ученый (*) справедливо замѣтилъ, что когда наука честно говоритъ—вотъ все что я даю и больше этого я дать не могу, ей это ставится въ вину и «въ сердцахъ жаждущихъ идеала, науку погубило то, что она не осмѣливается обѣщать больше и не умѣетъ достаточно лгать».

9. Почему къ теоріи военнаго дѣла предъявляются преувеличенныя и несправедливыя требованія.

Конечно такія требованія къ теоріи несправедливы—это нечего и доказывать, но особая несправедливость такихъ требованій именно къ военной наукѣ еще сильнѣе бросается въ глаза, если посмотрѣть, можетъ-ли теорія выполнить такія требованія даже въ математикѣ, въ области которой, конечно, никто ужъ не рѣшится отрицать теорію.

Возьмемъ, напр. геометрію. Теорія здѣсь существуетъ несомнѣнно и обойтись безъ нея нельзя никакъ. А даетъ-ли она, вмѣстѣ съ тѣмъ, указанія—какъ прилагать ее въ различныхъ случаяхъ на практикѣ? Нѣтъ, не даетъ. Она даетъ лишь цѣлый рядъ неизмѣнныхъ соотношеній между различными элементами фигуръ, даетъ также и свойства этихъ элементовъ. Но какъ только приходится рѣшать задачи, не только на построеніе, но даже посложнѣе и на вычисленіе, надо

(*) Лесюеръ. Цитирую по Лебону—Психологія народовъ и массъ, стр. 240.

ужъ самому придумывать—какъ использовать эти соотношенія и свойства для рѣшенія задачи, и каждый новый типъ задачи требуетъ новыхъ и самостоятельныхъ соображеній рѣшающаго задачу, и за результатъ рѣшенія конечно отвѣтствененъ онъ, а не геометрія, которая никакъ не можетъ его снабдить рецептами для рѣшенія всѣхъ задачъ встрѣчающихся на практикѣ. И этого она и не дѣлаетъ. А между тѣмъ безъ знанія теоріи все таки никакихъ задачъ рѣшать нельзя.

Такъ почему-же предъявляютъ такое требованіе къ теоріи военнаго дѣла, которая при томъ не можетъ опредѣлять свойства разбираемыхъ ею элементовъ и соотношеніе между ними такъ точно, какъ это можетъ сдѣлать математика? Кромѣ того область ея приложенія несравненно сложнѣе по обстановкѣ чѣмъ область какихъ-бы то ни было математическихъ задачъ!

А такъ какъ такія требованія все таки предъявляются, то приходится причину этого видѣть лишь въ томъ, что въ математическихъ и естественныхъ наукахъ значеніе и право на существованіе теоріи отрицать невозможно—это значило-бы идти противъ очевидности,—тогда какъ въ соціальныхъ наукахъ, и въ особенности въ наукахъ военныхъ, такому отрицанію есть все таки за что зацѣпиться, а потому этимъ и пользуются отрицатели, которымъ теорія стоитъ поперекъ дороги въ ихъ стремленіяхъ къ инертности и къ безотвѣтственности.

Напр. въ геометріи, можно сейчасъ-же довести до полной очевидности, что неумѣнье рѣшать задачи зависитъ отъ незнанія теоріи, если это дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Точно также и другія причины неумѣнья рѣшать задачи столь немногочисленны, что могутъ быть немедленно обнаружены.

А въ военномъ дѣлѣ, если даже не разрабатываются, или заброшены неизмѣнныя основы, управляющія военными явленіями, если не изслѣдована сущность этихъ явленій, если, однимъ словомъ, заброшена или отрицается теорія военнаго дѣла, то чтобы наглядно показать вредныя послѣдствія такого порядка вещей—надо ждать войны, и притомъ—неудачной.

А придетъ война и неудача—найдутъ цѣлый рядъ другихъ причинъ на это повліявшихъ, и будутъ даже правы въ этомъ,

такъ какъ причинъ пораженія дѣйствительно можетъ существовать очень много, и онѣ такъ тѣсно переплетаются между собою, что расчленить ихъ—дѣло очень трудное. И потому, если значеніе теоріи не признавалось до войны, очень трудно довести это значеніе до очевидности по результатамъ и только что пережитой войны.

А какъ только пройдетъ послѣ войны достаточное время, чтобы могла быть установлена болѣе или менѣе удовлетворительно вся фактическая сторона, послѣ чего уже, въ извѣстной мѣрѣ, можно установить и причины удачъ и неудачъ, такъ сейчасъ-же поднимается возраженіе, что эта война-де перешла уже въ исторію, что обстановка уже сильно измѣнилась, что выводы изъ военныхъ явленій при прежней обстановкѣ для будущихъ войнъ непримѣнимы и. т. д... И такимъ образомъ это можетъ продолжаться, да и продолжается въ дѣйствительности, для извѣстной категоріи людей, до безконечности. Разъ военное дѣло, по самой природѣ своей, не допускаетъ такихъ точныхъ методовъ изслѣдованія и доказательствъ, какіе имѣются напр. въ математикѣ, нельзя доказать того людямъ, что имъ, по самой ихъ природѣ, претитъ. А потому надо сознать, что это и безполезно. Отрицатели теоріи въ военномъ дѣлѣ будутъ всегда, пока будутъ люди съ вялымъ, инертнымъ умомъ, неспособные къ инидіативѣ и боящіеся отвѣтственности, или просто лѣнивые, или тупо-самонадѣянные, воображающіе, что они до всего могутъ дойти своимъ умомъ и безъ всякой науки, а потому ее и презирающіе. А таковые будутъ всегда—такъ ужъ создано человѣчество. Имъ тепло и не дуетъ за пазухой у рецепта, у шаблона, такъ какъ онъ съ нихъ снимаетъ отвѣтственность и необходимость разсуждать самому, а потому они къ нему и стремятся. А наука, въ видѣ теоріи, имъ этой защиты не даетъ и клеймитъ рецептъ—ихъ излюбленное убѣжище. Конечно, имъ это не по вкусу. По природѣ—они мелкіе ремесленники, способные лишь къ механическому, чисто исполнительному труду, а теорія требуетъ самостоятельнаго труда для достиженія возможной степени проникновеннаго пониманія. Очевидно это претитъ. Недаромъ еще Фридрихъ Великій сказалъ: «война есть *наука* для людей

выдающихся, *искусство* — для посредственныхъ людей, и *ремесло*—для невѣждъ».

10. Невѣжество прячется отъ теоріи за спину геніевъ.

И что вѣдь больше всего поразительно, такъ это то, что именно невѣжество и прячется за Фридриховъ Великихъ, т. е. за военныхъ геніевъ. У нихъ постоянно наготовѣ указаніе — вотъ-де Фридрихъ Великій, ни въ какую военную академію экзамена-бы не выдержалъ, а «безсмертные образцы» создалъ. Особенно излюбили они въ этомъ смыслѣ Суворова, котораго краткіе, часто прибауточнаго характера, выраженія можно всегда сдѣлать попытку обратить въ свою пользу. Именно онъ называлъ военныхъ ученыхъ своего времени «бѣдными академиками», именно онъ сказалъ—«не нужно методизма, а вѣрный взглядъ военный» (*).

И невѣжество жадно хватается за это выраженіе, отожествляя «методизмъ» съ наукой и теоріей, и представляя себѣ, что разъ оно презрѣло «теорію», оно способно къ «вѣрному взгляду военному». Увы, послѣдователи невѣжества пожалуй и не предполагаютъ даже, что въ этомъ выраженіи Суворовъ нападалъ не на «теорію», на которую и не могъ нападать, такъ какъ въ полной мѣрѣ отдавалъ ей должное (см. 5), а нападалъ онъ на ложный методизмъ своего времени (**), на безсодержательный военный формализмъ, яркимъ представителемъ котораго являлся австрійскій гофкригсратъ, который именно претилъ его ясному уму своимъ тупымъ стремленіемъ къ опредѣленнымъ рецептамъ, т. е. къ тому, противъ чего энергично возстаетъ и «теорія». И дѣйствительно «бѣдные» тѣ академики, которые стали-бы приписывать «теоріи» неподобающее ей и противорѣчащее ея природѣ стремленіе—указывать *какъ* поступать во всѣхъ случаяхъ войны, и съ такими указаніями конечно не могъ мириться свѣтлый умъ Суворова. И не мало такихъ «бѣдныхъ» академиковъ и теперь, такъ какъ и ихъ гонятъ къ рецепту и шаблону тѣ-же причины что и другихъ, но «теорія» здѣсь ровно ни

(*) «Наука побѣждать» генералиссимуса Суворова. 1913, стр. 7.

(**) Энциклоп. словарь Брокгауза и Эфрона, 64 полутомъ, стр. 888, статья генер. Михневича «Теорія военнаго искусства».

при чемъ. Она именно прилагаетъ всѣ старанія, чтобы и не только геній и талантъ, а всякій средній человѣкъ могъ-бы работать въ такомъ направленіи, чтобы получить «вѣрный взглядъ военный», но предупреждаетъ, что для этого нуженъ упорный и правильно направленный трудъ. А вотъ этого то и не любитъ невѣжество, которое думаетъ, что его осѣнитъ этотъ «взглядъ», если оно повернется спиной къ наукѣ, не подозрѣвая того, что и геніямъ и талантамъ этотъ «взглядъ» не давался такъ легко, какъ оно думаетъ. Мы это видѣли выше изъ указаній Суворова и Наполеона. А было хорошее выраженіе у Суворова и про практиковъ—хвастуновъ (*): «они говорятъ, что знаютъ дѣло, да дѣло-то ихъ не знаетъ».

11. Клаузевицъ и Шлихтингъ о теоріи. Приведу еще мнѣнія о теоріи въ военномъ дѣлѣ двухъ выдающихся военныхъ писателей—Клаузевица и Шлихтинга.

На трудахъ перваго изъ нихъ строится вся современная военная наука, второй (см. предисловіе) сдѣлалъ понятнымъ нѣмецкой арміи Мольтке и питаетъ идеями всю современную нѣмецкую военную литературу. Притомъ оба—отнюдь не чистые теоретики, трактующіе о войнѣ по книгамъ, такъ какъ оба прошли суровую боевую школу: первый—въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, второй въ эпоху блестящихъ успѣховъ германской арміи въ 1866—71 г.г.

И вотъ Клаузевицъ (**) говоритъ такъ: «Теорія, запуская свой взглядъ пытливый, различающій и приводящій въ порядокъ, всегда будетъ имѣть въ виду различіе обстоятельствъ, изъ которыхъ можетъ изойти война. Поэтому она обязана такъ начертить крупные свои очертанія, чтобы всѣ требованія времени и минуты нашли себѣ въ ней мѣсто... Веденіе войны, зависящее отъ особыхъ условій государствъ и боевыхъ силъ, должно-же заключать въ себѣ еще нѣчто болѣе общее или, вѣрнѣе сказать, нѣчто общее всѣмъ войнамъ, и съ этимъ именно теорія будетъ имѣть дѣло прежде всего... Всякая теорія обязана прежде всего привести въ порядокъ

(*) Михневичъ. Статья «Теорія военнаго искусства».

(**) Война. Т. I стр. 70, 71, 74, 75, 81, 82, 97, 227, и т. II, стр. 321.

смутныя и перепутанныя понятія. Когда-же мы согласимся и установимъ настоящее значеніе словъ и понятій, тогда дальнѣйшій путь будетъ ясенъ и нетруденъ... Теоретическіе опыты полезны только въ своей аналитической части; синтезъ-же ихъ въ видѣ правилъ и руководствъ совершенно непригоденъ для практики. Стремились достигнуть данныхъ точныхъ, между тѣмъ какъ на войнѣ все неопредѣленно и въ разсчетъ приходится вводить однѣ лишь перемѣнчивыя данныя. Обращалось вниманіе только на величины матеріальныя, между тѣмъ какъ война насквозь проникается силами и проявленіями душевнаго разряда. Разсматривалось дѣйствіе одностороннее, между тѣмъ какъ война состоитъ постоянно изъ взаимодѣйствія стремленій противоположныхъ. Все то, что не достигалось этимъ одностороннимъ убогимъ мудрствованіемъ, считалось лежащимъ внѣ научной ограды, это была область генія, который *яко-бы стоитъ выше правилъ*. Горе воину, который вздумалъ-бы пресмыкаться среди этихъ правилъ, годныхъ развѣ для нищихъ, коль скоро геній въ правѣ ихъ презирать, издѣваться надъ ними; а между тѣмъ дѣяніе генія будетъ лучшимъ правиломъ. А значитъ *высшая задача теоріи указать—почему геній дѣйствовалъ такъ, а не иначе*. Горе теоріи, которая перечитъ сущности духа (Geist) (*), ей не поможетъ никакое смиреніе. Насмѣшки и презрѣніе вытѣснятъ ее изъ дѣйствительной жизни... По самой природѣ войны невозможно возвести для нея научное зданіе, опору дѣятелю во всевозможныхъ случаяхъ... Теорія выполнитъ свою задачу въ самомъ главномъ, если она, разбирая принадлежащее войнѣ, точнѣе разграничитъ то, что на первый взглядъ сливается и перепутывается; если она вполнѣ опредѣлитъ свойства средствъ, имѣемыхъ въ распоряженіи, укажетъ вѣроятныя послѣдствія ихъ дѣйствій; если ясно обозначитъ природу цѣлей и внесетъ въ войну свѣтъ разумной критики. *Такая теорія будетъ надежнымъ проводникомъ дѣятелю, желающему изучить войну изъ книги*; она освѣтитъ ему любой путь, облегчитъ его шаги, воспитаетъ его

(*) Geist—духъ, душа, сущность, геній, умъ, разумъ.

сужденіе и упасетъ отъ сбивчивыхъ путей... На то и теорія, чтобы не приходилось всякому трудиться надъ разборкой матеріала и самому пробивать себѣ дорогу. Она должна воспитывать умъ и душу (Geist) будущаго начальника или, вѣрнѣе, руководить имъ при самовоспитаніи; *но не дѣло теоріи провожать ученика на поле битвы.* Она уподобляется разумному воспитателю, который направляетъ и облегчаетъ умственное развитіе юноши, не наровя вести его на помочахъ всю его жизнь. Если-же изъ разбора теоріи сами собой явятся правила и основы, если правда сама по себѣ стремится принять эту кристаллическую форму, то теорія отнюдь не будетъ противиться естественному закону. Она, напротивъ того, очертитъ тотъ камень, который замыкаетъ сводъ ея изслѣдованія. Однако, теорія дѣлаетъ это только для удовлетворенія философскому закону мышленія, чтобы освѣтить тотъ пунктъ, куда направляются всѣ нити; но она отнюдь не признаетъ этого готовой алгебраической формулой, пригодной для поля сраженія. Правила и основы должны служить мыслящему уму подспорьемъ при его внутренней, самостоятельной работѣ, а отнюдь не вѣхами, точно указывающими ему дорогу».

«Исходя изъ этой точки зрѣнія, теорія войны дѣлается возможной; она никогда въ этомъ случаѣ не встанетъ въ противорѣчіе съ дѣйствительностью. Разумное примѣненіе ея доведетъ до совершеннаго прекращенія *безсмысленное разнорѣчіе между теоріей и практикой.* Такую рознь не разъ вызывала теорія неразумная, отказавшаяся отъ здраваго человѣческаго смысла; а *невѣжество и убожество духа зачастую оправдывали этой рознью врожденную свою косность.....* Пока нѣтъ сносной теоріи, т. е. разумнаго разбора дѣла войны, до тѣхъ поръ методизмъ (*) будетъ господствовать свыше надобности и на высшихъ ступеняхъ, потому что люди, ихъ занимающіе, лишены возможности развить себя наукой.... Когда улучшенная теорія облегчитъ изученіе войны и воспитаетъ умъ и духъ будущихъ высшихъ дѣятелей, то методизмъ вообще не будетъ на столько распространяться вверхъ; необходимое-же изъ него,

(*) Вотъ про этотъ «методизмъ» и говорилъ Суворовъ. См. стр. 10.

по меньшей мѣрѣ, будетъ почерпнуто изъ теоріи, переставая быть простымъ подражаніемъ. Способы, коими первоклассный полководецъ совершаетъ свои великія дѣянія непремѣнно, хотя-бы отчасти, субъективны; если у него своя манера, то въ послѣдней добрая доля его собственной личности; а къ личности этой далеко не всегда подходятъ личности его подражателей.... Великіе примѣры служатъ лучшимъ наставленіемъ. Весьма прискорбно, если ихъ заслоняютъ тучи теоретическихъ предразсудковъ, потому—что они преломляютъ и окрашиваютъ лучи истиннаго свѣта. Теорія обязана неуклонно истреблять такіе предразсудки, которые распространяются иной разъ точно зловредные міазмы».

«Большинство ошибокъ послѣдней войны (1870—71 г.)» говоритъ Шлихтингъ (*) «произошло потому, что теорія была нова и не вполнѣ еще укоренилась.... Въ то время еще не умѣли правильно пользоваться предоставленной свободой въ рѣшеніяхъ; тогда *еще не было тѣхъ духовныхъ узъ, которыя объединяютъ войска на почвѣ теоріи.* Этотъ прогрессъ слѣдуетъ предоставить будущимъ войнамъ.... Но вѣдь любая теорія въ неумѣлыхъ рукахъ можетъ привести къ бѣдствію».

12. Теорія направляетъ творчество на правильный путь, предоставляя ему свободу въ рѣшеніяхъ.

Итакъ теорія только изслѣдуетъ, объясняетъ и обобщаетъ военное дѣло, но въ дѣятельность творчества отнюдь не вмѣшивается. Она можетъ предлагать практикѣ выводы и общаго и детальнаго характера, но характеристика этихъ выводовъ неизмѣнно одна и та-же—одно лишь направленіе творчества на правильный путь, съ предоставленіемъ ему полной свободы—какъ идти по этому пути; одно лишь указаніе правильныхъ отправныхъ точекъ,—полное отсутствіе рецептуры.

Указанія теоріи служатъ также исходными точками при организаціи практики мирнаго времени и именно этимъ путемъ быстрѣе всего создается «вѣрный взглядъ военный» и въ крупномъ и въ мелкомъ.

(*) Основы современной тактики и стратегіи, стр. 132, 140 и 167.

Напр. всякіе теоретическіе способы рѣшенія тактическихъ вопросовъ совершенно не предназначаются для боя—тамъ всякій вопросъ будетъ и долженъ разрѣшаться въ головѣ начальника его опытностью и глазомѣромъ. Но вотъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія этого-то глазомѣра задолго до боя, въ мирное время, теоретическія соображенія могутъ играть чрезвычайно важную роль. Изъ нихъ можно, прежде всего, при совершенно спокойномъ состояніи духа, у себя въ каютѣ, составить себѣ общую идею о томъ направленіи, въ которомъ надо дѣйствовать на самомъ дѣлѣ, какихъ положеній слѣдуетъ во что-бы то ни стало избѣгать, какой будетъ кратчайшій путь, который приведетъ къ поставленной себѣ цѣли, и какія цѣли совершенно недостижимы.

Эти первоначальныя соображенія—отправныя точки—провѣренныя нѣсколько разъ на опытѣ въ мирное время, когда имѣется достаточное время, чтобы заняться этимъ на свободѣ, конечно могутъ оказаться, въ той или другой своей части, неправильными, но за то другія, которыя подтвердятся на опытѣ, вызовутъ дальнѣйшую теоретическую разработку, дальнѣйшую практику и т. д.... Такимъ образомъ умъ будетъ все время работать въ вѣрномъ направленіи, такая обстановка работы заставитъ его правильно развиваться, а правильно развитой умъ вмѣстѣ съ глазомѣромъ, вынесеннымъ изъ практики, и дадутъ, при наличіи достаточной степени таланта, такого начальника, который въ пылу боя, сразу, безъ всякаго раздумья, совершенно инстинктивно, остановится на вѣрномъ рѣшеніи вопроса.

Вотъ это и значитъ—направлять творчество на путь правильныхъ рѣшеній, предоставляя ему полную свободу въ этихъ рѣшеніяхъ. Въ этомъ и будетъ, въ данномъ случаѣ, заключаться работа теоріи на пользу опыта, для подготовки его къ окончательной отшлифовкѣ въ бою—къ пріобрѣтенію *сознательнаго боевого опыта*.

Повторяю, «вѣрный взглядъ военный», въ любой области военнаго дѣла не сваливается съ неба съ полученіемъ званія начальника. Для пріобрѣтенія его нужна долгая практика, хотя-бы и въ мирное время, но организованная такъ, чтобы

опытность и глазомѣръ могли быть получены въ наикратчайшій промежутокъ времени, чтобы, на сколько то возможно, устранить безполезные опыты, отнимающіе много времени, и приводящіе лишь къ сознанію сдѣланной ошибки. Однимъ словомъ, надо организовать правильную систему подготовки къ боевой дѣятельности, ведущую къ истинѣ прямымъ путемъ, а не окольной дорогой всякихъ попытокъ, не имѣющихъ подъ собой никакой почвы. А это можно сдѣлать только при помощи теоріи. Практиковаться-же, не разобравъ вопроса въ теоріи— это значило-бы бродить въ темнотѣ, надѣясь набрести на истину ощупью.

Напр. въ тотъ періодъ, когда имѣлъ смыслъ таранный бой, самыя простыя геометрическія соображенія указывали сразу, что для преимущества передъ противникомъ въ выгодѣ нанесенія тараннаго удара, выгодно расположиться въ извѣстномъ разстояніи ему въ кильватеръ, и что для занятія выгодной позиціи, идя съ противникомъ контра-курсами, слѣдуетъ ему поворачивать подъ корму, не позволяя того-же дѣлать противнику. Также легко разобрать на бумагѣ—какъ распредѣляются выгоды и невыгоды противниковъ, въ зависимости отъ соотношенія ихъ скоростей и діаметровъ циркуляцій, и къ какимъ положеніямъ имъ надо стремиться при различныхъ комбинаціяхъ, и какихъ— слѣдуетъ избѣгать.

13. Адмиралъ Г. И. Бутаковъ и теорія. Примѣръ такой теоретической подготовки и притомъ очень обстоятельной мы имѣемъ у Г. И Бутакова—а его едва-ли можно причислить къ теоретикамъ—въ его книгѣ «Новыя основанія пароходной тактики» вообще, и въ частности—въ главѣ VII (стр. 181—235), посвященной изслѣдованію тараннаго боя.

Вотъ, если начать практиковаться въ таранномъ боѣ съ такой подготовкой—а такъ это и дѣлали въ эскадрѣ Г. И. Бутакова на особыхъ таранныхъ барказахъ и канонерскихъ лодкахъ, то практикующимся уже не приходилось терять времени на то, чтобы наткнуться путемъ продолжительной практики на тѣ исходныя положенія, которыя на бумагѣ получаются въ самое короткое время. Имъ оставалось только повѣрить эти положенія, и затѣмъ изощрять свой глазомѣръ

въ использованіи тѣхъ указаній, которыя дала теорія, съ тѣмъ, чтобы ко времени боя и забыть о нихъ, достигнувъ *инстинктивности* въ ихъ примѣненіи.

И именно адмиралъ Г. И. Бутаковъ, какъ сдѣлавшій подробный теоретическій разборъ тараннаго боя, былъ способенъ организовать таранныя упражненія, и притомъ такъ, что они приносили огромную пользу участвовашимъ въ этихъ упражненіяхъ офицерамъ. Иначе, прошло-бы очень долгое время, пока таковыя упражненія стали-бы становиться осмысленными, и вѣроятно они-бы даже и не дошли до этого момента, потерявъ гораздо раньше всякій интересъ. Но у Г. И. Бутакова это случиться не могло. У него все время практика была *сознательная*, какъ повѣрка и дальнѣйшее развитіе теоріи. Подготовку къ совмѣстному маневрированію канонерскихъ лодокъ, онъ начинаетъ съ указанія на подготовленную имъ теорію для такого маневрированія, спѣшно напечатанную, чтобы имѣть исходныя положенія для практики.

«Нѣсколько отрывковъ изъ начатаго мною сочиненія касательно оснований, на которыхъ должны производиться вращенія винтовыхъ судовъ и построенія паровыхъ эскадръ», говоритъ Г. И. Бутаковъ въ первомъ же своемъ приказѣ въ кампанію 1861 г. (*) «напечатаны наскоро и съ многими пропусками, собственно съ тою цѣлью, чтобы начать безотлагательно подготовляться къ этому дѣлу... Въ этихъ отрывкахъ изъ опыта азбуки для пароходной тактики г.г. командиры найдутъ много мыслей, много матеріала, далеко еще не вполнѣ разработаннаго, но который и въ настоящемъ своемъ видѣ во многихъ случаяхъ примѣнимъ къ дѣлу. Прошу лишь объ одномъ: нисколько не стѣсняясь и не опасаясь задѣть мое самолюбіе, обращаться ко мнѣ прямо съ вопросами, замѣчаніями и для разъясненій по всему, что можетъ показаться неяснымъ, неправильнымъ или неудобопримѣнимымъ въ томъ, что изложено въ этихъ неполныхъ отрывкахъ».

Такимъ-же образомъ готовилъ Г. И. Бутаковъ своихъ командировъ къ упражненіямъ въ тараненіи. Его этотъ вопросъ

(*) Житковъ. Свѣтлой памяти Г. И. Бутакова. «Мор. Сб.» № 4, 1912 г.

серьезно занималъ еще раньше перваго тараннаго удара, нанесеннаго въ эпоху паровыхъ судовъ (Мерримакъ, на Гэмптонскомъ рейдѣ, 8-го марта 1862 г.) (*), и въ приказѣ его въ самомъ началѣ кампаніи 1862 г. мы читаемъ: «Начатыя мною въ прошлую кампанію изслѣдованія о томъ, какъ именно должно дѣйствовать судно, старающееся ударить другое въ бокъ и что послѣднему слѣдуетъ дѣлать для избѣжанія удара, доведены до нѣкоторой оконченности, и я поспѣшилъ заявить ихъ въ «Морскомъ Сборникѣ», чтобы сослуживцы мои могли подготовиться къ тому, въ чемъ мы будемъ упражняться въ настоящемъ году. Прошу г.г. командировъ, не получающихъ «Морского Сборника», принять въ штабѣ мою брошюру о пароходахъ и таранахъ, а всѣхъ моихъ сослуживцевъ обратить на нее особенное вниманіе и не стѣсняясь нисколько обращаться ко мнѣ за разъясненіемъ того, что окажется въ ней неяснаго и неполнаго. Такъ какъ, однако-жъ, въ прошедшую кампанію ко мнѣ обращались за этими разъясненіями чрезвычайно рѣдко, а неясности и неполнота несомнѣнно существовали, то я не премину назначить и особые дни и часы, въ которые желающіе будутъ ко мнѣ съѣзжаться».

А вотъ каковы были результаты такой крѣпкой связи теоріи съ практикой.

«Смотръ 7-го августа» говоритъ Г. И. Бутаковъ въ концѣ того-же года «показалъ, что всѣ 41 командиръ лодокъ попали штевнями въ движущійся полнымъ ходомъ предметъ, при такихъ обстоятельствахъ, когда всякій значительный промахъ могъ имѣть довольно серьезныя послѣдствія... Лично-же мнѣ, или авторскому моему самолюбію, которое, говорятъ, одно изъ сильнѣйшихъ, флотилія доставила въ настоящую кампанію полное удовлетвореніе, доказавъ на дѣлѣ положительными фактами, правильность моей *теоріи* пароходныхъ построеній и дѣйствій таранами, а также то, *какъ легко примѣнять ее къ дѣлу, когда поняты основанія этой теоріи.* Въ прошед-

---

(*) Житковъ. Свѣтлой памяти Г. И. Бутакова. «Мор. Сб.» № 4, 1912 г.

шемъ году я могъ еще имѣть нѣкоторыя сомнѣнія относительно ея, а теперь никакихъ».

Просматривая нѣсколько различныхъ сочиненій по морской тактикѣ того періода времени, когда еще допускалось употребленіе въ бою тарана (*), видно, что хотя всѣ авторы признаютъ возможность тараннаго боя, но никто изъ нихъ не разобралъ его, даже приблизительно, такъ обстоятельно и научно, какъ это сдѣлалъ Г. И. Бутаковъ. Не надо-ли отчасти именно этимъ объяснить тотъ фактъ, что ни въ одномъ флотѣ таранныя упражненія не были поставлены такъ хорошо, какъ въ русскомъ флотѣ. Къ сожалѣнію, со смертью талантливаго Г. И. Бутакова окончились и таранныя упражненія, и о нихъ долго напоминали лишь «таранные» барказы, на которыхъ упражнялись Бутаковскіе командиры, переданные въ артиллерійскій отрядъ и еще прослужившіе тамъ десятка два лѣтъ, сохраняя свое названіе, хотя служили они спеціально для развозки учениковъ по судамъ.

И такъ, теорія ничего *не рѣшаетъ*—она только *объясняетъ*. «Ея назначеніе», какъ выразился Наполеонъ (**), «дать только общія идеи, образующія умъ». Рѣшаетъ практика, но разумно можетъ она это дѣлать только руководствуясь *объясненіями* теоріи.

На почвѣ практики въ такихъ разумныхъ рѣшеніяхъ создается *сознательный опытъ*. Совмѣстная работа теоріи и опыта, постоянно другъ изъ друга вытекающихъ, даетъ науку. Безъ теоріи нѣтъ совсѣмъ науки, а безъ практики нѣтъ движенія науки впередъ, такъ какъ теорія только резюмируетъ въ систематическомъ сводѣ и въ разумномъ ихъ истолкованіи результаты прежняго опыта.

Закончу образнымъ опредѣленіемъ соотношенія между теоріей и практикой поэта Жуковскаго, которое онъ высказалъ въ

(*) Напр. «Eléments de tactique navale» par le Vice-Amiral Penhoat, 1879; «Stadien über Seetactik» F. Attlmayr (австр.) 1875; Betrachtungen über Seetaktik» неизв. автора (герм.) 1892 г.; «Elementary naval tactics» by commander Bainbridge-Hoff (Соед. Шт. С.-А.) 1894 и др.

(**) Лееръ. Методъ военныхъ наукъ, стр. 47.

письмѣ Великому Князю Константину Николаевичу по поводу революціи 1848 г. въ Германіи (*):

«Революція,—пишетъ Жуковскій—есть безумно губительное усиліе перескочить изъ понедѣльника прямо въ среду. Но и усиліе перескочить изъ понедѣльника назадъ въ воскресенье столь же напрасно и столь же можетъ быть губительно. Одно есть революція впередъ, другое—революція назадъ... Что же совѣтуетъ *теорія*, которая учитъ тому, что надлежитъ всегда дѣлать? Она говоритъ: не насильствуй того, чего не можешь пересилить; не швыряй понедѣльника черезъ вторникъ въ среду, но не тащи его и назадъ въ воскресенье.—А что говоритъ практика? *Практика, согласная съ сестрой своей теоріей*, зоркимъ взглядомъ различаетъ ту математическую линію, перешагнувъ черезъ которую, понедѣльникъ становится вторникомъ, провозглашаетъ громогласно этотъ переходъ, и это громогласное провозглашеніе, опредѣляющее дѣйствіе, ему соотвѣтственное, т. е. дѣйствіе уже принадлежащее вторнику, а не понедѣльнику, есть реформа, во время, къ мѣсту, по закону вѣчной правды».

(*) Житковъ. Свѣтлой памяти В. К. Константина Николаевича, М. Сб. № 1, 1912 г.

III. Методъ изученія и преподаванія стратегіи.

1. Методъ важнѣе самого ученія.

Огюстъ Контъ (*) выразился, что «повсюду методъ важнѣе самого ученія, доктрины». Это, конечно, надо понимать въ томъ смыслѣ, что, совершенный методъ обезпечиваетъ, во-первыхъ, созданіе правильнаго ученія, а во-вторыхъ, способствуетъ правильному развитію ума, и тѣмъ обезпечиваетъ правильное пониманіе ученія, и какъ слѣдствіе этого—вѣроятность на правильное приложеніе ученія въ жизни. Методъ, въ переводѣ съ греческаго, значитъ—дорога. И понятно, что въ поискахъ за истиной, каковые поиски составляютъ предметъ всякихъ научныхъ изслѣдованій, выборъ правильной для этого дороги представляетъ огромную важность.

Но ни для какихъ наукъ это положеніе не имѣетъ бо̀льшаго смысла, какъ для наукъ военныхъ.

Самыя сложныя изъ всѣхъ наукъ—это соціальныя, а сложнѣйшая между ними—наука о войнѣ. Въ ней приходится изслѣдовать помыслы и дѣйствія людей въ сферѣ смертельной опасности, что представляетъ изъ себя трудность исключительную, которая увеличивается еще тѣмъ, что цѣль науки—выработать указанія для побѣды надъ врагомъ, который столь же страстно хочетъ побѣдить васъ, и средства и способы его для этого и страшно разнообразны, и всегда представляютъ для васъ въ значительной мѣрѣ загадку, такъ какъ онъ всѣми мѣрами скрываетъ отъ васъ и помыслы свои и дѣйствія, и стремится нанести вамъ ударъ именно съ той стороны, съ которой вы его меньше всего ожидаете.

Все это создаетъ такую нагроможденность самыхъ разнообразныхъ вліяній и неопредѣленностей, что тутъ особенно легко сбиться съ дороги, и погнаться за призракомъ, принявъ его за подобіе истины. Въ причинахъ военныхъ явленій такъ тѣсно сплетаются эти вліянія и неопредѣленности, что,

(*) Лееръ. Методъ военныхъ наукъ. Предисловіе.

въ особенности съ перваго взгляда, и самыя эти явленія кажутся какъ бы результатомъ случайности.

Но вѣдь нельзя же остановиться на такомъ заключеніи? Вѣдь это значило бы согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что военное дѣло не можетъ быть предметомъ какой либо науки. Тотъ же Огюстъ Контъ называетъ случай богомъ невѣждъ, и признать военное дѣло областью чистаго случая—это значитъ признать свое безсиліе найти какую либо дорогу (приложить какой либо методъ) къ логическому объясненію военныхъ явленій, и къ извѣстной степени управленія ими. Но признать свое безсиліе—это совсѣмъ не значитъ, что этого сдѣлать нельзя. Надо только захотѣть и изыскать способъ (правильный путь). «Для невѣждъ говоритъ Лееръ (*) «все есть дѣло случая. Для того, кто способенъ найти причину явленія, нѣтъ случая; тотъ, кто видитъ вездѣ случай, для того причины не существуетъ».

Сбивчивость въ изслѣдованіи въ области военныхъ явленій, главнымъ образомъ, вызывается тѣмъ, что, во-первыхъ, между элементами этихъ явленій и самыми явленіями не существуетъ точныхъ, и могущихъ быть доказанными, соотношеній, какъ это имѣетъ мѣсто въ математикѣ, и въ значительной мѣрѣ въ естественныхъ наукахъ, а во-вторыхъ — здѣсь не могутъ быть примѣнены опыты, дающіе въ естественныхъ наукахъ такой богатый матеріалъ для объясненія явленій природы. Единственный доказательный опытъ — это война, но мы не *руководимъ* этимъ опытомъ, какъ это дѣлается въ естественныхъ наукахъ, а только *наблюдаемъ* его. Время, обстановка и теченіе этого опыта ни въ коей мѣрѣ отъ насъ не зависятъ, и, понятно, и не могутъ зависѣть, и никто, конечно, не возьметъ на себя даже пожеланія возможности такой зависимости — война слишкомъ серьезное и страшное явленіе, чтобы даже тѣнь ея могла быть вызвана для опыта.

А значитъ путь остается одинъ—путь мысленнаго анализа событій, происходящихъ совершенно внѣ нашей воли, и нахожденіе причинъ этихъ событій путемъ разсужденія. Но

(*) Методъ военныхъ наукъ, стр. 18.

такой путь широко открыть для всякихъ софизмовъ и для ухищреній діалектики.

Напр., въ математикѣ этого опасаться нечего. Никакая діалектика, сколь бы ни была она блестяща, ничего не можетъ доказать въ математикѣ. Здѣсь нужно знаніе, и безъ знанія діалектика—ничто. Здѣсь всѣ элементы явленій такъ опредѣленны, и такъ опредѣленно связаны между собою, такъ строго логично должны вытекать одно изъ другого звенья цѣпи доказательствъ, что напустить вольный или невольный туманъ тутъ нельзя. Ошибочное звено немедленно будетъ обнаружено. Никакіе софизмы здѣсь немыслимы, и если и существуютъ, такъ называемые, «математическіе софизмы», то это просто своего рода фокусы, разсчитанные на то, что тотъ, которому ихъ показываютъ, не замѣтитъ завѣдомо ошибочнаго, и самого по себѣ совершенно яснаго въ его ошибочности, положенія. Такимъ путемъ можно напр. доказать, что 1=2. Но кромѣ того, что легко обнаружить ошибочное звено въ доказательствѣ, уже самый результатъ, нелѣпость котораго безспорна, показываетъ, что какая то невѣрность допущена и въ доказательствѣ. Здѣсь значитъ, помимо легкости обнаружить ошибку въ приложеніи извѣстнаго метода, и самый результатъ можетъ служить повѣркой метода.

Вотъ въ анализѣ военныхъ явленій и построенія выводовъ на результатахъ этого анализа это не такъ. Тутъ, благодаря сложности явленій, неопредѣленности отношеній между ихъ элементами и степени вліянія каждаго изъ нихъ на характеръ явленія, можно и краснорѣчіемъ, и ловко и талантливо подогнанными разсужденіями, прикрыть и незнаніе и недобросовѣстность. Тутъ можно и сознательно провести и доказать невѣрную мысль, а можно это сдѣлать и невольно, искренно исповѣдуя эту мысль, которая все же не дѣлается отъ этого вѣрной. Можно увѣровать въ эту ложную мысль, и совершенно невольно изощрять свой талантъ въ діалектикѣ, въ краснорѣчіи и въ мышленіи, чтобы ее доказать. Можно и просто запутаться въ логическихъ построеніяхъ, не имѣя опредѣленнаго критеріума для повѣрки каждаго звена этихъ разсужденій, и такая путаница можетъ быть не замѣчена и

тѣми, для кого это дѣлается, ибо въ области военныхъ явленій содержаніе вывода, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ служить указаніемъ на ошибку въ доказательствахъ.

2. Довѣріе къ методу имѣетъ особую цѣнность въ военныхъ наукахъ.

Вотъ почему, именно въ области военнаго дѣла, очень важна цѣнность метода—на него возлагается здѣсь задача не только быть удобнымъ путемъ къ отысканію истины, но еще и служить доказательствомъ добросовѣстности и возможной безошибочности изслѣдователя. Онъ долженъ тутъ служить главнымъ регуляторомъ цѣлесообразности разсужденій. За цѣнность выводовъ будетъ здѣсь ручаться не безусловная ясность и точность, проведенныхъ черезъ ходъ доказательствъ, опредѣленныхъ соотношеній, а *довѣріе* къ тому, что тотъ, кто доказываетъ, обезпечилъ себя отъ возможности уклониться въ сторону, или ввести въ разсужденіе несоотвѣтствующій или затемняющій дѣло элементъ. Здѣсь раньше довѣрія къ сущности, должно существовать довѣріе къ инструменту для добыванія этой сущности.

Въ математикѣ, желая удостовѣриться въ правильности вывода, если объ этомъ не говоритъ самый результатъ, надо только прослѣдить—соотвѣтствуютъ ли манипуляціи, произведенныя надъ данными величинами, уже извѣстнымъ соотношеніямъ между величинами вообще. Въ физическомъ опытѣ, надо провѣрить — не вліяла ли, а если вліяла, то какъ,—на результатъ та среда, въ которой производился опытъ, напр., что ли, воздухъ. И довѣріе къ результату опыта въ значительной степени будетъ здѣсь зависѣть отъ довѣрія къ правильности устройства тѣхъ инструментовъ, посредствомъ которыхъ производился опытъ, и къ умѣнью обращаться съ этими инструментами лица, производившаго опытъ, такъ какъ сущность того, что именно происходитъ въ испытуемомъ тѣлѣ часто ускользаетъ отъ непосредственнаго наблюденія. Еще больше *довѣрія къ правильности метода* (прибора) и къ правильности логическаго мышленія (умѣнья обращаться съ приборомъ) требуется для того, чтобы увѣровать въ правильность результата, вытекающаго изъ разсужденій о военныхъ явленіяхъ, въ которыхъ та внутренняя работа, которая строитъ

результатъ изъ взаимоотношеній и вліяній другъ на друга элементовъ, еще болѣе скрыта отъ глазъ и изучающаго войну, и того, котораго убѣждаютъ въ истинности причинъ тѣхъ или другихъ результатовъ.

Довѣріе и къ найденному собственнымъ трудомъ результату, и къ результату, намъ доказываемому другимъ, необходимо конечно вездѣ, но въ особенности оно необходимо въ военномъ дѣлѣ, такъ какъ здѣсь при примѣненіи этихъ результатовъ къ дѣлу ставятся на карту интересы огромной государственной важности, вплоть до вопроса о самомъ существованіи государства, а для каждаго отдѣльнаго человѣка — самое цѣнное его достояніе—жизнь, и самое цѣнное изъ достояній ему довѣряемыхъ—жизнь его подчиненныхъ.

Цѣль стратегіи при изученіи войны — это найти истинныя причины, управляющія военными явленіями, или по крайней мѣрѣ, подойти къ истинѣ какъ можно ближе. Цѣль преподаванія стратегіи—достигнутое приближеніе къ истинѣ *перевести въ способъ мышленія другихъ.* А для этого эти другіе должны получить *внутреннее убѣжденіе* въ томъ, что то, что имъ преподается, есть дѣйствительно истина, или посильное къ ней приближеніе. Безъ этого доказываемое примѣнено на дѣлѣ не будетъ, такъ какъ не войдетъ въ способъ мышленія, не войдетъ въ навыкъ именно *такъ думать* о военныхъ явленіяхъ. Приказать-же всего нельзя и въ военномъ дѣлѣ; и приказаніе совсѣмъ еще не обезпечиваетъ цѣлесообразнаго и разумнаго исполненія.

А главная основа для убѣжденія въ теоріи военнаго дѣла, какъ для убѣжденія своего, такъ и для убѣжденія другихъ, это довѣріе къ методу. А для этого методъ долженъ быть выбранъ съ особой тщательностью.

3. Къ изученію стратегіи долженъ быть примѣненъ научный методъ.

«Извѣстно» говоритъ Лееръ (*) «что самые простые (въ то же время и самые совершенные) способы достиженія какой-либо цѣли обыкновенно приходятъ послѣдними на умъ. Такъ было и со мною, да такъ бываетъ и съ каждымъ. Держась, въ изученіи и изло-

(*) Методъ военныхъ наукъ. Предисловіе.

женіи тактики, стратегіи и военной исторіи, первоначально общепринятаго *описательнаго* метода, я постепенно переходилъ къ *сравнительному* и *критическому* методу, и наконецъ долженъ былъ дойти до сознанія необходимости примѣненія къ изученію и нашихъ наукъ *научнаго* метода, насколько то оказывается возможнымъ по природѣ ихъ, по сложности изслѣдуемыхъ въ нихъ явленій, такъ какъ онъ способствуетъ къ наибольшему возбужденію работы мысли. Самое полное приложеніе научнаго метода допускаютъ, какъ извѣстно, математическія науки, затѣмъ уже въ болѣе слабой степени, науки естественныя—и наконецъ всего труднѣе ему поддаются общественныя науки, къ разряду которыхъ принадлежатъ и наши военныя, но все-таки же поддаются. Его и слѣдуетъ держаться въ предѣлахъ возможнаго.... Методъ, на которомъ я окончательно остановился, не есть продуктъ чисто теоретической работы и принятъ былъ мною не à priori, но à posteriori; онъ выработался практическимъ путемъ послѣ испытанія другихъ, которые меня не удовлетворяли».

Мой личный опытъ, правда ничтожный пока, по сравненію съ богатымъ опытомъ Леера, который писалъ эти слова въ то время, когда онъ уже больше 30 лѣтъ занималъ каѳедры по военному искусству въ военныхъ академіяхъ, привелъ меня къ тому-же выводу.

Какъ указано было въ предыдущемъ очеркѣ (II. 12), теорія только изслѣдуетъ. Вотъ для этого изслѣдованія и въ военномъ дѣлѣ примѣняются тѣ пріемы логическаго мышленія, которые составляютъ научный методъ, т. е. 1) *классификація* изслѣдуемаго матеріала, 2) *изолированіе* каждой отдѣльной части отъ окружающей среды, чтобы легче можно было проникнуть въ свойственную именно этой части сущность, 3) примѣненіе къ изслѣдованію выбранной части и *анализа* (индукціи), и *синтезиса* (дедукціи), и *аналогіи*, повѣряя такимъ образомъ результатъ одного способа изслѣдованія результатами другихъ, и тѣмъ оставляя наивозможно меньшее мѣсто всякимъ сомнѣніямъ въ томъ, что приняты не всѣ мѣры для возможнаго приближенія къ истинѣ.

4. Классификація. Классификація—это разложеніе сложнаго на простое. Она примѣняется, чтобы облегчить изслѣдованіе, и безъ этого нельзя и приступить къ разсматриванію такихъ сложныхъ явленій какъ военныя. Нельзя сразу взяться за изслѣдованіе всѣхъ явленій, составляющихъ войну. Разсматривая *одинъ* вопросъ, можно, въ зависимости отъ степени умѣнья и отъ количества матеріала по этому вопросу, подобраться болѣе или менѣе близко къ его природѣ. Если-же начать примѣшивать къ нему другіе, болѣе или менѣе расходящіеся съ нимъ по сущности, можно запутаться и самому, и, при желаніи и умѣньѣ, запутать и другихъ. Потому-то обыкновенный пріемъ софистовъ — пробовать говорить о нѣсколькихъ вещахъ сразу, а лучшій способъ борьбы съ такимъ пріемомъ—неуклонное отбрасываніе такихъ попытокъ. А для этого классификація должна быть какъ можно болѣе естественная, дающая меньше всего поводовъ для смѣшенія понятій.

Раздѣленіе военныхъ наукъ на стратегію, тактику, исторію военнаго искусства, военную организацію и на различные техническіе отдѣлы военныхъ знаній, и отграниченіе ихъ другъ отъ друга по ихъ задачамъ—это начало классификаціи при изслѣдованіи военнаго дѣла. Наиболѣе естественный порядокъ, съ моей точки зрѣнія, такой классификаціи приведенъ въ первомъ моемъ очеркѣ (см. I, 7—17).

5. Классификація въ стратегіи. Обращаясь къ одной изъ этихъ наукъ, въ данномъ случаѣ къ стратегіи, ее естественно раздѣлить по методу и характеру работы, на теоретическую стратегію и на практическую стратегію (I, 20), т. е. на науку и искусство въ области стратегіи. Въ свою очередь, стратегія какъ наука, раздѣляется, по объекту изслѣдованія, на два крупныхъ отдѣла—на теорію стратегіи (изслѣдованіе сущности военныхъ явленій) и на прикладную стратегію (теорія примѣненія опредѣленной сущности къ указаніямъ въ конкретныхъ вопросахъ). Прикладная-же стратегія естественно разбивается на вопросы замысла и его выполненія (I, 21), въ обстановкѣ мирнаго времени (подготовка войны), и во время войны (веденіе войны). Дальнѣйшая разбивка идетъ по операціямъ—по ихъ послѣдо-

вательности, по ихъ цѣлямъ, и по той обстановкѣ, въ которой онѣ происходятъ.

Такимъ образомъ получается программа, для книги — оглавленіе. Это скелетъ предмета изслѣдованія, кругомъ котораго, соотвѣтственнымъ образомъ, наростаетъ ткань разсужденій, сопоставленій, выводовъ, и все это оживляется, какъ въ тѣлѣ циркулирующей черезъ сердце кровью, — живою мыслью и неуклонною логикою, исходящихъ и вновь возвращающихся къ опредѣленному центру, заключающему въ себѣ основу, цѣль предмета и тѣ неизмѣнныя основныя условія (въ военномъ дѣлѣ принципы), которые ведутъ къ этой цѣли.

6. Не слѣдуетъ раздѣлять стратегію на сухопутную и морскую.

Существуетъ еще раздѣленіе стратегіи на сухопутную и морскую. Конечно такое раздѣленіе можетъ относиться къ стратегіи какъ наукѣ только до прикладной стратегіи. Такое раздѣленіе въ извѣстномъ отношеніи естественно, такъ какъ рѣзко отличаются другъ отъ друга обстановки — суша и море, и работники по этимъ вопросамъ принадлежатъ къ двумъ различнымъ спеціальнымъ родамъ оружія, почти незнакомымъ съ тѣмъ, что дѣлается другъ у друга, и тѣмъ болѣе съ ихъ прежнимъ опытомъ. Но все-таки къ такому раздѣленію надо относиться очень осторожно, такъ какъ есть у него и очень опасная сторона. Въ дѣйствительности армія и флотъ дѣйствуютъ почти всегда совмѣстно, и именно въ сознательной совмѣстности ихъ дѣйствій находится залогъ ихъ дѣйствительнаго успѣха. И если армія и флотъ раздѣлены стихійно (суша и море), и по примѣняемымъ ими средствамъ, приспособленнымъ къ этимъ стихіямъ, то для сознательной совмѣстности дѣйствій, ихъ надо соединять всѣми мѣрами, хотя-бы въ наукѣ. Поэтому въ ней должно быть ярко и рѣзко отмѣчено (въ теоріи стратегіи), что основы стратегіи тѣ-же самыя и для суши и для моря, и съ этой цѣлью для вывода этихъ основъ долженъ изслѣдоваться въ одинаковой мѣрѣ опытъ и сухопутныхъ и морскихъ войнъ, что дастъ къ тому-же, какъ выводъ изъ матеріала болѣе разнообразнаго, и лучшую увѣренность въ истинности этихъ основъ. А значитъ пользованіе и тѣмъ и другимъ матеріаломъ должно войти прямо въ *методъ* изу-

ченія и преподаванія стратегіи, такъ какъ вѣдь при выборѣ метода мы поставили себѣ задачу—выбрать такой, чтобы онъ оставлялъ наивозможно меньшее мѣсто всякимъ сомнѣніямъ въ томъ, что приняты не всѣ мѣры для возможнаго приближенія къ истинѣ (см. 3).

А въ прикладной стратегіи теорія примѣненія основъ стратегіи къ указаніямъ въ конкретныхъ вопросахъ непремѣнно должна быть проведена по вопросамъ, относящимся и до сухопутной и до морской обстановки. Это необходимо и для лучшаго взаимнаго познанія арміи и флота, что чрезвычайно важно для возможности сознательной совмѣстной дѣятельности, и это-же даетъ хорошую практику для ума изучающаго стратегію, въ оцѣнкѣ обстановки для примѣненія къ ней основныхъ началъ.

7. Стратегія должна бороться съ отчужденностью сухопутнаго и морского военныхъ сословій.

И вообще, гдѣ это возможно и въ среднихъ учебныхъ военныхъ заведеніяхъ, а въ высшихъ—академіяхъ—обязательно, параллельно съ подробными курсами военныхъ наукъ, относящихся къ своей спеціальности, долженъ читаться, хотя-бы и въ сжатомъ видѣ, въ сухопутныхъ—курсъ, объясняющій обстановку морской войны и дающій примѣры приложенія общихъ законовъ войны къ морской обстановкѣ, и обратно. Именно этимъ путемъ (методомъ) будетъ пробита серьезная брешь въ опасной для военнаго успѣха отчужденности различныхъ родовъ оружія между собою. Дальнѣйшее сдѣлаютъ совмѣстные маневры, и лучше всего, конечно, сама война — боевое товарищество. Но для такого товарищества должна быть подготовлена почва, — иначе результатъ совмѣстныхъ дѣйствій на войнѣ, при отсутствіи сознательности, можетъ оказаться совсѣмъ другой—взаимное раздраженіе. Примѣровъ этого сколько угодно дала именно наша послѣдняя несчастная война съ Японіей.

Породило эти случаи взаимное недовѣріе, а недовѣріе это выросло на почвѣ взаимнаго незнанія и непониманія. Армія и флотъ, вмѣсто того, чтобы руководиться завѣтами Великаго Петра, который завѣщалъ имъ, что «потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ, а который и

флотъ имѣетъ — обѣ руки имѣетъ», и дѣйствовать какъ двѣ руки одного человѣка, вполнѣ согласованно для достиженія общей цѣли, часто слѣдуютъ завѣту, хотя и евангельскому, но совершенно не для подобныхъ случаевъ предназначенному— «да не вѣдаетъ правая рука, что творитъ лѣвая».

Извѣстно, что слабая сторона всякой союзной силы лежитъ въ отсутствіи взаимнаго довѣрія между союзниками, и какъ слѣдствіе этого — въ отсутствіи согласованности дѣйствій. Армія и флотъ — это тоже союзники, но только союзники естественные, нераздѣльные и вѣчные. Разойтись имъ нельзя никогда, и въ этомъ сознаніи имъ надо неуклонно изучать другъ друга, чтобы научиться другъ другу довѣрять. Идеаломъ имъ слѣдуетъ поставить себѣ Великаго Петра, въ которомъ сухопутный военный крѣпко слился съ морякомъ.

А понимать другъ друга, не только армія и флотъ, но вообще всѣ люди причастные къ военному дѣлу, будутъ только тогда, когда у нихъ будутъ общія — единыя мысли о веденіи войны.

И вотъ въ созданіи этой общности — *единства военной мысли* — огромную роль играетъ военная наука. Вѣдь только тогда мысль и можетъ стать *общей*, если она всѣмъ извѣстна, и только тогда *единой*—если она всѣми принимается за истину.

А задача военной науки вѣдь въ томъ и состоитъ, чтобы вырабатывать, наиболѣе приближающіяся къ истиннымъ, познанія о веденіи войны, и доказывать истинность этихъ познаній, и затѣмъ давать имъ широкое распространеніе. Это совершенно не могутъ сдѣлать ни одинъ, ни много практическихъ дѣятелей, сколь-бы ни были они талантливы, такъ какъ работаютъ они въ самыхъ различныхъ условіяхъ, всегда находятся подъ вліяніемъ какъ этихъ условій, такъ и своей индивидуальности, возможность повѣрокъ ихъ противуположныхъ мнѣній создается очень трудно, а потому и мысли ихъ о веденіи войны остаются очень различными. Они только повѣряютъ положенія, выработанныя наукой, на практикѣ, и внося и свой опытъ въ дополненіе къ вѣковому опыту прошедшаго, уже сконцентрированному въ наукѣ, они способствуютъ совершенствованію этой науки и движенію ея впередъ.

Въ созданіи этого единства военной мысли и весь смыслъ военнаго образованія, въ особенности высшаго. Люди съ высшимъ военнымъ образованіемъ—это опорные пункты единства мысли, разбросанные въ широкомъ просторѣ разнорѣчій общей массы, и изъ этихъ опорныхъ пунктовъ единство мысли и должно распространяться и пропитывать эту массу, извлекая изъ нея, въ свою очередь, повѣрку своей истинности, и препровождая полученный матеріалъ въ науку о войнѣ, для общей его сводки.

И такое взаимодѣйствіе не можетъ остановиться никогда. Успокоеніе на лаврахъ, отдыхъ для науки столь живой и столь близко соприкасающейся съ жизнью, какъ наука о войнѣ, будетъ началомъ конца. Она быстро при такихъ условіяхъ обратится въ рутину и омертвѣетъ. Какъ сказочные наши богатыри, какъ герои миѳологіи, которые для совершенія новыхъ подвиговъ должны были припадать къ родившей ихъ землѣ, чтобы набраться новыхъ силъ, такъ и наука о войнѣ должна все время черпать новый матеріалъ и новую энергію отъ дѣйствующей военной силы, которая и породила эту науку, и для служенія которой она единственно только и существуетъ.

Итакъ въ *методѣ* изученія и преподаванія стратегіи не должно входить раздѣленіе ея на сухопутную и морскую. Эдакъ придется скоро создавать еще одну стратегію—воздушную, такъ какъ военныя операціи въ этой, еще совсѣмъ недавно недоступной для человѣка вообще, стихіи скоро должны получить огромное распространеніе. А между тѣмъ стратегія и для этой стихіи останется та-же.

8. Война въ воздухѣ объединитъ армію и флотъ.

Впрочемъ война въ воздухѣ сама по себѣ явится объединяющимъ началомъ между войной на сушѣ и войной на морѣ. И не только потому, что воздушная стихія простирается одинаково и надъ сушей и надъ моремъ. Дѣло въ томъ, что по своему существу и по своимъ особенностямъ война въ воздухѣ имѣетъ огромное сходство съ войной на морѣ, а протекать она будетъ главнымъ образомъ надъ сушей, гдѣ сосредоточены всѣ главные интересы чело-

вѣчества, изъ-за которыхъ и ведутся войны. Флотъ имѣетъ огромныя преимущества передъ арміей въ средствахъ и способахъ веденія войны, о которыхъ теперь конечно не мѣсто говорить, и которымъ въ своемъ мѣстѣ будетъ посвященъ особый очеркъ, но коренной и неустранимый недостатокъ флота, почти сводящій на нѣтъ всѣ его совершенства—это невозможность вылѣзть на сушу. А вотъ воздушная война—это и будетъ, по существу, морская война, перенесенная со всѣми ея особенностями на сушу. Основная причина сходства воздушной и морской военныхъ силъ лежитъ въ томъ, что и воздушная и морская стихіи не позволяютъ человѣку передвигаться по нимъ съ помощью естественныхъ своихъ средствъ передвиженія, а для этого какъ тамъ, такъ и здѣсь необходимо имѣть особыя искусственныя сооруженія, двигающіяся при помощи машинъ. Существенное различіе между этими сооруженіями въ настоящее время лишь въ грузоподъемности. И какъ только техника справится съ малой грузоподъемностью воздушныхъ аппаратовъ, а это она сдѣлаетъ несомнѣнно, придетъ конецъ и арміи и флоту, и на мѣсто ихъ станетъ *единая* воздушная сила.

И обстановка войны въ воздухѣ, когда эта война будетъ имѣть мѣсто, по своей сущности будетъ вполнѣ аналогична съ обстановкой войны на морѣ. Кромѣ уже указаннаго выше основного сходства, она будетъ характеризоваться тѣмъ-же отсутствіемъ вліянія мѣстности, замѣненнаго вліяніемъ погоды, тѣмъ-же преимущественнымъ вліяніемъ техники, но только въ еще болѣе широкой степени, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ морской войнѣ. Также, какъ и морская война, борьба въ воздухѣ будетъ происходить внѣ обитаемаго людьми пространства, въ области принадлежащей всѣмъ одинаково, внѣ досягаемости пушечнаго выстрѣла съ земли, въ области служащей для международнаго сообщенія, а потому и тутъ возникнутъ вопросы о правахъ нейтральныхъ, о частной собственности въ воздухѣ и т. п. Сходства условій вооруженной борьбы въ воздухѣ и на морѣ такъ много, различія столь не существенны и скорѣе формальны, что можно-бы было продолжать эти параллели до безконечности.

Да это настолько просто чувствуется, что само собой для сооруженій, двигающихся въ воздухѣ, сложилось то-же названіе, что и для плавающихъ на водѣ. Слова—воздушный «корабль», воздушный «крейсеръ», а особенно воздушный «*флотъ*»—сами напрашиваются на языкъ.

А отсюда получается достаточно вѣроятное предположеніе, что воздушная сила, находящаяся теперь въ первоначальной стадіи своего существованія, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, въ созданіи боевыхъ средствъ и пріемовъ ихъ употребленія, пойдетъ путемъ, аналогичнымъ съ тѣмъ, который уже прошла морская сила, что ей придется развиваться, въ общемъ, по той-же схемѣ.

Вотъ еще одна лишняя причина—насколько важно арміямъ, которыя всѣ съ лихорадочной поспѣшностью создаютъ воздушныя флотиліи, быть хорошо знакомымъ не только съ современной морской обстановкой, но и съ путемъ, пройденнымъ морской силой въ прошломъ. Чѣмъ больше у насъ будетъ людей, понимающихъ духъ морской войны, ея особенности, ея технику, тѣмъ легче нашъ флотъ и армія, соединившись вмѣстѣ, подымутся на воздухъ, и образуютъ *единую*, а потому и нарочито мощную въ своемъ единствѣ военную силу—*воздушный флотъ*.

И тогда не будутъ говорить о *разныхъ* стратегіяхъ. Но стратегія и теперь *одна*, и возвращаясь опять къ вопросу объ естественности классификаціи, я продолжаю настаивать на томъ, что раздѣленіе стратегіи какъ науки па стратегію сухопутную и морскую и неестественно и вредно въ томъ отношеніи, что оно все таки углубляетъ отчужденіе между арміей и флотомъ, печальныхъ причинъ для котораго и такъ слишкомъ много. Вотъ *практическая* стратегія, т. е. стратегическое искусство, можетъ раздѣляться на всякія стратегіи, и тутъ, наравнѣ съ сухопутной и морской, можетъ существовать и степная, и горная, и шхерная, и рѣчная, и воздушная.

9. Изолированіе. За классификаціей идетъ изолированіе. Только для примѣненія этого пріема и производится классификація. Изолированіе заключается въ томъ, что желая изучить вліяніе какого-либо элемента на ходъ явленія, считаютъ временно,

пока продолжается изолированіе, что явленіе протекаетъ только подъ вліяніемъ этого единственнаго элемента. Это приходится дѣлать потому, что на каждое явленіе вліяютъ различные элементы, обладающіе самыми различными свойствами, противодѣйствующіе другъ другу. И если поставить задачу изслѣдовать вліяніе элемента на явленіе, не устранивъ остальные элементы, онъ можетъ и не выказать своей истинной сущности, или эта сущность проявится въ значительно искаженномъ видѣ вслѣдствіе вліянія другихъ элементовъ. А чтобы учитывать на практикѣ вліяніе именно этого элемента на явленіе, и, такимъ образомъ въ извѣстной мѣрѣ управлять явленіемъ, необходимо знать свойства элемента и его вліяніе въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ сбивающихъ сужденіе примѣсей. Только тогда можно сознательно сочетать его свойства и вліянія съ остальными и съ различными комбинаціями обстановки.

Такой пріемъ постоянно примѣняется напр. въ естественныхъ наукахъ, Напр. пусть извѣстное тѣло на практикѣ въ чистомъ видѣ никогда не употребляется, пусть оно въ чистомъ видѣ не существуетъ и въ природѣ, но все таки отъ него химическимъ путемъ отдѣляютъ всѣ примѣси, и въ такомъ чистомъ видѣ опредѣляютъ его свойства. Напр., хотя ни въ природѣ, ни при пользованіи этимъ тѣломъ на практикѣ, оно никогда не будетъ въ безвоздушномъ пространствѣ, его все таки иногда помѣщаютъ въ такое пространство, чтобы узнать сущность его свойствъ внѣ вліянія воздуха. А затѣмъ на практикѣ, въ зависимости отъ поставленныхъ себѣ цѣлей, примѣняютъ тѣла въ наивыгоднѣйшемъ сочетаніи съ извѣстными примѣсями, основывая свое рѣшеніе на точномъ познаніи свойствъ тѣла и примѣсей, и ихъ вліяній другъ на друга.

10. Пріемъ изолированія въ военныхъ наукахъ.

И вотъ въ естественныхъ наукахъ можно *дѣйствительно* выдѣлить одно тѣло изъ соединенія съ другими, можно дѣйствительно помѣстить его въ безвоздушное пространство, а въ военныхъ явленіяхъ всѣ элементы и свойства ихъ нельзя раздѣлять по желанію изслѣдователя, и изолированіе здѣсь можно производить только

мысленно, лишь *считая*, что другіе элементы или свойства не существуютъ. *Хорошо* это сдѣлать—гораздо труднѣе, чѣмъ въ естественныхъ наукахъ работать для изолированія съ самыми совершенными приборами.

Какъ примѣръ *мысленнаго* изолированія можно напр. привести изслѣдованіе маневрированія корабля въ бою. Онъ вооруженъ артиллеріей, минами, и въ крайности можетъ дѣйствовать и тараномъ. Чтобы опредѣлить вліяніе каждаго изъ этихъ средствъ борьбы на способъ маневрированія, надо изслѣдовать его, считая сначала, что корабль вооруженъ только артиллеріей, затѣмъ—при условіи, что единственное его оружіе—мины, и наконецъ—только таранъ. Какъ дистанціи, такъ и выгодныя позиціи, и пріемы ихъ занятія окажутся въ этихъ трехъ случаяхъ совершенно различными, и даже противорѣчащими другъ другу. Но когда, благодаря такимъ пріемамъ излѣдованія, требованія свойствъ различныхъ средствъ борьбы къ дистанціямъ, позиціямъ и пріемамъ маневрированія, будутъ выяснены, то жертвуя менѣе важными требованіями, и вытекающими изъ неисполненія ихъ послѣдствіями, для достиженія болѣе важнаго, можно *сознательно* принять то или другое комбинаціонное рѣшеніе, въ зависимости отъ цѣли и обстановки, напр. для различныхъ фазъ боя.

Каждый пріемъ изолированія даетъ въ разультатѣ извѣстный выводъ, но конечно выводъ этотъ *условенъ*, т. е. онъ вѣренъ только при тѣхъ условіяхъ, которыми было обставлено изолированіе. И можно придти къ полному абсурду, распространяя *частный* выводъ за предѣлы принятыхъ при его полученіи условій. Но въ жизни въ этомъ грѣшатъ сплошь и рядомъ. Грѣшатъ и теоретики, увлекаясь результатами своихъ изслѣдованій, и забывая, что ими обслѣдованы не всѣ стороны явленія. Грѣшатъ и практики, воспринимая выводы теоріи или навыка какъ рецепты, безъ изученія теоріи, т. е. безъ знанія—какимъ путемъ пришла теорія къ тому или иному выводу, и не вдумываясь въ условія, въ которыхъ создавался навыкъ.

Значитъ, какъ *пріемъ научнаго изслѣдованія*, изолированіе (односторонность) полезно и необходимо, ибо узнавъ теорети-

чески *безусловныя* свойства элементовъ, легче на практикѣ выводить заключенія объ ихъ *условныхъ* послѣдствіяхъ, изъ которыхъ и слагается вся жизненная дѣятельность. «Но самопроизвольно возводить частные выводы въ общіе» говоритъ Леерь (*) «и видѣть въ томъ, что составляетъ только *пріемъ* научнаго изслѣдованія, *все дѣло*, всю сущность сложнаго явленія—вотъ что ложно».

Конечно, кто хочетъ провести невѣрную мысль, намѣренно избѣгаетъ пріема изолированія, и старается говорить о нѣсколькихъ элементахъ явленія заразъ, жонглируя ихъ противуположными свойствами и вліяніями.

Напр. это иногда бросается въ глаза при вѣчномъ спорѣ между собою сторонниковъ различныхъ типовъ судовъ, изъ которыхъ долженъ состоять флотъ. Флотъ нуженъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей на войнѣ, а потому *боевыя* достоинства различныхъ типовъ исключительно зависятъ отъ приспособленности ихъ къ достиженію этихъ цѣлей. Между тѣмъ спорящіе сплошь и рядомъ не изолируютъ боевыя качества типовъ отъ ихъ денежной стоимости, которая въ боевомъ состязаніи роли не играетъ, и въ результатѣ часто приходятъ къ губительному выводу—цѣною подешевле, замаскировывая почти неизбѣжное слѣдствіе этого—качествомъ поплоше. Конечно денежная цѣнность боевыхъ средствъ—вещь очень важная, но надо вводить ее лишь послѣ того, какъ совершенно точно изслѣдована боевая цѣнность этихъ средствъ, чтобы можно было сознательно относиться къ тому, что получаешь въ руки, и если изъ-за бѣдности получаешь худшее, то ужъ и знать это совершенно точно, и сообразно этому и дѣйствовать. При такихъ условіяхъ возможенъ столь важный на войнѣ расчетъ, и ограничены, сколь можно, азартъ и самомнѣніе, приводящіе обыкновенно къ катастрофамъ.

11. Индукція, аналогія и дедукція при изслѣдованіи военныхъ явленій.

Вотъ когда предметъ изслѣдованія выбранъ, и въ необходимой мѣрѣ для этого подготовленъ посредствомъ классификаціи и изолированія, производятъ самое изслѣдованіе. Въ виду легкой возможности

(*) Методъ военныхъ наукъ, стр. 8.

всевозможныхъ ошибокъ въ изслѣдованіи военныхъ явленій, дѣлаютъ это сначала однимъ путемъ, а потомъ повѣряютъ и всѣми другими доступными и надежными путями. Такихъ путей, какъ уже было указано выше—три: индукція, аналогія и дедукція. На разъясненіи сущности этихъ путей я останавливаться не буду—это общеизвѣстно.

Наиболѣе наглядный, наиболѣе доступный путь—это индуктивный. Берется извѣстный конкретный случай, характеризующій изслѣдуемую сторону извѣстнаго военнаго явленія, и ищутъ ближайшую причину, вслѣдствіе которой случай произошелъ именно такъ, а не иначе. Но за этой причиной всегда стоитъ какая нибудь другая, которой она является только слѣдствіемъ; а за этой другой—новая и т. д.... Изслѣдованіе и продолжаютъ до тѣхъ поръ, когда уже идти дальше некуда. Тогда дѣлаютъ заключеніе, пока совершенно условное, что найденная причина ведетъ къ результату—разбираемому конкретному случаю, а значитъ—если онъ желателенъ, надо вводить въ дѣло найденную причину (средство), а если нежелателенъ—надо ее устранять. Условный-же этотъ выводъ во-первыхъ потому, что при опредѣленіи цѣпи причинъ приходится всегда изъ нихъ нѣкоторыя откидывать, такъ какъ онѣ могутъ оказываться не только послѣдовательными (истекающими другъ изъ друга, какъ слѣдствіе), но и параллельными, и тогда приходится дѣлать выборъ изъ нихъ, отмѣчая главную и отбрасывая второстепенныя. А въ этой оцѣнкѣ можетъ быть сдѣлана ошибка. А во-вторыхъ—найденная причина приводитъ къ взятому конкретному случаю быть можетъ лишь при извѣстной обстановкѣ, а при другой обстановкѣ совсѣмъ такого вліянія не окажетъ.

А тогда, значитъ для повѣрки правильности своихъ заключеній, желательно взять еще нѣсколько случаевъ подобныхъ первому, сначала такихъ, которые произошли въ сходной обстановкѣ съ первымъ случаемъ, а потомъ—въ обстановкахъ, возможно рѣзко отъ нея отличающихся, и съ каждымъ изъ нихъ продѣлать ту-же работу по отысканію той причины, дальше которой идти уже некуда.

Вотъ если при всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ причина окажется, по существу, та-же самая, то можно ужъ съ значительной степенью достовѣрности сказать, что, если не найдена еще совсѣмъ *истинная* причина, производящая извѣстный результатъ на войнѣ, то во всякомъ случаѣ мы ходимъ уже близко около истины. Чѣмъ больше изслѣдованій, чѣмъ разумнѣе и систематичнѣе подобраны факты—тѣмъ это убѣжденіе крѣпче. Вотъ что можетъ дать путь индукціи и аналогіи.

Тогда подходятъ къ разбираемому вопросу съ другой стороны. Считаютъ, что найденная вышеуказаннымъ путемъ причина—дѣйствительно истинная причина, производящая извѣстный результатъ, и повѣряютъ это положеніе обратнымъ путемъ—дедуктивнымъ. Для этого обсуждаютъ—какое первое послѣдствіе должна имѣть эта основная причина, при обстановкѣ извѣстнаго историческаго факта, выбраннаго конечно не изъ тѣхъ, которые послужили матеріаломъ для отысканія этой причины индуктивнымъ путемъ. Изъ этого перваго послѣдствія, какъ причины, выводятъ, соотвѣтствующій обстановкѣ, послѣдующій результатъ, и такъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не получится окончательный результатъ, завершающій разбираемый фактъ. Онъ можетъ получиться тотъ-же самый, что въ дѣйствительности (дѣйствительный результатъ вѣдь извѣстенъ), и можетъ отъ него болѣе или менѣе отличаться. Въ первомъ случаѣ является новое доказательство въ пользу истинности найденной причины. Во второмъ случаѣ требуется болѣе тщательное изслѣдованіе—не пропущена-ли какая либо данная обстановки, изъ-за чего добытый изслѣдованіемъ результатъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному. Значительное число такихъ изслѣдованій, или сдѣлаетъ результатъ индуктивной работы столь сомнительнымъ, что ее надо повторить, совершенствуя тщательность и пріемы работы, или онъ опредѣлитъ этотъ результатъ, какъ условный, годный для примѣненія лишь въ опредѣленныхъ случаяхъ, либо окончательно и безусловно подтвердитъ этотъ результатъ, и тогда его можно считать наиболѣе близкимъ къ истинѣ, въ предѣлѣ даваемыхъ средствъ для отысканія этой истины научнымъ методомъ, и можно считать, что сдѣлано

все, въ предѣлахъ возможнаго, чтобы отыскать эту истину. Тогда можно уже ее примѣнить и для посильныхъ указаній со стороны теоріи практикѣ. Для этого тѣ истины, которыя являются безусловными, т. е. не зависящими отъ обстановки, выражаютъ въ видѣ принциповъ. Условныя-же истины, соотвѣтствующія обстановкамъ, имѣющимъ мѣсто и въ настоящее время—изображаютъ въ видѣ правилъ и нормъ, тщательно оговаривая—при какихъ только условіяхъ онѣ рекомендуются. Наконецъ принципы проводятся черезъ искусственно скомбинированные типичные виды современной обстановки и получаютъ и этимъ путемъ рядъ правилъ и нормъ, опять таки условныхъ, и требующихъ, при ихъ рекомендаціи практикѣ тщательныхъ оговорокъ объ ихъ условности.

Можно выбрать нѣсколько другой путь. Можно установить исходное посильное приближеніе къ истинѣ и путемъ размышленія, и затѣмъ идти сначала къ результатамъ дедуктивнымъ путемъ, а затѣмъ повѣрку производить путемъ обратнымъ—индуктивнымъ и аналогическимъ. Выборъ различныхъ варіацій научнаго метода дѣло чисто личнаго вкуса и большей склонности или способности къ тому или другому пути. Напр. принципы военнаго дѣла можно получить изслѣдуя индуктивнымъ путемъ цѣлый рядъ военныхъ событій, относящійся къ самымъ различнымъ обстановкамъ и эпохамъ (именно потому, что въ данномъ случаѣ мы стремимся отыскать истины безусловныя, не зависящія отъ обстановки), и сравнивая результаты этихъ изслѣдованій (аналогія), или можно путемъ размышленія дойти до сознанія, что вѣчное на войнѣ—это духовная сторона человѣка, и вѣчная данная обстановки военнаго явленія—это сфера смертельной опасности для человѣка, а значитъ принципы должны вытекать изъ воздѣйствія духовныхъ свойствъ человѣка на его физическую природу въ сферѣ смертельной опасности. Принявъ это за установленное, можно дедуктивнымъ путемъ придти къ какимъ-то положеніямъ, которыя, въ той мѣрѣ, на сколько вѣрны установленныя исходныя положенія, представляютъ изъ себя искомые принципы. Если эти принципы оказались тѣ-же самые, что и найденные индуктивнымъ путемъ, довѣріе къ нимъ, какъ къ

безусловнымъ истинамъ повышается, и вмѣстѣ съ тѣмъ повышается и довѣріе, съ одной стороны—къ установленнымъ для примѣненія дедукціи исходнымъ положеніямъ, а съ другой—къ пріемамъ изслѣдованія при примѣненія индукціи, которую значитъ и нужно доводить всегда до причинъ, лежащихъ въ духовной сторонѣ человѣческой природы.

Вотъ такъ должна создаваться, и создавалась и теорія стратегіи. Ошибки конечно возможны во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ. Но можно сказать, что такой методъ лучше всякаго другого обезпечиваетъ отъ ошибокъ при разработкѣ теоріи какой-бы то ни было военной науки, а въ данномъ случаѣ—стратегіи.

12. О достовѣрности источниковъ излагающихъ военныя событія. Изъ указанныхъ разновидностей научнаго метода, съ перваго взгляда болѣе легкимъ и доступнымъ представляется индукція. Но на самомъ дѣлѣ легкость эта чисто кажущаяся. Помимо трудности самого анализа историческаго факта, для чего требуется все тотъ-же талантъ, изслѣдователь постоянно сталкивается съ недостовѣрнымъ изложеніемъ событій въ различныхъ изучаемыхъ имъ источникахъ.

Что недостовѣрность существуетъ—въ этомъ сомнѣнія у изслѣдователя нѣтъ, такъ какъ различные источники говорятъ разное. А тогда возникаетъ вопросъ—какому-же изъ нихъ довѣрять и въ какой степени? Это вопросъ страшно важный, такъ какъ вся цѣнность индуктивнаго изслѣдованія зависитъ отъ точности фактической стороны событія, исходной точки этого способа изслѣдованія, и возможность ошибки въ фактической сторонѣ подрываетъ довѣріе и къ выводу. И вотъ оказывается опредѣлить степень довѣрія къ источнику дѣло страшно трудное.

Казалось-бы, съ перваго взгляда, что можетъ быть правдивѣе офиціальныхъ донесеній о событіяхъ? Но стоитъ только въ достаточной мѣрѣ познакомиться съ ними, чтобы быстро разочароваться въ нихъ. Прежде всего поражаетъ существенная разница въ офиціальныхъ донесеніяхъ противниковъ о томъ-же событіи. Сначала представляется, что это происходитъ оттого, что самое событіе представляется противникамъ

различно, а значитъ и разница эта невольная. Но это прямо опровергается тѣмъ, что каждый изъ противниковъ рисуетъ событія въ болѣе благопріятномъ для себя освѣщеніи, замалчивая обстоятельства событія для него неблагопріятныя. И если исторія показываетъ, что это дѣлалось всегда и всѣми, какое основаніе мы имѣемъ думать, что то-же самое не дѣлается теперь? Да оно и дѣлается. Наша послѣдняя война съ Японіей даетъ тому сколько угодно примѣровъ. А война Италіи съ Турціей? А Балканская война? Эти войны полны самыми явно недобросовѣстными офиціальными сообщеніями. А значитъ къ такимъ донесеніямъ надо относиться съ большой осторожностью. А значитъ съ извѣстной осторожностью приходится относиться и къ офиціальнымъ исторіямъ войнъ, такъ какъ, по понятнымъ причинамъ, онѣ основываются гораздо больше чѣмъ слѣдуетъ на офиціальныхъ донесеніяхъ и документахъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ показаніями и записями участниковъ военныхъ событій, съ различными мемуарами, дневниками, замѣтками и т. п.... Конечно нельзя отрицать, что имѣются между ними и записи и показанія совершенно правдивыя и искреннія. Но и логика подсказываетъ, и исторія доказываетъ это, что участники событій тоже и невольно, и вольно искажаютъ описываемыя ими событія. Невольно— потому, что часто видятъ только часть событія, и окраску этой части и своего настроенія въ этотъ моментъ придаютъ всему событію, которое въ полномъ видѣ описываютъ съ чужихъ и непровѣренныхъ словъ. А вольно — все изъ-за тѣхъ-же человѣческихъ слабостей—желанія представить событіе въ выгодномъ свѣтѣ для себя, для своей части, для своего народа. И еще самый невинный при этомъ пріемъ— умолчаніе о томъ, что могло-бы набросить тѣнь. Сколько напр. мемуаровъ было написано съ цѣлью—отвести и себѣ и излюбленнымъ лицамъ и событіямъ несоотвѣтствующее мѣсто въ исторіи. Такое исторически-загробное самолюбіе тоже одна изъ человѣческихъ слабостей.

Не даютъ совсѣмъ точнаго освѣщенія событій и слѣдственныя и судебныя дѣла по поводу событій. Здѣсь идетъ борьба

между обвиненіемъ и защитой, и какъ и вообще въ судебныхъ дѣлахъ, не всегда правая сторона выходитъ побѣдительницей. А кромѣ того судебныя дѣла, возникающія по случаю различныхъ военныхъ неудачъ, имѣютъ еще и особый характеръ. Вѣдь здѣсь въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на скамьѣ подсудимыхъ являются не *злоумышленники*, а люди стремившіеся сдѣлать какъ можно лучше, и лишь *не сумѣвшіе* это сдѣлать.

Казалось-бы, что разъ на слѣдствіи выяснится, а иногда это ясно всѣмъ и каждому до слѣдствія, что обвиняемые, дѣйствуя такъ или иначе, не преслѣдовали никакихъ личныхъ цѣлей и не подлежали никакому нареканію въ отношеніи ихъ мужества, то этимъ самымъ они уже должны выйти изъ разряда подсудимыхъ и являться, или лицами только прикосновенными къ дѣлу, или даже просто свидѣтелями въ дѣлѣ, гдѣ судятъ не того или другого человѣка, а гдѣ судъ ставитъ себѣ цѣлью выяснить—какія стороны *организаціи* военнаго дѣла повліяли на неудачу. Казалось-бы здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ должна быть система, а не тѣ или иные люди, и чаще всего жертвы этой системы. Въ *неумѣньѣ* на войнѣ обвинять нельзя, тѣмъ болѣе если можетъ быть доказано, что умѣнья и быть не могло. Несчастный англійскій адмиралъ Бингъ былъ осужденъ и разстрѣлянъ за свое неумѣлое поведеніе въ Минорксскомъ сраженіи, тогда какъ въ это время не нашлось-бы никого въ англійскомъ флотѣ, который поступилъ-бы иначе. И если-бы судили не его, а систему, приведшую къ такому состоянію англійскій флотъ, то не пролилась-бы его невинная кровь, и англійскій флотъ освободился-бы отъ системы, которая еще сильнѣе придавила его послѣ казни Бинга, и тяготѣла надъ нимъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ. А разъ въ такихъ военныхъ судебныхъ дѣлахъ являются такіе подсудимые, невиновность которыхъ, если и не сознается вполнѣ отчетливо, то все-таки инстинктивно чувствуется, въ особенности людьми той среды, къ которой принадлежитъ обвиняемый, а тѣмъ болѣе его ближайшими сослуживцами, то не совсѣмъ свободны бываютъ и свидѣтельскія показанія. Не одинъ свидѣтель въ такихъ судебныхъ дѣлахъ чувствовалъ,

что не виноваты по существу тѣ люди, которыхъ судятъ, и сообразовалъ свои показанія съ благороднымъ чувствомъ — не повредить этимъ людямъ, и безъ того несчастнымъ. Совсѣмъ иное было-бы, если-бы судили систему.

Но это только казалось-бы, что такъ должно быть. А на самомъ дѣлѣ на судѣ никогда не судится система, а всегда судятся отдѣльные люди.

Судъ надъ системой предоставляется исторіи. Но вотъ матеріалъ для такого суда предлагается ей крайне сбивчивый, вплоть даже до судебныхъ дѣлъ по поводу военныхъ событій, и приходится заключить, что при индуктивной работѣ надо ко всякому историческому матеріалу относиться съ огромной осмотрительностью.

13. Клаузевицъ о достовѣрности описанія военныхъ событій.

Совершенно справедливо Клаузевицъ (*) отмѣчаетъ по поводу сраженій, что «истина появится развѣ со временемъ въ исторіи, освободясь изъ подъ вліянія невѣдѣнія, мелочнаго самолюбія или даже умнаго расчета» и что напр. «обоюдныя донесенія о числѣ убитыхъ и раненыхъ никогда не точны, рѣдко правдивы и въ большинствѣ случаевъ преисполнены преднамѣренными извращеніями». А исторія по его мнѣнію, въ извѣстныхъ отношеніяхъ «легко можетъ сдѣлаться врагомъ и обманщикомъ, если критика не возстановитъ истины». Въ извѣстныхъ случаяхъ полководцу приходится создавать себѣ *туманныя видѣнія* (**), коими онъ морочитъ свою армію, свое правительство, весь міръ и даже самого себя». Для своего оправданія «если предпріятіе связано съ дѣйствіемъ другихъ армій, то на нихъ спихивается отвѣтственность; собственная бездѣятельность покрывается отсутствіемъ поддержки и согласія въ дѣйствіяхъ. Ссылаются на непреодолимыя трудности, отыскиваются причины самыя мелочныя... А между тѣмъ вся эта путаница неправды переходитъ въ исторію и стушевываетъ причину неуспѣха... Когда критика возьмется за такую кампанію, то она путается во множествѣ доводовъ и опровер-

(*) Война. I т. стр. 99, 193—195. II т. стр. 41—43.

(**) Курсивъ подлинника.

женій, не добившись убѣдительнаго результата, потому что все паритъ въ воздухѣ, а до настоящаго основанія и корня истины не спускались. Впрочемъ обманъ этотъ не есть единственно послѣдствіе дурной привычки, онъ кроется въ самой природѣ дѣла. Противовѣсы, ослабляющіе стихійные порывы войны, кроются по большей части въ политическихъ отношеніяхъ и намѣреніяхъ государства, а эти намѣренія скрываютъ передъ міромъ, народомъ, арміей, а иногда даже передъ полководцемъ. Задержку своихъ дѣйствій или прекращенія войны никто не станетъ мотивировать признаніемъ, что онъ опасается за окончательный исходъ борьбы, боится появленія новыхъ враговъ или излишняго усиленія своихъ союзниковъ и т. п. О такихъ побужденіяхъ всегда умалчиваютъ; они остаются неизвѣстны долго, а иногда и навсегда. Тѣмъ не менѣе, такъ или иначе приходится передъ міромъ оправдать свои дѣйствія; и вотъ, полководецъ вынужденъ выдумать какіе-либо мотивы, хотя-бы и ложные. Такая игра словъ военной діалектики, окаменѣвъ въ теоріи, проявилась въ видѣ столь-же ложныхъ теоретическихъ системъ. А между тѣмъ теорія тогда только дойдетъ до сути дѣла, когда она слѣдитъ за простой нитью внутренней связи дѣлъ. *Если взглянемъ на военную исторію съ этимъ разумнымъ недовѣріемъ*, то передъ нами падутъ многія сложныя большія машинеріи (махинаціи)... Военныя событія рѣдко вполнѣ извѣстны; еще менѣе извѣстны настоящія побужденія дѣятелей. Послѣднія не разъ скрываются умышленно или-же теряются для исторіи, если они были случайныя и преходящія».

И такихъ авторитетныхъ мнѣній о достовѣрности источниковъ излагающихъ военныя событія можно привести сколько угодно (*).

Поэтому работающіе надъ историческими изслѣдованіями, несмотря и на полную свою добросовѣстность и на изученіе событій по первоисточникамъ (архивнымъ даннымъ), несмотря

(*) Подробнѣе изложенъ этотъ вопросъ въ книгѣ моей «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства». 1910 г.

на пользованіе показаніями очевидцевъ, сплошь и рядомъ впадаютъ въ болѣе или менѣе крупныя ошибки.

Отъ изслѣдователя поэтому, помимо добросовѣстности и усидчивости, непремѣнно требуется талантъ, извѣстное *чутье къ истинѣ*, особая способность къ всесторонней критикѣ. Ему приходится усвоить привычку ко всякому показанію, ко всякому документу относиться недовѣрчиво, и искать возможность его провѣрить. Л. Толстой (*) прямо противопоставляетъ свой романъ «Война и Миръ» историческимъ сочиненіямъ, къ которымъ онъ относится съ нескрываемымъ недовѣріемъ. Объ этомъ стоитъ вспомнить именно теперь, когда черезъ 100 лѣтъ послѣ Бородинскаго боя, оказалось, что Толстой былъ правъ, утверждая (послѣсловіе къ «Войнѣ и Миру»), что этотъ бой совершенно ложно описанъ и въ официіальныхъ описаніяхъ и въ военной исторіи. А вотъ онъ съумѣлъ силой своего таланта и чутья къ истинѣ найти правду, и теперь это засвидѣтельствовано и новѣйшими историческими изысканіями.

14. Роль метода въ устраненіи послѣдствій неточностей въ изложеніи военныхъ событій.

Я, быть можетъ, съ нѣсколько подчеркнутой рѣзкостью, остановился на сомнительности всевозможныхъ источниковъ, служащихъ матеріаломъ для индуктивной работы теоріи. Сдѣлалъ я это съ намѣреніемъ, чтобы совершенно опредѣленно представить тѣ трудности, съ которыми дѣйствительно приходится бороться изслѣдователю, чтобы не представить легкимъ то дѣло, которое, на самомъ дѣлѣ, страшно трудно. Но, конечно, я отнюдь не имѣлъ въ виду указывать, что военнымъ историческимъ матеріаломъ пользоваться нельзя и не стоитъ.

Напротивъ и слѣдуетъ и стоитъ, хотя бы ужъ просто потому, что другого матеріала для индуктивной работы и нѣтъ.

А только, сознательно относясь къ тому, что дѣйствительно представляетъ изъ себя этотъ матеріалъ, надо съ помощью *метода* устранить вредныя послѣдствія его недостатковъ, и надо принять такой методъ, который и при этихъ недостат-

(*) «Русскій Архивъ» за 1868 г. Статья Толстого процитирована въ моей книгѣ, стр. 219.

кахъ, все-таки велъ бы къ наибольшему приближенію къ истинѣ.

А для этого, во-первыхъ, число событій, которое берется для индуктивнаго способа нахожденія причинъ военныхъ явленій, должно быть значительно. Во-вторыхъ, событія эти непремѣнно должны очень сильно разниться по обстановкѣ, лучше всего если они будутъ относиться къ самымъ различнымъ эпохамъ состоянія военнаго дѣла, такъ какъ всего вѣроятнѣе различныя неточности въ обстановкѣ, а потому и слѣдуетъ стремиться къ освобожденію отъ ея вліянія. А между тѣмъ, сколько приходится слышать о полной безполезности и даже о вредѣ изслѣдованія военныхъ событій такихъ эпохъ, когда и средства веденія войны, и состояніе культуры человѣчества были совсѣмъ другія, чѣмъ теперь. Въ третьихъ, не надо гнаться за поисками причинъ мелкихъ, которыхъ вліяніе проявляется не столь рѣзко, такъ какъ такое вліяніе, какъ болѣе мелкое, гораздо легче затемняется и искажается послѣдствіями тѣхъ неизбѣжныхъ неточностей, которые существуютъ во всякомъ историческомъ матеріалѣ.

Вотъ при такихъ условіяхъ, вліяніе такихъ неточностей будетъ доведено до минимума, а этого и долженъ добиваться изслѣдователь. Вѣдь нельзя же допустить, что если событій взято много, то искажены *всѣ* событія, и даже больше—допустить, что всѣ событія искажены *въ одномъ направленіи*—въ сторону преобладанія все одной и той же причины. Гораздо болѣе логично предположить, что какъ бы ни были извращены факты, но то *общее* и *крупное*, что удалось въ нихъ подмѣтить, то общее, которое и служитъ собственно основаніемъ къ индуктивно-аналогическому выводу—что общее и крупное—дѣйствительно было и вліяло, и что извращенія относятся именно къ тому *мелкому* и *разному*, что въ каждомъ событіи сопутствовало общему, и что мы откинули.

Пусть даже извѣстный фактъ происходилъ совсѣмъ не такъ, какъ передала его намъ исторія. Пусть напр. въ извѣстномъ бою побѣдитель не сосредоточилъ свои силы, а разбросалъ ихъ, и сраженіе онъ выигралъ случайно (т. е. по причинамъ, оставшимся намъ неизвѣстными), а мы, руководствуясь лож-

нымъ описаніемъ боя, сдѣлали выводъ, что одна изъ причинъ побѣды была—сосредоточеніе силъ. Но такого подбора случайностей мы не только во всѣхъ выбранныхъ нами фактахъ, если ихъ взято достаточное количество, но даже въ значительной части ихъ, допустить не можемъ, и значитъ этотъ фактъ не опровергаетъ нашихъ заключеній, и выпадаетъ только изъ ряда фактическихъ доказательствъ, и присоединяется къ числу доказательствъ логическихъ, посредствомъ искусственно скомбинированнаго примѣра. Для этого надо лишь не ограничиваться простымъ указаніемъ причинъ и результатовъ и ихъ сопоставленіемъ, а показывать послѣдовательную работу причинъ по приведенію событія къ извѣстнымъ результатамъ. И лишь, если этого сдѣлать нельзя, и вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ вѣское основаніе не довѣрять фактическому изложенію, не слѣдуетъ пользоваться событіемъ для доказательства. Но опять-таки, если это почему-либо и сдѣлано, то, при достаточномъ количествѣ взятыхъ событій, это вреда не принесетъ.

Наибольшія ошибки все-таки допустимы не столь въ самыхъ фактахъ, сколь въ изложеніи тѣхъ побужденій, которыя руководили участниками событій. Да оно и понятно. Чужая душа—потемки. Даже собственныя письма и дневники и воспоминанія участниковъ не всегда выдаютъ ихъ истинныя намѣренія. Они даже сами могли не сознавать истинной сущности своихъ помысловъ, а поступали инстинктивно согласно съ этой сущностью. Вотъ такія ошибки историковъ, въ зависимости отъ цѣли изслѣдованія, еще меньше отнимаютъ цѣнность изложенныхъ ими событій для индуктивной работы.

Пусть, дѣйствительно, событіе происходило не совсѣмъ такъ, какъ оно изложено, и именно въ томъ смыслѣ, что въ головѣ руководителей событія не было тѣхъ мыслей, которыя мы имъ приписываемъ. Пусть событіе сложилось случайно, пусть руководитель дѣйствовалъ безсознательно. Но если установленъ фактъ, что онъ все-таки дѣйствовалъ извѣстнымъ образомъ и это привело къ извѣстнымъ результатамъ, то причина успѣха, насколько она зависитъ отъ *хода событія*—все та же, внѣ зависимости—чѣмъ именно вызванъ такой ходъ событія. Не-

вѣрное заключеніе, въ данномъ случаѣ, получается лишь о руководителѣ событіемъ, но не о причинѣ результата.

Значитъ, самъ индуктивно-аналогическій путь изслѣдованія, правильно лишь примѣненный, въ значительной мѣрѣ возмѣщаетъ недостатокъ въ достовѣрности историческаго матеріала. Онъ можетъ добыть закономѣрность военныхъ явленій изъ исторіи, даже при наличіи массы въ ней погрѣшностей. Но сознавать, что эти погрѣшности существуютъ, и что онѣ всюду подстерегаютъ насъ—надо. Иначе отъ нихъ не убережешься. Надо умѣть строить свою работу, какъ вычерчиваютъ кривую по точкамъ, отбрасывая тѣ точки, которыя окажутся внѣ «согласной» кривой.

15. Значеніе труда въ методѣ.

Все же, что было сказано выше, имѣло цѣлью подчеркнуть, что такія индуктивно-аналогическія изслѣдованія требуютъ огромнаго и добросовѣстнаго труда. Очевидно не меньше труда и осмотрительности требуетъ и дедуктивный путь, и при установленіи исходнаго основанія, и при проведеніи его черезъ различныя стадіи историческаго факта, и тѣмъ болѣе—черезъ комбинаціи современной обстановки, которыя тоже надо очень тщательно выбрать и систематизировать.

И вотъ является вопросъ—какъ надо смотрѣть на этотъ тяжелый трудъ? Надо-ли видѣть въ немъ неизбѣжную и несносную помѣху, мѣшающую достиженію результата? Надо-ли, наконецъ, стремиться къ устраненію этого труда?

Быть можетъ это покажется и страннымъ съ перваго взгляда, но на вопросъ этотъ приходится отвѣтить отрицательно. И причина этого совсѣмъ простая.

Дѣло въ томъ, что для жизни всякое знаніе наше цѣнно лишь постольку, поскольку мы способны примѣнять его на дѣлѣ. Много существуетъ всякихъ знаній, которыя сами по себѣ показываютъ и способъ примѣненія. Напр., формула, опредѣляющая зависимость между объемомъ шара и его радіусомъ, прямо показываетъ, что нужно сдѣлать, чтобы получить объемъ, если радіусъ извѣстенъ. Много также существуетъ знаній, примѣненіе которыхъ допускаетъ значительное время на размышленіе, на справки и т. п. Та же взятая формула,

если она позабыта, можетъ быть выведена, или взята изъ книги.

Совсѣмъ не то въ военномъ дѣлѣ. Въ боевой обстановкѣ требуется часто мгновенное, чисто инстинктивное рѣшеніе. Сами положенія теоріи военнаго дѣла не даютъ обыкновенно указаній—какъ прилагать ихъ къ безконечно разнообразной обстановкѣ. Пусть кто нибудь и знаетъ, что для успѣха надо сосредоточить свои силы въ рѣшительномъ пунктѣ, но это не даетъ никакихъ указаній — какъ что дѣлать. Для этого нуженъ, если не боевой опытъ, который рѣдко кто имѣетъ въ достаточной мѣрѣ въ наши дни, то во всякомъ случаѣ нѣчто его замѣняющее, тоже какой-то опытъ въ примѣненіи этого начала. Вотъ этотъ опытъ, въ извѣстномъ направленіи мысли о войнѣ, и создается упорнымъ *трудомъ* по изученію войны. Безъ труда нѣтъ практики въ работѣ мысли, а потому нѣтъ и выработаннаго мышленія. Въ извѣстной и даже значительной мѣрѣ освобождены отъ этого таланты и геніи. Какими-то невѣдомыми намъ путями, чудеснымъ Божьимъ даромъ, какъ мы его называемъ, они уже имѣютъ это правильное мышленіе отъ природы, какъ напр. существуютъ феноменальные спеціальные таланты, рѣшающіе умственно и моментально очень сложныя математическія задачи. Но среднему человѣку это недоступно, и ему надо въ себѣ создавать правильное мышленіе. А это достигается только практикой, т. е. трудомъ, въ области изученія войны—трудомъ тщательныхъ изслѣдованій военныхъ явленій.

Надо, сообразно степени своей способности или таланта, научиться правильно стратегически и тактически мыслить, надо перевести положенія стратегіи и тактики въ *свой* способъ мышленія, и только тогда мы даже совсѣмъ инстинктивно—а это именно очень важно въ военномъ дѣлѣ—будемъ примѣнять эти положенія на практикѣ.

И наконецъ, это большое заблужденіе, что и таланты и геніи могутъ обходиться безъ труда.

Они могутъ обходиться безъ него въ большей мѣрѣ чѣмъ мы—средніе люди, но именно трудъ работы мысли шлифуетъ и даетъ настоящій блескъ и выдающему таланту и генію. Кто

откажетъ въ признаніи выдающагося изобрѣтательскаго таланта въ области техники знаменитому Эдиссону? А между тѣмъ онъ увѣряетъ, что «въ великомъ открытіи 2% генія и 98% потѣнія».

«Пріятное заблужденіе толпы» говоритъ Леeръ (*) «что творческій процессъ подобенъ счастливой мысли, внезапно приходящей въ голову,—это заблужденіе тотчасъ разсѣивается, какъ только мы изучаемъ то, что дѣйствительно испытывали творцы великаго и прекраснаго».

«*Все величіе въ области мысли—это продуктъ упорнаго труда.* Правда, часто этотъ трудъ прилагается не въ моментъ самаго созиданія, но во всякомъ случаѣ когда-либо этотъ трудъ былъ затраченъ. Расчетъ въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ война, требуетъ не малаго труда, и тѣмъ большаго—для изощренія способности къ *быстрому, мгновенному* расчету, составляющему сущность вдохновенія (по Наполеону—вдохновеніе—это быстро сдѣланный расчетъ, т. е. заблаговременно накопленное размышленіе объ извѣстномъ дѣлѣ). Тотъ, кто не *научился* разсчитывать, никогда не будетъ разсчитывать ни быстро, ни медленно».

16. Изучать это значить учиться предвидѣть.

Ко второй части своей стратегіи (подготовительныя и дополнительныя операціи) Леeръ выбралъ эпиграфомъ слѣдующія слова Карріона Низаса: «Безъ времени и труда нельзя создать чего-либо истинно великаго. И если въ дѣлахъ, которыя становятся выше уровня минуты, кажется, что причиною ихъ была импровизація, то въ сущности эта кажущаяся импровизація объясняется тѣмъ, что объ этихъ вещахъ думали (т. е. къ нимъ тщательно готовились) въ то время, когда никто о нихъ не думалъ, такъ что, когда наступитъ минута, что общественное вниманіе устремляется на нихъ, то люди, думавшіе о нихъ ранѣе другихъ, оказываются къ нимъ и болѣе подготовленными. Вотъ *тайна великихъ дѣлъ. Она заключается въ настойчивой и продолжительной работѣ мысли въ извѣстномъ направленіи.* Проницательность, умъ, геній собственно въ томъ и заключаются, чтобы умѣть *пред-*

(*) Коренные вопросы. стр. 21—24.

видѣть то, чему суждено будетъ современемъ обратить на себя вниманіе всѣхъ, и къ тому тщательно подготовляться. Смѣло можно сказать, что есть что-то уже исполненнаго въ томъ, что было долгое время и настойчиво обдумываемо». *Изучать*—это, всегда въ извѣстной мѣрѣ, *значитъ—умѣть предвидѣть*. Таланты и геніи могутъ это дѣлать легче—они способны это дѣлать по какимъ-то такимъ немногимъ и неяснымъ признакамъ, которые для обыкновенныхъ людей неуловимы, но въ извѣстной мѣрѣ должны это умѣть и средніе люди, и путь для этого для нихъ одинъ—трудолюбивое изученіе.

«Мнѣ кажется» справедливо замѣчаетъ по этому поводу публицистъ М. О. Меньшиковъ (*) «такая-то крошка геніальности какъ 2%, имѣется въ каждомъ *заурядномъ* черепѣ. Антропоиды ниже посредственности не въ счетъ. Но чаще всего не достаетъ 98% потѣнія. Вотъ основная причина нашего поразительнаго невѣжества относительно будущаго. Помилуйте, какъ тутъ знать будущее, когда мы грубо ошибаемся въ настоящемъ, ибо намъ лѣнь (**) изучить его сколько-нибудь серьезнымъ образомъ. На вопросъ: можно ли видѣть будущее, я увѣренно отвѣчаю: его *должно* видѣть, и эта способность становится критеріемъ существованія. Предвидящіе спасаются или одолѣваютъ. Не столько сильнымъ, сколько *зоркимъ* принадлежитъ право жизни. Отбросимъ суевѣріе, будто нельзя видѣть будущаго: мы его во многихъ и многихъ отношеніяхъ уже видимъ—остается дорисовывать и дополнять пробѣлы. Будущее, по крайней мѣрѣ ближайшее, нужно отчетливо видѣть, какъ дорогу подъ ногами. Необходимо въ точности знать настоящее со всѣми его тяготѣніями въ будущее, какъ въ математикѣ или астрономіи, опредѣливъ нѣсколько точекъ хода какого-нибудь явленія, можно вычертить «согласную кривую» и вычислить ея уравненіе. Необходимо ставить хорошо сознанныя цѣли, чтобы достигать ихъ. *Относительное* прозрѣніе вполнѣ возможно. Оно должно быть уже давно поставлено въ основу воспитанія. Но развѣ мы пріучаемъ себя всматриваться

(*) «Новое Время» № 13221.

(**) Я бы сказалъ—*не умѣемъ*.

въ дѣйствительность и дѣлать изъ нея логическіе выводы? Savoir-prevoir—но развѣ мы добиваемся въ чемъ-нибудь *отчетливаго* savoir? Между великими странами, гдѣ осторожно живутъ, гдѣ *осматриваются въ будущее не сквозь невѣжество, а сквозь знаніе,* напр. Пруссія отличилась предвидѣніемъ, догадкой и превосходнымъ использованіемъ условій, которыя были поняты ею вѣрно. Тѣмъ же отличалась до послѣдняго времени Англія и затѣмъ—Японія. На много лѣтъ впередъ разсчитанные союзы, программы судостроенія, развитіе военныхъ и промышленныхъ силъ, удавались этимъ странамъ такъ, какъ будто онѣ дѣйствительно видѣли будущее; *своевременный посѣвъ причинъ давалъ обезпеченный урожай послѣдствій.* Занимая напр. Кіао-Чау и Вей-ха-вей, нѣмцы и англичане почему-то предвидѣли, что они тамъ и останутся и никакой войны изъ-за этихъ захватовъ не выйдетъ. Мы же, занимая Портъ-Артуръ, какъ будто совершенно не подозрѣвали, что изъ этого произойдетъ. Вмѣсто того, чтобы изучить Японію съ тою же тщательностью, съ какой она изучала насъ, мы ухитрились ошибиться въ оцѣнкѣ японской арміи на триста процентовъ. Не изучивъ съ безспорной ясностью ни чужихъ, ни *даже своихъ силъ*, мы посылали неподготовленныя арміи и эскадры и потерпѣли за нѣсколько мѣсяцевъ столько пораженій, сколько не пережили ихъ за триста лѣтъ. Въ довершеніе всего мы даже не подозрѣвали, что Японія первая запросила посредничества, о чемъ на дняхъ заявилъ—къ изумленію всего свѣта—словоохотливый эксъ-президентъ Америки. Война освѣдомленности и невѣжества кончилась разгромомъ послѣдняго. Японія доказала еще разъ всю волшебную выгоду *«глазомѣра»*, т. е. *хорошаго предвидѣнія, основаннаго на хорошемъ изученіи»*.

17. Стратегія и военная исторія. Вотъ для созданія этого «глазомѣра» работаетъ и теорія стратегіи, и только при условіи добыванія ея упорнымъ трудомъ, который прямо входитъ въ составъ метода, она будетъ способствовать этому дѣлу. Одно знаніе ея положеній—это поверхностность, не дающая ручательства за примѣненіе. Для этого нужно изученіе ея трудомъ, и объектъ приложенія этого труда—исторія войнъ.

*

«Польза теоріи стратегіи» говоритъ Лееръ (*) «какъ обобщенія военныхъ явленій, не безусловна, а условна — именно при обширныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи. При этомъ условіи всѣ общія формулы теоріи стратегіи получаютъ смыслъ и содержаніе. Безъ этого онѣ обращаются въ безсодержательныя общія мѣста, ничего не говорящія уму и сердцу, и вся теорія стратегіи вырождается въ безсознательную, поверхностную болтовню, т. е. ни болѣе, ни менѣе какъ въ дѣло вредное. Мало того, что военная исторія даетъ общимъ формуламъ теоріи стратегіи смыслъ и содержаніе, она выясняетъ вліяніе обстановки на ихъ примѣненіе, показываетъ: что, когда и какъ примѣнимо на дѣлѣ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, и этимъ путемъ развиваетъ чувство мѣры, безъ котораго невозможенъ расчетъ въ стратегическихъ комбинаціяхъ, а развѣ только безшабашное фантазированіе. Короче, при обширныхъ, основательныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи, теорія стратегіи есть дѣло серьезное и полезное, ключевой камень въ изученіи военнаго дѣла; при малыхъ же и поверхностныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи—дѣло вредное, своего рода лакированная пыль».

Но конечно этотъ трудъ, о значеніи котораго при изученіи теоріи стратегіи мною было приведено столько авторитетныхъ подтвержденій, долженъ быть *методиченъ*. Иначе и онъ, т. е. въ данномъ случаѣ—изслѣдованіе фактовъ военной исторіи, окажется безполезнымъ.

Спенсеръ опредѣляетъ два рода знанія: одно можетъ накопляться въ нашемъ мозгу въ видѣ умственнаго *жира*, другое—обращается въ умственныя мышцы. Первое только отягчаетъ мозгъ, второе—его развиваетъ и увеличиваетъ его способность къ работѣ. Матеріалъ же для того и другого знанія можетъ быть тотъ же, и въ томъ же даже количествѣ. Разница будетъ лишь въ способѣ усвоенія. Вотъ этотъ способъ усвоенія и заключается въ вышеизложенномъ научномъ методѣ.

18. Беспристрастность и небоязнь истины, какъ составныя части метода.

Еще нужно поставить одно требованіе къ методу изслѣдованія, и въ особенности это требованіе важно въ дѣлѣ изслѣдованія войны:

(*) Стратегія. V изд., ч. I, стр. 44.

Бэконъ говоритъ: «человѣческій умъ не принимаетъ познанія вещей съ точностью, но примѣшиваетъ къ нему свои страсти и свою волю, вслѣдствіе чего знаніе получается по его вкусу, ибо человѣкъ съ наибольшей готовностью принимаетъ только ту истину, которая для него желательна».

Этому можно противопоставить выраженіе Л. Толстого, который на вопросъ—что дѣлать, отвѣтилъ себѣ: *«не бояться истины*, куда бы она ни привела меня».

А для этого надо освободиться отъ всякой предвзятости. Конечно, всякій источникъ, откуда черпается знаніе, долженъ оцѣниваться, но только съ точки зрѣнія его достовѣрности, серьезности, добросовѣстности, но, ни въ коемъ случаѣ не съ точки зрѣнія личнаго вкуса изучающаго, а тѣмъ болѣе его антипатій или симпатій. Здѣсь недопустима формула— «что можетъ быть добраго изъ Назарета?» Военное сословіе, имѣющее извѣстный кастовый характеръ,—и это совершенно естественно и нужно,—забываетъ часто, что каста—это не сама истина въ военномъ дѣлѣ, а лишь извѣстная форма для созданія и храненія этой истины, быть можетъ даже лучшая форма, но далеко не единственная. Надо умѣть всматриваться не только въ себя и среду свою, или въ какой-нибудь кружокъ въ этой средѣ (практики, теоретики, строевые, плавающіе и не плавающіе во флотѣ и т. п.), а надо умѣть всматриваться и въ окружающее, и всматриваться съ уваженіемъ къ истинѣ, гдѣ-бы она ни дала свои ростки. «Веденіе войны трудно», говоритъ Клаузевицъ (*)» въ этомъ сомнѣній нѣтъ. Однако трудность эта заключается не въ томъ, что для этого нужна особая ученость и крупные геніи; ее можетъ преодолѣть каждая хорошо устроенная голова, лишь-бы она была безъ предвзятыхъ идей....».

Именно морская исторія даетъ исключительный по своей яркости примѣръ (**), въ томъ огромномъ вредѣ, который

(*) Цитирую по Шлихтингу, «Основы современной тактики и стратегіи», стр. 9.

(**) См. мою книгу «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства», стр. 305—344.

былъ послѣдствіемъ «предвзятыхъ идей» въ англійскомъ флотѣ въ серединѣ XVIII столѣтія, и тамъ-же, та истина, которая разрушила эту предвзятость, была выращена и была доказана внѣ военной среды—Джономъ Клеркомъ, чиновникомъ, который даже никогда не ступалъ на палубу не только военнаго, но даже какого-бы то ни было, корабля.

Безпристрастіе и обузданіе своихъ личныхъ чувствъ и симпатій—необходимое условіе для отысканія истины. Часто нашедшій и защищающій истину человѣкъ совершенно не способенъ ей слѣдовать самъ, но отъ этого она вѣдь не перестаетъ-же быть все таки истиной!

Ну возьмемъ напр. случай наиболѣе рѣзкій, въ смыслѣ антипатичности его именно для военнаго сословія—военнаго писателя или ученаго, выясняющаго значеніе мужества, но самого завѣдомо не способнаго его проявить. Но вѣдь значеніе мужества отнюдь этимъ не опровергается! И вотъ надо умѣть мириться и съ такими указаніями, взращивая въ себѣ сознаніе, что цѣнность истины все таки въ ней самой, а не въ томъ источникѣ откуда она вышла.

Вотъ напр. какой случай произошелъ въ древней Греціи. Знаменитый ораторъ Демосѳенъ, поддерживавшій въ аѳинянахъ воинственный духъ для сопротивленія притязаніямъ Филиппа, самъ принялъ участіе въ битвѣ при Херонеѣ, рѣшившей участь Аѳинъ, но тамъ онъ былъ однимъ изъ легче всего поддавшихся паникѣ, и бѣжалъ съ поля сраженія, причемъ, внѣ себя отъ страха, кричалъ чертополоху, зацѣпившемуся за его платье: «пощади!». Спрашивается, имѣлъ-ли онъ право указывать потомъ аѳинянамъ, что главная причина ихъ пораженія—отсутствіе военнаго искусства и мужества (они поддались ложному маневру отступленія Филиппа, и погнались за нимъ, а когда другое крыло македонянъ зашло имъ въ тылъ, обратились въ бѣгство), и должны-ли были аѳиняне его слушать? Если онъ говорилъ правду, которая не ясна была аѳинянамъ безъ его указаній, то конечно должны были. И выступивъ съ этими указаніями при такой обстановкѣ, Демосѳенъ только выполнилъ свой долгъ, и конечно этимъ онъ показалъ только извѣстную силу своего характера, которую онъ проявлялъ

еще тогда, когда, косноязычный и слабогрудый, но имѣвшій страстное желаніе сдѣлаться ораторомъ, произносилъ свои рѣчи съ камешками во рту передъ бушующимъ моремъ. Мы, конечно не знаемъ всѣхъ подробностей этого случая, и быть можетъ и весь этотъ случай—легенда, но взявши этотъ случай для поясненія мысли о «безстрастности» по отношенію къ истинѣ, можно сдѣлать извѣстныя предположенія относительно обстановки этого случая. Пусть, дѣйствительно, бой при Херонеѣ былъ проигранъ отъ неискусства аѳинянъ, и отъ того, что они—а между ними и Демосѳенъ—поддались паникѣ и обратились въ бѣгство. И пусть послѣ битвы, и это болѣе чѣмъ возможно, между ними нашлись такіе, которые начали приписывать проигрышъ боя худшему чѣмъ у противника оружію, или неудобной мѣстности, или несчастной случайности и т. п... А это несознаніе *истинныхъ* причинъ пораженія конечно мѣшало правильной подготовкѣ къ дальнѣйшей борьбѣ, ибо затемняло вопросъ—что нужно создать для побѣды. И тогда Демосѳенъ, хотя онъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, но болѣе способный, благодаря своему исключительному уму, проникнуть въ суть дѣла, или способный къ бо̀льшей искренности, а потому видѣвшій истинныя причины пораженія, естественно могъ и долженъ былъ указать ихъ своимъ согражданамъ. Онъ могъ даже говорить такъ: мнѣ недоступно военное искусство, мнѣ недоступно военное мужество, я признаю себя негоднымъ для боя, но *вы*—если хотите побѣдить, будьте искусны, будьте мужественны, не оправдывайте своихъ собственныхъ недостатковъ тѣмъ, чего не было, иначе не побѣдите. И аѳинянамъ надо было умѣть его слушать, сколь-бы они ни осуждали Демосѳена за личныя его военныя качества.

Какъ говоритъ знаменитый персидскій поэтъ и мудрецъ Саади въ своемъ не менѣе знаменитомъ сочиненіи «Голистанъ»— «Внимай рѣчамъ ученаго человѣка съ величайшимъ вниманіемъ, хотя-бы дѣла его не соотвѣтствовали его ученію. Человѣкъ долженъ поучаться, хотя-бы поученіе было написано на стѣнѣ».

19. Требованія къ методу изученія стратегіи. Вотъ значитъ каковъ долженъ быть методъ *изученія* стратегіи. Онъ долженъ быть строго научнымъ, чтобы уберечься отъ ложныхъ выводовъ, онъ долженъ

вызывать на упорный трудъ для созданія «умственныхъ мышцъ» и способности «предвидѣнія», и онъ долженъ быть безстрастнымъ, отыскивая истину, гдѣ-бы она ни проявлялась, и послушно слѣдуя за нею и не боясь ее, куда-бы она ни привела.

20. **Методъ преподаванія стратегіи.** Очевидно всѣ эти требованія должны отражаться и на методѣ *преподаванія* стратегіи. Говорю—*отражаться* именно потому, что и мѣра этихъ требованій тутъ другая, и обстановка преподаванія характерно отличается отъ обстановки изученія (разработки теоріи). Курсъ стратегіи долженъ быть разсчитанъ на опредѣленное время его чтенія, и на опредѣленное время, которое можетъ быть удѣлено для его изученія. Возможное приближеніе къ истинѣ уже какъ-бы считается найденнымъ (конечно условно, для даннаго курса, и до новой болѣе совершенной разработки того-же курса, или появленія другого—болѣе совершеннаго), и изучающій только проводится по разработанному пути къ ней, трудности котораго также сильно сглажены, такъ какъ всѣ неудачныя попытки (а сколько ихъ бываетъ при разработкѣ!) индуктивныхъ и дедуктивныхъ изслѣдованій уже отброшены, и сдѣланъ тщательный подборъ историческихъ фактовъ, именно тѣхъ, которые яснѣе и лучше всѣхъ другихъ ведутъ къ выводу положеній теоріи стратегіи.

Методъ изложенія *курса* стратегіи, наиболѣе отражающій въ себѣ требованія, предъявляемыя къ разработкѣ стратегіи какъ науки, названъ Леером критико-историческимъ, и такъ какъ я ничего не могу возразить противъ него, а, напротивъ, совершенно убѣжденъ въ его достоинствахъ, и предполагаю его и держаться при будущей своей работѣ надъ курсомъ стратегіи, то мнѣ остается здѣсь только, по Лееру-же, изложить главную его сущность, и вызываемую его недостатками (а оные конечно имѣются и въ немъ) необходимость извѣстныхъ къ нему дополненій. За подробностями я отсылаю желающихъ къ изложенію самого Леера (*).

(*) Лееръ. 1) Стратегія. т. I. Предисловіе; 2) тамъ-же, приложеніе второе и третье; 3) Методъ военныхъ наукъ; 4) Коренные вопросы. Двѣ послѣднія книги, по указанію Леера, представляютъ изъ себя его авторскую и преподавательскую исповѣдь, и посильное оправданіе того, что было имъ сдѣлано за 39 лѣтъ занятія имъ каѳедры.

Систематическій сводъ основъ стратегіи (курсъ), какъ указываетъ Леерь, «можетъ быть уясненъ или путемъ *теоретическимъ*, *умозрительнымъ*, *догматическимъ*, или-же путемъ *практическимъ*—на *критическомъ разборѣ фактовъ*. Изученіе фактовъ безъ критики—безцѣльно: оно вело-бы только къ напрасному загроможденію памяти, засоренію головы. Задача критики должна заключаться въ анализѣ фактовъ, въ раскрытіи всѣхъ причинъ выразившихся въ немъ результатовъ, въ *обоснованіи* ихъ, короче—въ критикѣ для *познанія истины*, чтобы *поучаться*, (а не въ *постановкѣ приговоровъ*, въ *судѣ* надъ дѣятелями). Обоснованіе-же факта, т. е. отнесеніе извѣстныхъ дѣйствій къ вызвавшимъ ихъ причинамъ, безъ предварительнаго усвоенія *основъ* (принциповъ) теоріи—немыслимо. Такимъ образомъ, изученіе фактовъ безъ критики—безполезно; критика безъ основъ теоріи—немыслима; т. е. факты военной исторіи, ихъ критика и теорія находятся въ непосредственной внутренней связи между собою, одно обусловливаетъ другое. Только этотъ путь и ведетъ къ правильному пониманію сущности военнаго дѣла».

Вотъ этотъ смѣшанный методъ, гдѣ умозрѣніе-теорія идетъ рука объ руку съ критическимъ разборомъ фактовъ, Леерь и называетъ *критико-историческимъ*.

21. Недостатки критико-историческаго метода. Онъ же указываетъ и на недостатки этого метода.

Прежде всего этотъ методъ все-таки ставитъ на первый планъ интересы теоріи, такъ какъ задача его — вывести и объяснить основы стратегіи, т. е. ея теорію. Для облегченія себѣ этой задачи онъ прибѣгаетъ къ разбору историческихъ фактовъ, но лишь въ той степени, насколько ему это нужно для обоснованія того или другого положенія. Значитъ факты приводятся только въ извѣстныхъ основныхъ ихъ чертахъ, и разборъ ихъ сопровождается приведеніемъ далеко *неполной обстановки*, а лишь тѣхъ условій, которыя въ томъ или другомъ случаѣ вызываются интересами того или другого теоретическаго вопроса, т. е. тѣхъ условій, которыя, по отношенію къ тому или другому факту, имѣютъ *рѣшающее* значеніе,

опуская всѣ остальныя. И въ такомъ видѣ — съ *неполной обстановкой*—приводится одинъ фактъ за другимъ.

Интересы теоріи стратегіи этимъ удовлетворяются вполнѣ, но для прикладной стратегіи, т. е. для теоріи примѣненія основъ стратегіи къ различнымъ вопросамъ подготовки и веденія войны (см. I, 20) — это и недостаточно и даже, въ извѣстной мѣрѣ, опасно. Дѣйствительно, у слушателей такого курса можетъ возникнуть тотъ ложный взглядъ, что на развитіе того или другого факта только и имѣли вліяніе приведенныя при объясненіи его условія, а это ведетъ къ возможности возникновенія взгляда, что дѣло управленія военными событіями, напр. составленіе плановъ операцій и ихъ исполненіе, есть дѣло, болѣе или менѣе, *легкое*, или что вообще причины военныхъ явленій довольно *просты*.

Между тѣмъ на дѣлѣ—это совершенно не такъ. Составленіе плановъ, какъ справедливо указываетъ Лееръ—дѣло огромной трудности. Дѣйствительно, вѣдь въ періодъ выработки плана обстановка представляется въ чрезвычайно сложномъ видѣ, а во многомъ, и прежде всего почти во всемъ касающемся проявленія воли противника — и въ гадательномъ. Такимъ образомъ, составитель плана, изучая обстановку, долженъ изъ всѣхъ составляющихъ ея условій выбрать лишь самыя важныя, имѣющія *рѣшающее* значеніе по отношенію къ данному случаю, отбросивъ все побочное и маловажное. И вотъ эта трудная и многосложная работа правильной оцѣнки всѣхъ условій полной обстановки и классификаціи ихъ по степени ихъ важности здѣсь не проходитъ передъ слушателями. Она заранѣе уже сдѣлана составителемъ курса и съ каѳедры излагается только результатъ этой работы.

Такимъ образомъ, одна изъ существенныхъ трудностей, неизбѣжно встрѣчающихся на дѣлѣ, обойдена, и *трудное дѣло можетъ представиться слушателямъ въ видѣ чрезвычайно легкаго*, а это можетъ развить въ нихъ, по мнѣнію Леера, столь нежелательную *поверхностность*.

Кромѣ этого недостатка курса стратегіи, разработаннаго по критико-историческому методу, есть и другіе. Въ немъ, напр., всѣ частныя явленія, на которыя распадается стратегическая

операція, разбираются *послѣдовательно* (по отдѣламъ и главамъ, см. I. 21), одно за другимъ. Конечно, ихъ располагаютъ по возможности въ логическомъ порядкѣ, чтобы сохранить, и этимъ самымъ и указывать, внутреннюю причинную между ними связь, и ихъ зависимость другъ отъ друга. Но все-таки, по мнѣнію Леера, эта цѣль далеко не достигается, и каждый частный вопросъ остается въ извѣстной мѣрѣ обособленнымъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ.

Затѣмъ, къ слабой сторонѣ теоріи вообще слѣдуетъ отнести еще и то, что по самымъ своимъ свойствамъ, теорія далеко не можетъ вполнѣ освоить съ трудной стороной собственно исполнительной части операціи. Она, конечно, поставитъ на видъ важность сильной воли въ дѣлѣ окончательнаго выбора плана и послѣдовательнаго выполненія его. Но такое указаніе, хотя и подкрѣпленное рядомъ соотвѣтствующихъ примѣровъ, все-таки не можетъ произвести сильнаго впечатлѣнія. Теорія упомянетъ и о возможности разнаго рода треній, неизбѣжныхъ при передачѣ идеи начальника до послѣднихъ исполнителей, о множествѣ инстанцій, черезъ которыя воля его должна пройти, и какъ она можетъ быть при этомъ искажена. Она укажетъ, что могутъ встрѣтиться опаздыванія въ ея передачѣ, невѣрное пониманіе, а иногда и злая воля подчиненныхъ.... И для иллюстраціи и всего этого тоже будутъ подобраны соотвѣтствующіе примѣры.

Но все-таки теорія безсильна представить, напр., полную картину всякаго рода препонъ и *случайностей*, которыя сопротивляющейся средой войны ставятся исполненію плана и нерѣдко опрокидываютъ самые лучшіе предварительные расчеты.

22. Какъ устраняются недостатки критико-историческаго метода изложенія стратегіи.

Вотъ всѣ эти существенные недостатки Лееръ предлагаетъ устранить, дополнивъ прикладную часть курса стратегіи *подробнымъ* критическимъ разборомъ хоть одной (классической) стратегической операціи, а еще лучше—цѣлой кампаніи, не упуская изъ вида ни на минуту *полной обстановки*, и притомъ не въ такомъ видѣ, какъ она выяснилась *по* совершеніи факта, а именно въ томъ—какъ она *представлялась дѣяте-*

лямъ въ минуту его развитія. Именно съ этою цѣлью Лееръ въ приложеніи къ своему курсу даетъ двѣ изложенныя такимъ образомъ обыкновенныя операціи (Ульмскую и Аустерлицкую) и двѣ частныя (особенныя) операціи, иллюстрирующія обстановку горной и степной войны. (Обзоръ похода Рогана къ Вальтелину 1635 г., и обзоръ Хивинскаго похода 1873 г.).

Вотъ здѣсь можно представить *полную* картину, напр. того, какимъ образомъ идея операціи, по мѣрѣ развитія ея въ исполненіи, вызываетъ цѣлый рядъ частныхъ явленій: маневровъ, боевъ, въ самой тѣсной, причинной ихъ связи, по мѣсту и времени. Нѣкоторыя изъ нихъ развиваются одно *возлѣ* другого, другія же—одно *послѣ* другого, обусловливаясь, въ обоихъ случаяхъ, одно другимъ, помогая другъ другу; одни явленія подготовляютъ рѣшенія, другія—даютъ его... Вся эта внутренняя связь между частями цѣлаго, ихъ преемственность, сама собою уясняется на живой картинѣ развитія операціи и, по мнѣнію Леера, глубоко запечатлѣвается въ сознаніи учащагося.

23. Недостатки курса стратегіи въ видѣ критическаго разбора кампаній.

Значитъ, военная исторія, въ видѣ подробнаго критическаго разбора, хотя бы только одной кампаніи (даже операціи), способна восполнить собою слабыя стороны теоретическаго изученія войны. Но замѣнить собою такого изученія, какъ указываетъ Лееръ, она все-таки не можетъ, такъ какъ и ей присущи своего рода недостатки.

Дѣйствительно, хотя подробный разборъ одной кампаніи, въ сущности, самъ по себѣ представляетъ, въ извѣстномъ случаѣ, законченный курсъ стратегіи, такъ какъ каждая война, даже отдѣльная операція, является выразительницей всей стратегіи, въ полномъ ея объемѣ, со всѣми ея общими и частными задачами, но это былъ бы, такъ сказать, только курсъ *частной стратегіи*, обособленный, индивидуализированный особенностями обстановки извѣстной войны (операціи).

Въ этой частной стратегіи, прежде всего, не найдется полнаго подтвержденія того, что то, что выдается за причину, за сущность, за принципіальную сторону въ томъ или другомъ стратегическомъ вопросѣ, за неизбѣжно присущія ему

общія черты при всевозможныхъ обстановкахъ, и будетъ *дѣйствительно его неизмѣнной сущностью*—это не можетъ быть здѣсь *доказано*. Вѣдь, чтобы убѣдить въ этомъ, надо доказать *безпрестанную повторяемость* этихъ причинъ въ военныхъ явленіяхъ, внѣ зависимости отъ обстановки, а для этого надо, хотя бы и не столь подробно—для выигранія времени—разобрать возможно бо́льшее число такихъ явленій, лишь въ главныхъ ихъ чертахъ, но за то при самыхъ различныхъ обстановкахъ. Тогда и выяснится ихъ неизмѣнность въ принципіальной сторонѣ, при безконечномъ ихъ разнообразіи въ формальной сторонѣ—въ обстановкѣ. И вотъ эта цѣль можетъ быть достигнута только при примѣненіи критико-историческаго метода въ изложеніи систематическаго теоретическаго курса.

Но кромѣ того, подробный критическій разборъ одной кампаніи представляетъ еще и тотъ существенный недостатокъ, что *формы* рѣшеній различныхъ частныхъ вопросовъ въ этой кампаніи, вполнѣ оправдываемыя ея обстановкой, могутъ быть приняты, не за *условно лучшія*—только при извѣстной обстановкѣ, а за *безусловно лучшія вообще*, при всевозможныхъ обстановкахъ, а это, въ свою очередь, ведетъ, по мнѣнію Леера, на опасный путь *шаблоновъ* и *рецептовъ для побѣдъ*. Именно на этомъ пути утрачивается, столь необходимое для практическаго дѣятеля, представленіе о *гибкости формы*, и о важномъ значеніи обстановки, этой «верховной повелительницы на войнѣ», какъ ее называлъ Наполеонъ. Но очевидно и этотъ недостатокъ устраняется теоретическимъ курсомъ въ критико-исторической формѣ изложенія.

24. Методъ, принятый для изложенія стратегіи въ Императорской Николаевской военной и Николаевской морской академіяхъ.

Подводя итогъ своему обсужденію вопроса о методѣ построенія и преподаванія курса стратегіи, Лееръ, изъ сопоставленія двухъ вышеизложенныхъ способовъ преподаванія, приходитъ къ выводу, что они другъ друга не исключаютъ, а напротивъ очень хорошо дополняютъ другъ друга, ибо оказывается, что если въ чемъ слабъ одинъ, то какъ разъ именно въ этомъ силенъ другой. А значитъ, очевидно, надо пользоваться и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Вотъ именно на этомъ основаніи, когда, въ 1865 г., съ назначеніемъ военнымъ министромъ Милютина, была преобразована система преподаванія военныхъ наукъ въ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба (нынѣ Императорская Николаевская Военная академія), и для занятія каѳедры стратегіи былъ приглашенъ Лееръ, этотъ курсъ началъ излагаться *параллельно*, по обоимъ вышеизложеннымъ методамъ. Курсъ теоріи стратегіи читался въ критико-исторической формѣ, а обширный, чисто фактическій курсъ военной исторіи, который въ ироническомъ смыслѣ называли «вензелями, которые арміями выписывались ногами», и «наукою о томъ, кто куда пошелъ», былъ замѣненъ подробнымъ чтеніемъ двухъ кампаній. Передъ послѣдней войной это были: осенній походъ 1813 г., кампанія 1870 г. и русско-турецкая война 1877—78 гг., а послѣ войны рѣшено было (*) въ программѣ военной исторіи оставить только войны: франко-германскую войну 1870—71 г. и русско-японскую войну 1904—05 г. Значитъ, система преподаванія стратегіи, предложенная Лееромъ, дѣйствуетъ тамъ и до сихъ поръ, и имѣетъ за собою теперь уже опытъ почти полустолѣтняго примѣненія.

На этотъ же путь стала и наша академія. На младшемъ курсѣ читается систематическій курсъ теоріи стратегіи, который разрабатывается съ примѣненіемъ критико-историческаго метода, а на старшемъ курсѣ читается подробный критическій разборъ японо-русской войны, и на морѣ, и на сушѣ, являясь такимъ образомъ отдѣломъ прикладной части курса стратегіи. Какъ говоритъ Лееръ (**) «военная исторія есть собственно прикладная стратегія, а теорія стратегіи составляетъ необходимое вступленіе къ разумному изученію военной исторіи, безъ котораго изученіе послѣдней не имѣетъ смысла».

Такимъ образомъ въ нашей академіи, гдѣ эти части курса стратегіи идутъ *одна за другой*, это условіе выполнено, и въ этомъ отношеніи, мнѣ представляется, эти части расположены

(*) Извѣстія Императорской Николаевской Военной Академіи за 1910 г., № 3, хроника, стр. 46.

(**) Стратегія. V изд. Т. I приложенія, стр. 150.

правильнѣе, чѣмъ въ Военной академіи, гдѣ обѣ эти части читаются на томъ же самомъ курсѣ (старшемъ).

25. Пользованіе исторіей въ различныхъ отдѣлахъ курса стратегіи.

Надо отмѣтить, что для той и для другой части является существенная разница въ выборѣ историческихъ примѣровъ. Для систематическаго курса, конечно тоже лучше брать факты изъ ближайшихъ къ намъ эпохъ, наиболѣе подходящихъ по обстановкѣ къ настоящему времени (*), но требованіе это стоитъ тутъ далеко не на первомъ планѣ. Все-таки, здѣсь не столь важна эпоха, сколь внутреннее содержаніе факта.

Здѣсь вѣдь мы ищемъ *образцы*, а таковые разбросаны по всѣмъ эпохамъ, и ихъ мы найдемъ именно у выдающихся талантовъ и геніевъ. Затѣмъ намъ нужно будетъ доказывать, что образцы эти, по принципіальной своей сторонѣ, безсмертны, т. е. что они совершенно не зависятъ отъ обстановки, а значитъ именно для этого нарочно надо брать факты изъ эпохъ, наиболѣе различныхъ по обстановкѣ, т. е. значитъ и наиболѣе отличающихся и отъ современной эпохи. Здѣсь чрезвычайно важно найти общую сущность въ дѣйствіяхъ, напр. Ѳемистокла, Форміо, Дрэка, Рюйтера, Нельсона, Ушакова, Сенявина и Того.

«Неужели дѣйствія Густава-Адольфа въ 1630 г. и въ первой половинѣ 1631 г., въ отношеніи подготовки театра военныхъ дѣйствій» говоритъ Лееръ «менѣе образцовы и поучительны, чѣмъ таковыя же дѣйствія Наполеона въ 1809 г.? Смѣемъ надѣяться, что нѣтъ. А между тѣмъ ученые стратеги находятъ же, что изученіе дѣйствій Густава-Адольфа не особенно поучительно, что будто бы «въ нихъ стратегія проявляется лишь въ зародышѣ своемъ и что, вѣрнѣе, ея въ нихъ вовсе нѣтъ». Также указываетъ онъ и еще на одно важное значеніе разнообразія обстановки, при которой совершались одинаковыя по характеру операціи—это ближе уяснить первенствующее вліяніе обстановки и предохранить отъ шаблонныхъ выводовъ. «Такимъ образомъ» говоритъ онъ, «разобравъ какой-нибудь фактъ, слѣдуетъ сейчасъ же перейти къ

(*) Лееръ. Стратегія, изд. V. Часть I. приложенія, стр. 144—145.

другому, одинаковому съ нимъ по характеру, но совершившемуся при иной обстановкѣ (и чѣмъ рѣзче будетъ разница, тѣмъ лучше), настолько иной, что то средство, которое въ первомъ случаѣ привело къ успѣху, употребленное во второмъ, *несоотвѣтственно обстановкѣ* (напр. стратегическій маневръ Наполеона 1805 г., въ Германіи и 1800 г. въ Италіи, рядомъ со стратегическимъ маневромъ союзниковъ передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ) стало главной причиной неудачи, такъ что выводъ, сдѣланный изъ перваго факта, уничтожается вторымъ, въ смыслѣ рецепта для безусловнаго руководства въ подобныхъ же случаяхъ».

При выборѣ фактовъ, съ точки зрѣнія ихъ *поучительности*, можно одинаково брать и положительные и отрицательные образцы. «Въ этомъ отношеніи» указываетъ Леерт «дѣйствія геніальнаго полководца, какъ Наполеонъ, и посредственнѣйшаго изъ генераловъ, какъ напр. князь Шварценбергъ (австрійскій), равно поучительны, а слѣдовательно могутъ считаться, въ извѣстномъ смыслѣ, равно образцовыми».

Но вотъ для отдѣла прикладной стратегіи, въ видѣ подробнаго критическаго обзора одной или нѣсколькихъ кампаній— это не такъ. Здѣсь главная цѣль—полная картина *дѣйствительной* обстановки войны и ея вліянія на участниковъ, а потому здѣсь, *современность*, соединенная, конечно, съ достаточной поучительностью, стоитъ на первомъ планѣ.

Чтобы пояснить это, возьму такой примѣръ. Въ знаменитой сиракузской экспедиціи 413 г. до Р. X., представляющей богатый матеріалъ для иллюстраціи отдѣльныхъ стратегическихъ вопросовъ, а потому вполнѣ пригодной для использованія въ систематическомъ курсѣ, очень большое вліяніе на участниковъ произвело лунное затменіе, которое было сочтено за дурное предзнаменованіе и изъ-за этого былъ отложенъ бой, что повело къ возможности противнику усилиться. Тогда это было естественно, но вѣдь теперь такой фактъ не оказалъ-бы никакого вліянія, и значитъ указаніе на него совершенно безполезно. И подобныхъ этому примѣровъ можно набрать сколько угодно изъ прежнихъ эпохъ. Такъ какъ послѣдняя русско-японская война чрезвычайно поучительна во всѣхъ отноше-

ніяхъ, то, значитъ, для отдѣла прикладной стратегіи, она совершенно достаточна, и расширять этотъ отдѣлъ слѣдуетъ уже не прибавленіемъ другихъ какихъ-либо кампаній, а болѣе детальной и совершенной разработкой именно этой кампаніи, конечно до тѣхъ поръ, пока ее можно будетъ замѣнить кампаніей, столь-же поучительной и еще болѣе современной.

Всѣ-же кампаніи, уже отслужившія курсу стратегіи, надо передавать въ курсъ исторіи военнаго искусства, который имѣетъ задачей изложить эволюцію идей и формъ веденія войны (см. 1, 8 и 10), и гдѣ онѣ для этого и будутъ соотвѣтствующимъ образомъ приспособлены.

Можно указать еще одну цѣль подробнаго изложенія кампаніи, помимо необходимости этого, какъ отдѣла прикладной стратегіи. Надо использовать это изложеніе, чтобы дать слушателямъ образцовый методъ для изслѣдованія всякой кампаніи. Никакая академія, конечно, не имѣетъ времени излагать *всю* военную исторію и не только всеобщую, но даже и своей страны, и даже своей спеціальности, напр. исторію войнъ на сушѣ, или на морѣ. Если-бы она вздумала это сдѣлать, то ей пришлось-бы, или затратить на это такое огромное время, что не осталось-бы ничего для прохожденія другихъ предметовъ, или пожертвовать *подробностью* изложенія, которое необходимо для критическаго отношенія къ разбираемымъ фактамъ. А тогда выйдетъ сухой конспектъ, нѣчто подобное той наукѣ, которая трактовала о томъ «кто куда пошелъ», и отъ которой избавилась наша военная академія еще 50 лѣтъ тому назадъ. По этой причинѣ обыкновенно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *полная* исторія не читается, а читается извѣстная часть, выбираемая на основаніи опредѣленныхъ сооображеній, и на этой части показывается методъ изслѣдованія и изложенія, чтобы слушатель, когда онъ захочетъ дополнить въ данномъ случаѣ свое стратегическое образованіе, или захочетъ посвятить себя цѣликомъ историческимъ изслѣдованіямъ, зналъ-бы, какъ это нужно дѣлать.

Вѣдь хорошо, если *вся* исторія не такъ еще обширна. Напр. германская морская академія можетъ легко выдержать *всю*

исторію германскаго флота. Ну, а напр. для нашей академіи *вся* исторія нашего флота составила-бы грузъ очень тяжелый, а французская и въ особенности англійская морскія академіи были-бы окончательно задавлены курсами *всей* исторіи ихъ флотовъ.

И все равно никакой цѣли-бы они съ такими курсами не достигли, ибо какъ выразился еще незабвенный Кузьма Прутковъ—«нельзя объять необъятное», а вышло бы только «засореніе головы» (*) массой фактовъ, или, какъ говоритъ Спенсеръ накопленіе «умственнаго жира», который только отягчаетъ мозгъ.

Вотъ стратегія, та можетъ и должна быть пройдена *вся*, но для цѣлей усвоенія курса стратегіи, что составляетъ одну изъ главныхъ задачъ военной (не спеціальной) академіи, совершенно достаточно *обстоятельнаго* критическаго разбора «одной войны».

(*) Лееръ. Стратегія. Предисловіе I.

IV. Историческій очеркъ развитія стратегіи какъ науки.

1. Стратегія, какъ искусство, существовала всегда.

Сама по себѣ стратегія, т. е. представленіе о подготовкѣ и о веденіи войны, и извѣстная степень *искусства* (умѣнья)—осуществленіе этихъ представленій на дѣлѣ, сообразно той обстановкѣ въ которой протекала война,—очевидно существовала всегда,—съ тѣхъ поръ, какъ люди начали вести между собою вооруженную борьбу. Существовали, конечно, всегда и неизмѣнныя основныя положенія, на которыя могло-бы опираться военное искусство, нарушеніе которыхъ вело къ катастрофамъ, но положенія эти не скоро были подмѣчены. Ихъ не знали, какъ долго люди не знали законовъ электричества, хотя законы эти сами по себѣ существовали всегда, и незнаніе ихъ вело, съ одной стороны, къ несчастьямъ, а съ другой — къ невозможности использовать эту силу.

Военное искусство — это приложеніе здраваго смысла къ военному дѣлу. Очевидно, всегда были люди со здравымъ смысломъ, и они умѣли вести войну, постигая инстинктивно въ той или иной мѣрѣ, въ зависимости отъ степени своей талантливости, и основныя положенія военнаго искусства. Степень умѣнья повышалась опытомъ.

Такимъ образомъ, здравый смыслъ и опытъ создавали искусство войны, и отрасль его—стратегическое искусство. Въ той или иной мѣрѣ, въ зависимости отъ состоянія воспринимающей среды, это искусство распространялось и передавалось послѣдующимъ поколѣніямъ, а также пріобрѣталось пребываніемъ въ *опытной* военной средѣ.

Но это было искусство слѣпое, эмпирическое (II, 1.), безсознательное для большинства, легко облѣплявшееся отлагавшимися на немъ слоями невѣжества, суевѣрій и воспринятыхъ отъ среды ложныхъ навыковъ.

Изъ этого темнаго состоянія искусства время отъ времени яркимъ свѣтомъ пробивался свѣжій природный талантъ, постигавшій невѣдомыми ему самому путями (II, 5 и 6) истинныя основы военнаго искусства, и устанавливалъ новую въ немъ ступень, или возобновлялъ старую, уже забытую и засосанную рутиной.

Въ зависимости отъ болѣе или менѣе благопріятной обстановки (состоянія среды), эта ступень или удерживалась извѣстное время, и служила къ дальнѣйшему развитію искусства, или опять обростала невѣжествомъ. Такимъ образомъ военное искусство долго проявлялось и развивалось скачками, стихійно, больше вдохновеніями отдѣльныхъ талантовъ, результаты которыхъ терялись въ инертной и безсознательной средѣ, такъ какъ результаты эти почти никѣмъ не формулировались, и описывались только съ фактической ихъ стороны. Попытки обобщенія и выясненія сущности военныхъ явленій выливались обыкновенно въ собраніе извѣстныхъ пріемовъ рецептурнаго характера, совершенно непригодныхъ для послѣдующихъ поколѣній, существовавшихъ въ совершенно другой обстановкѣ.

Только тогда, когда начали находиться такіе *собиратели проявленій военныхъ талантовъ*, которымъ удавалось формулировать эти проявленія въ видѣ такихъ указаній, которыя либо годились для *всякой* обстановки, либо могли направлять мысль для дѣйствій въ различныхъ *типичныхъ* обстановкахъ, слѣпое искусство начало переходить въ стадію *науки*, которая, все совершенствуясь въ этомъ направленіи, и выработавъ *теорію* (II, 7 и 8), становилась силой, направляющей вышедшее изъ нея—то-же искусство, но теперь (II, 1)—зрячее, раціональное, себя сознающее. «*Научное знаніе — это сложное наслѣдіе вѣкового собиранія, критической провѣрки и методической переработки данныхъ наблюденія и опыта.* Въ первобытной обстановкѣ даже гигантъ мысли, съ наклонностями Ньютона или Декарта, могъ оставить по себѣ лишь едва замѣтное наслѣдіе въ формѣ десятка неумирающихъ афоризмовъ» (*).

(*) Шапошниковъ. Журналъ «Московскій Еженедѣльникъ», № 33, за 1910 г.

Вотъ такіе собиратели и изслѣдователи въ области военнаго дѣла появились очень поздно — только въ концѣ XVIII столѣтія.

Въ виду очень распространеннаго мнѣнія, что теорія военнаго дѣла создана кабинетными учеными, не знавшими войны на практикѣ, а потому и склонными преувеличивать значеніе теоріи, я считаю необходимымъ приводить и краткія біографическія свѣдѣнія о людяхъ, создавшихъ изъ стратегіи науку.

2. Ллойдъ. Творцомъ стратегіи, какъ науки, считается Генри Ллойдъ (*). Онъ родился въ Англіи въ семьѣ сельскаго священника. У него съ дѣтства было неодолимое влеченіе къ военному дѣлу, но по бѣдности онъ не могъ купить себѣ мѣста въ англійской арміи. Тогда онъ перебрался на материкъ, въ Нидерланды, которыя въ то время служили театромъ безконечныхъ войнъ, и тамъ онъ и началъ свою военную карьеру. Отсюда онъ перебрался въ Пруссію, и служилъ нѣсколько лѣтъ въ прусскихъ войскахъ, а затѣмъ перешелъ къ ихъ противникамъ австрійцамъ, и въ рядахъ австрійскихъ войскъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и дослужился до чина подполковника. Потомъ Ллойдъ вновь перешелъ на прусскую службу и получилъ сразу званіе генералъ-адъютанта. По заключеніи мира онъ вышелъ въ отставку и избралъ себѣ дѣятельность,—довольно распространенную въ тѣ времена — странствующаго дипломата, предлагая свои услуги по выполненію различныхъ дипломатическихъ порученій правительствамъ различныхъ странъ. При возникновеніи войны Россіи съ Турціей, Ллойдъ предложилъ свои услуги Екатеринѣ II, и былъ принятъ на русскую службу съ чиномъ генералъ-маіора. Въ 1774 г. при осадѣ Силистріи онъ командовалъ дивизіей, и сильно выдвинулся блестящими своими дѣйствіями, но вскорѣ онъ былъ уволенъ съ русской службы, такъ какъ преданность его русскимъ интересамъ возбудила серьезныя сомнѣнія и поведеніе его было признано двусмысленнымъ.

(*) *Леєръ.* Стратегія, т. I. Приложенія, стр. 115. *Зедделеръ.* Военно-Энциклопедическій лексиконъ.

Послѣ этого Ллойдъ объѣхалъ Италію, Испанію, Португалію, побывалъ въ Гибралтарѣ, гдѣ помогалъ своими совѣтами коменданту крѣпости лорду Элліоту, и, наконецъ, вернулся въ Англію. Но здѣсь онъ не ужился, и въ 1783 г. умеръ въ Голландіи въ крайней бѣдности, и былъ похороненъ на большой дорогѣ. Въ бумагахъ его нашли «Мемуаръ политическій и военный о Великобританіи», въ которомъ имѣлся подробный планъ высадки въ.... Англію. Этотъ мемуаръ былъ немедленно пріобрѣтенъ англійскимъ правительствомъ и въ печати не появился, что по мнѣнію Леера(*), свидѣтельствуетъ о его высокомъ интересѣ и представляетъ доказательство необыкновеннаго таланта автора.

Такимъ образомъ Ллойдъ былъ типичный авантюристъ, служившій не странѣ своей, а исключительно военному дѣлу, которое его привлекало само по себѣ, и онъ неудержимо стремился туда, гдѣ шла война, и готовымъ былъ служить кому угодно, сообразно своимъ вкусамъ и выгодамъ.

Лееръ въ своей статьѣ въ Энцикл. воен. и морск. наукъ даетъ другое объясненіе постоянному переходу Ллойда изъ одной арміи въ другую. Онъ рисуетъ его какъ человѣка не способнаго заискивать, дѣйствовавшаго всегда открыто, державшагося гордо передъ старшими. Все это, въ трехъ арміяхъ, въ которыхъ онъ служилъ, создало ему массу завистниковъ и враговъ, сумѣвшихъ повсюду выжить его и составить ему репутацію *«безпокойнаго»* человѣка, какою, по мнѣнію Леера, всегда и пользуется человѣкъ труда въ обществѣ лѣнивыхъ, человѣкъ таланта въ средѣ посредственности, и человѣкъ честп въ средѣ лицемѣровъ.

Но во всякомъ случаѣ Ллойдъ былъ прежде всего человѣкомъ огромнаго военнаго опыта, и при томъ опыта крайне разносторонняго. Это въ значительной мѣрѣ могло предохранить его отъ рутины, такъ какъ рутина создается замкнутостью среды и *безсознательностью* ея навыковъ. Ллойдъ-же нигдѣ долго не засиживался, ни съ какой средой не былъ связанъ, онъ имѣлъ возможность изучать военные навыки въ

(*) Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ.

различныхъ арміяхъ, сопоставлять состояніе военнаго искусства въ различныхъ странахъ, и въ результатѣ—могъ выработать въ себѣ широкій кругозоръ и широкую свободу въ своихъ сужденіяхъ о военномъ дѣлѣ.

Все это вмѣстѣ, при его большомъ умѣ, съ его страстью къ войнѣ и съ природной его способностью къ военному дѣлу, создало изъ Ллойда не только превосходнаго практика-ремесленника, но и человѣка *дѣйствительно понимавшаго войну.*

Вотъ такой, понимающій сущность своего дѣла, практикъ, относящійся къ нему сознательно (II, 2 и 3), неминуемо долженъ былъ придти къ сознанію необходимости теоріи въ военномъ дѣлѣ, какъ единственнаго средства имѣть возможность изучать его сознательно, а не бродить въ темнотѣ случайнаго и засореннаго ложными навыками и невѣжествомъ опыта.

Вѣроятно такое сознаніе и привело Ллойда къ стремленію формулировать теорію военнаго дѣла. Онъ и явился первымъ писателемъ по *теоріи* стратегіи. Его сочиненіе— «Mémoires politiques et militaires» представляло изъ себя какъ-бы вступленіе къ предпринятому имъ обширному историческому труду—исторіи семилѣтней войны. Онъ уже не считалъ возможнымъ излагать только фактическую сторону дѣла. Онъ хотѣлъ сначала изложить основы военнаго искусства, въ видѣ его теоріи, а затѣмъ уже съ этой точки зрѣнія разбирать событія этой исключительной по своему интересу войны.

Только такимъ путемъ онъ могъ сдѣлать исторію этой войны поучительной, доказавъ, что исключительные успѣхи Фридриха Великаго зиждились не на особыхъ какихъ либо его *пріемахъ* веденія войны, а на его проникновенномъ, свойственномъ только генію, пониманіи сущности политики и войны, благодаря чему его пріемы примѣненія неизмѣнныхъ основъ этой сущности вполнѣ соотвѣтствовали той обстановкѣ, въ которой онъ дѣйствовалъ. Только такимъ путемъ можно было доказать, что, какъ говорилъ Фридрихъ Великій, для людей талантливыхъ война — это наука, и лишь для невѣжды—она ремесло.

Основное свое положеніе Ллойдъ формулировалъ такъ: «война не есть дѣло одной практики и опытности, а наука, осно-

ванная на коренныхъ правилахъ». Имъ первымъ (*) была сдѣлана попытка къ установленію общихъ руководящихъ принциповъ, изъ которыхъ могли бы быть выводимы всѣ частные случаи, и къ которымъ они могли бы быть возвращаемы. Онъ первый поставилъ вѣхи для научной разработки стратегіи и очеркнулъ ея предѣлы, при чемъ не ограничилъ ее разборомъ одной какой либо стороны военнаго дѣла, а намѣтилъ *все* къ ней относящееся. Онъ не остановился на разборѣ вопроса только о веденіи военныхъ дѣйствій, а обстоятельно анализируетъ важнѣйшій элементъ—духовный, который обыкновенно обходили, да часто и продолжаютъ обходить до сихъ поръ, какъ не подлежащій вѣсу и мѣрѣ. Онъ первый вдается въ разборъ и политическаго начала, насколько оно соприкосновенно съ военнымъ дѣломъ, разсматривая тѣ отношенія, которыя существуютъ между различными формами государственнаго устройства и военными дѣйствіями. Ллойдъ первый установилъ ясное понятіе въ области самаго существеннаго вопроса стратегіи—замысла операціи. Имъ и былъ введенъ терминъ—операціонная линія.

Терминъ едва ли удачный, но дѣло было, конечно, не въ терминѣ, а въ томъ, что Ллойдъ установилъ и разъяснилъ основныя требованія, которыя должны предъявляться къ стратегическому замыслу—важность цѣли, удобство и безопасность, по отношенію ко всей обстановкѣ, въ ея совокупности. Онъ особенно ярко подчеркивалъ первенствующее значеніе въ веденіи войны и боя принципа сосредоточенія силъ.

Мѣстный элементъ онъ изслѣдовалъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, разсматривая въ военномъ отношеніи границы различныхъ европейскихъ государствъ, принимая при этомъ за отправную точку мысль, что природа сама положила извѣстныя границы честолюбивымъ замысламъ народовъ, и тѣмъ самымъ подчинила ихъ политику извѣстнымъ физическимъ законамъ. Все, что выходитъ за черту, положенную природой каждому народу, составляетъ, по его мнѣнію, обладаніе непрочное; все, что отчуждено изъ круга, предначертаннаго

(*) Лееръ. Стратегія, ч. I, стр. 19.

самой природой тому или другому народу, по естественному закону, рано или поздно будетъ ему возвращено. Внѣ этого принципа Ллойдъ не признаетъ возможности ни установленія политическаго равновѣсія, ни желательнаго мира между государствами. Въ подробностяхъ изложенія мнѣній Ллойда о мѣстномъ элементѣ, его упрекаютъ нѣкоторые (*) въ неправильномъ представленіи о существованіи *ключевыхъ пунктовъ* страны (*). Достаточно этого бѣглаго обзора содержанія сочиненія Ллойда, чтобы видѣть—какъ широко онъ смотрѣлъ на дѣло военной науки, и въ какой мѣрѣ его трактатъ является попыткой дать синтезъ военнаго дѣла.

3. Жомини (**). Дальнѣйшая разработка теоріи стратегіи принадлежитъ Жомини (1779—1869). Онъ былъ родомъ швейцарецъ, и съ дѣтства чувствовалъ особую наклонность къ военной службѣ. Мальчикомъ онъ поступилъ въ швейцарскія войска, состоявшія на службѣ у Людовика XVI, но революція упразднила этотъ родъ войскъ и Жомини остался безъ мѣста. 17 лѣтъ онъ вернулся въ Парижъ и поступилъ въ контору негоціанта Моссельмана со спеціальной цѣлью—изучать на досугѣ военное дѣло именно въ той странѣ, гдѣ уже въ то время выдвинулся своими блестящими походами и преобразованіями въ военномъ дѣлѣ Бонапартъ. Съ увлеченіемъ, слѣдя шагъ за шагомъ за необыкновенными успѣхами молодого генерала, Жомини старался проникнуть въ тайну его побѣдъ. Изучая въ то-же время съ жадностью описанія войнъ Фридриха Великаго, и сравнивая ихъ съ походами Бонапарта, Жомини пришелъ къ заключенію, что военное искусство основано на прочныхъ началахъ — *принципахъ*, которые должны быть и могутъ быть формулированы.

Раскрытіе этихъ началъ, формулированіе ихъ въ такомъ видѣ, чтобы они явились доступными пониманію массы, популяризація сущности военнаго искусства, обратилось съ этого времени въ задачу всей жизни Жомини, разрѣшенію которой

(*) Клаузевицъ. Война, т. II, стр. 141.
(**) Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ.
Военно-энциклопедическій лексиконъ.

онъ посвятилъ всю свою и практическую и литературную дѣятельность.

Въ 1798 г. Жомини поступилъ на службу въ швейцарское военное министерство, но черезъ 3 года онъ опять отправился въ Парижъ съ намѣреніемъ поступить въ ряды французской арміи, надѣясь попасть подъ начальство своего кумира—Бонапарта. Въ это-же время онъ усердно работалъ надъ своимъ трактатомъ о военномъ искусствѣ подъ заглавіемъ «Traité des grandes opérations de la geurre». Въ Парижѣ Жомини обратился къ Мюрату, и представилъ ему рукопись 1-го тома своего труда, но тотъ отнесся къ нему несочувственно. Это привело Жомини къ попыткѣ поступить на русскую военную службу, для чего онъ обратился къ русскому посланнику въ Парижѣ, барону Убри, но здѣсь его предложеніе и трудъ встрѣтили еще болѣе неблагопріятный пріемъ, нежели у Мюрата.

Первый, обратившій вниманіе на Жомини—это былъ маршалъ Ней, который взялъ его съ собой въ Булонскій лагерь въ видѣ добровольца—адъютанта, а оттуда онъ отправился съ Неемъ и въ походъ противъ коалиціи, и здѣсь выдвинулся во время знаменитой Ульмской операціи. Мюратъ требовалъ отъ Нея перевода его корпуса на правый берегъ Дуная, что привело бы къ полному обнаженію столь важнаго въ стратегическомъ отношеніи лѣваго берега, открыло-бы путь къ спасенію арміи Макка, и погубило-бы весь геніально задуманный планъ Наполеона. Жомини принялъ горячее участіе въ дебатахъ, возникшихъ по этому поводу между Мюратомъ и Неемъ, и послѣдній, опираясь на ясные и неопровержимые доводы, приведенные ему Жомини, настоялъ на невыполненіи требованій Мюрата. Во время этой же операціи Жомини, все въ роли волонтера, принялъ участіе въ нѣсколькихъ бояхъ и обнаружилъ недюжинную отвагу. Только въ концѣ войны Жомини удалось говорить съ Наполеономъ. Будучи посланъ Неемъ съ донесеніемъ къ Наполеону, онъ явился къ нему на слѣдующій день послѣ Аустерлица, и вмѣстѣ съ донесеніями представилъ ему первые два тома своего сочиненія, которые Наполеонъ и просмотрѣлъ въ Вѣнѣ во время переговоровъ о мирѣ.

Наполеонъ былъ пораженъ содержаніемъ труда Жомини. Онъ увидѣлъ въ немъ яркое выраженіе именно своего пониманія войны и тѣхъ положеній, на которыхъ онъ основывался, и сначала выразилъ неудовольствіе—какъ могли позволить напечатать такую книгу, которая объясняетъ противникамъ его систему веденія войны. Онъ хотѣлъ даже запретить эту книгу. Но потомъ онъ не только отказался отъ этого намѣренія, но произвелъ Жомини прямо въ полковники генеральнаго штаба. Жомини не замедлилъ очень скоро отблагодарить его. 15-го сентября 1806, недѣли за три до выступленія Наполеона въ его знаменитый походъ 1806 г., Жомини представилъ черезъ Нея замѣчательный мемуаръ—Des probabilites d'une guerre avec la Prusse et des operations, qui aurout probablement lieu—въ которомъ онъ обстоятельно мотивировалъ выборъ наивыгоднѣйшей операціонной линіи—въ обходъ лѣваго фланга прусской арміи. На такомъ-же планѣ остановился Наполеонъ, и въ результатѣ—полный разгромъ прусской арміи при Іенѣ и занятіе всей Пруссіи. Въ этой кампаніи Жомини уже состоялъ при Наполеонѣ, который мотивировалъ это назначеніе желаніемъ имѣть около себя человѣка, изучившаго Фридриха Великаго, въ образцахъ котораго, уже обратившихся въ рутину, застыла прусская армія.

Жомини возставалъ противъ дальнѣйшаго наступленія, доказавъ въ новомъ поданномъ имъ мемуарѣ, что оно является рискованнымъ и не оправдывается важной цѣлью.

Событія пултусской и прейсишъ-эйлаусской операцій во многомъ подтвердили опасенія Жомини. Такая дѣятельность его, горячность, рѣзкость и прямота, съ которой онъ защищалъ свои мнѣнія, всегда сверкавшія ярко выраженнымъ военнымъ талантомъ, и превосходно обоснованныя съ научной стороны, не замедлили вызвать зависть и недоброжелательство начальника штаба Бертье, и опасенія со стороны самого Наполеона, который, самъ составивъ себѣ карьеру военнымъ своимъ талантомъ, опасался выдвигать таковые-же таланты на первое мѣсто. Но все таки Жомини за эту кампанію получилъ титулъ барона и былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса Нея. Во время этой-же кампаніи, въ Познани, воспользо-

вавшись двухнедѣльнымъ отдыхомъ, Жомини, не дожидаясь окончанія своего труда, написалъ къ нему заключительную главу, въ видѣ трактата «объ основныхъ принципахъ военнаго искусства».

Въ 1808 г. корпусъ Нея былъ направленъ въ Испанію, и вмѣстѣ съ нимъ туда отправился и Жомини, но здѣсь начались между ними крупныя недоразумѣнія на почвѣ распущенныхъ врагами Жомини, которыхъ у него накопилось не мало, слуховъ, что будто-бы всѣ успѣхи Нея онъ приписываетъ себѣ. Начались интриги, Жомини былъ отозванъ, и Наполеонъ назначилъ его состоять въ распоряженіи непримиримаго врага Жомини—Бертье, который подчинилъ его своему адъютанту Бальи де Монтіонъ, въ вѣдѣніи котораго обыкновенно состояли офицеры, признанные неспособными, которыхъ ожидала участь получить постъ въ родѣ этапнаго коменданта и т. п...

Жомини справедливо счелъ себя оскорбленнымъ, и вступилъ въ переговоры съ русскимъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ, генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ о переходѣ на службу въ русскую армію. Но этого Наполеонъ допустить не могъ. Онъ произвелъ Жомини въ генералы, и поручилъ ему написать исторію своихъ итальянскихъ походовъ 1796 и 1800 г. Бертье ему и тутъ ставилъ всевозможныя препятствія въ доставленіи матеріаловъ для этой работы.

Въ кампаніи 1812 г. Жомини находился въ тылу, занимая сначала должность губернатора Вильны, а затѣмъ Смоленска. Благодаря тщательному и умѣлому изученію мѣстности, Жомини содѣйствовалъ къ принятію Наполеономъ спасшаго его рѣшенія переправиться черезъ Березину выше Борисова (*). Въ 1813 г. Жомини былъ вновь назначенъ начальникомъ штаба къ Нею, который теперь командовалъ цѣлой арміей, и здѣсь опять ярко проявился его практическій, а не только литературный, военный талантъ.

(*) Сто лѣтъ назадъ. Дневникъ отечественной войны. 10-го (22-го) ноября 1812 г.

Въ Бауценской операціи онъ, прекрасно разобравшись въ обстановкѣ, уговорилъ Нея отступить отъ полученнаго имъ приказанія Наполеона идти на Берлинъ, и двинуться на Бауценъ, и этимъ способствовалъ выполненію плана императора, который уже измѣнилъ свое приказаніе въ томъ-же смыслѣ (*). Бауценская побѣда французовъ не закончилась полнымъ разгромомъ союзниковъ только потому, что Ней не послѣдовалъ настоятельному совѣту Жомини, и не отрѣзалъ имъ путь отступленія, увлекшись частными и гораздо болѣе маловажными тактическими успѣхами.

Отличіе Жомини въ этой операціи было несомнѣнно, но именно оно и сослужило ему плохую службу, такъ какъ съ новой силой возбудило завистъ Бертье и опасенія Наполеона. Послѣдній готовъ былъ ему поручить писать мемуары, и воспользоваться его блестящими идеями, онъ готовъ былъ поручить ему писать исторію своихъ походовъ, такъ какъ никто не сумѣлъ бы лучше понять и выяснить другимъ талантъ Наполеона, какъ полководца, тѣмъ болѣе не хотѣлъ онъ уступить такой талантъ своимъ противникамъ, и все-таки самостоятельныхъ назначеній онъ ему давать не хотѣлъ.

«Жомини, этого талантливаго мыслителя въ области стратегіи» говоритъ Лееръ, «этого *стратега-художника*, Наполеонъ отдалъ на жертву Бертье—*стратегу-технику*, мастерство котораго не шло далѣе оформленія и технической, детальной разработки идей Наполеона».

И вотъ теперь, послѣ Бауценской операціи, въ которой такъ отличился Жомини, когда онъ во главѣ наградного списка 640 офицеровъ арміи Нея, отличившихся въ этой операціи, былъ представленъ къ производству въ дивизіонные генералы, Бертье пропустилъ всѣхъ, кромѣ Жомини и его адъютанта, и Наполеонъ не сумѣлъ стать выше своихъ низменныхъ опасеній, выше своего несчастнаго свойства—«недоброжелательства къ таланту», и поддержалъ Бертье. А тотъ уже далъ полную волю своей враждѣ. Онъ придрался къ

(*) Военная Энциклопедія, слово *Бауценъ*. *Лееръ*. Сложныя операціи, стр. 27.

тому, что Жомини нѣсколько запоздалъ съ представленіемъ срочнаго рапорта о состояніи арміи, приказалъ арестовать его, и сдѣлалъ ему выговоръ въ приказѣ.

Это переполнило чашу терпѣнія Жомини, и въ день истеченія потивицкаго перемирія онъ перешелъ къ союзникамъ, и былъ принятъ императоромъ Александромъ I на русскую службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта и съ званіемъ генералъ-адъютанта. Даже Наполеонъ впослѣдствіи не рѣшился осуждать Жомини за этотъ поступокъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ пишетъ по этому поводу: «онъ сдѣлался жертвой большой несправедливости и былъ ослѣпленъ честнымъ чувствомъ; онъ не былъ французомъ; любовь къ отечеству не удерживала его».

По окончаніи войны Жомини посвятилъ себя исключительно кабинетнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, и только въ царствованіе Николая I былъ призванъ къ разработкѣ разныхъ военныхъ проектовъ, и, главнымъ образомъ, проекта высшаго военно-учебнаго заведенія для подготовки офицеровъ генеральнаго штаба, и по его проекту таковое и было учреждено у насъ въ концѣ 1832 г. Въ 1837 г. Жомини былъ назначенъ преподавателемъ стратегіи къ наслѣднику престола, и для него онъ написалъ новое сочиненіе по стратегіи—«Précis de l'art de la guerre ou nouveau tableau analytique des principales combinaisons de la strategie, de la grande tactique et de la politique militaire».

Это сочиненіе отличается отъ первыхъ сочиненій Жомини по стратегіи догматической формой изложенія, и большей широтой взгляда, и представляетъ изъ себя настоящій синтетическій трактатъ по стратегіи. Къ нему въ 1849 г. Жомини добавилъ изслѣдованіе о выработкѣ правильнаго стратегическаго глазомѣра путемъ теоретическаго изученія. Съ 1855 г. Жомини проживалъ заграницей и скончался въ 1869 г. Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій перу Жомини принадлежатъ: «Histoire critique et militaire des guerres de la Revolution, de 1792 à. 1801»; «Vie politique ei militaire de Napoleon, racontée par lui même au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric»; «Tableau analytique des principales combinai-

sons de la guerre et de leurs rapports avec la politique des Etats»; «Observations sur l'histoire militaire et sur les ècrivains militaires depuis Louis XIV jusqu'à nos jours»; «Observations sur la campagne de 1828, par un officier d'état, major russe», и много другихъ, болѣе мелкихъ.

Шагъ впередъ, который сдѣлалъ Жомини, по отношенію къ Ллойду, состоялъ въ томъ, что послѣдній доступенъ лишь немногимъ, а Жомини сдѣлалъ основы стратегіи понятными массѣ. Одинъ изъ недоброжелателей Жомини, прусскій генералъ Мюффлингъ, извѣстный генералъ квартирмейстеръ арміи Блюхера въ 1813 г., помощникъ Гнейзенау, по поводу перваго сочиненія Жомини по стратегіи заявилъ, что оно разсѣяло для него потемки, сняло съ его глазъ катарактъ и въ 24 часа перевернуло всѣ его взгляды на войну. Вліяніе сочиненій Жомини вообще было очень большое. Онъ обладалъ яснымъ, привлекательнымъ слогомъ и потому его охотно читали. Этотъ интересъ имѣлъ послѣдствіемъ оживленную полемику по стратегическимъ вопросамъ, и этимъ былъ данъ сильный толчекъ къ развитію *теоріи* веденія войны.

Жомини привелъ къ единству основныхъ принциповъ всѣ существовавшія въ то время стратегическія ученія, внесъ порядокъ въ царившій въ области стратегическихъ понятій хаосъ, упростилъ объясненія стратегическихъ основныхъ положеній, и сдѣлалъ ихъ общимъ достояніемъ.

Сущность ученія Жомини такова. Во всѣ времена, говоритъ онъ, существовали начала, на которыхъ основывались всѣ искусныя комбинаціи на войнѣ, и къ которымъ всѣ они должны быть отнесены, чтобы судить объ ихъ истинномъ достоинствѣ. *Начала эти неизмѣнны, независимы отъ рода оружія, времени и мѣста.* Геній и опытъ указываютъ тѣ измѣненія, которымъ подвержено ихъ приложеніе, но слѣдованіе имъ всегда ведетъ къ успѣху, а отступленіе отъ нихъ является причиной неудачъ. Выдающійся полководецъ (геній) слѣдуетъ этимъ положеніямъ и безъ помощи теоріи, но теорія, въ извѣстныхъ случаяхъ, замѣняетъ недостатокъ способностей, и служитъ къ *развитію генія*, усиливая въ немъ *довѣріе* къ своимъ соображеніямъ. Лучшая теорія военнаго искусства—

это такая, которая, допуская немногія правила, выведенныя изъ военныхъ событій, оставляетъ наибольшую свободу природнымъ особенностямъ.

Въ теченіе 30 вѣковъ, говоритъ Жомини, были полководцы, которые примѣняли эти основныя положенія къ дѣлу болѣе или менѣе удачно. Сравнивая причины побѣдъ въ древнія времена съ таковыми же въ новѣйшія, невольно удивляешься, что сраженія при Ваграмѣ, Фарсалѣ и Каннахъ выиграны благодаря однѣмъ и тѣмъ же *первоначальнымъ* причинамъ. Неизмѣнныхъ системъ веденія военныхъ дѣйствій нѣтъ. Но принципы неизмѣнны: человѣческій умъ не въ силахъ ихъ ни измѣнить, ни разрушить. Чтобы дать вѣрное представленіе о войнѣ, военнымъ писателямъ слѣдовало бы, *вмѣсто измышленія нелѣпыхъ системъ*, уничтожающихъ одна другую, начать съ установки принциповъ, которые ложатся въ основаніе всѣхъ комбинацій. Это, конечно, потребовало бы гораздо бо́льшаго труда, но въ то же время привело бы къ положительному результату; и *тогда*, навѣрное, не находилось бы такъ много невѣрующихъ въ существованіе науки.

Чтобы подвести прочный фундаментъ подъ свое ученіе, Жомини прибѣгъ къ обширнымъ историческимъ изысканіямъ, обнимающимъ значительный періодъ времени — съ 1740 по 1815 г. Онъ находилъ это настоятельно необходимымъ для вывода и подтвержденія формулированныхъ имъ принциповъ стратегіи. Основнымъ принципомъ стратегіи Жомини ставитъ дѣйствія сосредоточенными силами на рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту, и главнымъ средствомъ стратегіи считаетъ захватъ иниціативы и наступленіе. Сообразно существовавшей тогда обстановкѣ, Жомини защищалъ выгоды дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ (*), но Леeръ (**) совершенно справедливо указываетъ, что напрасно Жомини упрекаютъ въ *безусловномъ* предпочтеніи внутреннихъ линій. Онъ просто говорилъ о наиболѣе подходящемъ пріемѣ *для обстановки своего времени*, о пріемѣ, искуснымъ примѣ-

---

(*) Клаузевицъ (Война т. II, стр. 228) называетъ внутреннія линіи именемъ Жомини, какъ бы приписывая ему созданіе этого понятія.

(**) Стратегія, т. I прил. стр. 119.

ненiемъ котораго столько выигралъ въ началѣ и расцвѣтѣ своей военной дѣятельности Наполеонъ, и который ему уже не могъ удаваться въ концѣ его карьеры, когда значительно возросшая численность армiй не давала для этого благопрiятной обстановки.

Жомини же всегда былъ далекъ отъ какихъ либо безусловныхъ, шаблонныхъ указанiй. Каждый изъ разбираемыхъ имъ вопросовъ не оканчивается твердымъ выводомъ, а совѣтомъ— *возможно тщательнаго критическаго изученiя военной исторiи* («l'histoire, mais l'histoire militaire bien raisonnée»).

4. Клаузевицъ. Уже Жомини (см. выше) горячо возставалъ противъ измышленiя *системъ*, противупоставляя имъ *принципы*. Но среднiе люди, а вѣдь они и составляютъ массу, по самой сущности склонны къ шаблоннымъ системамъ (см. II, 8), и потому такiя системы выливались изъ подъ перьевъ слабыхъ военныхъ мыслителей въ большомъ количествѣ, и находили въ массѣ много поклонниковъ. Достаточно упомянуть хотя-бы о Бюловѣ, *одностороннiя* изслѣдованiя котораго были восприняты какъ рецепты руководителями Аустерлицкой операцiи (Вейротеромъ) и начальныхъ операцiй въ отечественной войнѣ (Пфулемъ), и въ первомъ случаѣ это привело къ катастрофѣ, а во второмъ ошибка была исправлена лишь посредствомъ исключительныхъ трудовъ и усилiй нашихъ армiй, поспѣвшихъ соединиться у Смоленска. Вотъ противъ такихъ создателей системъ-шаблоновъ энергично выступилъ Клаузевицъ со своимъ философскимъ трактатомъ о войнѣ (*).

Карлъ фонъ-Клаузевицъ (**), славянскаго (польскаго) происхожденiя, родился въ 1780 г. въ Пруссiи, въ г. Бургѣ, въ семьѣ сборщика податей. Съ ранняго дѣтства его настолько тянуло въ военную службу, что уже 12 лѣтъ онъ поступилъ юнкеромъ въ пѣхотный полкъ, и участвовалъ въ рейнскихъ кампанiяхъ 1793—1794 годовъ. Необыкновенно способный отъ природы и увлекаемый жаждой знанiя, Клаузевицъ, по возвраще-

(*) Война. Теорiя стратегiи. 2 т. Русскiй переводъ 1912 г.

(**) Военный энциклопедическiй лексиконъ. Энциклопедiя военныхъ и морскихъ наукъ. Войде. Значенiе Клаузевица въ современной военной наукѣ— предисловiе къ переводу его сочиненiя «Война. Теорiя стратегiи». 1912 г.

ніи въ Ней-Руппинъ, гдѣ квартировалъ его полкъ, всецѣло отдался самообразованію, но при средствахъ глухого провинціальнаго маленькаго городка это было очень трудно. Въ 1801 г. Клаузевицу удалось попасть въ берлинскую военную академію, гдѣ онъ своими выдающимися дарованіями и настойчивымъ трудомъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго Шарнгорста, стоявшаго во главѣ академіи.

Въ несчастную для Пруссіи войну 1806 г. Клаузевицъ состоялъ адъютантомъ при принцѣ Августѣ, пережилъ разгромъ при Іенѣ, и послѣ геройской защиты во главѣ гренадерскаго батальона, которымъ онъ командовалъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Вернувшись въ Пруссію по заключеніи Тильзитскаго мира, Клаузевицъ, въ чинѣ маіора генеральнаго штаба, поступилъ въ военное министерство, гдѣ подъ руководствомъ того-же Шарнгорста принялъ самое дѣятельное участіе въ знаменитомъ возстановленіи прусской арміи.

Уже въ это время у Клаузевица возникаетъ представленіе о теоріи войны, какъ о философіи военнаго дѣла, и для изученія философіи онъ посѣщаетъ лекціи Кизеветтера, послѣдователя и ученика Канта. Съ 1810 по 1812 г. онъ преподавалъ военныя науки прусскому наслѣдному принцу, что дало ему новый импульсъ къ изслѣдованіямъ по теоріи военнаго дѣла.

Въ 1812 г. Клаузевицъ вышелъ въ отставку и поступилъ на русскую службу. Въ отечественной войнѣ онъ участвовалъ, сначала въ качествѣ адъютанта генерала Пфуля, потомъ оберъ-квартирмейстера корпуса Палена, и наконецъ въ корпусѣ Витгенштейна. Въ 1813 г., все еще въ званіи офицера русскаго генеральнаго штаба, Клаузевицъ былъ начальникомъ штаба корпуса гр. Вальмодена на нижней Эльбѣ. Въ 1814 г. онъ вернулся на прусскую службу, и кампанію 1815 г. провелъ въ должности начальника штаба корпуса, и участвовалъ въ сраженіяхъ при Линьи и при Ватерлоо.

Въ 1818 г. Клаузевицъ былъ назначенъ директоромъ берлинской военной академіи, теперь уже съ 1816 г.—высшаго военно-учебнаго заведенія. Съ этого момента онъ посвятилъ себя исключительно педагогической и литературной дѣятель-

ности. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба *обсервацiонной* армiи Гнейзенау, выставленной на восточной границѣ по случаю польскаго возстанiя, и въ 1831 году скончался отъ холеры. Главный трудъ Клаузевица—«Война. Теорiя стратегiи» (*), имъ неоконченный, несмотря на то, что онъ работалъ надъ нимъ въ продолженiе 12 лѣтъ, представляетъ изъ себя философскiй трактатъ о войнѣ (см. I, 18), проникающiй въ самую сущность не только военнаго дѣла, но и войны, какъ явленiя человѣческой жизни, и въ этомъ смыслѣ онъ и дополняетъ предшествовавшiе ему трактаты Ллойда и Жомини. Вотъ эти три трактата, дополненные и иллюстрированные историческими трудами ихъ авторовъ, и составили фундаментъ для теорiи стратегiи. Съ появленiемъ ихъ стратегiя начала существовать какъ наука.

Сущность стратегическаго ученiя Клаузевица сводится къ слѣдующему. Война есть продолженiе политики, но только съ помощью другихъ средствъ. Цѣль войны—повалить противника, довести до полнаго истощенiя его моральныя и матерiальныя силы, и единственное рацiональное средство для этого—бой и ничѣмъ другимъ этого достигнуть нельзя. Онъ особенно подчеркиваетъ это положенiе, такъ какъ ограниченные творцы системъ въ это время проповѣдывали, что война можетъ рѣшаться искусными маневрированiями и что наступаетъ время, когда сраженiя больше даваться не будутъ, такъ какъ они ничего не рѣшаютъ (**).

Въ веденiи войны, все касающееся матерiальной стороны дѣла, сравнительно, просто; гораздо сложнѣе моральная сторона. Но и это, сравнительно, простое, становится страшно труднымъ, когда приходится настойчиво и строго послѣдовательно проводить его въ жизнь на войнѣ, въ сильно сопротивляющейся средѣ опасностей, отвѣтственностей и всякаго рода случайностей. Все это, составляющее главнымъ образомъ разницу между кабинетнымъ представленiемъ о веденiи военныхъ дѣйствiй, и дѣйствительнымъ ихъ веденiемъ въ полѣ,

(*) Переведенъ на русскiй языкъ въ 1902 г. русскимъ военнымъ писателемъ генераломъ Войде.

(**) Леръ. Стратегiя ч. I, стр. 194.

требующее для преодолѣнія своего высшаго развитія воли и характера, сведено Клаузевицемъ въ особое изслѣдованіе о «треніи на войнѣ»—одно изъ самыхъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ въ отдѣлѣ его труда, озаглавленномъ—«О природѣ войны» (*).

Моральные факторы, проникающіе всю сущность войны, Клаузевицъ сводитъ: къ таланту полководца, военному духу (отвагѣ и умѣнію) армій, и къ ея народному духу. Когда нужно дѣйствовать, обыкновенно руководствуются своимъ тактомъ (инстинктомъ), и все величіе геніальныхъ полководцевъ въ томъ и состояло, что ихъ тактъ (геніальный) заставлялъ ихъ постигать инстинктивно что именно въ каждый моментъ надо сдѣлать, и такъ они и поступали. Но когда приходится дѣйствовать не самому, а приходится наставлять другихъ, тогда необходимо убѣждать и умѣть съ полной ясностью доказать ту внутреннюю связь и зависимость, въ которой находятся, по отношенію другъ къ другу, всѣ вещи на войнѣ. Вотъ здѣсь и выступаетъ на сцену теорія стратегіи. Она должна воспитать духъ будущаго руководителя на войнѣ, служить ему въ этомъ руководствомъ, но не должна сопровождать его на поле сраженій (II. 11).

Теорія стратегіи, по мнѣнію Клаузевица, не должна быть *положительнымъ* ученіемъ, а только *изслѣдованіемъ*, объясняющимъ сущность военныхъ явленій. Придавая теоріи очень большое значеніе (см. II, 11), Клаузевицъ всѣми силами возставалъ противъ злоупотребленія ею, особенно противъ теоріи, безсодержательной внутри, но покрытой лоскомъ учености (см. III, 17). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возставалъ и противъ отрицателей теоріи, готовыхъ дойти до полнаго ея устраненія, и до того, чтобы считать веденіе военныхъ дѣйствій за какую-то прирожденную человѣку функцію, которую онъ выполняетъ, по мѣрѣ принесенныхъ имъ съ собою въ этотъ міръ способностей.

Изъ основныхъ принциповъ, Клаузевицъ ставитъ на первое мѣсто принципъ крайняго напряженія силъ. По его мнѣнію

(*) Глава 7-я книги первой.

онъ служитъ основаніемъ всѣмъ остальнымъ. Кто распорядился сообразно съ нимъ, можетъ рисковать, не подвергая опасности всего дѣла, такъ какъ соблюденіе его даетъ возможность безпрерывно вызывать новыя силы, благодаря которымъ всякая неудача можетъ быть исправлена. Въ этомъ, собственно и заключается осторожность, которая можетъ быть названа благоразумной, а не въ томъ, чтобы подаваться впередъ робко и нерѣшительно. Это направленіе въ военной мысли Клаузевица называютъ принципомъ «кровавой энергіи», повидимому какъ-бы не считающимся съ потерями для достиженія важной военной цѣли, но на самомъ дѣлѣ преслѣдующимъ благоразумную экономію силъ, такъ какъ всякое замедленіе и оттягиваніе на войнѣ ведетъ лишь къ увеличенію этихъ потерь и въ бояхъ и отъ болѣзней и въ смыслѣ истощенія государства.

Философскій трактатъ Клаузевица зиждется на обширныхъ его историческихъ трудахъ. Они заключаютъ въ себѣ описаніе итальянской кампаніи 1796 г. и войны въ Италіи и Швейцаріи въ 1799 г. Затѣмъ идутъ описанія войнъ 1812—1815 годовъ. Наконецъ, послѣ него осталось еще два тома военно-историческихъ матеріаловъ для стратегіи. Отличительными чертами военно-историческихъ трудовъ Клаузевица является мѣткая критическая оцѣнка военныхъ событій, широкое освѣщеніе вліянія на развитіе военныхъ событій политическаго элемента, и необыкновенно талантливое изображеніе характера руководящихъ лицъ. На каждомъ шагу онъ стремится выяснить, насколько дѣло зависѣло отъ силы или слабости духа полководца. Отсюда и вытекла та преобладающая роль, которую онъ отвелъ въ своемъ трактатѣ о войнѣ моральному элементу.

«Труды Клаузевица» говоритъ о нихъ генералъ Войде (*) «остаются свѣжи и современны теперь, точно такъ же, какъ были свѣжи въ минуты ихъ созиданія. Причина та, что высказанное Клаузевицемъ покоится на широкомъ основаніи самой сути дѣла войны, на его природѣ, а потому оно оста-

---

(*) Значеніе Клаузевица въ современной наукѣ.

нется вѣрнымъ въ общемъ такъ долго, пока человѣкъ будетъ человѣкомъ, пока приходится ему жить и дѣйствовать въ земныхъ условіяхъ пространства и времени. Всякая теорія войны неминуемо, сознательно или несознательно, стоитъ на фундаментѣ Клаузевица; стоитъ потому, что фундаментъ этотъ самый широкій; кто съ него сойдетъ, тотъ погрузится въ полное отрицаніе или-же заблудится въ нескончаемомъ словопреніи. Дѣйствительно, Клаузевицъ разъяснилъ настоящія природныя свойства всего входящаго въ область войны. Изъ свойствъ этихъ сами собой проистекаютъ дѣйствительно возможные законы войны, которые Клаузевицъ раскрылъ точно такъ же, какъ Кеплеръ законы небесной механики. Немудрено, что труды Клаузевица послужили надежнымъ основаніемъ всей послѣдующей германской военной наукѣ, столь блистательно воплотившейся въ громовыхъ ударахъ войнъ съ Австріей и Франціей».

«Однако, трудъ Клаузевица вовсе не учебникъ. Авторъ отнюдь не старается снабжать изучающаго готовыми формами, а еще менѣе—рецептами готовыхъ рѣшеній. Онъ не стѣсняетъ ничьей самостоятельности и не подавляетъ личности. Напротивъ того, Клаузевицъ ставитъ себѣ главной цѣлью способствовать основательному сознанію и пониманію дѣла; онъ даетъ средства для самостоятельнаго воспитанія ума и духа. А потому поученія Клаузевица одинаково пригодны, какъ для полководца, такъ и для молодого, зрѣло-думающаго офицера».

Нечего конечно и говорить, что германская военная наука чрезвычайно высоко ставитъ Клаузевица.

Извѣстный нѣмецкій писатель, генералъ Шерфъ, говоритъ(*), что «изученіе Клаузевица, перешедшее въ послѣднія десятилѣтія до нашихъ великихъ войнъ, (1866 и 1870 — 71 гг.) самую высшую, казалось-бы, точку, теперь послѣ этихъ войнъ, опять выступило на первое мѣсто столь рѣшительно; надѣемся, что оно для блага нашей арміи будетъ выступать впередъ все болѣе и болѣе».

(*) Войде. Значеніе Клаузевица въ современной военной наукѣ.

Къ сожалѣнію Клаузевицъ не пользовался у насъ широкимъ распространеніемъ. Его изучали единицы, работавшіе по исторіи стратегіи, но массѣ онъ былъ извѣстенъ лишь со словъ этихъ единицъ, и больше только по имени. Переводъ его на русскій языкъ появился только въ 1902 году, т. е. черезъ 70 лѣтъ послѣ ихъ напечатанія въ Германіи, и за 11 лѣтъ не разошлось даже одно изданіе этого перевода

Въ Англіи интересъ къ Клаузевицу сильно возросъ съ того времени, когда начало становиться яснымъ, что Германія выступаетъ, какъ главный противникъ Англіи, и что рѣшительная борьба съ ней совершенно неизбѣжна. Поэтому изученіемъ Клаузевица занялись не только въ англійской арміи, но и во флотѣ (*).

5. Теорію стратегіи создали истинные практики.

Резюмирую теперь характерныя качества людей, создавшихъ *теорію* стратегіи.

Всѣ они—Ллойдъ, Жомини и Клаузевицъ были *практики*. Ихъ съ самаго ранняго возраста влекло къ практическому военному дѣлу, вѣрнѣе даже просто къ войнѣ, всѣ они участвовали въ цѣломъ рядѣ войнъ, и при томъ въ такіе періоды, когда войны велись почти непрерывно, когда дѣйствовали такіе исключительные военные таланты, какъ Фридрихъ Великій и Наполеонъ. Всѣ они служили въ разныхъ арміяхъ, а потому въ значительной мѣрѣ были ограждены отъ вліянія рутины. Всѣ они были талантливы и были награждены отъ природы умѣньемъ вникать въ сущность протекавшихъ передъ ихъ глазами событій, и вдумчивымъ отношеніемъ къ своему дѣлу.

И вотъ такіе-то практики и создали теорію стратегіи, именно они остро почувствовали необходимость въ ней, невозможность безъ нея обойтись, и потому и работали надъ ея созданіемъ.

Еще одну общую черту нужно отмѣтить у создателей теоріи стратегіи. Всѣ они строили свои теоретическіе выводы не только на опытѣ и наблюденіи современной имъ дѣйствительности, но и на тщательномъ изученіи военной исторіи.

(*) Корбетъ (Corbett) въ своей книгѣ «Some prinsiples of maritime strategy» широко цитируетъ и разбираетъ Клаузевица.

Всѣ они, собственно, начинали съ историческихъ трудовъ, и приходили къ заключенію, что для освѣщенія читателямъ своего пониманія историческихъ фактовъ, необходимо установить неизмѣнныя основы военнаго искусства, и съ точки зрѣнія этихъ основъ и судить о событіяхъ. Наконецъ, всѣ они были врагами извращенія теоріи—въ видѣ «шаблоновъ», «рецептовъ», и «системъ».

Итакъ, труды Ллойда, Жомини и Клаузевица выстроили незыблемый фундаментъ для теоріи стратегіи, и съ появленіемъ ихъ стратегія начала существовать, какъ наука.

Но, какъ это было уже указано (см. предисловіе), для того чтобы приспособить эту науку для широкаго ея примѣненія къ дѣлу—а только въ этомъ и весь смыслъ ея существованія—на этомъ фундаментѣ, сложенномъ трудами Ллойда, Жомини и Клаузевица, надо построить зданіе—*курсъ* стратегіи, и постоянно и во-время обновлять его, чтобы онъ всегда соотвѣтствовалъ постоянно мѣняющейся обстановкѣ, въ которой приходится вести войну. Въ области войны на сушѣ уже давно работаютъ въ этомъ направленіи, и многое уже достигнуто, хотя и далеко не такъ много, какъ можно было ожидать за тѣ 75 лѣтъ, что прошли со времени начала существованія стратегіи какъ науки. Въ области морской войны эта работа только-что начинается, и вполнѣ естественно, и необходимо даже, намъ изучать образцы такихъ работъ у нашихъ сухопутныхъ коллегъ передъ тѣмъ какъ создавать что нибудь свое. Тѣмъ болѣе, что фундаментъ все равно у насъ съ ними общій, и ими уже созданъ, и намъ остается только провѣрить—дѣйствительно-ли онъ столь незыблемъ, что годится для постройки зданія и въ нашей отстановкѣ. Принимать на вѣру мы не должны ничего.

А разъ намъ приходится обращаться къ образцамъ въ области войны на сушѣ по разработкѣ курсовъ стратегіи, намъ надо критически отнестись къ различнымъ типическимъ образцамъ такихъ работъ. Это и послужитъ темой для слѣдующаго этюда.

V. Типичные образцы курсовъ стратегіи въ области войны на сушѣ. Лееръ и Шлихтингъ.

1. Морскіе писатели по стратегіи должны изучать труды сухопутныхъ писателей въ этой области.

Въ своемъ мѣстѣ (см. предисловіе) я уже указывалъ на значеніе научно разработаннаго курса стратегіи. Это первая и неизбѣжная ступень на пути къ созданію *единства военнаго мышленія*. Тамъ-же я указалъ, что таковаго курса въ военно-морской литературѣ не существуетъ, что причины такого состоянія стратегіи въ области морской войны вполнѣ понятны, и что одна изъ задачъ, стоящихъ теперь передъ недавно народившимися военно-морскими академіями — это разработать науку о веденіи войны на морѣ, и привести ее въ такой видъ, который былъ-бы удобенъ для практическаго ея примѣненія во флотѣ, т. е. разработать *курсъ* стратегіи (*).

(*) Здѣсь я долженъ оговориться. Уже послѣ того, какъ были написаны предыдущіе «этюды», появился въ печати трудъ извѣстнаго германскаго военно-морского историка Alfred-a Stenzel-a, подъ заглавіемъ: «Kriegführung zur See. Lehre vom Seekriege 1913». Этотъ трудъ—несомнѣнная попытка, и притомъ чрезвычайно талантливая, создать именно *курсъ* стратегіи для морской войны, но къ сожалѣнію Штенцель не успѣлъ привести свою работу въ законченный видъ, и она такъ и осталась только попыткой. Самъ Штенцель не предназначалъ ее для печати въ такомъ видѣ. Дѣйствительно, это были его лекціи по веденію войны на морѣ въ германской военно-морской академіи за 1875—81 г.г. Хотя уже тогда, какъ таковыя, онѣ и имѣли законченный видъ, но Штенцель отложилъ окончательную обработку ихъ въ курсъ до того времени, когда онъ закончитъ свою исторію войны па морѣ (Seekriegsgeschichte). Почти наканунѣ своей смерти (онъ скончался въ іюнѣ 1906 г.) онъ мечталъ о томъ, что если Богъ продолжитъ ему жизнь и работоспособность (ему было въ это время 73½ года), онъ примется за разработку теоріи морской войны (eine theorie des Seekrieges). За промежутокъ-же времени съ 1881 по 1906 г. Штенцель не перерабатывалъ своего труда, и ограничивался лишь замѣтками и дополненіями по поводу видоизмѣненій въ матеріальной части флотовъ, и протекавшихъ въ это время морскихъ войнъ. Вице-адмиралъ Кирхгофъ, продолжавшій послѣ смерти Штенцеля изданіе его исторіи войны на морѣ (Штенцель самъ написалъ только первый томъ, и часть второго и третьяго томовъ; для остального были только собраны матеріалы), напечаталъ и его «Веденіе войны на морѣ» въ томъ видѣ, въ

Очевидно, разъ эта работа уже далеко продвинулась впередъ у нашихъ сухопутныхъ коллегъ, было-бы неразумно, приступая къ такой-же работѣ у насъ, не изучить того, чего они уже достигли (*). Надо изучить и ихъ методы, и формы, въ которыя вылились у нихъ курсы стратегіи, и содержанія этихъ курсовъ—совсѣмъ не для того, чтобы слѣпо у нихъ что-нибудь заимствовать, а чтобы сознательно выбрать лучшіе и методъ, и форму, и содержаніе для нашей работы.

Отмѣчая необходимость изученія курсовъ стратегіи, принадлежащихъ перу сухопутныхъ военныхъ писателей, я отнюдь не хочу указывать на какіе-либо опредѣленные курсы. Ихъ имѣется много, и всякій самъ сумѣетъ выбрать для себя наиболѣе подходящіе, какъ пособіе для своей работы.

Я хочу только разобрать *типы* такихъ курсовъ, наиболѣе отличающіеся между собой по идеямъ, которыя руководили ихъ составителями, чтобы: во-первыхъ объяснить, почему я въ основу моихъ работъ надъ курсомъ стратегіи рѣшилъ положить извѣстныя идеи, а во-вторыхъ — возбудить обсужденіе этихъ противоположныхъ идей въ нашей морской литературѣ, чтобы повѣрить себя и исправить, болѣе чѣмъ возможную, ошибочность моихъ сужденій (см. предисловіе) (**), и такимъ

какомъ его оставилъ Штенцель, только слегка видоизмѣняя его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ явно противорѣчилъ современнымъ взглядамъ и техникѣ. Я здѣсь остановился на обстоятельствахъ, при которыхъ былъ написанъ и напечатанъ этотъ трудъ Штенцеля, чтобы еще сильнѣе оттѣнить его достоинства. Несмотря на то, что онъ былъ написанъ больше 30 лѣтъ тому назадъ, онъ гораздо больше соотвѣтствуетъ представленію о курсѣ стратегіи, чѣмъ самые новѣйшіе труды Мэхэна (Naval strategy 1911 г.) и Корбетта (Some principles of maritime strategy 1911 г.), и если-бы не возрастъ и смерть Штенцеля, то именно отъ него скорѣе всего можно-бы было ожидать такого труда, который съ полнымъ правомъ могъ-бы быть названъ курсомъ стратегіи, пригоднымъ для того, чтобы положить его въ основаніе для созданія единства взглядовъ на вопросы веденія войны на морѣ. Въ настоящемъ-же своемъ необработанномъ видѣ, трудъ Штенцеля, несмотря на крупныя свои достоинства, этому условію не удовлетворяетъ, и передъ военно-морскими академіями стоитъ все та-же задача—разработать *курсъ* стратегіи.

Н. К.

(*) Именно этимъ путемъ шелъ Штенцель, и это одна изъ причинъ, почему его работа оказалась совершеннѣе другихъ. *Н. К.*

(**) М. Сб. Янв. 1913 г., стр. 58.

образомъ установить тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять курсъ стратегіи.

Наиболѣе яркими представителями противуположныхъ типовъ, съ моей точки зрѣнія, являются курсы стратегіи генераловъ Леера и Шлихтинга (*).

2. Въ нашей сухопутной средѣ Шлихтингъ вытѣсняетъ Леера.

Притомъ у меня имѣются еще и другія причины, по которымъ мнѣ хотѣлось-бы остановиться на разборѣ именно этихъ курсовъ.

Стратегія Леера — это *первый русскій* курсъ стратегіи. Въ продолженіе 40 лѣтъ, вплоть до русско-японской войны этотъ курсъ служилъ руководствомъ въ нашей военной академіи (**).

Войну мы эту проиграли, и конечно мы тщательно искали *всѣ* причины, которыя могли вліять на наше пораженіе. Вѣроятно, въ числѣ обвиненныхъ оказался и Лееръ.

Не будучи достаточно знакомъ съ нашей военно-сухопутной литературой, я не могу привести прямыхъ на это указаній, но нельзя не отмѣтить тотъ фактъ, что, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны, изъ нашей военной академіи, въ которой до тѣхъ поръ царили идеи Леера, раздался голосъ (***), указывавшій, что грѣшила наша подготовка, потому что грѣшила наша *теорія*, что «недостатокъ почина», который сыгралъ такую фатальную роль въ нашей послѣдней несчастной войнѣ — прямое слѣдствіе и того, что наша теорія изучала только *формы*, независимо отъ *цѣлей*, и что есть другая теорія — «теорія Шлихтинга», которая «блестяще выдержала испытаніе въ русско-японской войнѣ», которая «питаетъ идеями всю современную нѣмецкую военную литературу (многотомные труды позднѣйшихъ авторовъ являются не болѣе, какъ только толкованіемъ или сборникомъ приложеній къ ней)», и что

(*) *Лееръ.* Стратегія (тактика театра военныхъ дѣйствій). 1866—92 г.
V. Schlichting. Tactikche und Strategische Grundsätze der Gegenwart. Въ Германіи появилось въ 1898 г. На русскій языкъ переведена II часть въ 1910 г. подъ заглавіемъ: Основы современной тактики и стратегіи. Изданіе Императорской Николаевской Военной Академіи.

(**) Замѣнившій въ 1896 году Леера на каѳедрѣ стратегіи генералъ Михневичъ и изданный имъ вскорѣ курсъ ничего не измѣнили по существу, — основа осталась Лееровская.

(***) Предисловіе къ русскому изданію труда Шлихтинга.

трудъ Шлихтинга «классическій съ точки зрѣнія германской арміи — классическій и для насъ, такъ какъ «*основы* современной тактики и стратегіи», пока арміи имѣютъ, говоря вообще, ту-же организацію и то-же вооруженіе, «естественно *обязательны* (*) для насъ въ той-же мѣрѣ, какъ и для нѣмцевъ».

Редакторъ перевода Шлихтинга на русскій языкъ, ординарный профессоръ Императорской Николаевской Военной Академіи г. Незнамовъ, совершенно справедливо отмѣчаетъ, что теперь, чтобы новыя идеи могли быть примѣнены на войнѣ, онѣ должны быть постигнуты *всей* военной силой. Слишкомъ много возлагается теперь на частныхъ начальниковъ, которые только при наличіи *собственнаго* пониманія новыхъ идей, будутъ способны понимать требованія высшихъ начальниковъ, желающихъ провести эти идеи въ жизнь, и не только выполнять эти требованія, но будутъ способны самостоятельно идти имъ навстрѣчу.

И вотъ когда новая идея «слабо тлѣетъ гдѣ-то подъ спудомъ, и ея свѣта не видно, нужно появленіе человѣка, который-бы силой своей логики, пера и личнаго вліянія вынесъ ее на свѣтъ Божій, поставилъ на должное мѣсто и сдѣлалъ ее видимой, если не всѣми, то большинствомъ. Заслуга такого лица для арміи и родины громадна; понять генія и разъяснить его *всѣмъ* доступнымъ языкомъ—удѣлъ далеко не многихъ. Сдѣлать это могутъ лишь лица, сами отмѣченныя священной искрой.... Эту почтенную роль въ германской арміи въ отношеніи идей Мольтке, вызванныхъ къ жизни массовой арміей и скорострѣльной винтовкой, выпало на долю выполнить Шлихтингу».

Опять-таки я не могу привести какихъ-либо прямыхъ указаній, что профессоръ Незнамовъ противопоставляетъ «теорію»(**) Шлихтинга «теоріи» Леера. Онъ нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ. Но косвенныя указанія на это имѣются. Характеризуя достоинства труда Шлихтинга, онъ говоритъ: «это не «вы-

(*) Курсивы мои.

(**) Съ моей точки зрѣнія «теорія» можетъ быть только одна (см. эт. II), и къ разнящимся взглядамъ на веденіе войны различныхъ людей правильнѣе было бы примѣнять слово «ученіе». *Н. К.*

сокій» трактатъ по стратегіи, нужный лишь лицамъ, поставленнымъ во главѣ дѣла подготовки государства къ войнѣ; нѣтъ, это та стратегія, съ которой долженъ быть знакомъ каждый офицеръ, который хочетъ понимать современную войну, и хотѣлъ-бы со временемъ занять болѣе или менѣе отвѣтственный постъ; это та стратегія, безъ которой невозможно сознательное управленіе хотя-бы самою небольшою отдѣльною частью; это, наконецъ, та стратегія, безъ которой невозможны разумный частный починъ и направленіе усилій всѣхъ составляющихъ армію частей къ достиженію одной общей цѣли. Это, однимъ словомъ, современная война.... Это не самодовлѣющая теорія для теоріи, разсужденія только, чтобы разсуждать; нѣтъ—это чисто прикладное ученіе».

Всѣ эти выраженія о «высокомъ» трактатѣ, самодовлѣющей теоріи для теоріи и т. п.... очень напоминаютъ тѣ эпитеты, которыми награждали труды Леера его противники, и во всякомъ случаѣ эти выраженія явно относятся къ русскимъ сочиненіямъ по стратегіи *до* войны, которымъ противупоставляется новѣйшая нѣмецкая наука, создателемъ и вдохновителемъ которой является, по мнѣнію профессора Незнамова, именно Шлихтингъ, трудъ котораго онъ называетъ «классическимъ», и явно ставитъ его, какъ образецъ «теоріи» стратегіи.

3. Лееръ и Шлихтингъ — современники.

А вѣдь Лееръ и Шлихтингъ—современники, и по годамъ, и даже по своимъ трудамъ.

Лееръ вполнѣ закончилъ свою Стратегію только въ 1892 году (*), и именно въ предисловіи къ пятому изданію первой части (1893 г.) подробно изложилъ свои взгляды на методъ преподаванія стратегіи и разработки курса (см. эт. II, 19—25). Трудъ Шлихтинга появился въ 1898 г. Съ одной стороны, въ промежутокъ между 1893 и 1898 г. нигдѣ никакихъ крупныхъ войнъ не было, а съ другой—послѣ послѣднихъ крупныхъ войнъ—американской междоусобной, австро-прусской, франко-прусской и русско-турецкой—прошло и до 1893 г. достаточно много времени, чтобы имѣть о нихъ достовѣрныя свѣдѣнія и отнестись къ нимъ объективно.

(*) Въ этомъ году вышло дополненіе къ «Стратегіи»—«Сложныя операціи».

И разъ въ средѣ нашей военной академіи, понадобилось, вмѣсто дальнѣйшей разработки трудовъ Леера, «открыть» и страстно пропагандировать Шлихтинга, современника Леера и совершенно противоположнаго ему по духу и по методу работы, то значитъ можно, съ извѣстнымъ основаніемъ, заключить, что новѣйшая русская военная наука, на основаніи опыта войны съ Японіей, признала «теорію» Леера непригодной, и ставитъ за образецъ противоположную ей «теорію» Шлихтинга.

Я съ намѣреніемъ употребилъ слово «открыть». Какъ назвать иначе фактъ, что стали кричать о книгѣ, вышедшей 12 лѣтъ тому назадъ, почти не упоминая о ней въ продолженіе этихъ 12 лѣтъ, притомъ о такой книгѣ, которая оказалась трудомъ «классическимъ, положеннымъ въ основаніе современной нѣмецкой военной доктрины, около котораго объединилась вся военная литература», трудомъ на которой «если часто позднѣйшіе писатели и не указываютъ въ ссылкахъ, то онъ виденъ между строками ихъ».

Если «теорія» Шлихтинга дѣйствительно оказалась такимъ откровеніемъ, если дѣйствительно безъ Шлихтинга ни Лееръ, ни его послѣдователи не могли понять и оцѣнить Мольтке, несмотря на достаточное количество для этого очень цѣнныхъ матеріаловъ, и несмотря на вообще очень хорошее знакомство нашихъ военныхъ ученыхъ съ нѣмецкой литературой, то приходится признать, что дѣйствительно наша военная академія оказалась не совсѣмъ на высотѣ, не оцѣнивъ *во-время* такого военнаго писателя. Вѣдь это можно было сдѣлать за 5 лѣтъ *до* войны съ Японіей, а вмѣсто этого, обратились къ нему только черезъ 5 лѣтъ *послѣ* этой войны, въ которой «теорія» Шлихтинга «блестяще выдержала испытаніе».

На сколько мало думали о Шлихтингѣ и больше думали о Леерѣ въ нашей военной академіи до 1910 г. показываетъ тотъ фактъ, что самъ редакторъ его перевода, профессоръ Незнамовъ, въ своей профессорской диссертаціи «Оборонительная война», изданной въ 1909 г., ни разу не упоминаетъ имени Шлихтинга, хотя во многихъ мѣстахъ ссылается на нѣмецкихъ писателей, и не разъ говоритъ о Мольтке, объ-

ясняя его и безъ помощи Шлихтинга. Но зато этотъ трудъ профессора Незнамова пестритъ многочисленными ссылками на Леера. Въ 1910 г. профессоръ Незнамовъ проредактировалъ переводъ Шлихтинга на русскій языкъ, и выдалъ Шлихтингу въ предисловіи къ переводу блестящую аттестацію, какъ разъяснившему самимъ нѣмцамъ геній Мольтке, а въ 1911 г. появился трудъ профессора Незнамова—«Современная война», въ которомъ авторъ уже совершенно не отводитъ никакого мѣста Лееру, не найдя у него ничего для себя интереснаго, кромѣ одной цифровой справки объ Аустерлицкомъ сраженіи (*). А затѣмъ, въ нашей военной газетѣ (**) я прочиталъ, что этотъ трудъ профессора Незнамова «*совершенно* для насъ *новый* и необходимый», и что «ни Лееръ, ни Драгомировъ ничего не говорятъ сердцу» автора, такъ какъ «это были крупныя фигуры, но жизнь ушла такъ далеко впередъ, что ихъ «теоріи» положительно совпали съ горизонтомъ». Много слышалъ я и словесныхъ такихъ отзывовъ, и отъ лицъ съ научнымъ авторитетомъ въ военномъ нашемъ мірѣ.

4. Разборъ и сравненіе трудовъ Леера и Шлихтинга являются вынужденными.

Я вполнѣ сознаю, что это очень большая смѣлость съ моей стороны—взять на себя задачу судить о курсахъ стратегіи, принадлежащихъ перу сухопутныхъ военныхъ писателей, о направленіи идей въ нашемъ сухопутномъ военномъ мірѣ и т. п. Съ полнымъ основаніемъ мнѣ могутъ указать, что «бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ», такъ какъ съ идеями о войнѣ

(*) Профессору Н. П. Михневичу, смѣнившему Леера на каѳедрѣ стратегіи, Шлихтингъ былъ извѣстенъ гораздо раньше чѣмъ онъ появился въ русскомъ переводѣ. Онъ ссылается на него еще въ первомъ изданіи своей стратегіи (т. II. 1901 г.). Но ссылка эта единственная и осталась таковой и въ послѣдующемъ изданіи (1910 г.). Значитъ г. Михневичъ не усмотрѣлъ за 9 лѣтъ у Шлихтинга никакой особо выдающейся теоріи, а къ претензіи нѣкоторыхъ германскихъ писателей поставить стратегію Мольтке выше Наполеоновской, къ каковымъ принадлежитъ и Шлихтингъ, онъ относится отрицательно (Стратегія, т. II, оба изданія, стр. 9).

(**) Русскій Инвалидъ. Статья В. Кривенко «Необходимое разъясненіе». Эту ссылку я привожу только въ подтвержденіе пренебрежительнаго отношенія къ Лееру, но отнюдь не какъ доказательство преклоненія передъ Шлихтингомъ.

на сушѣ и съ сухопутными средствами войны я знакомъ очень поверхностно, и то исключительно лишь изъ книгъ.

Но пусть поймутъ мои сухопутные коллеги—и понявъ, извинятъ мнѣ мою смѣлость—что для меня нѣтъ никакого другого выхода, что я *вынужденъ* вступить на этотъ опасный для меня путь, что отнюдь не стремленіе къ критикѣ для критики, т. е. не пустое критиканство, меня толкаетъ на него.

Во-первыхъ я исхожу изъ глубокаго своего убѣжденія, что нѣтъ стратегіи сухопутной и морской, а есть просто стратегія—единая, одинаково пригодная и для суши, и для моря и для воздуха (см. эт. III, 6—9). А значитъ, требованія къ курсу стратегіи тѣ-же самыя, внѣ зависимости отъ рода оружія и спеціальности того, кто надъ нимъ работаетъ. По цѣлому ряду причинъ (см. предисловіе) наши сухопутные коллеги гораздо раньше насъ взялись за разработку военныхъ наукъ, и очень далеко ушли отъ насъ впередъ и въ работѣ надъ такимъ изложеніемъ добытыхъ результатовъ, который былъ-бы доступенъ массѣ, и отвѣчалъ-бы всѣмъ запросамъ строя, т. е. они ушли впередъ и въ работѣ надъ курсами стратегіи. И значитъ намъ, какъ я уже указалъ въ началѣ этого очерка (см. 1), принимаясь за такую-же работу, нельзя избѣжать изученія того, что сдѣлано сухопутными военными писателями. А такъ какъ эти писатели не во всемъ согласны между собою, то намъ нельзя избѣжать и оцѣнки ихъ различныхъ точекъ зрѣнія, исходя изъ требованій, долженствующихъ быть предъявленными къ *единому* курсу стратегіи. Приходится, значитъ, дѣлать это и мнѣ, такъ какъ единственная цѣль этихъ этюдовъ (см. предисловіе)—посредствомъ провѣрки и критики строевымъ составомъ флота моей академической работы, создать прочное основаніе для выработки курса стратегіи для нашей академіи.

А что я легко могу ошибиться въ этой оцѣнкѣ, къ этому я вполнѣ готовъ, и потому я и останавливаюсь на подробностяхъ — почему я думаю такъ или иначе, чтобы мои ошибки мнѣ были указаны при полномъ пониманіи моихъ мыслей и намѣреній.

Вотъ, напр., съ моей точки зрѣнія, и я постараюсь подтвердить это, курсъ стратегіи Леера представляетъ для насъ гораздо бо́льшую цѣнность, чѣмъ курсъ Шлихтинга. А вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется, что въ средѣ нашей военной академіи, опытъ которой намъ надлежитъ въ полной мѣрѣ использовать при нашей работѣ, намѣчается такое теченіе, которое—вмѣсто того, чтобы развивать созданное въ ея нѣдрахъ талантливое ученіе Леера, и лишь держать его на уровнѣ современности, для чего можно было использовать, какъ матеріалъ, того-же Шлихтинга, относится уже съ извѣстнымъ пренебреженіемъ къ трудамъ создателя русскаго курса стратегіи, и готово слѣдовать за гораздо менѣе талантливымъ и болѣе узкимъ, и чрезмѣрно расхваленнымъ, Шлихтингомъ.

А вѣдь военная академія—это старшая сестра нашей академіи. Мы жадно всматриваемся — и мы непремѣнно должны это дѣлать—во все, что въ ней происходитъ. Но конечно не только для того, чтобы ей подражать, а чтобы, извлекая все что можно изъ ея опыта, избѣжать и тѣхъ ошибокъ, въ которыя можетъ впадать и она. А, благодаря ея старшинству и опыту, все что она дѣлаетъ, несомнѣнно на насъ вліяетъ, и можетъ повліять и то, недостаточно справедливое, съ моей точки зрѣнія, отношеніе, которое какъ будто намѣчается тамъ къ ученію Леера. И разъ это мнѣ представляется въ такомъ свѣтѣ, я не могу не говорить объ этомъ въ своихъ этюдахъ,—иначе я уклонюсь отъ выполненія принятой мною на себя задачи — подготовить почву для разработки курса *единой*, а значитъ вполнѣ пригодной для использованія и въ морѣ, стратегіи. Вотъ теперь, сдѣлавши всѣ эти оговорки, я обращусь къ характеристикѣ курсовъ стратегіи Леера и Шлихтинга.

5. Лееръ дѣйствительно противъ «шаблона».

«Предлагаемый курсъ» говоритъ Лееръ (*) «представляетъ собою *сборникъ нѣсколькихъ стратегическихъ аксіомъ и теоремъ*, уясненныхъ путемъ логическимъ и историческимъ, и сведенныхъ, по возможности, въ одну стройную систему, само собою разумѣется, въ смыслѣ внутренняго упорядоченія изслѣдуемаго матеріала, а не въ

(*) Предисловіе къ 5-му изданію стратегіи.

смыслѣ системъ — шаблоновъ, лучшихъ способовъ веденія войны».

Для уясненія стратегическихъ положеній логическимъ и историческимъ путями Лееръ примѣнилъ критико-историческій методъ.

О достоинствахъ этого метода я здѣсь распространяться не буду, т. к. достаточно говорилъ о немъ въ своемъ мѣстѣ (см. эт. III, 19—25). И теперь вопросъ не о методѣ,—надо было только отмѣтить, что Лееръ выбралъ вполнѣ научный методъ, — а въ томъ, насколько онъ остался ему вѣрнымъ, и какихъ результатовъ онъ достигъ.

Прежде всего Лееръ строго остался вѣрнымъ основному своему положенію, что теорія всюду должна приходить на помощь практику, но нигдѣ она ничего *не рѣшаетъ*, а только *объясняетъ* (см. эт. II). Благодаря этому ему удалось сохранить полное безпристрастіе къ различнымъ формамъ дѣйствій на войнѣ. Онъ ни малѣйшимъ образомъ не наталкиваетъ практическаго дѣятеля на какой либо шаблонъ, на какую либо систему. Ему вполнѣ сознательно и дѣйствительно, а не только на словахъ, противенъ шаблонъ и система. Онъ допускаетъ *всякую* форму, лишь-бы она выражала правильное примѣненіе неизмѣнныхъ принциповъ къ правильно оцѣненной обстановкѣ, и эту правильность оцѣнки обстановки, и правильность примѣненія къ ней принциповъ для созданія правильной формы примѣненія военныхъ силъ на войнѣ, онъ цѣликомъ предоставляетъ творчеству исполнителя, приходя на помощь ему лишь тѣмъ, что онъ даетъ ему цѣлый рядъ примѣровъ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, изъ военной исторіи. Конечно онъ, какъ и всякій, можетъ ошибаться и въ выборѣ этихъ примѣровъ, и въ ихъ изслѣдованіи, и въ выводахъ изъ нихъ.. Съ нимъ можно не соглашаться въ томъ или другомъ разсужденіи, но его никакъ нельзя обвинить въ томъ, что болѣе всего противно научности — въ тенденціозности, въ пристрастіи, въ пренебреженіи какой нибудь стороной разбираемаго вопроса. Онъ готовитъ своего читателя, не къ какимъ либо излюбленнымъ формамъ, не къ какимъ либо даже нормамъ, а просто—*ко всему*, что можетъ встрѣтиться на войнѣ, пере-

водя его совершенно безстрастно по всѣмъ вопросамъ, которые приходится рѣшать стратегіи, по всѣмъ формамъ, въ которыя могутъ выливаться рѣшенія этихъ вопросовъ, въ зависимости отъ различныхъ обстановокъ. Но указывая эти нормальныя рѣшенія — *нормы*, онъ тщательно предостерегаетъ противъ взгляда на нихъ, какъ на готовыя рѣшенія, онъ не жалѣетъ словъ для постоянныхъ оговорокъ, что эти нормы служатъ лишь отправными точками для собственныхъ разсужденій, а отнюдь не рецептами. Вездѣ онъ вѣренъ поставленной себѣ цѣли его курса, которая (*) «заключается въ томъ, чтобы развить правильное, упорядоченное мышленіе въ области стратегическихъ соображеній и явленій, и этимъ путемъ превратить въ каждомъ запасъ природнаго стратегическаго чутья въ сознательное стратегическое чувство, такъ какъ это необходимо, прежде всего, для того, чтобы правильно понимать военныя явленія, а затѣмъ искусно управлять ими, ибо безъ перваго второе немыслимо».

6. У Леера «новѣйшее» не давитъ всего остальнаго. Признавая, и пожалуй еще больше чѣмъ кто либо другой, видоизмѣненіе формъ военныхъ дѣйствій, въ зависимости отъ развитія человѣческихъ знаній и культуры (усовершенствованіе оружія, средствъ передвиженія и связи и т. п.), Леeръ не допускаетъ въ своемъ трудѣ, чтобы новѣйшая форма совершенно заслонила старую, только изъ за того, что первая теперь встрѣчается *чаще* чѣмъ вторая. Все, что можетъ случиться на войнѣ, должно быть объяснено, въ смыслѣ указаній его сильныхъ и слабыхъ сторонъ, чтобы имѣть возможность правильно использовать всякую форму въ соотвѣтствующей обстановкѣ.

Теперь напр., въ войнѣ на сушѣ, при борьбѣ массовыхъ армій, въ мѣстности, изобилующей путями сообщенія, при обиліи средствъ связи, дѣйствія по внѣшнимъ операціоннымъ линіямъ являются болѣе примѣнимыми и болѣе выгодными, чѣмъ дѣйствія по внутреннимъ линіямъ. Этотъ фактъ приводитъ къ тому, что нѣкоторые писатели по стратегіи только эту форму и разсматриваютъ, какъ единственную *современ-*

(*) Стратегія. I т. 5-е изд. стр. 43—44.

ную, а о другой—противоположный формѣ упоминаютъ лишь мелькомъ, какъ для современной обстановки непригодной. Они-то сами, быть можетъ и не хотятъ сдѣлать изъ новой формы шаблонъ, и даже и оговорятъ это въ своемъ изложеніи (такъ дѣлаетъ это, напр., Шлихтингъ). Но этотъ методъ изложенія, при которомъ обсуждаются только *новѣйшіе* шаги военнаго искусства, вызванные хотя и новѣйшей обстановкой, но далеко еще не общей для современности, производитъ на массу—а вѣдь для нея именно и пишутся курсы стратегіи—впечатлѣніе, что *современная* война только и состоитъ изъ этого новѣйшаго. А масса очень склонна къ шаблону, и жадно хватается за это *новѣйшее* какъ за шаблонъ, примѣнимый при *всѣхъ* обстоятельствахъ въ *современной* войнѣ.

Вотъ у Леера совершенно нѣтъ смѣшенія «новѣйшаго» съ «современнымъ». Для него современно все то, что можетъ встрѣтиться на войнѣ, и все это должно быть *объяснено*—въ этомъ и заключается роль теоріи.

Поэтому онъ совершенно безстрастно обсуждаетъ всѣ выгоды и невыгоды, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ операціонныхъ линій, отмѣчаетъ типы обстановокъ болѣе удобныхъ для пользованія тѣми и другими, указываетъ, что «новѣйшее» въ обстановкѣ современной войны затрудняетъ пользованіе внутренними линіями, и изъ изученія у него этого вопроса выносится впечатлѣніе, что хотя и въ разной степени, но примѣнимо и то и другое, и въ современной войнѣ.

Для Леера, повторяю, дороги не тѣ или другія формы, сколь бы ни были онѣ «модны», или, какъ говорятъ нѣкоторые, «современны», а для него дорога лишь, съ одной стороны — цѣлесообразность примѣненія формъ къ обстановкѣ, которая можетъ быть безконечно разнообразной, наперекоръ всякой, такъ называемой «современности», а съ другой—для него дорого соотвѣтствіе всякой формы, сколь бы ни была она «современной», съ неизмѣнной сущностью войны, которая выражается въ такъ называемыхъ принципахъ.

7. Леерь въ основу курса кладетъ неизмѣнные принципы.

Поэтому Лееръ съ нихъ и начинаетъ. Цѣлая половина (228 страницъ) перваго тома его стратегіи (главныя операціи) посвящена установленію и уясненію

принциповъ, на которыхъ долженъ основываться всякій стратегическій замыселъ, каковъ-бы онъ ни былъ. Совершенно логично онъ начинаетъ именно съ замысла, такъ какъ исполненіе на войнѣ, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, слѣдуетъ за замысломъ. Твердо вѣря въ незыблемость принциповъ, и считая очень важнымъ утвердить эту вѣру и въ своихъ читателяхъ, Лееръ не соблазняется тѣмъ, что принципы просты и общепонятны (*). Онъ, тщательно изучившій военную исторію, очень хорошо знаетъ, какъ часто средніе люди *не умѣютъ* примѣнять этихъ простыхъ принциповъ къ жизни, онъ хорошо знаетъ, что легко примѣняется не то, что люди *знаютъ*, а лишь то, въ чемъ они дѣйствительно *убѣждены*, и что одинъ изъ способовъ, которымъ создается убѣжденіе — это *трудъ* тщательнаго изученія. Поэтому Лееръ не жалѣетъ словъ и доказательствъ для установленія правильныхъ основъ, — въ нихъ все дѣло, по его мнѣнію. Въ установленіи основъ ничѣмъ нельзя пренебрегать, лишь-бы изгнать всякое сомнѣніе въ ихъ истинности и важности. Здѣсь надо повѣрять себя всѣми возможными способами, ничего не принимать на вѣру (см. эт. III, 1—3), обезопасить себя отъ ошибки выборомъ правильнаго научнаго метода.

«Мы пытались» говоритъ онъ въ общемъ сводѣ своего этого изслѣдованія (стр. 213) «доказать существованіе принциповъ, ложащихся въ основу стратегическихъ операцій, при чемъ повѣрка ихъ нами была сдѣлана и путемъ аналитическимъ и путемъ синтетическимъ».

«Къ доказательствамъ двумя разрядами доводовъ присоединимъ еще и третій, именно: мнѣнія и отзывы наиболѣе выдающихся *военныхъ авторитетовъ*, лучшихъ мастеровъ и лучшихъ мыслителей въ области военнаго дѣла. На мнѣнія авторитетовъ, *живыхъ представителей* извѣстнаго искусства, нельзя смотрѣть иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ, не доходящимъ однако до слѣпой, безусловной вѣры въ нихъ, и на этомъ основаніи относиться къ нимъ не иначе, какъ

(*) «Доступны самому ограниченному пониманію» по словамъ Драгомирова.

критически, провѣрять ихъ путемъ собственнаго анализа и вѣрить имъ лишь послѣ подобной повѣрки ихъ. Вотъ почему мы *не начинаемъ* наши изслѣдованія съ *готовыхъ рѣшеній*, данныхъ на разрабатываемую нами тему великими военными авторитетами, а *заключаемъ* его ими».

Притомъ Лееръ твердо знаетъ, для чего онъ не жалѣетъ труда и мѣста въ своемъ курсѣ для установленія и доказательства принциповъ. Только (стр. 211—212) «раскрытіе и изслѣдованіе принципіальной стороны въ каждомъ частномъ случаѣ способно положить конецъ *интеллектуальной анархіи* (*), и по настоящее время царящей въ области стратегіи. Съ установкою принциповъ.... расходящіеся взгляды на военные предметы, которые всегда были и навсегда, для пользы-же дѣла, должны сохраниться и впредь, не будутъ касаться *принципіальной* стороны дѣла, а лишь только *прикладной ея части*, т. е.: какъ, соотвѣтственно требованіямъ извѣстной обстановки, удобнѣе примѣнить въ томъ или другомъ случаѣ извѣстный принципъ, пользующійся одинаковымъ уваженіемъ въ глазахъ всѣхъ. Теперь-же обыкновенно расходятся какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, и *большинство продолжаетъ упорно не вѣрить въ существованіе неизмѣнныхъ принциповъ въ военномъ дѣлѣ*».

Увы, къ сожалѣнію «интеллектуальная анархія» въ области военнаго дѣла царитъ и теперь, и, въ значительной мѣрѣ, все по той-же причинѣ—желанію обосновать различныя положенія военнаго дѣла, не на неизмѣнныхъ принципахъ, а сплошь и рядомъ лишь на «новѣйшемъ» или на, такъ называемомъ «современномъ» въ состояніи военнаго дѣла и въ культурѣ человѣческихъ обществъ. И сплошь и рядомъ основными принципами называютъ ужъ не неизмѣнныя и независимыя отъ какой либо обстановки начала, а всякія правила и нормы, которыя, какъ это постоянно оговариваетъ Лееръ, очень *условны*, а потому обоснованіе на нихъ всякихъ положеній военнаго дѣла, неизмѣнно ведетъ къ шаблону, хотя-бы авторъ и оговаривался, что онъ противъ всякихъ шаблоновъ.

(*) «Anachie professionelle», какъ его называетъ Darrieus. La guerre sur mer, strategie et tactique. La Doctrine». Стр. 3.

8. У Леера обстановка повелѣваетъ только способами примѣненія принциповъ.

Только сдѣлавъ все, чтобы установить принципы, Лееръ переходитъ къ технической части своего труда, къ исполненію, къ *формальной* части, какъ онъ ее называетъ, въ отличіе отъ принципіальной. Здѣсь уже все—обстановка, которая *повелѣваетъ способами примѣненія принциповъ* къ безконечно разнообразнымъ ея комбинаціямъ. Здѣсь онъ отдаетъ полное вниманіе и «новѣйшему» въ обстановкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пренебрегаетъ ничѣмъ, въ настоящемъ смыслѣ, «современнымъ», т. е. тѣмъ, что можетъ въ настоящее время встрѣтиться на войнѣ. Всѣ его выводы по отношенію къ «новѣйшему» ничѣмъ не уступаютъ выводамъ авторовъ спеціализировавшихся исключительно на этомъ «новѣйшемъ», и огромное лишь преимущество Леера передъ ними въ томъ, что его выводы являются всѣмъ понятными «нормами» для извѣстныхъ типовъ обстановки, тогда какъ ихъ выводы сплошь и рядомъ сбиваются на шаблонъ, и очень типичнымъ въ этомъ отношеніи является и Шлихтингъ.

Конечно Лееръ не могъ знать того «новѣйшаго», которое пришло послѣ него, но онъ зналъ то-же самое, что зналъ и Шлихтингъ (*). Но въ то время какъ Леера дополнить до самой современной точки зрѣнія страшно легко, именно благодаря тщательно проведенному въ его трудѣ безпристрастію ко всякой формѣ, сдѣлать это по отношенію, напр., къ Шлихтингу страшно трудно, такъ какъ тамъ это, если не прямое пристрастіе, то увлеченіе извѣстными формами, или исключительное вниманіе, удѣляемое этимъ формамъ, въ ущербъ всему остальному, характеризуетъ весь его трудъ. Всякую новую форму, для всякой новой обстановки, можно подвести подъ тѣ принципы, на которыхъ строитъ свой трудъ Лееръ, тогда какъ яко-бы «принципамъ» Шлихтинга, та или иная форма будетъ противорѣчить на столько, что связать воедино новыя формы со старыми никакъ будетъ нельзя.

Особенно это бросается въ глаза намъ, работающимъ въ области созданія курса стратегіи, пригодной для примѣненія

(*) См. выше (3).

ея и въ морской обстановкѣ. Всѣ основы Леера оказываются пригодными для разработки формъ веденія и морской войны, и, сообразуясь съ принятымъ имъ методомъ, можно, не нарушая цѣльности и внутренней связи его курса, дополнить его такъ, что онъ будетъ курсомъ стратегіи пригоднымъ и для веденія войны въ морской обстановкѣ. Даже не дополненный, онъ будетъ развивать стратегическое мышленіе моряка точно такъ же, какъ онъ развиваетъ таковое мышленіе сухопутнаго офицера, съ тѣмъ лишь преимуществомъ въ пользу послѣдняго, что тому легче дастся пониманіе историческихъ примѣровъ, приводимыхъ Лееромъ, и объясненіе выводимыхъ имъ нормъ, такъ какъ онъ беретъ ихъ исключительно въ области войнъ на сушѣ и сухопутнаго военнаго дѣла. Ничего подобнаго не можетъ извлечь морякъ, напр., изъ Шлихтинга, какъ это будетъ видно ниже, при разборѣ курсовъ этого типа. Для насъ не будетъ пригоденъ ни одинъ изъ, такъ называемыхъ, его «принциповъ», такъ какъ они вытекаютъ не изъ сущности войны, а изъ особенностей разбираемой имъ частной обстановки. Для пониманія его нужно въ еще бóльшей степени быть освоеннымъ съ военной исторіей и съ обстановкой войны на сушѣ, чѣмъ для пониманія курса Леера. А дополнить его такъ, чтобы онъ могъ превратиться въ общій курсъ стратегіи, совершенно немыслимо. Его нечѣмъ связать чѣмъ нибудь общимъ съ требованіями морской войны. Можно только, и нельзя отрицать извѣстной пользы этого, написать подобное изслѣдованіе и для извѣстной частной морской обстановки, съ большой при этомъ опасной вѣроятностью—увлечь массу на путь шаблона... Однако тутъ я нѣсколько забѣжалъ впередъ, все это будетъ яснѣе при разборѣ самого курса Шлихтинга. А теперь возвращусь къ Лееру.

9. Курсъ Леера систематиченъ и полонъ. Помимо вышеуказанныхъ достоинствъ, курсъ Леера привлекаетъ своей систематичностью и полнотой. Все, что составляетъ подготовку войны и ея веденіе—все это строго расклассифицировано, и всякій вопросъ одинаково тщательно разобранъ и объясненъ, при наличіи всѣхъ типичныхъ обстановокъ для войны на сушѣ. Въ курсѣ Леера, практическій дѣятель можетъ найти помощь при рѣ-

шеніи любого вопроса, относящагося къ подготовкѣ и веденію войны, и притомъ освѣщеннаго съ точки зрѣнія неизмѣнной сущности войны. По методу, которымъ неуклонно ведетъ его Лееръ, онъ самъ примѣнитъ эту неизмѣнную сущность и ко всякому типу обстановки, которой не найдетъ у Леера, т. е. къ «новѣйшему». И сдѣлаетъ онъ это сравнительно легко еще и потому, что Лееръ поневолѣ передастъ ему и свое безпристрастіе къ формѣ, и тѣмъ поможетъ, насколько это только можетъ сдѣлать книга, освободиться отъ естественной наклонности средняго человѣка къ шаблону.

10. У Шлихтинга путаная терминологія. Совсѣмъ на другихъ основаніяхъ построенъ курсъ, или, какъ самъ онъ его называетъ, «учебникъ» (*) стратегіи Шлихтинга.

Читая его, прежде всего приходится совершенно отрѣшиться отъ того пониманія многихъ терминовъ, которое установлено создателями стратегіи какъ науки, и принято и у Леера. Притомъ самъ Шлихтингъ обыкновенно никакихъ опредѣленій не даетъ, и о томъ—что онъ подразумѣваетъ подъ тѣмъ или инымъ словомъ, приходится судить изъ смысла его изложенія, при чемъ очень часто въ одномъ мѣстѣ онъ придаетъ извѣстному термину одинъ смыслъ, а въ другомъ—смыслъ, значительно отличающійся отъ перваго.

11. Неправильное представленіе Шлихтинга о «теоріи». Особенно путается онъ въ понятіяхъ о «теоріи» и «принципѣ». Во всякомъ случаѣ у него «теорія» это не есть нѣчто такое, что ни въ какомъ случаѣ не должно *рѣшать*, и «принципъ» не есть нѣчто неизмѣнное, совершенно не зависящее отъ обстановки, какъ это строго проведено черезъ весь курсъ Леера. Въ большинствѣ случаевъ у него «теорія»—это извѣстная «система», извѣстный «шаблонъ», которые являлись излюбленными пріемами, или полководцевъ, примѣнявшихъ ихъ на практикѣ, или военныхъ писателей, ихъ будто-бы рекомендовавшихъ какъ наилучшіе. У него есть «теорія» и Наполеона, и Жомини и Клаузевица,

---

(*) Шлихтингъ. Основы современной тактики и стратегіи. Кн. 1-я стр. XIII.

и Мольтке, и «современная теорія» (*), и наконецъ его собственная «теорія», при чемъ онъ заявляетъ, что «былъ-бы счастливъ, если-бы ему удалось создать «теорію» военнаго искусства, отвѣчающую задачамъ Германіи и пригодную для нея» (**).

Нисколько не отрицая желательности, съ точки зрѣнія автора, такой «теоріи» для Германіи, и горячо желая, чтобы подобная «теорія» когда нибудь была-бы создана и для Россіи, я все-таки не могу таковую признать за теорію военнаго дѣла. Такая теорія все-таки одна, это—изслѣдованный, обобщенный, и систематизированный (кристаллизированный) опытъ всѣхъ предыдущихъ войнъ и эволюціи военнаго дѣла въ мирное время (см. эт. II. 1.), а то, что Шлихтингъ называетъ «теоріей» — это лишь *формы*, въ которыя выливалась теорія въ примѣненіи къ особымъ обстановкамъ, и никогда, ни Наполеонъ, ни Жомини, ни Клаузевицъ не дѣлали изъ этихъ формъ «теоріи», тѣмъ болѣе въ смыслѣ какихъ-либо шаблоновъ. А формы эти могутъ возникнуть и теперь при подходящей обстановкѣ, но отъ этого Шлихтингъ отворачивается, имѣя въ виду изслѣдовать вопросъ лишь для особыхъ типовъ обстановки, единственно возможныхъ, по его мнѣнію, при борьбѣ Германіи съ опредѣленными противниками, при чемъ съ особою любовью онъ останавливается на «теоріи» примѣнимой на западномъ германскомъ театрѣ, упоминая о восточ-

---

(*) «Теорія *всеобщая, единая* и *нераздѣльная*» говоритъ Лееръ (Стр. т. I 5-е изд. стр. 351), «основана на неизмѣнной сущности (природѣ и свойствѣ) вещей, людей и явленій. Странно послѣ этого иногда встрѣчаться съ выраженіемъ въ родѣ «*современной теоріи*». Можетъ быть «*современное примѣненіе теоріи*»; можетъ быть «*современное злоупотребленіе теоріей*»—да, но «*современной теоріи*» быть не можетъ. Къ ней можетъ только привести ложная отправная точка: *безпринципности*, или *признанія лишь условныхъ принциповъ* (что равносильно отрицанію ихъ). Такая теорія, не представляющая устойчивости, не можетъ быть *регуляторомъ* дѣла, ни *объяснителемъ* его, а можетъ только производить «*смуту въ понятіяхъ*», т. е. какъ разъ обратное назначенію истинной теоріи. Допущеніе законности только двухъ теорій (*прошедшей* и *современной*) уже равносильно отрицанію всякой теоріи». Всѣ эти слова полностью можно отнести къ Шлихтингу, съ его представленіями о теоріи.

(**) Кн. 1-я, стр 37.

номъ лишь мелькомъ. Ему представляется прежняя «теорія», «выдуманная и написанная передъ 1870 г.» (*) въ видѣ сводки всѣхъ мѣропріятій къ опредѣленнымъ аксіомамъ о внутреннихъ и внѣшнихъ линіяхъ, а потому и непригодной для современной войны. По его мнѣнію (стр. 39), электрическій телеграфъ настолько измѣнилъ «одно изъ важнѣйшихъ *основаній* военнаго искусства», что, «если-бы Жомини всталъ изъ гроба, то, благодаря уму своему, онъ именно былъ-бы подходящимъ человѣкомъ для пересозданія своей теоріи. Такъ какъ это невозможно, то мы должны обойтись безъ него и пойти дальше его *принциповъ* (**). Они основаны на несуществующихъ нынѣ положеніяхъ».

И это говорится про человѣка, который писалъ (***): «Безъ сомнѣнія, *не существуетъ системъ* безусловно хорошихъ... Совершенно въ иномъ видѣ представляются *принципы*. Они неизмѣнны: человѣческій умъ не въ силахъ ихъ ни измѣнить, ни разрушить. Чтобы дать вѣрное понятіе о войнѣ, военнымъ писателямъ слѣдовало-бы, вмѣсто измышленія нелѣпыхъ системъ, уничтожающихъ одна другую, *начать съ установки принциповъ*, которые ложатся въ основаніе всѣхъ комбинацій. Это, конечно, потребовало-бы большого труда, но въ то-же время привело-бы къ положительному результату. *Тогда*, навѣрно, не нашлось бы такъ много невѣрующихъ въ существованіе науки...».

И вотъ Жомини, а заодно съ нимъ и Клаузевицъ, оказываются обвиненными Шлихтингомъ въ созданіи «системъ», а самъ Шлихтингъ собирается идти «дальше принциповъ» Жомини.

Увы, едва-ли это ему удалось. А вотъ, что онъ не исполнилъ пожеланія Жомини, и не началъ съ установленія «принциповъ», а прямо перешелъ къ изложенію «системы», пригодной лишь для опредѣленной, и далеко не всегда встрѣчающейся обстановки, то это фактъ неоспоримый, и едва-ли

(*) Кн. 1-я, стр. 37.
(**) Курсивы мои.
(***) Цитирую по Лееру, Стратегія, I т. 5-е изд. стр. 220.

такой методъ построенія «теоріи» можетъ назваться научнымъ, и годится для «учебника», и едва-ли такое сочиненіе можетъ носить названіе: «Основы современной стратегіи».

Насколько въ отдѣльныхъ случаяхъ Шлихтингъ готовъ сузить понятіе о теоріи показываютъ его слова (*)—«Если-же пустить пѣхотную бригаду вполнѣ самостоятельно по операціонному пути, то это равносильно созданію ложной *теоріи* военнаго искусства». Правда, онъ тутъ-же признаетъ, что на войнѣ бывали случаи, когда пѣхотная бригада оказывалась одна на дорогѣ, и даже находитъ такой случай и въ новѣйшей нѣмецкой военной исторіи, но, по его мнѣнію, «если поближе разобрать эти факты, то окажется, что подобная обстановка всегда была переходной и быстро прекращалась». И выходитъ, что значитъ такой *кратковременной* обстановкой можно пренебрегать, а отсюда уже недалеко и до шаблона, не въ пониманіи конечно самого Шлихтинга, а въ пониманіи массы, для которой предназначается учебникъ, и которой, напротивъ, теорія должна всѣми мѣрами внушать необходимость *собственнаго* сужденія для свободнаго цѣлесообразнаго примѣненія всякихъ формъ, лишь-бы онѣ соотвѣтствовали сущности военнаго дѣла и наличной обстановкѣ. И вотъ Шлихтингъ все время клонитъ къ опредѣленной, какой-то считаемой имъ за нормальную, обстановкѣ, чего совсѣмъ не дѣлаетъ Леер.

12. Неправильное представленіе Шлихтинга о «принципѣ». Также неустойчиво и многообразно представленіе Шлихтинга и о «принципѣ» и «основѣ» стратегіи. У него сплошь и рядомъ «принципъ» — это просто извѣстный пріемъ, извѣстная норма. Вы найдете у него «принципы»: и «зависимости дистанцій и интерваловъ на флангѣ армій отъ удаленія противника и рѣшительнаго пункта» (стр. 36) и «уваженія ко всякой существующей или прокладываемой телеграфной линіи» (стр. 41), и «пожара Москвы или сожженія кораблей Кортецомъ» (стр. 61), и «боя въ лѣсу или на равнинѣ» (стр. 64), и «развертыванія» (стр. 155) и т. п.... Вотъ почему ему представляется, что будто-бы

(*) Кн. 1-я, стр. 120.

Жомини пропагандировалъ «принципъ» внутреннихъ линій (стр. 39), а Клаузевицъ — «принципъ» признанія дивизіи высшей командной единицей..... Все это были не болѣе какъ извѣстныя нормы, соотвѣтствовавшія извѣстнымъ обстановкамъ, и такъ и смотрѣли на нихъ Жомини и Клаузевицъ. А Шлихтингъ все свалилъ въ одну кучу — и принципы, и нормы, и правила, и отдѣльные пріемы, вызванные какой либо исключительной обстановкой, и все это до крайности загромождаетъ его «теорію». Напр. по Шлихтингу «главный принципъ *господствующей* теоріи» — это какъ можно дольше держаться раздѣльно для сохраненія оперативной свободы (стр. 21—23). А по Лееру раздѣльное положеніе—это не принципъ, а лишь уступка обстановкѣ, необходимая для возможности примѣненія настоящихъ принциповъ — сосредоточенія силъ, внезапности, взаимной поддержки.... и выражается различными нормами, соотвѣтствующими обстановкѣ. Да и у Шлихтинга это, по существу, выливается въ норму, и даже скорѣе въ шаблонъ, т. к. онъ это раздѣльное положеніе относитъ къ корпусамъ, и, самое большое, къ дивизіямъ, что въ свою очередь вытекаетъ изъ того, что онъ пріурочиваетъ свою «теорію» къ опредѣленнымъ театрамъ (сухопутнымъ, и именно въ Средней Европѣ). Сплошь и рядомъ можно у него найти такіе выводы: (*) «На основаніи сказаннаго можно установить слѣдующій *принципъ*: искусство управленія войсками, зачастую очень трудное, заключается въ томъ, чтобы отводить части арміи не одну за другой, а рядомъ (параллельными колоннами), такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ онѣ могутъ оказать другъ другу поддержку (**). *Вся теорія военнаго искусства основана на этомъ принципѣ* (!) и, съ этой точки зрѣнія, оборонительныя операціи, т. е. направленныя отъ противника, *всегда* должны быть, конечно въ извѣстныхъ предѣлахъ, эксцентрическими, подобно тому, какъ операціи, ведущія къ противнику—концентрическими».

Нужно замѣтить, что кумиръ Шлихтинга, Мольтке, геній котораго онъ взялся выяснить германской арміи, гораздо

(*) Кн. 1-я, стр. 136. Курсивы мои.

(**) Вотъ онъ гдѣ затерялся настоящій принципъ.

осторожнѣе формулируетъ положенія, которыя Шлихтингъ представляетъ въ видѣ «главныхъ принциповъ господствующей теоріи». Формулировки Мольтке подходятъ именно подъ типъ нормъ. «Преимущество не сосредоточеннаго и расчлененнаго положенія обнаруживается» указываетъ онъ (*) *при условіи что сосредоточеніе на полѣ сраженія выполнимо»*, а черезъ нѣсколько строкъ дальше Шлихтингъ, у котораго и заимствована эта цитата, выясняетъ, что «суть теоріи, которую Мольтке противопоставилъ теоріямъ наполеоновской эпохи: *«сосредоточивать армію не передъ, а на* (**) *самомъ пунктѣ рѣшенія»*, не оговариваясь тутъ-же, какъ Мольтке, что это далеко не всегда выполнимо.

13. Узость представленія Шлихтинга о сущности стратегіи. Извѣстную свою узость представленія о терминахъ—«теорія» и «принципъ»—Шлихтингъ переноситъ и на стратегію. Ему не нравится опредѣленіе Клаузевица, который говоритъ, что «стратегія есть ученіе о примѣненіи боя для цѣлей войны». Онъ находитъ это опредѣленіе устарѣлымъ, замѣняетъ его перефразированнымъ имъ выраженіемъ Мольтке, и говоритъ (***) что «сущность стратегіи заключается въ организаціи раздѣльныхъ движеній при условіи обезпеченія своевременнаго сосредоточенія силъ», при чемъ указываетъ, что «подобное объясненіе понятія стратегіи было совершенно ново, и совершенно отличается отъ опредѣленія Клаузевица». Насколько опредѣленіе Шлихтинга узко, ясно, я думаю, каждому. Развѣ оно обнимаетъ понятіе о стратегіи? Это опредѣленіе не сущности стратегіи, а опредѣленіе сущности маршъ—маневра, да и то съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ, т. е. для сухого пути, для военной силы превышающей извѣстные размѣры по отношенію къ числу дорогъ и т. п. Да такъ вѣроятно смотрѣлъ на это опредѣленіе и самъ Мольтке, такъ какъ то разсужденіе Мольтке, которое цитируетъ Шлихтингъ, и изъ котораго онъ почерпаетъ свое опре-

---

(*) Цитирую по Шлихтингу, кн. 1-я, стр. 126. Курсивъ мой.

(**) См. ниже (24).

(***) Кн. 1-я, стр. 10 и 26. [Между тѣмъ у Мольтке имѣются и гораздо болѣе широкія опредѣленія для сущности стратегіи (см. ниже 23).

дѣленіе, трактуетъ именно о трудностяхъ выполненія *передвиженій* арміи.

14. Шлихтингъ о размѣрахъ стратегическихъ познаній. Интересно еще отмѣтить, что и при такомъ узкомъ пониманіи содержанія стратегіи, Шлихтингъ считаетъ, что (*) «стратегія не составляетъ удѣлъ каждаго, и изученіе ея не есть настоятельная потребность для всѣхъ, избравшихъ военную карьеру, и опытный тактикъ можетъ очень хорошо обойтись и безъ такой основы, имѣющей болѣе научный характеръ, и все-же достичь высокихъ цѣлей». Про свою книгу онъ говоритъ, что она «написана и не для стратеговъ».

«По выраженію одного стараго и опытнаго практика» продолжаетъ Шлихтингъ «для этихъ цѣлей высшая командная власть держитъ въ войсковомъ хозяйствѣ 1—2 человѣкъ; массѣ-же, по крайней мѣрѣ, съ этой точки зрѣнія, до стратегіи нѣтъ никакого дѣла». Но «немножко стратегіи приходится въ нынѣшнія времена знать и, такъ называемымъ, строевикамъ, если они не хотятъ остаться на низшихъ ступеняхъ своей службы. И къ этому-то большинству и обращается авторъ» со своимъ трудомъ.

На эту точку зрѣнія становится и редакторъ перевода Шлихтинга на русскій языкъ, профессоръ Незнамовъ. Онъ противопоставляетъ трудъ Шлихтинга (**) «высокимъ» трактатомъ по стратегіи, которые «нужны лишь лицамъ, поставленнымъ во главѣ дѣла подготовки государства къ войнѣ». А вотъ то «немножко стратегіи», которое даетъ Шлихтингъ, это и есть «та стратегія, съ которой долженъ быть знакомъ всякій офицеръ, безъ которой невозможно сознательное управленіе, хотя-бы самою небольшою отдѣльною частью, безъ которой невозможны разумный частный почнпъ и направленіе усилій всѣхъ составляющихъ армію частей къ достиженію одной общей цѣли».

15. Послѣдствія пренебреженія «высокими» трактатами. Когда я читаю подобныя утвержденія, я всегда недоумѣваю—откуда возьмутся тѣ, изу-

(*) Кн. 1-я, стр. 1 и 2.
(**) Предисловіе къ русскому изданію, стр. VII.

чившіе стратегію въ полномъ объемѣ, 1—2 человѣка въ войсковомъ хозяйствѣ—по Шлихтингу, или люди, поставленные во главѣ подготовки государства къ войнѣ—по Незнамову, если рядовой офицеръ можетъ ограничиться тѣмъ, что Шлихтингъ называетъ «немножко стратегіи»?

Кто отмѣтитъ тотъ моментъ, когда это «немножко» перейдетъ въ «много», и въ какомъ возрастѣ и чинѣ офицеръ долженъ переходить къ изученію «высокихъ» трактатовъ, чтобы попасть въ ряды тѣхъ, откуда будутъ выбраны люди, которымъ уже будутъ нужны познанія въ стратегіи въ полной мѣрѣ? А вѣдь такихъ должно быть много, чтобы можно было отобрать изъ нихъ необходимое количество, не только, расширившихъ свои познанія по стратегіи, но и удовлетворяющихъ другимъ многочисленнымъ и сложнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ высшему командному персоналу. А затѣмъ извѣстно, что браться за расширеніе своихъ теоретическихъ познаній, охъ какъ трудно въ зрѣломъ, а тѣмъ паче въ почтенномъ, возрастѣ.

И кто-же собственно будетъ выдвигать для высшихъ командныхъ должностей людей, обладающихъ всей полнотой стратегическаго знанія, если масса пріучена довольствоваться очень немногимъ въ этомъ отношеніи, а потому и *не уважаетъ* болѣе высокихъ знаній. Вѣдь, что ни говорите, а во всякой средѣ выдвигаются въ ея верхи именно тѣ, которые обладаютъ тѣми качествами, которыя преимущественно передъ другими цѣнятся средой.

Если во время войны оказывается, что нижніе чины великолѣпны, младшіе офицеры очень хороши, штабъ-офицеры хороши и посредственны, а высшій командный персоналъ никуда не годится—это ясно показываетъ, что въ мирное время дѣлался, для движенія впередъ, отборъ слабыхъ въ военномъ отношеніи, какъ въ смыслѣ знаній, такъ и въ смыслѣ характера. И потому и дѣлался такой отборъ, что среда этихъ качествъ не понимала, не цѣнила, и не уважала, а цѣнила качества совсѣмъ другія, въ военномъ отношеніи второстепенныя.

Если признается, что вообще кому-то въ составѣ военной силы, хотя-бы одному или двумъ человѣкамъ, какъ увѣряетъ Шлихтингъ, хотя я съ этимъ совершенно не согласенъ,— нужны полныя познанія по стратегіи, которыя пріобрѣтаются также и изученіемъ «высокихъ» трактатовъ, то къ этимъ «высокимъ» трактатамъ нельзя относиться съ оттѣнкомъ презрѣнія. Надо, чтобы среда уважала и цѣнила и эти трактаты.

16. Стратегію въ полномъ размѣрѣ надо начинать изучать съ молодыхъ лѣтъ (*).

Надо, чтобы всѣми мѣрами внушалось стремленіе къ ихъ изученію, чтобы таковые трактаты, талантливо изложенные, были всегда къ услугамъ всего личнаго состава военной силы, и въ особенности изучали-бы ихъ молодые офицеры, хотя бы имъ непосредственно, при исполненіи ихъ обязанностей, и не приходилось примѣнять ихъ въ полной мѣрѣ. Но при помощи этого развивалось-бы и зрѣло *единое* военное мышленіе, не въ смыслѣ общаго усвоенія какихъ-либо, болѣе или менѣе, шаблонныхъ пріемовъ, что конечно тоже необходимо, а въ смыслѣ полнаго и глубокаго пониманія военнаго дѣла въ его цѣломъ, въ его основной сущности, такого пониманія, которое само по себѣ гарантируетъ отъ отставанія отъ «современности», котораго никогда нельзя поддержать погоней за шаблонами, хотя-бы и самыми новѣйшими.

Надо еще отмѣтить, что пониманіе дѣла въ его «цѣломъ» въ значительной мѣрѣ повышаетъ энергію въ работѣ отдѣльныхъ лицъ для успѣха этого общаго дѣла, хотя-бы эти лица работали и на низшихъ ступеняхъ его (**).

(*) Этого мнѣнія держится и германскій генералъ Фалькенгаузенъ, см. ниже (32), а также и Stenzel. Kriegfürung zur See., стр. 36.

(**) Напр., при постройкѣ Панамскаго канала, «для того, чтобы каждый агентъ и рабочій сознательно и убѣжденно работалъ и понималъ, какое великое дѣло проходитъ частью черезъ его руки, по воскреснымъ днямъ бываетъ въ ходу большое количество поѣздовъ для служащихъ, которые могутъ объѣзжать весь фронтъ работъ. Имъ даются въ этихъ поѣздахъ объясненіе всего, что сдѣлано, и указывается, что еще должно быть исполнено и для чего именно каждая работа необходима, такъ что даже самый мелкій служащій въ курсѣ всего дѣла и работаетъ, сознавая, что, какъ бы онъ ни былъ малъ, онъ есть нужная и необходимая единица въ общей работѣ, и это поднимаетъ его энергію и сознаніе, почему работа только выигрываетъ» (Новое Время отъ 8-го іюня 1913 г.).

Конечно, далеко не всѣ преуспѣютъ въ дѣлѣ такого изученія стратегіи. Многіе совсѣмъ не станутъ этого дѣлать, и изъ остальныхъ скоро выдѣлятся тѣ, которые сумѣютъ слить свои расширенныя познанія съ плодотворной практической дѣятельностью, выдѣлятся болѣе способные, а изъ нихъ таланты. И вотъ ихъ то надо умѣть замѣтить и выдвинуть чтобы сдѣлавши отборъ и въ смыслѣ качествъ ихъ характера, создать тотъ военно-научно образованный и умѣлый персоналъ. для высшаго командованія, который дѣйствительно такъ необходимъ для успѣшнаго веденія «современной» войны.

Но чтобы получились такіе люди, надо имъ начинать съ молоду. А чтобы былъ сдѣланъ изъ нихъ надлежащій отборъ, надо, чтобы всю толщу среды проникало уваженіе къ «полному знанію», настолько проникало, чтобы и тѣ, которымъ оно не доступно, — а такихъ конечно будетъ много,— и которые поэтому готовы противъ него будировать, не могли бы дѣлать этого открыто, почитая свое вольное или невольное невѣжество *не за достоинство*, а за недостатокъ для пользы службы.

Не стремясь съ молоду къ глубокимъ познаніямъ въ военномъ дѣлѣ, офицеръ прямо не почувствуетъ вліянія этого на свою служебную дѣятельность, пока она протекаетъ въ низшихъ чинахъ, но именно въ это время онъ пропускаетъ мимо глазъ и ушей, и самъ не замѣчаетъ этого, массу поучительныхъ фактовъ и свѣдѣній изъ области текущей дѣйствительности, и въ литературѣ, и въ эволюціи матеріальной части и взглядовъ, и въ маневрахъ, и въ войнахъ, и особенно въ такихъ, въ которыхъ ему самому приходится участвовать. И происходитъ это потому, что онъ просто не сознаетъ сущности и значенія многаго изъ того, что происходитъ, и ко многому онъ не способенъ отнестись критически, не имѣя для этого научно-обоснованыхъ критеріумовъ. Я говорю «критически», подразумѣвая здѣсь «критику», т. е. имѣющую цѣлью — выводъ, а не «критиканство»—т. е. критику для критики. Для этого никакихъ познаній не нужно, и даже чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ болѣе развито критиканство, ибо невѣжда и не ищетъ никакихъ основаній для своей критики, и критикуетъ не изъ за «пониманія» или изъ за «желанія понять», а именно изъ за «непониманія».

А когда офицеръ, оставаясь въ такомъ состояніи, дойдетъ до тѣхъ степеней службы, когда онъ уже почувствуетъ необходимость въ болѣе полномъ знаніи, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ окажется, что уже способность пріобрѣсти его утеряна, а если и сохранилась эта способность, то можетъ оказаться—слишкомъ ужъ много пропущено времени, и столько нужно изучать, и въ такой неблагопріятной обстановкѣ, и наспѣхъ, что и при выдающейся энергіи могутъ опуститься руки. Это, я думаю, неоспоримый фактъ, что съ полученіемъ высокаго командного званія широкія познанія въ своемъ дѣлѣ не сваливаются съ неба, а наличіе ихъ—прямое слѣдствіе того, насколько думалъ и работалъ въ этомъ направленіи будущій начальникъ въ продолженіе всей своей службы.

17. Кинсбергенъ объ изученіи «науки адмирала» съ молоду. Я всегда вспоминаю, относящіеся къ разбираемому вопросу слова извѣстнаго военнаго писателя и побѣдителя при Балаклавѣ и Суджукъ-Кале, Кинсбергена (*): «Разсудилъ я быть не безполезнымъ, въ краткомъ послѣдовательномъ и ясномъ порядкѣ и содержаніи написать главнѣйшія дѣйствія, которыя флотомъ или эскадрою производимы быть могутъ, *къ пользѣ имѣющихъ благородную охоту въ морскомъ искусствѣ знающими учиняться.* Сему посвятилъ я нѣсколько досужныхъ часовъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, по моему мнѣнію, сіе есть *удобнѣйшее средство для наученія молодыхъ офицеровъ разсуждать съ лучшимъ понятіемъ о томъ, что видятъ производимымъ на самомъ дѣлѣ*; и такимъ образомъ, когда знаніе ихъ распространится, могутъ въ свое время сами въ сей части упражняться, ибо ежели офицеръ проведетъ въ праздности молодыя своя лѣта, въ которыя какъ понятія его, такъ и душевныя силы еще въ полномъ жарѣ, почти *невозможно надѣяться*, чтобы онъ множественныя, *чрезъ единое неутомимое прилежаніе и труды* пріобрѣтаемыя знанія, нужныя доброму адмиралу, могъ *потомъ* пріобрѣсть, хотя-бы по чіему предстательству или по долговременной службѣ и достигъ вышнихъ степеней».

(*) Начальныя основанія морской тактики. 1791 г.

Вотъ это достиженіе невѣждами и полуневѣждами высшихъ степеней, по предстательству и долговременной службѣ, и преподноситъ государству въ одинъ прекрасный моментъ сюрпризъ сплошной негодности высшаго командного персонала.

Съ своей стороны я никогда не рѣшился-бы противопоставлять строевымъ офицерамъ учебники типа Шлихтинга «высокимъ» трактатамъ по стратегіи. «Высота» ихъ собственно въ томъ и заключается, что они развиваютъ военное мышленіе, ведутъ къ пониманію сущности военнаго дѣла, предостерегаютъ отъ впаденія въ шаблонъ, и именно продумавшій и воспринявшій «высокій» трактатъ, извлечетъ наибольшую пользу и изъ учебниковъ типа Шлихтинга, которые очень полезны, и необходимы, но какъ *дополненіе* къ «высокому» трактату, если таковой не включаетъ въ себѣ ихъ содержаніе, а не какъ нѣчто, что можетъ его замѣнить, и даже яко-бы замѣнить съ преимуществомъ.

18. «Учебникъ» Шлихтинга узко націоналенъ.

Есть еще одна сторона, съ которой необходимо разсмотрѣть учебникъ Шлихтинга, и которая должна была бы приводить къ очень осторожному и обдуманному пользованію имъ, и къ тщательно обусловленной его рекомендаціи. Дѣло въ томъ, что Шлихтингъ узокъ еще и тѣмъ, что учебникъ свой онъ спеціально приноравливаетъ для потребностей *германской арміи* (см. 11), на опредѣленныхъ лишь театрахъ, и для тѣхъ ея операцій, которыя производятся большими массами.

Выше я уже указывалъ, что Шлихтингъ спеціально задался цѣлью «создать теорію военнаго искусства, отвѣчающую задачамъ Германіи и пригодную для нея».

«Всеобъемлющую теорію стратегіи, откуда-бы ее ни брать— изъ учебниковъ прошлой эпохи, или изъ требованій и опыта нашего времени», по его мнѣнію, создать невозможно, а потому, говоритъ онъ (*) «интересующая насъ тема должна быть ограничена областью потребностей германской арміи». Это вновь показываетъ, что онъ теорію представляетъ себѣ въ видѣ «системы» веденія войны въ особой обстановкѣ, явно

(*) Кн. 1-я, стр. 38.

клонящейся къ шаблону. Объ источникѣ теоріи — въ видѣ сущности войны, опредѣляемой принципами, объ ея роли только классифицировать и объяснять, онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ, а потому немыслима для него и всеобъемлющая теорія. Оно и понятно — никакая «система» не можетъ быть всеобъемлющей.

А за полнотой теоріи онъ тоже не гонится, ибо ему нужно только то, что, по его мнѣнію, пригодно для германской арміи. Поэтому онъ признаетъ, что некультурныя страны требуютъ совершенно иныхъ стратегическихъ мѣропріятій и методовъ, чѣмъ тѣ, съ которыми германской арміи приходилось имѣть дѣло до сихъ поръ, но «подобныя войны мало поучительны для нѣмцевъ», и къ подобнымъ войнамъ онъ относитъ и русско-турецкую войну.

Не много-ли беретъ на себя Шлихтингъ, отрицая для нѣмцевъ возможность всякой обстановки, за исключеніемъ имъ выбранной? Спрашивается также—много-ли могли-бы извлечь славяне и турки изъ Шлихтинга въ послѣдней балканской войнѣ, если-бы они сочли его «основы» естественно обязательными для нихъ въ той-же мѣрѣ, какъ и для нѣмцевъ, какъ это рекомендуется для насъ.

«Мы знаемъ», говоритъ Шлихтингъ (*), «что въ культурной странѣ горы средней высоты, *могущія встрѣтиться германскимъ арміямъ* на *вѣроятныхъ* театрахъ военныхъ дѣйствій, переходятся совершенно также, какъ обыкновенныя равнины. Особыхъ правилъ требуютъ лишь высокія горы, или горы менѣе проходимыя. Выше мы уже указывали на то обстоятельство, что *германская армія не можетъ попасть въ такую обстановку*, въ какой оказалась русская армія на Шипкѣ, *а насъ интересуетъ и мы считаемъ себя обязанными предусмотрѣть лишь тѣ правила, которыя могутъ быть полезны для нѣмецкой арміи*».

Какая здѣсь чувствуется крѣпкая увѣренность, что Германія никогда не будетъ воевать напр., съ Австріей, или даже съ Италіей, что то движеніе, которое предприняли нѣмцы къ

(*) Кн. 1-я, стр. 49—50. Курсивы мои.

Персидскому заливу, никогда не приведетъ ихъ армій на малоазіатскій театръ войны, что въ столкновеніи на этомъ перекресткѣ путей между германскимъ и славянскимъ міромъ, нѣмцы не примутъ участія, а будутъ дѣйствовать только австрійцы, для которыхъ пусть свой Шлихтингъ и пишетъ особый учебникъ стратегіи.

19. Требованія отъ учебника и изслѣдованій по стратегіи. Пусть не подумаетъ читатель, что я въ какой-либо мѣрѣ настроенъ противъ «національнаго направленія» въ учебникѣ стратегіи или противъ спеціальныхъ стратегическихъ изслѣдованій о методѣ веденія военныхъ дѣйствій, отнесенныхъ къ какой-либо особой обстановкѣ, наприм., къ какимъ-либо опредѣленнымъ театрамъ. Отнюдь нѣтъ. И даже—напротивъ.

Я считаю такіе курсы и изслѣдованія чрезвычайно цѣнными, и дай Богъ, чтобы явились такіе русскіе курсы и такія изслѣдованія, напр., для Балтійскаго морского театра. Но только при одномъ условіи—чтобы они не вели ни къ какимъ шаблонамъ въ дѣлѣ веденія войны.

А для этого въ нихъ должно быть совершенно ясно проведено *безстрастное* отношеніе автора къ «формамъ», которыя должны сами собой выливаться изъ «общаго», при приложеніи его къ типамъ обстановокъ. Тогда болѣе тщательное и подробное изслѣдованіе по отношенію къ нѣкоторымъ спеціальнымъ типамъ обстановокъ никого не собьетъ на путь шаблона — надо только, чтобы все время ярко свѣтило то общее, изъ котораго все проистекаетъ.

Нельзя говорить о тѣняхъ, не говоря о предметахъ и о томъ источникѣ свѣта, который заставляетъ ихъ отбрасывать эти тѣни.

И вотъ курсъ или учебникъ непремѣнно долженъ заключать въ себѣ это «общее», изложенное съ ясностью и полнотой, и съ опредѣленнымъ указаніемъ, что все отсюда проистекаетъ.

Затѣмъ онъ непремѣнно долженъ обладать полнотой и въ смыслѣ содержанія въ себѣ приложенія «общаго» ко всѣмъ главнымъ типамъ обстановокъ, и въ смыслѣ разбора всѣхъ главныхъ вопросовъ, относящихся къ подготовкѣ и веденію войны вообще. Какъ напр., нельзя назвать учебникомъ гео-

метріи такой, который говоритъ только о фигурахъ, или только о треугольникахъ, такъ нельзя назвать учебникомъ стратегіи такой, который говоритъ только о маршахъ-маневрахъ и о подводѣ массовой арміи къ мѣсту генеральнаго сраженія.

20. Трудъ Шлихтинга не «учебникъ» стратегіи.

И вотъ учебникъ Шлихтинга не удовлетворяетъ ни тому ни другому условію. Въ немъ не только ничего не говорится объ «общемъ», но оно въ немъ и не чувствуется. Все что выдается за «основы», «принципы» и т. п., все это очень условныя «правила» и «нормы», обусловливаемыя извѣстнымъ типомъ обстановки, хотя и «современнымъ», но все-таки лишь *однимъ*, тогда какъ такихъ типовъ, и тоже современныхъ, существуетъ нѣсколько. Многіе вопросы, очень важные для пониманія войны, совсѣмъ не затрагиваются Шлихтингомъ. Напр. болѣе чѣмъ просто онъ раздѣлывается съ вопросомъ о «природѣ войны».

«Мы съ самаго начала», говоритъ онъ (*), можемъ исключить всѣ тѣ философскія опредѣленія различныхъ видовъ войнъ, надъ которыми въ свое время трудился великій военный мыслитель; мы будемъ говорить лишь о той войнѣ, которая «ведется съ обѣихъ сторонъ съ полнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ и средствъ націи» (Клаузевицъ). При такомъ *ограниченіи* теоретической задачи, мы считаемъ вопросъ *о природѣ войны*, занимающій у Клаузевица всю 1-ю книгу, законченнымъ».

А въ этой книгѣ Клаузевицъ трактуетъ и о сущности войны, какъ явленія, причемъ разбираетъ столь важный вопросъ о связи стратегіи съ политикой, и о цѣляхъ и средствахъ войны, и о военномъ геніи (духѣ), гдѣ устанавливаетъ качества, необходимыя высшему командованію, и объ особенностяхъ обстановки всякой войны, которая дѣйствуетъ на человѣческій духъ по извѣстнымъ законамъ, и о многомъ другомъ, что заставляетъ читателя глубоко вдуматься именно въ сущность военнаго дѣла, изъ которой вытекаютъ настоящія «основы» стратегіи, а не тѣ условности, вытекающія изъ особой обстановки, которыя выдаетъ за яко-бы «основы» Шлихтингъ.

(*) Книга 2-я, стр. 40. Курсивъ мой.

И о многомъ другомъ, мы ничего не найдемъ у Шлихтинга. Почти не затронутъ у него вопросъ о «замыслѣ», о дополнительныхъ и частныхъ (особенныхъ) операціяхъ, а въ подробно разбираемыхъ имъ главныхъ (*) операціяхъ, онъ обращаетъ исключительное вниманіе на марши-маневры и на подходъ массовой арміи къ мѣсту генеральнаго сраженія, и то лишь въ такой особой обстановкѣ, которая, по его мнѣнію, можетъ встрѣтиться для германской арміи.

Поэтому, какъ я выше указывалъ, ему совершенно не интересна русско-турецкая война. Такъ же онъ смотритъ и на войны: крымскую и австро-прусско-датскую.

«Обѣ эти войны» говоритъ онъ (**) «относятся къ области морскихъ и береговыхъ предпріятій; соотношеніе морскихъ силъ является при этомъ рѣшающимъ факторомъ; оборона портовъ и побережій *дополняется* дѣйствіями полевой войны, тогда какъ *мы интересуемся преимущественно континентальными войнами*». Сѣверо-американская война за нераздѣльность тоже представляетъ по мнѣнію Шлихтинга (***) «совершенно чуждую намъ картину.... Въ Европѣ нѣтъ такой рѣки, какъ Миссисипи, на которой могутъ быть примѣнены противъ крѣпостей броненосныя флотиліи или даны бои въ стилѣ морскихъ сраженій».

Онъ настолько мало внимателенъ къ этой войнѣ, что даже не считалъ нужнымъ ее изучать. Иначе непонятно, что изъ подъ пера серьезнаго изслѣдователя по стратегіи, могутъ появиться болѣе чѣмъ странныя разсужденія о томъ, что (****) «есть рѣки, хотя и не въ нашей части свѣта, какъ Миссисипи, черезъ которыя нельзя перебросить моста, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одной операціи» и что «*поэтому* сѣверо-американской войнѣ наступилъ конецъ, когда, послѣ паденія Виксбурга, южные штаты лишились господства на этой рѣкѣ».

Опять таки я считаю необходимымъ заявить, что все вышесказанное не имѣетъ цѣлью преуменьшать солидныя достоин-

(*) По терминологіи Леера.
(**) Кн. 1-я, стр. 283—284.
(***) Тамъ же, стр. 290—291.
(****) Кн. 1-я, стр. 55, курсивъ мой.

ства труда Шлихтинга. Я хотѣлъ только показать, что этотъ трудъ не «учебникъ», а *частное изслѣдованіе* по одному опредѣленному стратегическому вопросу, при извѣстномъ опредѣленномъ типѣ обстановки.

21. Непомѣрное восхваленіе учебника Шлихтинга не соотвѣтствуетъ его содержанію.

А нужно было это выяснить потому, что самъ Шлихтингъ открыто заявляетъ, что онъ интересуется только такой обстановкой, въ которой можетъ оказаться германская армія, и считаетъ себя «обязаннымъ предусмотрѣть лишь тѣ правила, которыя могутъ быть полезны для нѣмецкой арміи», а у насъ провозглашаютъ, что трудъ Шлихтинга «классическій съ точки зрѣнія германской арміи, классическій и для насъ» и что «основы» его естественно обязательны для насъ въ той же мѣрѣ, какъ и для нѣмцевъ.

Шлихтингъ заявляетъ, что его «теорія» веденія войны въ гористой мѣстности основывается на томъ соображеніи, что германской арміи можетъ придтись дѣйствовать только въ горахъ средней высоты и притомъ въ культурной странѣ, гдѣ онѣ «переходятся совершенно также, какъ обыкновенныя равнины», а мы находимъ, что «что теорія Шлихтинга блестяще выдержала испытаніе въ русско-японской войнѣ», на театрѣ войны сильно гористомъ и некультурномъ (*).

Однимъ словомъ, я не возстаю противъ изслѣдованія Шлихтинга самого по себѣ, а лишь противъ того значенія, которое ему хотятъ приписать, и того оттѣнка презрѣнія, который является по отношенію, по сравненію со Шлихтингомъ, къ Лееру. Между тѣмъ трудъ послѣдняго и по сущности, и по полнотѣ содержанія вполнѣ заслуживаетъ названія «курса» или «учебника» стратегіи, тогда какъ трудъ Шлихтинга—только изслѣдованіе нѣкоторыхъ частныхъ стратегическихъ вопросовъ.

Притомъ, при наличіи въ этомъ изслѣдованіи солидныхъ достоинствъ въ тѣхъ рамкахъ, которыя поставилъ себѣ самъ авторъ—«предусматривать лишь тѣ правила, которыя могутъ быть полезны для нѣмецкой арміи», въ немъ имѣется и круп-

(*) См. ниже (28), мнѣніе германскаго генерала Бернгарди о причинахъ почему въ Манджуріи оправдалась механическая теорія веденія войны.

нѣйшій недостатокъ. Въ немъ совершенно не видно, что все, что предлагаетъ авторъ, исходитъ не только изъ разбираемой частной обстановки, но и изъ «общаго», изъ сущности войны, что обязательно и для всякаго частнаго изслѣдованія.

А поэтому для массы, не склонной вообще къ углубленію въ «общее», и очень склонной къ шаблону, это изслѣдованіе можетъ послужить большимъ соблазномъ стать на этотъ путь, несмотря и на неоднократныя оговорки автора, что онъ врагъ всякихъ шаблоновъ.

Такой трудъ едва-ли можно назвать «классическимъ» и для германской арміи.

Шлихтингъ заявляетъ (*), что онъ открылъ разницу между Наполеоновскимъ и современнымъ методомъ веденія войны. Онъ заявляетъ это своимъ противникамъ въ германской военной литературѣ, которые, по его словамъ увѣряютъ, что разницы никакой нѣтъ. Для русскихъ читателей Шлихтингъ рекомендуется какъ разъяснитель Мольтке самой германской арміи, которая сама въ массѣ не вѣрила своему боевому опыту даже послѣ 1866 и 1870—71 гг.

Не смѣю оспаривать такой рекомендаціи, ибо очень мало знакомъ съ германской военной литературой.

22. У насъ понимали Мольтке и безъ Шлихтинга.

Но, чтобы Шлихтингъ открылъ что либо такое *намъ*, и вообще о теоріи стратегіи, и въ частности о Мольтке, чего мы-бы не знали, или не могли бы знать и безъ него, — въ этомъ у меня возникаетъ непреодолимое сомнѣніе, которое столь сильно, что несмотря на всю смѣлость съ моей стороны такого сомнѣнія, я не могу его не высказать.

Наши писатели по стратегіи, — Лееръ, Войде, Михневичъ, хотя почти и не замѣчали Шлихтинга, который былъ объявленъ у насъ «классическимъ» только въ 1910 г., очень внимательно изучали германскія войны 1866 и 1870—71 г., и идеи главнаго ихъ руководителя Мольтке. Ихъ труды пестрятъ примѣрами изъ его дѣятельности и ссылками на его мнѣнія и опредѣленія. И если оказывается, что только Шлих-

(*) Кн. 1-я, стр. XIII—XIV.

тингъ, черезъ 27 лѣтъ послѣ послѣдней веденной Мольтке войны, сумѣлъ разъяснить его геній, то этимъ какъ-бы указывается, что наши писатели по стратегіи, этого генія не понимали, а если и писали про него, то не то, что разъяснилъ наконецъ и намъ, съ переводомъ его на русскій языкъ, Шлихтингъ.

Вотъ такое представленіе о Шлихтингѣ мнѣ кажется страннымъ. Все, что я прочиталъ у Шлихтинга о Мольтке, я читалъ и у нашихъ писателей по стратегіи, съ тою лишь разницей, съ моей точки зрѣнія, въ пользу послѣднихъ, что они приводятъ пріемы Мольтке, какъ поучительные примѣры умѣлаго приложенія «общаго» къ тѣмъ типамъ обстановки, въ которыхъ ему пришлось дѣйствовать. А потому эти пріемы не имѣютъ видъ шаблонныхъ и не заслоняютъ и всякихъ другихъ пріемовъ, которые вполнѣ законны въ другихъ обстановкахъ. У Шлихтинга-же «общее» не проступаетъ нигдѣ, и «нормы» Мольтке для извѣстной обстановки у него обращаются въ «законы» и «принципы». Къ этому надо еще прибавить, что Шлихтингъ гораздо дальше заходитъ въ область тактики, а вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ и техники выполненія, чѣмъ напр., Лееръ, а потому и можетъ казаться, что онъ обстоятельнѣе разъясняетъ нѣкоторые вопросы.

Но это происходитъ просто оттого, что Лееръ писалъ «Стратегію», а Шлихтингъ «Основы современной тактики и стратегіи», и большее развитіе послѣднимъ нѣкоторыхъ вопросовъ не даетъ чего-либо новаго или оригинальнаго противъ того, что говоритъ Лееръ.

23. Тенденціозность Шлихтинга по истолкованію Мольтке. Тенденціозность Шлихтинга по истолкованію имъ Мольтке (*) довольно характерно проявляется имъ въ томъ представленіи о стратегіи, которое онъ навязываетъ Мольтке.

Онъ находитъ (**), что Мольтке сказалъ нѣчто совершенно новое и измѣняющее господствовавшую въ то время теорію военнаго искусства, когда опредѣлилъ сущность стратегіи «въ расчлененіи арміи на походѣ при условіи сохраненія воз-

(*) См. ниже (26).

(**) Кн. 1-я, стр. 10, кн. 2-я, стр. 40—41.

*

можности своевременно ее сосредоточить», и что это опредѣленіе «точнѣе и полнѣе» опредѣляетъ сущность стратегіи, чѣмъ опредѣленіе Клаузевица, гласящее, что стратегія «есть ученіе о примѣненіи боя для цѣлей войны».

А вотъ Лееръ (*) у того-же Мольтке беретъ такое опредѣленіе: «Стратегія указываетъ выгоднѣйшій путь къ бою, и когда онъ долженъ быть данъ», т. е. такое-же опредѣленіе, какъ у Клаузевица, и конечно гораздо болѣе широкое и болѣе точное, чѣмъ то, на которое ссылается Шлихтингъ.

А отчего это произошло? Да оттого, что Шлихтингъ беретъ это опредѣленіе изъ разсужденія Мольтке о маршахъ-маневрахъ массовой арміи, для обозначенія сущности каковыхъ это опредѣленіе вполнѣ логично и точно, т. е. онъ беретъ опредѣленіе Мольтке, относящееся къ *частному* вопросу стратегіи, и произвольно его распространяетъ на *всю* стратегію, тогда какъ Лееръ заимствуетъ выраженіе Мольтке изъ его опредѣленія разницы между стратегіей и тактикой, т. е. изъ такого его сужденія, гдѣ онъ долженъ былъ опредѣлить сущность *всей* стратегіи, чтобы отграничить ее отъ другой науки.

Михневичъ понимаетъ Мольтке также какъ и Лееръ, а потому соотвѣтственно этому выбираетъ тѣ выраженія Мольтке, которыя характеризуютъ *всю* стратегію, а не частный ея вопросъ.

«Стратегія», цитируетъ онъ Мольтке (**) «—это примѣненіе здраваго человѣческаго смысла къ веденію войны»... На войнѣ все сводится къ тому, чтобы отнюдь не связывая себя неизмѣнными общими *правилами*, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поступать *цѣлесообразно*. Въ войнѣ, какъ и въ искусствѣ, нѣтъ общихъ *нормъ*, въ обоихъ талантъ не можетъ быть замѣненъ *правилами*».

24. Лееръ и его послѣдователи выяснили нормы для операціи массовой арміи безъ Шлихтинга.

И таковъ Шлихтингъ всюду. Онъ настойчиво нападаетъ на «систему» или «теорію» внутренних линій, которая яко-бы была «принципомъ» Наполеоновской стратегіи, и «открываетъ» современ-

(*) Стратегія, т. I. 5 изд., стр. 14.

(**) Михневичъ. Стратегія. Кн. 1-я, 1-е изд. (1899 г.), стр. 49, 3-е изд. (1911 г.), стр. 122, курсивъ мой.

ную стратегію, напр. и въ томъ, что для массовыхъ армій на первый планъ выступаютъ внѣшнія линіи, и на столько, что получается впечатлѣніе, что онъ навязываетъ именно эту систему читателю.

Между тѣмъ Леeръ приходитъ совсѣмъ къ тому-же выводу для современныхъ массовыхъ армій, но безъ всякаго навязыванія кому либо этой формы, ибо выводитъ это изъ безстрастнаго обсужденія всѣхъ качествъ и недостатковъ той и другой системы, съ точки зрѣнія «общаго» (настоящихъ принциповъ, а не нормъ, каковыя выдаетъ за принципы Шлихтингъ), и изъ приложенія разобранныхъ такимъ образомъ этихъ системъ къ обстановкѣ массовыхъ армій.

Шлихтингъ упираетъ, что еще одна особенность современной стратегіи — это сосредоточеніе массовой арміи *во* время сраженія, а не *передъ* нимъ, *на* полѣ сраженія, а не *до* него. Но это тоже не должно-бы было являться для насъ новостью, ибо объ этомъ говоритъ и Леeръ (*), и Берто (**), когда они разбираютъ вопросъ о массовыхъ арміяхъ, а г. Михневичъ (***) даже отмѣчаетъ неправильный взглядъ нѣмецкихъ писателей считать это за что либо новое.

«Наполеонъ», говоритъ онъ, «всегда сосредоточивалъ войска *внѣ* поля сраженія, а Мольтке успѣвалъ достигать этого *на* самомъ полѣ сраженія. Нѣмецкіе ученые (****) (Гольцъ и др.) отмѣчаютъ этотъ фактъ, какъ *новый* способъ рѣшенія вопроса о сосредоточеніи войскъ и ставятъ даже стратегію Мольтке выше Наполеоновской. Кажется, тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе»... И обсудивъ этотъ вопросъ г. Михневичъ приходитъ къ выводу, что «оба полководца рѣшали вопросъ о сосредоточеніи армій къ полю сраженія въ зависимости отъ условій обстановки; стратегія Мольтке ничѣмъ по духу и цѣлямъ не отличается отъ стратегіи Наполеона; и, конечно, Мольтке не искалъ-бы *безъ нужды* сосредоточенія армій *на* полѣ сраженія, весьма рискованнаго, подверженнаго какъ и

(*) Стратегія. I т., 5 изд., стр. 281—284.
(**) Berthaut. Principes de strategie. 1881, стр. 341—342.
(***) Стратегія. Кн. II, изд. 1901 г. и 1910 г., стр. 9—10. Курсивы мои.
(****) См. выше (12).

самъ бой, гораздо большимъ случайностямъ, чѣмъ походныя движенія, внѣ поля сраженія, а сосредоточился-бы до начала сраженія, *но къ этому не было возможности*, поэтому онъ и поступалъ такъ, какъ подсказывала ему обстановка».

И все это было выяснено задолго *до* нашей войны съ Японіей, и не странно-ли вновь это открывать у Шлихтинга черезъ 5 лѣтъ послѣ окончанія этой войны.

А разница въ трактованіи этого вопроса у нашихъ писателей и Шлихтинга состоитъ лишь въ томъ, что первые исходятъ изъ «общаго», прилагая его къ обстановкѣ массовыхъ армій, и указываютъ и отрицательныя свойства такихъ способовъ дѣйствій, на которыя *вынуждаетъ* обстановка, а у Шлихтинга именно этотъ способъ дѣйствій совершенно заслоняетъ всѣ остальные, явно тяготѣя къ рецепту, и получается впечатлѣніе, что иныя обстановки и недостойны разсмотрѣнія, какъ совершенно непригодныя для германской арміи.

Такое сравненіе можно-бы было продолжить очень далеко, ибо таковъ, собственно, Шлихтингъ въ большинствѣ разбираемыхъ имъ вопросовъ, напр., объ обходѣ, о расчлененіи и оперативной свободѣ, о раздѣленіи боя по цѣлямъ и формамъ и т. п...

25. Трудъ Шлихтинга совсѣмъ не типъ германскаго учебника стратегіи.

Разбирая Шлихтинга, я отнюдь не хочу сказать, что именно такова вся германская военная литература, что это типъ германскаго учебника по стратегіи. Напротивъ, я его выставляю лишь типомъ *узкаго* учебника, и даже не учебника, а только ограниченнаго разсужденія о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ, безъ отнесенія ихъ къ «общему» и «неизмѣнному» въ военномъ искусствѣ, что, я лично, считаю большимъ недостаткомъ. И при всемъ моемъ маломъ знакомствѣ съ германской военной литературой, я могу указать на два учебника — Блюме и Бернгарди, изъ которыхъ одинъ появился раньше Шлихтинга, а другой позже (*), и оба ничего не имѣютъ общаго

(*) *Блюме.* Стратегія. Первое изданіе на нѣмецкомъ языкѣ вышло въ 1882 г. Русскій переводъ вышелъ въ 1899 г., и сдѣланъ со второго нѣмецкаго изданія 1886 г. называвшагося, какъ и первое «Strategie, eine Studie». Въ 1911 г. Блюме дополнилъ свой трудъ и издалъ его подъ заглавіемъ

по духу и логической структурѣ съ яко-бы «учебникомъ» Шлихтинга.

Ужъ если говорить о полномъ изслѣдованіи дѣйствительно «современной» войны, то надо-бы было привести именно трудъ Бернгарди, который пошелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше Шлихтинга, что вполнѣ и понятно, такъ какъ появился на 13 лѣтъ позже, но при этомъ онъ сумѣлъ нигдѣ не тянуть къ шаблону. А объясняется это тѣмъ, что во всемъ его трудѣ сквозитъ «общее», изъ котораго онъ постоянно исходитъ. Всѣ формы и пріемы онъ разбираетъ и со стороны ихъ положительныхъ и отрицательныхъ свойствъ, и въ «современной войнѣ» онъ допускаетъ цѣлый рядъ типичныхъ обстановокъ, мимо которыхъ проходитъ Шлихтингъ съ совершенно неоправдываемымъ пренебреженіемъ.

26. Идеи Шлихтинга серьезно критикуются и въ германской арміи.

Читая Бернгарди, начинаешь сомнѣваться въ точности и той части исключительно хвалебной аттестаціи, выданной у насъ Шлихтингу, въ которой говорится, что его трудъ «легъ въ основаніе современной нѣмецкой военной доктрины», что «около него объединилась вся военная литература», что «если часто позднѣйшіе (германскіе) писатели и не указываютъ на него въ ссылкахъ, онъ виденъ между строками ихъ».

Именно у Бернгарди между строками все время видна критика *однобокихъ* разсужденій Шлихтинга, хотя онъ дѣйствительно ни разу не упоминаетъ его имени, а относитъ свою критику къ другому автору — явному послѣдователю Шлихтинга, и взгляды котораго Бернгарди характеризуетъ (*) «какъ отраженіе взглядовъ, широко распространенныхъ въ германской арміи и вѣроятно имѣющаго силу въ правящихъ кругахъ».

Я уже нѣсколько разъ на протяженіи этого очерка указывалъ, что критика моя Шлихтинга вынужденная, что я самъ сознаю, сколь смѣло съ моей стороны выступать съ критикой

«Strategie, ihre Aufgaben und Mittel». Въ такомъ видѣ онъ еще больше отдалился отъ учебника типа Шлихтинга.

Бернгарди. Современная война. 2 тома. Вышла на нѣмецкомъ языкѣ въ 1911 г., а на русскомъ въ 1912 г.

(*) Т. II, стр. 112.

въ такой области, которая мнѣ не можетъ быть хорошо знакома. Но разъ я вынужденъ къ этому, то, для оправданія своей попытки, не могу не опереться и на мнѣнія такого крупнаго военнаго и кромѣ того и нѣмецкаго писателя, какъ Бернгарди.

Прежде всего онъ (*) въ противоположность Шлихтингу, считаетъ, что должно существовать всеобъемлющее ученіе о войнѣ, которое давало-бы возможность разсматривать всѣ военные вопросы съ одной, общей для всѣхъ ихъ, точки зрѣнія. Поэтому для него (**) *теорія* войны—одна, которая создаетъ точки зрѣнія (такъ училъ и Лееръ) для логическихъ дѣйствій. Какихъ-же либо особыхъ «теорій» Фридриха и Наполеона не существуетъ. Научная теорія можетъ опредѣлить идейное содержаніе и практическую осуществимость военнаго искусства, но претворить правильную идею въ дѣло, въ каждомъ частномъ случаѣ, можетъ, дѣйствительно, лишь геній. А поэтому, по его мнѣнію, ни Фридрихъ, ни Наполеонъ никакой *новой теоріи* не изобрѣли, а лишь *умѣли* правильно примѣнять выводы *единой* теоріи (***).

Вотъ какъ, по мнѣнію Бернгарди (****) создаются «особыя теоріи».

«Избравъ для разсмотрѣнія побѣдоносные бои какого-либо полководца, изслѣдователь старается доказать *закономѣрность* дѣйствій послѣдняго съ тѣмъ, чтобы возвести ихъ въ общій законъ. Если при этомъ дѣлаются ссылки на такіе авторитеты, какъ Наполеонъ или Мольтке, то масса оказывается побѣжденною аргументами, яко-бы основанными на историческихъ выводахъ.... Такое *насиліе* (*****) нѣкоторые изслѣдователи пытались произвести и *надъ Мольтке*. Полководцу эпохи объединенія Германіи тоже пытались *навязать теорію*. Одни высказывали, что сущность стратегіи Мольтке сводится къ *согласованію величины переходовъ съ глубиною колоннъ*. Другіе

(*) Т. I, стр. 3.
(**) Т. II, стр. 266.
(***) См. выше (11).
(****) Т. I, стр. 37—38. Курсивы мои.
(*****) См. выше (23).

утверждали, что *будто-бы Мольтке* всегда отдавалъ предпочтеніе *внѣшнимъ* линіямъ, и дѣлали выводъ, что побѣды можно добиться исключительно путемъ *охвата*. Ему-же *приписывали* правило, что сосредоточивать силы необходимо только *на* полѣ сраженія и, что предварительное развертываніе недопустимо... Во всемъ высказываемомъ про Мольтке *истина перемѣшана съ произволомъ*.... Если-бы Мольтке даже думалъ такъ, какъ ему это навязываютъ, все-же нельзя было-бы обобщать его идеи, создавая изъ нихъ *шаблонъ* для дѣйствій въ будущемъ».

Эта мѣткая характеристика цѣликомъ можетъ быть отнесена къ Шлихтингу—здѣсь перечислены всѣ его главнѣйшія положенія, яко-бы выясняющія геній Мольтке, и явно тяготѣющія къ шаблону, несмотря на краснорѣчивыя и неоднократныя его увѣренія, что онъ противъ всякаго шаблона. Едва-ли эта характеристика оправдываетъ выданную у насъ Шлихтингу рекомендацію, что онъ «если можно такъ выразиться, сдѣлалъ Мольтке понятнымъ всей арміи».

И такое разногласіе съ идеями Шлихтинга проходитъ красной нитью по всему капитальному труду генерала Бернгарди.

Я уже выше указалъ (см. 20), какъ безцеремонно Шлихтингъ расправился съ содержаніемъ первой книги Клаузевица, и что онъ совершенно не находитъ нужнымъ говорить о связи стратегіи съ политикой. Бернгарди же говоритъ, что (*) «изученіе *сущности* войны доказываетъ, что съ нею тѣсно сплетается политика, оказывающая такое непосредственное воздѣйствіе на способъ ея веденія, что пренебрегать этимъ воздѣйствіемъ было-бы равносильно *произволу*», и посвящаетъ обсужденію этого вопроса особую главу.

Конечно, онъ посвящаетъ много страницъ изслѣдованію вопроса о дѣйствіяхъ массовыхъ армій, но пріемы для этихъ дѣйствій вытекаютъ у него и изъ сущности войны, а не только изъ одной обстановки, а потому и не являются рецептами. Изъ рѣшительныхъ столкновеній въ періодъ развертыванія,

---

(*) Т. I, стр. 4.

говоритъ онъ (*), разовьется дальнѣйшая оперативная война, которую слѣдуетъ при характеристикѣ современной войны принимать во вниманіе также какъ и войну въ періодъ развертыванія, а въ этотъ періодъ сплошь и рядомъ могутъ встрѣчаться силы и не соотвѣтствующія по своимъ размѣрамъ представленіямъ о массовыхъ арміяхъ.

Именно то-же самое указывалъ и Михневичъ (**). И именно благодаря такому широкому представленію о «современной» войнѣ, оба автора относятся безпристрастно къ формамъ и пріемамъ, давая читателю положительныя и отрицательныя свойства всѣхъ типичныхъ формъ и пріемовъ, предоставляя этимъ ему *свободный* выборъ между ними, сообразно обстановкѣ, и воспитывая его мысль па томъ, что всѣ они не болѣе какъ различныя проявленія «общаго», въ зависимости отъ обстановки.

Совершенно справедливо замѣчаетъ Бернгарди (***), что «разсмотрѣвъ подробно средства, имѣющіяся въ распоряженіи полководца, при изученіи войны необходимо устанавливать не опредѣленную систему или правила употребленія войскъ, а выяснить факторы, обусловливающіе побѣду, чтобы полководецъ могъ правильно оцѣнить *всѣ* вліянія и взаимодѣйствія и могъ пользоваться свободой духа».

27. Критика механическаго пониманія войны въ германской арміи. Свой отдѣлъ о веденіи войны Бернгарди начинаетъ главой о механическомъ и идейномъ пониманіи войны (****), при чемъ энергично возстаетъ противъ перваго, и читая его горячую отповѣдь этому пониманію, невольно подставляешь подъ основы этого пониманія то, что выносишь изъ чтенія Шлихтинга, хотя Бернгарди его имени и не упоминаетъ. Но тѣ взгляды, которые онъ разбираетъ, явно принадлежатъ старательному послѣдователю Шлихтинга.

«Все его пониманіе войны» говоритъ Бернгарди «исходитъ изъ того предположенія, что обстановка, обусловливаемая

(*) Т. II, отдѣлъ IV, глава 1, стр. 124.
(**) Стратегія. Т. II. изд. 1901 г., стр. 11.
(***) II т., стр. 131.
(****) Т. II. Отд. IV, гл. 1. Въ выпискахъ курсивы мои.

современнымъ оружіемъ, массовыми арміями, средствами сообщенія, а главнымъ образомъ желѣзными дорогами, оказываетъ *непреодолимое вліяніе*, отъ котораго высшее управленіе арміей не можетъ освободиться, такъ какъ обязано принимать его чуть-ли не какъ *законъ природы*. Такимъ образомъ веденіе войны подчинено извѣстнымъ внѣшнимъ условіямъ и повинуется имъ. *Нигдѣ взгляды автора не обращаются къ постояннымъ законамъ войны*; нигдѣ онъ не пытается согласовать и тѣ, и другіе. Всюду мы видимъ лишь законы, вызванные къ жизни *временными* явленіями. Нигдѣ не видно стремленія подыскать современныя формы для идей, возникающихъ изъ самой *природы войны;* всюду, скорѣе наоборотъ,— данная форма вызываетъ идею».

«При подобныхъ условіяхъ веденіе войны едва-ли можно назвать искусствомъ. Оно становится *ремесломъ*, а полководецъ превращается до нѣкоторой степени въ машиниста. Главная работа его заключается въ томъ, чтобы пустить въ ходъ механизмъ арміи, сообразуясь съ сѣтью желѣзныхъ и обыкновенныхъ дорогъ, хорошенько подмазать колеса и подвозить арміямъ новыя и новыя механическія силы въ видѣ боевыхъ припасовъ, продовольствія и людей»...

«Прежде всего бросается въ глаза *односторонность*, которую принесла *всесторонняя* война подъ давленіемъ современныхъ условій. Картина, изображенная авторомъ, подходитъ исключительно къ двумъ сторонамъ, которыя, при приблизительно равныхъ военныхъ силахъ, имѣютъ почти одинаковую желѣзнодорожную сѣть, т. е. къ обстановкѣ, существующей между Германіей и Франціей. Достаточно перенестись на восточную границу Германіи, чтобы оказаться въ совершенно иныхъ условіяхъ.... Совершенно иначе сложилась-бы обстановка, если-бы англичане захотѣли высадить свою 100 000-ю армію на континентѣ. Все это условія войны, возможныя для нѣмцевъ, если-же принять во вниманіе другія условія, напр. для Италіи, Австріи или Турціи, то для нихъ потребовались-бы совершенно иныя стратегическія мѣропріятія».

«Нельзя допустить, чтобы по одному частному случаю судить объ общемъ характерѣ современной войны. Война, по

словамъ Клаузевица, настоящій хамелеонъ, и имъ-же она будетъ и впредь. Безусловно ошибочно создавать для нея *стратегическій шаблонъ*, такъ какъ съ мѣстностью, ея покровомъ, видомъ границы, разнообразіемъ желѣзнодорожной сѣти и *свойствами* примѣненныхъ *массъ*, каждый разъ мѣняется общая стратегическая картина».

«Исторія всѣхъ войнъ», говоритъ Бернгарди въ другомъ мѣстѣ (*), «учитъ насъ, что побѣда не прикована къ опредѣленной формѣ... Теперь, вопреки всѣмъ урокамъ военной исторіи, *односторонне мыслящая школа* стремится обратить стратегію охватовъ въ залогъ побѣды. Всюду обнаруживается нѣкоторая односторонность понятій, извлеченныхъ изъ ограниченнаго или зачастую *произвольно истолкованнаго* опыта новѣйшаго времени, а не изъ *сущности* вещей. Во всемъ этомъ для насъ заключается урокъ и предостереженіе. Мы всегда должны помнить, что *въ каждой формѣ боя скрытъ рѣшающій моментъ*, который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть введенъ въ дѣло. Поэтому *мы не смѣемъ* на практикѣ подходить къ военнымъ задачамъ съ предвзятымъ, односторонне обоснованнымъ, мнѣніемъ. Ближайшая война навѣрно не разыграется при тѣхъ-же условіяхъ и въ той-же обстановкѣ, какъ послѣдняя. Опытъ войны не переносится непосредственно на будущее. Творческая мысль должна предвосхитить опытъ будущаго. Въ будущей войнѣ мы не должны безъ разбора примѣнять то, чему насъ дѣйствительно или въ воображеніи учитъ послѣдняя война, а что кажется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ *послѣ подробной провѣрки вѣроятныхъ условій*. Мы должны безъ предвзятыхъ мыслей примѣнять тѣ оперативныя и тактическія средства, которыя подходятъ къ особенностямъ нашего врага, характеру всей войны и условіямъ каждаго частнаго случая, а также сообразуясь съ нашими орудіями войны. То придется примѣнить охватъ, то фланговую атаку, прорывъ, чистую оборону или рѣшительный контръ-ударъ. *Полководецъ долженъ умѣть дѣйствовать по всячески* и вмѣстѣ съ тѣмъ знать тѣ затрудненія, которыя влекутъ за собою современныя массовыя арміи».

(*) Т. II, стр. 70—72.

28. Бернгарди объ опытѣ русско-японской войны.

Ну вотъ такихъ идей и такихъ познаній изъ учебниковъ типа Шлихтинга не вынесешь никакъ. У насъ «теорія» Шлихтинга рекомендуется, какъ блестяще выдержавшая испытаніе въ русско-японской войнѣ. Я уже указывалъ на странность этой рекомендаціи (см. 21) именно потому, что Шлихтингъ принципіально не пожелалъ разсматривать той обстановки, въ которой намъ пришлось дѣйствовать въ Манчжуріи, какъ немыслимой для германской арміи, а потому и совершенно безполезной для изученія германской военной наукой. Бернгарди подходитъ къ этому вопросу съ другой стороны.

«Механическое пониманіе войны», говоритъ онъ (*) «не находитъ себѣ поддержки и въ опытѣ новѣйшихъ войнъ, хотя многія явленія, обнаружившіяся въ этихъ бояхъ, *повидимому* его и подтверждаютъ, и прежде всего событія русско-японской войны».

«Здѣсь бой велся длинными тонкими линіями на очень обширныхъ фронтахъ. Слабѣйшіе численно японцы атаковали и побѣждали, хотя въ большинствѣ случаевъ имѣли слабые резервы. Напротивъ, всегда очень сильные русскіе резервы не помогли ничему, потому что ими не пользовались. Бои почти всегда длились днями; побѣда достигалась большею частью охватами; обороняющійся ни разу не былъ въ состояніи противодѣйствовать имъ.... Такимъ образомъ, здѣсь выступили на сцену всѣ элементы механическаго веденія войны и побѣда японцевъ какъ будто подтверждаетъ правильность теоріи. Но и здѣсь подтверждается римская пословица: eventus stultorum magister. Ближе присматриваясь, успѣхъ японцевъ отнюдь не объясняется одними ихъ тактическими и стратегическими мѣропріятіями, но прежде всего ихъ духовнымъ превосходствомъ и положительно невѣроятными ошибками и слабостью русскаго главнокомандующаго».

Таково же мнѣніе и другого германскаго писателя, барона фонъ-Теттау. Въ только что вышедшей 2-й части его труда «Куропаткинъ и его помощники» онъ говоритъ: (**) «Было-бы

(*) Т. II, стр. 127—128.

(**) Цитирую по рецензіи г. Грулева въ «Развѣдчикѣ».

ошибочно придавать преувеличенное значеніе обходамъ и охватамъ въ бою на основаніи опыта русско-японской войны только потому, что японцы часто одерживали важные успѣхи благодаря усвоенію ими этихъ тактическихъ пріемовъ. Можно признать, что на основаніи опыта этой войны обходы и охваты являются дѣйствительно наивыгоднѣйшимъ боевымъ пріемомъ, но только имѣя дѣло съ противникомъ, застывшимъ въ пассивной оборонѣ... Но такъ какъ трудно, да и не слѣдуетъ разсчитывать на такого противника, то и успѣшные обходы и охваты японцевъ ничего не доказываютъ, потому что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что если-бы японцы вздумали злоупотреблять (какъ это было подъ Ляояномъ, Мукденомъ и Шахэ) частыми обходами и охватами, имѣя дѣло съ противникомъ болѣе активнымъ, то они-бы дорого поплатились за это».

29. Критика германскаго устава, созданнаго Шлихтингомъ.

Шлихтингъ намъ рекомендуется какъ творецъ той части германскаго строевого пѣхотнаго устава, которая заключаетъ въ себѣ статьи о боѣ, атакѣ и оборонѣ, а со стороны Бернгарди достоинства именно этой части устава подвергаются серьезному сомнѣнію, и опять съ точки зрѣнія односторонности, тяготѣнія къ шаблону.

«Германская армія, говоритъ онъ (*), находится на самомъ лучшемъ пути, чтобы впасть въ *односторонность*. Въ области стратегіи доминируетъ предпочтеніе принципу внѣшнихъ линій, а въ области тактики та же мысль превратилась въ *шаблонъ*, офиціальнымъ выразителемъ котораго является нѣмецкій строевой пѣхотный уставъ: «Сочетаніе фронтальной и охватывающей атаки даетъ наибольшіе шансы на успѣхъ». Эта фраза ложна, какъ только что было доказано. Она вѣрна лишь при совершенно произвольномъ представленіи о силахъ и дѣйствіяхъ противника. Но она и опасна, такъ какъ не только мѣшаетъ начальнику искать новыхъ путей для побѣды, подсказываемыхъ, можетъ быть, выгодной обстановкой, но и облегчаетъ противнику принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ, если онъ навѣрняка можетъ разсчитывать, что другая сторона всегда

(*) Т. II, стр. 68—70 и 125—126. Курсивы мои.

дѣйствуетъ по одному и тому же принципу.... Нельзя отказаться отъ мысли, что нѣмецкій генералъ даже въ совершенно неподходящемъ этому случаю «удовольствуется удержаніемъ непріятеля на фронтѣ», такъ какъ «сочетаніе фронтальной и фланговой атакъ наиболѣе обезпечиваетъ побѣду», а «прорывъ попадаетъ подъ концентрическій огонь противника».

«Идея, что охватъ рѣшаетъ побѣду, господствуетъ съ 1866 и 1870 гг., съ *предполагаемой* теоріей охватовъ Мольтке въ умахъ нѣмецкихъ начальниковъ настолько сильно, что большинство ихъ даже и не предполагаетъ возможности дѣйствовать иначе... Будемъ остерегаться того, чтобы въ рѣшительную минуту раздумывать надъ тѣмъ — какъ поступилъ бы Мольтке, вмѣсто того, чтобы открытыми глазами обнять обстановку, какъ она есть на дѣлѣ, и принять рѣшеніе безъ предвзятой мысли....».

«Я считаю совершенно ошибочнымъ мнѣніе, будто въ современномъ бою огневой перевѣсъ, которому германскій строевой пѣхотный уставъ придаетъ слишкомъ большое значеніе, обусловливаетъ побѣду. Огневой перевѣсъ основывается на большемъ матеріальномъ дѣйствіи; онъ выражается въ цифрахъ потерь. Развѣ можно утверждать, что побѣждаетъ та сторона, у которой меньше потерь? Всегда терпитъ та сторона, которая сильнѣе потрясена нравственно, а это послѣднее обстоятельство отнюдь не зависитъ исключительно отъ потерь. На войнѣ дѣла складываются не такъ ужъ механически; тамъ часто побѣда выигрывается и противъ огневого перевѣса, такъ какъ, кромѣ оружія, въ этомъ принимаютъ участіе вліянія частью невещественнаго характера, на которыхъ въ сущности основана и побѣда».

«Въ тѣсной связи съ теоріей охватовъ находится взглядъ, что можно безнаказанно ослаблять фронтъ, чтобы усилить крылья, если только позаботиться о снабженіи ослабленныхъ войскъ достаточной массой *патроновъ* (*), чтобы они могли

(*) Шлихтингъ (кн. II, стр. 36) въ числѣ своихъ *выводовъ*, говоритъ: «Въ настоящее время ходъ сраженія опредѣляется дѣйствіями на флангахъ. При дальнобойномъ оружіи и глубинѣ обстрѣливаемыхъ пространствъ они стали

тактически успѣшно вести *огневой бой*; что при этихъ условіяхъ можно даже безнаказанно атаковать (огнемъ) съ фронта болѣе сильнаго обороняющагося слабыми войсками и тѣмъ *приковать* его къ мѣсту. Прежде всего необходимо указать на нелогичность предположенія, что можно достичь перевѣса увеличеніемъ числа разстрѣленныхъ патроновъ, такъ какъ очевидно, что противникъ располагаетъ не меньшей возможностью запастись патронами; затѣмъ въ этомъ взглядѣ *соотношеніе между атакой и обороной совершенно извращено*, противоположность между обоими видами боя исчезла, и создается впечатлѣніе, что во фронтальномъ бою оборона не даетъ никакихъ преимуществъ (*), что атакующій и обороняющійся ведутъ бой при равныхъ условіяхъ, и что перевѣсъ въ огнѣ вообще рѣшаетъ бой».

Вообще Бернгарди энергично возстаетъ противъ рецепта «охвата».

30. «Охватъ», какъ рецептъ.

«Итакъ, ослабленіе фронта, чтобы получить средства для охвата непріятельскаго крыла» критикуетъ онъ послѣдователя Шлихтинга (**) «таковъ тотъ единственный способъ, который можетъ изобрѣсти въ наше время даже величайшій полководческій геній, чтобы разбить врага. При этомъ молчаливо принимается, что противникъ ничего не можетъ предпринять противъ этого маневра. Конечно, это не говорится опредѣленно, но, съ другой стороны, авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о средствахъ отраженія стратегическаго охвата. Но вся система безнадежно рушится, если охватъ не можетъ быть выполненъ и не кончится побѣдой. Поэтому кажется, будто непріятель по необходимости долженъ позволить себя охватить и разбить».

Такое впечатлѣніе остается и послѣ чтенія Шлихтинга.

неизмѣримо вліятельнѣе и губительнѣе, въ то время какъ центръ существенно выигралъ въ естественной силѣ сопротивленія, даже при слабой численности расположенныхъ тамъ войскъ, *лишь-бы былъ достаточенъ запасъ патроновъ*».

(*) Шлихтингъ (II-я кн., стр. 199) указываетъ, что «теоретическій взглядъ всегда приписывающій оборонѣ наилучшія условія обстрѣла, практически не выдерживаетъ критики».

(**) Т. II, стр. 116—117.

У Бернгарди же, какъ и у Леера, совершенно безпристрастный взглядъ на охватъ—онъ (*) вмѣстѣ съ положительными сторонами указываетъ и на отрицательныя его стороны, и такимъ образомъ не навязываетъ никому никакого рецепта. Такъ же трактуетъ онъ и о внутреннихъ и внѣшнихъ линіяхъ (**).

31. Для изученія сущности военнаго дѣла надо изучать войны всѣхъ временъ.

Въ то время какъ Шлихтингъ не признаетъ пользы изученія какихъ либо войнъ, кромѣ веденныхъ нѣмцами въ 1866 и 1870—71 гг., Бернгарди держится совершенно противоположнаго взгляда, и широко пользуется примѣрами изъ всѣхъ войнъ. Такого же взгляда держится и другой нѣмецкій военный писатель генералъ Фалькенгаузенъ, который считаетъ, что изученіе этихъ войнъ не имѣетъ особаго значенія лишь въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду въ будущемъ только войну Германіи съ Франціей. А это именно и дѣлаетъ Шлихтингъ, который ставитъ себѣ чрезвычайно узкую задачу, вслѣдствіе чего и нельзя признать его трудъ за «учебникъ» стратегіи.

Что же касается до изученія и пониманія современной войны вообще, то здѣсь Фалькенгаузенъ (***) держится одного мнѣнія съ Лееромъ, что надо изучать войны всѣхъ временъ. «Первымъ и самымъ надежнымъ основаніемъ для выясненія взглядовъ на вопросы изъ области веденія войны» говоритъ онъ, «является обращеніе къ прошедшему... изученіе военной исторіи *всѣхъ временъ* является необходимымъ основаніемъ для каждаго, кто желаетъ понять и овладѣть явленіями *современнаго* военнаго дѣла. Великіе *принципы* веденія войны, съ ея вещественными и духовными побудительными причинами, *были всегда одинаковы*».

32. Фалькенгаузенъ объ изученіи стратегіи.

Также совершенно расходится Фалькенгаузенъ со Шлихтингомъ въ вопросѣ о томъ—какова та стратегія, которую должны изучать всѣ. Въ то время

(*) Т. II, стр. 71, 116—117, 125, 185, 189.

(**) Т. I, стр. 212, т. II, стр. 67—70, 239, 243, 250—252.

(***) Фалькенгаузенъ. Генералъ отъ инфантеріи германской службы. «Большая современная война. Опытъ изслѣдованія движенія и боя массовой арміи въ XX столѣтіи». 1911 г. стр. 10.

какъ Шлихтингъ проповѣдуетъ, что «стратегія не составляетъ удѣлъ каждаго, и изученіе ея не есть настоятельная потребность для всѣхъ избравшихъ военную карьеру», и что «опытный тактикъ можетъ очень хорошо обойтись и безъ такой основы», а потому предлагаетъ строю свое «немножко стратегіи», Фалькенгаузенъ развиваетъ именно ту точку зрѣнія, которую я уже изложилъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ этого очерка (см. 16).

«Необходимость серьезной и основательной умственной подготовки передъ предстоящими военными событіями», говоритъ онъ (*), «*не должна ограничиваться* только относительно *небольшимъ числомъ офицеровъ*, работающихъ въ высшихъ войсковыхъ штабахъ и управленіяхъ, высшими начальниками и генеральнымъ штабомъ, призванныхъ къ широкой самостоятельной дѣятельности или сотрудничеству при работѣ и примѣненіи болѣе крупныхъ войсковыхъ частей.... Какъ въ каждой наукѣ, такъ и въ каждомъ живомъ дѣлѣ необходимо сначала уяснить себѣ цѣлое, чтобы познать затѣмъ частности и примѣнять таковыя. Развитіе и рвеніе нашего офицерскаго корпуса всегда были велики, но въ немъ есть *склонность* (**) *дѣлать раздѣленіе между большими и малыми предметами*, причемъ передъ первыми существуетъ широко распространенная боязнь. *Слово стратегія имѣетъ для многихъ устрашающій звукъ;* считаютъ, что можно удовольствоваться тактикой. А между тѣмъ это только слова, понятія которыхъ установить трудно, провести же границы между ними еще труднѣе. Условія же веденія войны, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ масштабѣ вѣдь однѣ и тѣ-же. *Безъ уразумѣнія большаго нельзя понять сущности цѣлаго*, а равно и малаго. Поэтому, кто желаетъ основательно посвятить себя въ тайны военнаго искусства, тотъ долженъ начинать сверху. Онъ долженъ изучить ходъ событій въ крупномъ масштабѣ, чтобы быть въ состояніи затѣмъ дѣйствовать и совершенствоваться въ маломъ, *независимо отъ того, призванъ ли онъ или нѣтъ къ занятію*

(*) Стр. 8—10. Курсивы мои.

(**) И эту склонность Шлихтингъ явно поддерживаетъ.

болѣе высокихъ должностей, на которыя каждый прежде всего разсчитываетъ. Та опасность, что занятія военнымъ дѣломъ въ большомъ масштабѣ могутъ привести къ тщеславію занимающихся, скоро пройдетъ, разъ работа совершенно не будетъ носить *поверхностнаго* характера. Проникновеніе въ трудную область большой войны непремѣнно *ведетъ къ скромности*».

33. Обоснованіе содержанія этого этюда.

На этомъ я и закончу разборъ различныхъ типовъ сухопутныхъ учебниковъ по стратегіи. Я вполнѣ сознаю, что разборъ этотъ вышелъ чрезмѣрно длиннымъ, и что я въ значительной мѣрѣ злоупотребляю терпѣніемъ моихъ читателей. Но пусть припомнятъ они основную цѣль предлагаемыхъ «этюдовъ» (см. предисловіе), и тогда быть можетъ они и не посѣтуютъ на меня за такое детальное обсужденіе этого вопроса.

Вѣдь стратегія, какъ наука, въ области морской войны находится въ зародышевомъ состояніи. Задача разработки курса стратегіи поставлена ребромъ и передъ нашей морской академіей. Работаютъ конечно, если не надъ курсомъ, то надъ отдѣльными стратегическими вопросами, многіе и въ строевомъ флотѣ. И такъ какъ наши сухопутные коллеги ушли отъ насъ далеко впередъ въ этой работѣ, вполнѣ естественно, что мы смотримъ, что и какъ дѣлаютъ они, и конечно особенно жадно мы всматриваемся, какъ работаетъ въ этомъ направленіи наша Военная академія. Не для того, конечно, чтобы слѣпо что-либо заимствовать, а чтобы сознательно воспользоваться ея опытомъ, избѣгая тѣхъ ошибокъ, въ которыя, конечно, можетъ впадать и она. Казалось, что она обладаетъ превосходно и научно разработаннымъ курсомъ стратегіи Леера, который оставалось только держать на уровнѣ современности, а намъ—дополнить его, по указанному имъ методу, для обстановки морской войны.

Но вотъ какъ разъ въ тотъ періодъ, когда у насъ является сознаніе въ необходимости разработки стратегическихъ вопросовъ, и когда начинается эта работа, мы слышимъ изъ той среды, куда мы привыкли обращать свои взоры, что «высокій» трактатъ по стратегіи нуженъ лишь лицамъ, поставленнымъ во главѣ дѣла подготовки государства къ войнѣ, а что

та стратегія, съ которой долженъ быть знакомъ каждый офицеръ—это стратегія Шлихтинга. Лееръ же, оказывается, ужъ ничего не говоритъ сердцу сухопутныхъ нашихъ коллегъ, его уже даже и не цитируютъ, и его методу изученія и преподаванія стратегіи явно противопоставляютъ классическій «учебникъ» Шлихтинга, на «теоріи» котораго зиждется вся современная военная нѣмецкая наука, причемъ эта «теорія» блестяще выдержала испытаніе въ русско-японской войнѣ.

Вполнѣ понятнымъ бы было послѣ этого пренебреженіе къ Лееру и въ нашей морской средѣ, и направленіе въ ней работы по Шлихтингу, тѣмъ паче, что имъ выставленъ заманчивый для массы лозунгъ — особая стратегія для строевиковъ, или, какъ онъ говоритъ — «немножко стратегіи». И такое направленіе уже сказывается. Не разъ ужъ мнѣ пришлось и у насъ слышать о Шлихтингѣ, какъ объ идеалѣ, и пожеланіе о разработкѣ стратегіи для морской войны именно въ его духѣ.

Установленіе взгляда на требованія, которыя должны быть предъявлены къ курсу стратегіи, на его содержаніе и на методъ его разработки — все это вѣдь основы той работы, для содѣйствія успѣху которой пишутся и настоящіе «этюды». И такъ какъ Лееръ и Шлихтингъ — это противоположные полюсы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, то, очевидно, надо было сравнить ихъ между собою, тщательно провѣрить данную Шлихтингу рекомендацію, и возбудить вопросъ — кто-же изъ нихъ лучше поможетъ намъ въ разработкѣ такого курса стратегіи, который могъ-бы служить руководствомъ для веденія и морской войны. Это я и попытался сдѣлать въ настоящемъ очеркѣ и считалъ это дѣло столь важнымъ, что не убоялся надоѣдать читателямъ подробностями.

34. Выводы изъ сравненія курса Леера съ учебникомъ Шлихтинга.

Резюмирую теперь свои выводы.

1) Лееръ предназначаетъ свой курсъ для *всѣхъ*, хотя и считаетъ, что онъ прежде всего долженъ быть «теоретическимъ трактатомъ» (*), и повидимому даже и не подозрѣваетъ, что «высокіе» трактаты нужны лишь какимъ-то

(*) Стратегія. Т. I. 5 изд., стр. VI.

особымъ избраннымъ лицамъ, а Шлихтингъ раздѣляетъ военныхъ на «стратеговъ», и на «массу» (строевиковъ) (*), и предназначаетъ свой «учебникъ» исключительно для послѣднихъ, считая, что послѣднимъ нужно только «немножко стратегіи».

2) Лееръ даетъ *полный* курсъ стратегіи, въ которомъ разбираются всѣ вопросы подготовки и веденія войны, а Шлихтингъ свое «немножко стратегіи» ограничиваетъ, правда очень обстоятельнымъ, изслѣдованіемъ техники передвиженій массовой арміи, и ея ввода въ генеральное сраженіе на среднеевропейскомъ, мало гористомъ театрѣ войны, обильно снабженномъ желѣзными и грунтовыми дорогами, причемъ очень настойчиво и съ большимъ талантомъ проводитъ превосходную мысль о томъ, что всякое дѣйствіе и всякій пріемъ должны исходить изъ пониманія цѣли операціи. Надо замѣтить, что эта-же мысль проникаетъ и весь трудъ Леера.

3) Лееръ разсматриваетъ войну вообще, считаетъ, что она можетъ протекать въ самой различной обстановкѣ, и стремится создать всеобъемлющій «теоретическій трактатъ», въ видѣ «систематическаго свода основъ» стратегіи, тщательно уясненныхъ и сведенныхъ въ одно стройное цѣлое, которыя могутъ быть примѣнены соотвѣтственнымъ образомъ во всякой обстановкѣ, и даетъ цѣлый рядъ примѣровъ примѣненія ихъ къ типичнымъ обстановкамъ, въ результатѣ чего получается рядъ *условныхъ* нормъ и правилъ. Поэтому Лееръ тщательно устанавливаетъ «общее и неизмѣнное» въ стратегіи въ видѣ принциповъ, изъ которыхъ и исходитъ въ разработкѣ всѣхъ частныхъ вопросовъ. Шлихтингъ разсматриваетъ войну, которая, по его мнѣнію возможна для германской массовой арміи, причемъ ограничиваетъ эту возможность лишь вышеуказанной въ предыдущемъ пунктѣ обстановкой. Все, что не подходитъ къ этой обстановкѣ, его не интересуетъ.

«Всеобъемлющей теоріи» онъ не признаетъ, а потому никакихъ «общихъ основъ» не устанавливаетъ.

(*) Кн. 1-я, стр. 1—2.

Все то, что онъ называетъ «основами», «принципами» «законами» и т. п.—все это только очень условныя «нормы» и «правила», выводимыя имъ не изъ сущности войны, а изъ условій особой разсматриваемой имъ обстановки. Всѣ эти «нормы» и «правила», а также и пріемы рекомендуемые Шлихтингомъ имѣются и у Леера, съ тѣмъ только огромнымъ преимуществомъ для практическаго дѣятеля, что Лееръ тщательно оговариваетъ ихъ условность, безпристрастно выясняетъ присущія имъ ихъ положительныя и отрицательныя свойства, и этимъ направляетъ практическаго дѣятеля на свободный выборъ между ними, въ зависимости отъ той обстановки, въ которой онъ оказался. Шлихтингъ-же, не дѣлая этого, и не выводя всего изъ «общаго и неизмѣннаго», можетъ быть и невольно, но все-таки наталкиваетъ практическаго дѣятеля на шаблонъ, хотя онъ и оговаривается постоянно, что онъ противникъ всякаго шаблона, и что онъ хочетъ лишь установить общность «оперативныхъ способовъ» въ германской арміи.

4) На основаніи предыдущихъ пунктовъ курсъ Леера съ полнымъ правомъ можно назвать классическимъ, а «учебникъ» Шлихтинга, если даже пренебречь совершенно случайной и неряшливой его терминологіей, можетъ быть названъ лишь классическимъ изслѣдованіемъ объ управленіи германской массовой арміей на опредѣленномъ театрѣ войны.

5) По ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что взгляды генерала Шлихтинга раздѣляются далеко не всѣми и въ германской арміи, и оспариваются, напр., такими выдающимися военными писателями, какъ генералы Бернгарди и Фалькенгаузенъ.

6) Изученіе Шлихтинга полезно для насъ лишь въ смыслѣ хорошаго образца для изслѣдованія частнаго стратегическаго вопроса, въ частной обстановкѣ. Но беря изъ этого образца все то хорошее, что въ немъ заключается, надо устранить въ нашихъ подобныхъ изслѣдованіяхъ капитальные его недостатки: отсутствіе того «общаго», изъ чего должно истекать все частное, и неправильную терминологію. Также надо тщательно оговаривать условность полученныхъ выводовъ. При

соблюденіи этихъ условій, чрезвычайно желательны изслѣдованія о пріемахъ и формахъ передвиженій и вступленія въ бой флотовъ вообще, и въ частности для нашего флота, въ нашихъ моряхъ, имѣя въ виду опредѣленнаго противника. Это будутъ цѣнные вклады и для разработки общаго курса стратегіи, и въ особенности для подготовки нашихъ флотовъ къ войнѣ съ очереднымъ противникомъ. Но ни въ коемъ случаѣ на такія изслѣдованія нельзя смотрѣть какъ на «учебники» стратегіи.

7) Курсъ стратегіи Леера даетъ намъ для нашей работы почти все, что только можетъ намъ дать гораздо дальше чѣмъ мы ушедшая военная наука въ области войны на сушѣ. Такъ какъ онъ тщательно устанавливаетъ и всюду выдѣляетъ то «общее», что не зависитъ ни отъ какой обстановки, то все это можетъ быть положено и нами въ основу нашей работы, и лишь въ виду необходимости въ военныхъ наукахъ всяческой повѣрки основъ, и необходимости сознательнаго труда для ихъ усвоенія (см. эт. III, п. 1—2, 14—19), надо намъ повѣрить эти основы выводомъ ихъ посредствомъ изслѣдованій и морскихъ войнъ. Между тѣмъ почти ни одна изъ «основъ» Шлихтинга намъ непригодна, такъ какъ онѣ исходятъ изъ особенностей выбранной имъ обстановки, и могутъ къ морской обстановкѣ подойти только случайно.

Затѣмъ дальнѣйшая работа Леера, по выводу правилъ и нормъ для различныхъ типовъ обстановокъ, годится для насъ въ томъ смыслѣ, что даетъ намъ образецъ такой работы во всѣхъ ея стадіяхъ, и ясно выдвинутое здѣсь безпристрастіе Леера къ формамъ и пріемамъ и подчеркиваніе имъ условности всѣхъ выводовъ въ этой части его работы, уберегутъ и насъ отъ произвольныхъ обобщеній и шаблоновъ. Наконецъ полнота курса Леера поможетъ намъ и въ томъ, чтобы наша работа заключала въ себѣ изслѣдованіе всѣхъ стратегическихъ вопросовъ, связанныхъ съ подготовкой и веденіемъ войны.

Безъ всякаго сомнѣнія нельзя не только ограничиться слѣпымъ подражаніемъ Лееру, но даже и ставить себѣ цѣль—подражать ему. Это было-бы нежелательно даже въ томъ случаѣ, если-бы его трудъ обладалъ еще гораздо большими

совершенствами. А у него имѣются и пробѣлы и въ терминологіи и въ полнотѣ. Но это такой курсъ стратегіи, изъ котораго мы можемъ исходить въ нашей работѣ, который окажетъ намъ могущественную поддержку во всѣхъ ея стадіяхъ, надъ которымъ стоитъ потрудиться, чтобы его усовершенствовать и дополнить. А съ Шлихтингомъ намъ почти нечего дѣлать, исключая заимствованія у него мысли—что для каждой эпохи извѣстнаго состоянія матеріальной части флота, желательно имѣть обстоятельныя изслѣдованія объ управленіи имъ въ войнѣ съ впередъ намѣченнымъ противникомъ. Чрезвычайно цѣнная мысль, и огромную цѣнность имѣютъ такія изслѣдованія, но, какъ указано было выше (см. п. 6), чтобы избѣгнуть тяготѣнія къ шаблону, надо принять для этого методъ не Шлихтинговскій, а Лееровскій.

При тщательномъ изученіи Леера остается представленіе о неизмѣнности какого-то ядра, которое проникаетъ все творчество на войнѣ, отнюдь не стѣсняя его свободы въ какой угодно обстановкѣ, а значитъ и въ морской, тогда какъ чѣмъ больше вчитываешься въ Шлихтинга, тѣмъ больше подавляютъ мысль «массы» и «дороги», а такъ какъ ни массъ, ни дорогъ, въ томъ смыслѣ какъ это понимается на сушѣ, на морѣ нѣтъ, то очень трудно намъ извлечь что нибудь изъ его способа разсужденій.

8) Въ виду вышеизложеннаго мой совѣтъ морскимъ офицерамъ, у которыхъ естественно подборъ читаемыхъ трудовъ сухопутныхъ военныхъ писателей, и порядокъ, въ которомъ читаются эти труды, складывается часто совершенно случайно,—не увлекаться блестящими рекомендаціями, выданными у насъ Шлихтингу, и не ограничиваться чтеніемъ только его труда, или трудовъ его русскихъ послѣдователей, а все таки изучить и Леера, и лучше даже именно съ этого начать, а Шлихтинга читать лишь, какъ дополненіе къ основательному изученію Леера. И только тогда рѣшите сами,—что болѣе пригодно для удовлетворенія вашей жажды къ изученію сущности военнаго дѣла, и для вашихъ собственныхъ работъ въ этой области. Если нѣтъ времени читать очень много, лучше вмѣсто Шлихтинга прочитать цитированные въ этомъ очеркѣ

труды Бернгарди, а если возможно, то и Фалькенгаузена. Оба послѣднихъ автора интересны для насъ еще и тѣмъ, что затрагиваютъ въ значительной мѣрѣ область и морской войны. Фалькенгаузенъ держится мнѣнія, что «въ будущихъ военныхъ осложненіяхъ всюду будетъ существовать самая тѣсная связь между дѣйствіями на сушѣ и на морѣ, и врядъ-ли будетъ вестись еще война, которая разыгрывалась-бы исключительно на сушѣ».

Тѣмъ паче, значитъ, надо стремиться къ разработкѣ «единой» стратегіи, и тѣмъ большее оправданіе получаетъ размѣръ настоящаго очерка, цѣль котораго и въ томъ, чтобы поднять вопросъ,—какъ лучше всего принять посильное участіе въ этой важной работѣ нашему флоту.

VI. Морская стратегическая литература.

1. Штенцель, Коломбъ.

1. Обстановка для нашей работы теперь труднѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ для Леера.

Разобравъ въ предыдущихъ этюдахъ (IV и V) вопросъ о той помощи, которую намъ окажетъ въ нашей работѣ — въ разработкѣ нашей доли въ созданіи *единаго* курса стратегіи—изученіе стратегической литературы въ области войны на сушѣ, посмотримъ теперь, что же сдѣлано до сихъ поръ въ этомъ направленіи писателями моряками, и что представляетъ изъ себя морская литература вообще, какъ матеріалъ для нашей работы, и морская стратегическая литература въ частности? Вглядимся—кто изъ писателей моряковъ можетъ быть уподобленъ Ллойду, Жомини и Клаузевицу, на трудахъ которыхъ, какъ на твердомъ основаніи, могъ строить зданіе своего курса Лееръ? Вѣдь если бы ихъ не было, работа его была бы до крайности затруднена, и даже и при той благопріятной обстановкѣ, въ которой онъ оказался (наличіе трудовъ вышеуказанныхъ писателей и долговременное занятіе каѳедры въ академіи), на разработку своего курса Лееръ посвятилъ 32 года упорной работы.

И вотъ, съ моей точки зрѣнія, обстановка для нашей работы является еще болѣе тяжелой, нежели та, въ которой работалъ Лееръ.

Правда, мы также можемъ пользоваться вышеуказанными трактатами, и кромѣ того передъ нами наличіе обширной литературы въ области войны на сушѣ и въ видѣ уже разработанныхъ курсовъ стратегіи, а между ними классическій трудъ того же Леера, который подробнаго готоваго образца передъ собою не имѣлъ (*). Но, во-первыхъ, изученіе всей этой литературы связано для насъ съ изученіемъ войны въ

(*) См. предисловіе ко второму изданію I тома его «Стратегіи», 1869 г.

совершенно чуждой намъ обстановкѣ, что значительно затрудняетъ намъ это дѣло, а во-вторыхъ, какъ разъ въ то время, когда у насъ начинаютъ приступать къ изученію этой литературы, въ ней самой намѣчаются столь различныя теченія (см. этюдъ V—напр. противопоставленіе Лееру Шлихтинга), что трудъ этого изученія, съ цѣлью полученія опредѣленныхъ выводовъ для нашей работы—возрастаетъ въ огромной мѣрѣ. И если мы и вынуждены все-таки дѣлать эти выводы, то мы должны быть постоянно готовы къ тому, что они окажутся и невѣрными, ибо явились слѣдствіемъ малаго нашего знакомства съ обстановкой войны на сушѣ.

Что же касается до морской стратегической литературы, то она, даже со включеніемъ въ нее послѣднихъ трудовъ столь выдающихся морскихъ писателей, какъ Корбетъ и Мэхэнъ, все-таки находится въ хаотическомъ состояніи и далеко уступаетъ какъ матеріалъ тому, что имѣлъ для своей работы полвѣка тому назадъ Лееръ.

2. Морская стратегія, сама по себѣ, существовала всегда.

Конечно, сама по себѣ, стратегія, т. е. представленіе о подготовкѣ и о веденіи войны на морѣ, и извѣстная степень искусства въ осуществленіи этихъ представленій на дѣлѣ, и даже иногда очень высокая степень, существовала всегда, и нисколько не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ и въ обстановкѣ сухопутной войны.

Геніальные и талантливые флотоводцы, самой силой своего генія, таланта и *свободнаго* (*) здраваго смысла, естественнымъ путемъ приходили къ правильной и разумной стратегіи. Таковы были Ѳемистоклъ, Дрэкъ, Рюйтеръ, Петръ Великій, Джервисъ, Сюффренъ, Нельсонъ, Ушаковъ, Сенявинъ и др.

Но сущность проявленій генія, таланта и свободнаго здраваго смысла этихъ флотоводцевъ въ *толщу* морского сословія не проникала, такъ какъ эти проявленія тщательно не собирались, не анализировались, не приводились въ систему—однимъ словомъ, *не создавалась теорія* веденія войны на морѣ—не вырабатывалась наука.

(*) См. мою книгу «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства» 1910 г., стр. по алфавитному указателю.

Какъ мы уже видѣли (см. этюдъ IV) тоже самое явленіе имѣло мѣсто и въ области войны на сушѣ, но существенная разница въ томъ, что тамъ военная наука начала складываться въ опредѣленныя формы уже во второй половинѣ XVIII столѣтія (Ллойдъ), тогда какъ въ области морской войны такая работа начинается только теперь, и находится и сейчасъ еще въ младенческомъ состояніи.

3. Представленіе моряковъ о военной наукѣ въ XIX столѣтіи.

Достаточно указать на такой характерный фактъ, что въ 1855 году, т. е. когда въ области войны на сушѣ уже были давно опубликованы классическіе трактаты Клаузевица и Жомини, образованный и выдающійся морской писатель, французскій адмиралъ Буэ-де-Вильомецъ, прошедшій и хорошую практическую школу, въ своемъ капитальномъ сочиненіи «Batailles de terre et de mer» (*) говоритъ о стратегіи такъ:

«На сухомъ пути тактика и стратегія связаны между собою и необходимы для успѣха операцій арміи, но по отношенію къ флоту, въ то время, какъ тактика еще допускаетъ извѣстныя, хотя и очень трудно принимаемыя правила, слово *«стратегія» собственно не имѣетъ опредѣленнаго смысла*, въ особенности со времени изобрѣтенія компаса».

Какое жалкое, и прямо невѣжественное, представленіе о стратегіи у выдающагося образованнаго моряка, да еще принадлежавшаго къ личному составу французскаго флота, который всегда шелъ впереди (**) другихъ по разработкѣ въ немъ военной науки. Въ то время какъ его соотечественникъ Жомини проповѣдывалъ о неизмѣнныхъ принципахъ, на которыхъ зиждется искусство веденія войны, Буэ-де-Вильомецъ не шелъ дальше жалкихъ правилъ—рецептовъ, да и то только въ тактикѣ, хотя и явился творцомъ замѣчательнаго для того времени труда «Опытъ пароходной тактики» (***). И на столько былъ чистъ онъ отъ всякихъ представленій о стратегіи, какъ

(*) Курсивы мои.

(**) Подробно объ этомъ см. мою книгу «Организація Морской Силы», часть II, 1901 г., стр. 1—66.

(***) Тамъ-же, стр. 54.

о наукѣ, что онъ ничего не сумѣлъ перенять и отъ сухопутныхъ писателей, хотя онъ ихъ и изучалъ, такъ какъ цитированный его трудъ, какъ это видно и изъ самого его заглавія, заключаетъ въ себѣ разборъ цѣлаго ряда военныхъ операцій и на сухомъ пути, которыя захватываютъ и Наполеоновскую эпоху, событія которой столь талантливо использовали въ своихъ работахъ Жомини и Клаузевицъ.

Такое же жалкое представленіе о стратегіи высказалъ еще черезъ 20 лѣтъ германскій адмиралъ Вернеръ. Въ своей книгѣ «Морская война», онъ говоритъ: «Со времени введенія пара *уменьшилось значеніе правилъ стратегіи*; первое мѣсто заняли личныя качества командующаго адмирала: присутствіе духа, находчивость и быстрая рѣшимость».

Вѣдь это полная *безсознательность* въ области стратегіи— связывать значеніе и смыслъ стратегіи съ изобрѣтеніемъ компаса или примѣненіемъ силы пара для движенія судовъ! И такихъ примѣровъ можно набрать сколько угодно (*). Могла ли быть при такой обстановкѣ какая либо рѣчь о стратегіи какъ наукѣ? Конечно, нѣтъ.

4. Причины отставанія флота отъ арміи въ дѣлѣ разработки военной науки.

Итакъ, военно-морскіе писатели, въ отношеніи разработки веденія войны на морѣ въ науку, далеко отстали отъ военно-сухопутныхъ писателей, на цѣлое столѣтіе.

Такой фактъ явился, конечно, не случайнымъ, и на нѣкоторыя изъ причинъ такого отставанія указать легко.

Прежде всего, морская сила, какъ сила самостоятельная, гораздо моложе силы сухопутной. Она долго считалась силой не равнозначущей сухопутной, а лишь составною частью послѣдней, и впродолженіе значительныхъ періодовъ различныхъ эпохъ своего существованія управлялась сухопутными военными людьми, которымъ было очень трудно постигнуть сущность морской обстановки. Самое сословіе «военныхъ моряковъ», въ отличіе отъ просто «моряковъ» и отъ сухопутныхъ, временно пребывавшихъ на корабляхъ, напр. въ гребную и

(*) Примѣры для русскаго флота, относящіеся къ еще позднѣйшей эпохѣ— къ 90-годамъ прошлаго столѣтія, см. мою книгу «Введеніе въ исторію военно-морского искусства», стр. 56—69, и послѣдствія этого—стр. 506—528.

парусную эпоху существованія флотовъ, нарождалось и сформировывалось сравнительно поздно (*).

Затѣмъ, личный составъ морской силы всегда былъ въ значительной мѣрѣ *подавленъ*, несравнимо болѣе сложной, чѣмъ на сушѣ, морской техникой, и тяжелой борьбой съ самой стихіей—моремъ. Отсюда явилось преобладаніе «рукомесла», и преклоненіе передъ «техникой», въ прямой ущербъ широкому отвлеченному мышленію, которое необходимо для созданія науки. Напр. Буэ-де-Вильомецъ придаетъ рѣшающее значеніе для смысла стратегіи компасу, а Вернеръ — паровому двигателю.

Тяжелая, изводящая, требующая непрерывнаго и неослабнаго вниманія, борьба съ опасной стихіей, постоянныя плаванія, неизмѣнно связанныя съ морской службой, отсутствіе береговой обстановки, гораздо болѣе удобной и для обширнаго чтенія въ цѣляхъ самообразованія, и вообще для всякой кабинетной работы,—все это отразилось на гораздо большей бѣдности военно-морской литературы вообще, по сравненію съ сухопутной (**).

5. Вліяніе возникновеніявоенно-морскихъ академій на разработку военной науки во флотѣ.

Наконецъ, не малое вліяніе на разработку военной науки, и на появленіе серьезныхъ военныхъ писателей и трудовъ по военному дѣлу, оказывало наличіе каѳедръ по военнымъ предметамъ. Каѳедра уже прямо, хотя бы только по

(*) См. мои академическія записки по исторіи военно-морского искусства.

(**) Мэхэнъ въ 1892 г. такъ говорилъ по этому поводу въ своей рѣчи при началѣ занятій въ сѣверо-американской военно-морской коллегіи: «Съ 1886 г. я собираю каталоги выдающихся военныхъ и морскихъ книжныхъ магазиновъ, какъ у насъ, такъ и заграницей, и тщательно изучаю ихъ содержаніе. Все, что въ какой либо степени относится къ искусству морской войны, я выписываю для библіотеки коллегіи; а въ результатѣ—все, что мы можемъ вамъ предложить по морской тактикѣ, помѣщается на одной изъ короткихъ полокъ, причемъ половина ея занята излѣдованіями по тактикѣ парусныхъ флотовъ».

«Въ этой рѣчи прибавляетъ Мэхэнъ, я ничего не говорилъ о морской стратегіи, такъ какъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ случайныхъ журнальныхъ статей, не было ничего, кромѣ трактата Коломба «Морская война», вышедшаго въ свѣтъ въ 1890 году. А что касается до основаній стратегіи, то все наше упованіе на труды въ области войны на сушѣ». (Mahan. Naval Strategy. 1911 г. стр. 12).

долгу службы (см. ниже 22), ведетъ къ всестороннему изученію, а серьезная отвѣтственность передъ слушателями и самолюбіе ведутъ къ стремленію постигнуть предметъ не только съ его формальной стороны, но и со стороны его сущности, чтобы вполнѣ овладѣть имъ, а это уже ведетъ къ разработкѣ предмета въ видѣ науки.

Между тѣмъ каѳедры по военно-морскимъ наукамъ начали нарождаться только въ концѣ прошлаго столѣтія (*), когда начали основываться военно-морскія академіи, и вскорѣ послѣ этого появился и цѣлый рядъ серьезныхъ писателей по вопросамъ веденія морской войны. А такъ какъ сухопутныя военныя академіи были основаны гораздо раньше (**), то этотъ фактъ тоже служитъ одной изъ причинъ отсталости морской литературы по стратегіи отъ сухопутной.

А основаніе военно-морскихъ академій—это еще далеко не означало наличія широкаго интереса во флотахъ къ научной сторонѣ веденія морской войны (***). Исторія возникновенія этихъ академій (****) полна фактами ихъ появленія благодаря и случайности, и энергіи отдѣльныхъ лицъ или кружковъ, при *неизмѣнной* обстановкѣ—непониманіи ихъ значенія, и глухой противъ нихъ оппозиціи со стороны массы. Достаточно указать на такой фактъ. Когда я былъ командированъ въ 1896 году для слушанія лекцій въ только-что основанной тогда французской военно-морской академіи, и представлялся въ Парижѣ, проѣздомъ въ Тулонъ, морскому министру, то послѣдній, адмиралъ Бэнаръ, опытный, много плававшій морякъ, бывшій директоръ Морского Корпуса (во Франціи на эту

(*) См. мою статью къ Военной Энциклопедіи,—Академіи морскія.

(**) См. Предисловіе.

(***) Мэхэнъ, перечисляя въ 1911 г. цѣлый рядъ новѣйшихъ сочиненій, относящихся къ области морской войны (Дарріюса, Давелюи и Корбета), говоритъ: «30 лѣтъ тому назадъ они не могли появиться; и не потому, чтобы не существовало тогда для нихъ соотвѣтственнаго матеріала, и не потому, что не было умовъ, способныхъ использовать этотъ матеріалъ, а просто потому, что не было того общаго интереса, который приводитъ умы въ плодотворное соприкосновеніе съ матеріалами». (Naval Strategy, стр. 13).

(****) См. введеніе въ курсъ исторіи военно морского искусства, предисловіе; Mahan. Naval Strategy, стр. 14—15.

должность попадають лишь выдающіеся по своему опыту и знаніямъ люди), знавшій меня еще раньше, откровенно сказалъ мнѣ: «Поѣзжайте, желаю вамъ успѣха, но только сомнѣваюсь, чтобы вы нашли тамъ для себя что либо полезное. Мои старые мозги не могутъ понять—для чего можетъ быть нужна флоту высшая военная школа!».

А до основанія военно-морскихъ академій нельзя указать почти ни на одно военно-морское, напр. историческое сочиненіе, заключающее въ себѣ, помимо фактическаго описанія, и анализъ описываемыхъ событій. Одинъ описываетъ событія (напр. Жюрьенъ-де-ла Гравьеръ) болѣе картинно и живо, другой (напр. Джемсъ) болѣе дѣловито и сухо, но характерная ихъ общая черта — отсутствіе анализа, отсутствіе даже всякаго намека на то, что это подготовляется матеріалъ для широкихъ обобщеній и выводовъ. Все это—простое, болѣе или менѣе добросовѣстное, болѣе или менѣе талантливое, чисто фактическое изложеніе, безъ предвидѣнія даже, а тѣмъ болѣе безъ попытокъ созданія на этомъ основаніи какой-либо науки о веденіи войны на морѣ. Все это были труды конечно очень почтенные, и чрезвычайно полезные, но не для флотовъ того времени, которые не дѣлали никакихъ попытокъ сдѣлать изъ этихъ трудовъ практическіе выводы, а полезные для насъ, когда мы приступаемъ къ такимъ попыткамъ.

Попадались въ этотъ періодъ, и въ особенности на грани его съ послѣдующимъ періодомъ (періодомъ возникновеній военно-морскихъ академій) труды, которые по названію своему возбуждали извѣстныя надежды, но надежды эти обыкновенно быстро рушились при ближайшемъ знакомствѣ съ ними.

6. „Essai de Stratégie navale" Ct Z. et H. Montéchant.

Къ таковымъ надо причислить, напр.. появившійся въ 1893 году (*), трудъ Ct Z. et H. Montéchant, подъ заглавіемъ: «Essai de Stratégie navale».

На самомъ дѣлѣ въ этомъ трудѣ о стратегіи, въ смыслѣ безстрастнаго изслѣдованія способовъ подготовки и веденія войны, съ точки зрѣнія неизмѣнныхъ началъ, выведенныхъ изъ ея сущности, нѣтъ и помина. Да эта цѣль и не преслѣ-

(*) Высшая военно-морская школа была основана во Франціи въ 1895 году.

ловалась авторами. А дѣло въ томъ, что они изобрѣли особыя «кривыя погони» для развѣдочной службы, и вмѣстѣ съ тѣмъ они состояли въ числѣ самыхъ ярыхъ сторонниковъ очень модной въ то время во Франціи, такъ называемой, «молодой школы», теперь уже почти заглохшей, которая проповѣдывала обращеніе всего флота въ мелкія суда и возможность вести морскую войну, и даже наступательную, посредствомъ миноносцевъ, мелкихъ бомбардирскихъ судовъ и подводныхъ лодокъ, хотя послѣднія въ то время находились еще въ зачаточной стадіи своего развитія, и не выходили еще изъ области опытовъ.

И вотъ вся «стратегія» авторовъ въ томъ и состоитъ, что они, подъ флагомъ этого понятія, къ которому они очевидно относились совершенно безсознательно, пропагандируютъ свое изобрѣтеніе и идеи «молодой школы». Такимъ образомъ этотъ трудъ—не болѣе какъ только матеріалъ для нѣкоторыхъ отдѣловъ стратегіи. Напр. полезно принять во вниманіе этотъ трудъ при разработкѣ вопросовъ о составѣ флотовъ, въ зависимости отъ политическихъ цѣлей и другихъ элементовъ обстановки, и объ операціяхъ мелкихъ судовъ, такъ какъ въ немъ тщательно сгруппированы всѣ доводы за преимущество составленія флотовъ изъ мелкихъ судовъ и подробно разобраны всевозможныя примѣненія ихъ на войнѣ. Также этотъ трудъ даетъ указанія для *одного* изъ способовъ развѣдочной службы.

И такъ, авторы даже и не понимали — что значитъ слово «стратегія» въ томъ смыслѣ, какъ оно уже въ то время давно утвердилось въ представленіи сухопутныхъ военныхъ писателей, и ихъ трудъ—это просто «навязываніе своего рецепта», а не «воспитаніе военнаго мышленія».

7. „Kriegführung zur See“ Stenzel-a (*). Совсѣмъ другой характеръ носитъ трудъ Штенцеля «Kriegführung zur See. Lehre vom Seekriege», хотя онъ и написанъ на 12 лѣтъ раньше (между 1875 и 1881 г.) чѣмъ «Essai de Stratégie navale». Но и обстановка, при которой создавался этотъ трудъ, и методъ примѣненный авторомъ, были совсѣмъ другіе.

(*) См. эт. V. 1.

Прежде всего онъ имѣлъ каѳедру. Когда осенью 1875 г. была основана германская военно-морская академія, Штенцель былъ назначенъ читать въ ней курсы морской тактики, военно-морской исторіи, военно-морской организаціи и военно-морской статистики. За время чтенія лекцій въ академіи, откуда онъ ушелъ весной 1881 г. (*), и былъ написанъ этотъ его трудъ.

Затѣмъ, раньше чѣмъ приняться за этотъ трудъ, Штенцель тщательно изучилъ Клаузевица, т. е. началъ изученіе войны съ ея сущности, одинаковой какъ для суши, такъ и для моря. И это изученіе чрезвычайно плодотворно отозвалось на работѣ Штенцеля. Это дѣйствительно научная работа. Всюду онъ стремится къ осуществленію понятія объ *единствѣ* стратегіи. Каждый вопросъ имъ разбирается сначала по сущности, и затѣмъ только онъ указываетъ на примѣненіе выводовъ въ обстановкѣ войны и на сушѣ и на морѣ.

И если-бы Штенцель имѣлъ соотвѣтствующихъ предшественниковъ, которые-бы дали ему соотвѣтственно разработанный историческій матеріалъ, который имѣли въ своемъ распоряженіи въ изобиліи его современники—военно-сухопутные писатели, и кромѣ того, если бы онъ, по обстоятельствамъ своей службы, могъ-бы посвятить столько времени для своей работы, сколько могъ посвятить ей, напр. у насъ Лееръ, то именно изъ подъ его пера вышелъ-бы классическій курсъ *единой* стратегіи. Но такой счастливой обстановки для своей работы Штенцель не имѣлъ (**).

Прежде всего онъ почувствовалъ несовершенство обработки военно-морского историческаго матеріала для того, чтобы посредствомъ синтеза (а для этого нуженъ сначала анализъ важнѣйшихъ фактовъ) его придти къ твердымъ основаніямъ для построенія науки о веденіи войны на морѣ (Kriegfürung zur See) самостоятельно, и тѣмъ повѣрить и подкрѣпить тѣ основы, которыя найдены въ области войны на сушѣ, а не просто ихъ оттуда заимствовать. Послѣднее конечно было,

(**) Онъ вернулся въ нее въ 1894 г. и читалъ еще 2 года военно-морскую исторію.

(**) См. Persönliche Bemerkungen Stenzels vor Beginn seiner letzten Vorträge (1895), въ жизнеописаніи Штенцеля, стр. XXVI «Kriegführung zur See».

сравнительно, легко, но вѣроятно Штенцель ясно понималъ какъ сильно нуждаются во всесторонней провѣркѣ основанія именно военныхъ наукъ (*). И вотъ пришлось Штенцелю прежде всего приняться за разработку и за изложеніе своимъ слушателямъ военно-морской исторіи. При этомъ онъ составилъ себѣ такой планъ работы: сначала разработать общую военно-морскую исторію въ такомъ видѣ, чтобы она была пригодна для обобщенія результатовъ анализа отдѣльныхъ событій, и въ такомъ видѣ могла-бы преподаваться въ академіи; затѣмъ онъ хотѣлъ разработать исторію германскаго флота, и послѣ уже такой подготовки въ историческихъ трудахъ мечталъ приняться за разработку «теоріи» веденія войны. Но это такъ и осталось мечтой. Штенцель поспѣлъ только закончить часть своей первой работы, и собрать матеріалы для остальной ея части. Ко второй работѣ, въ видѣ самостоятельнаго труда, онъ не приступалъ совсѣмъ, а третью работу въ томъ зачаточномъ видѣ, въ которомъ она у него вылилась для текущей надобности (чтенія курса) къ 1881 году, онъ уже больше не трогалъ, и еще черезъ 25 лѣтъ, передъ самой уже смертью, писалъ: «Если Богъ пошлетъ мнѣ дальнѣйшую жизнь и работоспособность, я когда нибудь (послѣ окончанія историческихъ трудовъ) примусь за разработку теоріи морской войны».

А затѣмъ Штенцель все время отвлекался отъ ученой и литературной своей работы другими и служебными и частными дѣлами. Въ академіи онъ читалъ лекціи въ два пріема всего 8 лѣтъ. Здѣсь, совершенно противъ его желанія, его вынуждали читать бѣглый очеркъ всей военно-морской исторіи, тогда какъ онъ держался мнѣнія, что историческія познанія— это не конечная цѣль академическаго образованія, а что эти познанія цѣнны лишь по стольку, по скольку даютъ матеріалъ для изученія веденія войны. А для этого онъ считалъ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ болѣе подробное изложеніе отдѣльныхъ, обдуманно выбранныхъ, періодовъ. Все это сбивало его съ того пути въ своихъ работахъ, который онъ себѣ намѣтилъ.

(*) См. эт. III, 1—2.

*

Вотъ почему самый интересный его трудъ—«Веденіе войны на морѣ», о дальнѣйшей разработкѣ котораго онъ мечталъ до самой смерти, такъ и остался въ зачаточномъ состояніи, и самъ Штенцель въ такомъ видѣ и не предполагалъ его печатать. Только послѣ смерти его, когда по повелѣнію императора Вильгельма, вице-адмиралъ Кирхгофъ принялся за обработку его неоконченной военно-морской исторіи по собраннымъ Штенцелемъ матеріаламъ, онъ нашелъ въ его бумагахъ и «Веденіе войны». и въ 1913 г. напечаталъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ 1881 году, внеся въ него лишь коекакія замѣтки, которыя дѣлалъ къ нему самъ Штенцель, и нѣкоторыя свои собственныя дополненія и измѣненія, лишь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя явно противорѣчили современнымъ взглядамъ и техникѣ.

Поэтому очевидно этотъ трудъ Штенцеля, въ особенности теперь, черезъ 33 года послѣ того, какъ онъ былъ написанъ и оставленъ авторомъ ненапечатаннымъ, такъ какъ самъ онъ былъ совершенно имъ неудовлетворенъ, не можетъ считаться тѣмъ курсомъ стратегіи, о которомъ мечтаемъ теперь мы. Но все таки, благодаря вѣрному пути, на который сталъ авторъ, благодаря его талантливости, его трудъ даетъ очень полезную, и даже лучшую изъ всѣхъ существующихъ, схему для нашей работы, и на это я считаю своей обязанностью въ этомъ очеркѣ обратить особое вниманіе моихъ читателей. Трудъ Штенцеля лучше всего показываетъ, что можетъ дать каѳедра въ интересующемъ насъ въ этомъ очеркѣ вопросѣ, посредствомъ оказавшагося на ней таланта, даже и при младенческомъ состояніи военно-морской науки. Вѣдь какъ разъ въ это время (см. выше 3), въ томъ-же германскомъ флотѣ адмиралъ Вернеръ разглагольствовалъ объ «уменьшеніи значенія правилъ стратегіи».

8. «Морская война» Коломба. Первый трудъ, появившійся въ печати (*), заслуживающій вниманія въ смыслѣ военно-научномъ, и относящійся къ стратегіи, — это трудъ англій-

---

(*) Трудъ Штенцеля былъ напечатанъ только въ 1913 г., и до того времени никому не былъ извѣстенъ.

скаго адмирала Коломба, вышедшій въ 1890 (*) году подъ заглавіемъ: «Морская война. Ея основные принципы и опытъ». Явился онъ также слѣдствіемъ каѳедры, такъ какъ Коломбъ состоялъ въ то время профессоромъ морской стратегіи и тактики въ Королевской морской коллегіи въ Гринвичѣ.

9. Состояніе военно-морской литературы вообще, и въ частности въ Англіи, въ 1890 г.

Предисловіе его къ этому труду бросаетъ яркій свѣтъ на тогдашнее состояніе военной науки въ самомъ могущественномъ флотѣ — англійскомъ, и на тогдашнее состояніе военно-морской литературы вообще.

Дѣйствительно, разъ приходилось выступать на каѳедрѣ, надо было тщательно всмотрѣться въ состояніе тѣхъ, кому читаешь, т. е. въ состояніе личнаго состава.

И вотъ что увидѣлъ Коломбъ. «Съ удивленіемъ я увидѣлъ», говоритъ онъ, «что *широко распространено убѣжденіе въ томъ, что* или *никогда не существовало никакихъ законовъ для веденія морской войны*, или, что если такіе законы когда либо и были, то они всецѣло изгнаны паромъ, стальными кораблями, броней, заряжающимися съ казны орудіями и минами» (**).

Поглядѣлъ затѣмъ Коломбъ на состояніе морской литературы, и говоритъ:

«*Не существовало и не существуетъ, мнѣ кажется, ни на одномъ языкѣ книги*, написанной съ цѣлью разобраться въ томъ, что въ веденіи морской войны должно считаться возможнымъ и что невозможнымъ, благоразумнымъ и неблагоразумнымъ, мудрымъ и глупымъ... Я давно убѣдился, что сочиненія по морской исторіи, особенно написанныя на англійскомъ языкѣ (***)—никуда не годятся. Всѣ они распадаются на двѣ категоріи: одни удовлетворяются голой хронологической передачей событій, не имѣющихъ иной связи, какъ во времени и въ мѣстѣ; другія написаны для прославленія или осужденія инди-

(*) Въ русскомъ переводѣ эта книга появилась въ 1894 г.

(**) Значитъ, не случайно обмолвились въ этомъ смыслѣ (см. выше 3) Буе-де-Вильомецъ и Вернеръ. Значитъ, тоже самое было и въ англійскомъ флотѣ.

(***) И это говоритъ англичанинъ.

видуальныхъ личностей, которыхъ качества обсуждались на основаніи отдѣльныхъ, безсвязныхъ фактовъ».

И, къ сожалѣнію приходится констатировать, что совершенно такова-же и послѣдняя исторія англійскаго флота, изданная подъ редакціей Л. Клоуса (*), сотрудниками котораго явились всѣ выдающіеся англійскіе морскіе писатели и извѣстные американскіе морскіе писатели — Мэхэнъ и Рузевельтъ (президентъ Соединенныхъ Штатовъ).

Продолжаю цитировать впечатлѣнія Коломба.

«Историки обыкновенно пренебрегали удѣлять вниманіе *причинамъ* успѣха или неудачи въ морской войнѣ. Военные-же моряки, съ другой стороны, казалось, всецѣло были убѣждены въ силѣ какихъ-то причинъ, лежащихъ внѣ области ихъ контроля, и удовлетворенные ихъ очевидностью, рѣдко даже намекали на нихъ».

Коломбъ здѣсь, очень, правда, деликатно, просто указываетъ на отсутствіе образованія и сознательности въ области своей профессіи у англійскихъ военныхъ моряковъ.

Первый признакъ недостаточнаго образованія—это вѣра въ стихійность, въ случайность. То, чего не понимаешь, приписываешь стихіи или случаю. «Для невѣждъ все есть дѣло случая», говоритъ Контъ.

10. Въ 1890 г. не было ни одного писателя по морской стратегіи.

А въ результатѣ — продолжаю цитировать Коломба — «*Писателей по морской стратегіи нѣтъ рѣшительно ни одного* (**); писателей по морской тактикѣ очень мало, и труды ихъ раздѣлены между собою большими промежутками времени; они обыкновенно писали такъ, какъ будто изученіе тактики маневрированія обнимаетъ весь предметъ. Джонъ Клеркъ (***) (*не*

(*) The Royal Navy. A History from the earliest times to the death of Queen Victoria. By Sir Wm. Laird Clowes, assisted by Sir Clements Markham, Captain A. T. Mahan Mr. H. W. Wilson, Col. Theodore Roosevelt, President of the United States, Mr. L. Carr Laughton, etc. In Seven Volumes. London 1903.

(**) Это совпадаетъ съ указаніемъ Мэхэна, см. выше (4).

(***) Его «Опытъ морской тактики» появился въ 1782 г. Клеркъ былъ мелкій чиновникъ, *никогда* не ступавшій на бортъ не только военнаго, но даже и коммерческаго корабля. Его значеніе см. мою статью въ «Военной Энциклопедіи».

морякъ) снискалъ обширную популярность потому, что онъ является *почти единственнымъ* (съ 1782 г!.) писателемъ, сопровождающимъ описаніе морского сраженія *разсужденіями*, которыхъ не могъ-бы обойти ни одинъ писатель въ трактатѣ о сраженіи на сушѣ».

Вотъ какова была военно-морская литература, и вотъ каково было военно-морское сословіе къ началу послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка?

А вотъ и выводъ Коломба:

11. Недостатокъ высшаго военнаго образованія морскихъ офицеровъ опасенъ для государства (**).

«Убѣжденіе, что *ничто не можетъ быть опаснѣе для Имперіи, какъ такое состояніе умовъ* (*), привело меня къ мысли, что я могу съ пользой употребить свои умѣренныя силы, написавъ *изслѣдованіе нѣкоторыхъ наиболѣе обширныхъ фазисовъ морской войны* со стратегической и тактической точекъ зрѣнія. Книга моя имѣетъ двоякую цѣль: 1) показать, что существуютъ *законы* веденія морской войны, которые не могутъ быть нарушаемы безнаказанно; 2) нѣтъ никакого основанія считать ихъ уничтоженными какими-бы то ни было нововведеніями недавняго времени».

(*) Въ 1895 г. во Франціи, комиссія изъ членовъ парламента (въ составѣ ея былъ только одинъ отставной морякъ), назначенная для разслѣдованія состоянія флота, пришла къ выводу, что французскіе морскіе офицеры не имѣютъ *общихъ* идей о веденіи морской войны, и что въ этой столь важной области замѣчается или разноголосица или индифферентизмъ. Этотъ неожиданный фактъ такъ обезпокоилъ комиссію, что она, въ особомъ протоколѣ, признала этотъ фактъ *«опаснымъ для государства»*, и вошла въ парламентъ съ представленіемъ о настоятельной необходимости немедленно учредить во флотѣ «высшую военную школу», которая имѣла-бы задачей разрабатывать и обобщать, сообразно съ развитіемъ военно-морского дѣла, способы веденія войны на морѣ, и въ видѣ общихъ идей—распространять высшее военное образованіе во флотѣ. Подробнѣе см. мою книгу «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства», предисловіе.

(**) Мы имѣли несчастіе въ полной мѣрѣ оцѣнить эту опасность въ нашей несчастной войнѣ съ Японіей. См. о причинахъ нашего разгрома во «Введеніи....» стр. 506—528. *Оффиціальная* характеристика русскихъ морскихъ офицеровъ во французскомъ курсѣ тактики для гардемаринъ въ 1893 г. гласитъ: «русскіе морскіе офицеры лишены военнаго образованія».

12. Трудъ Коломба не «стратегія», а лишь подготовленный матеріалъ для ея разработки.

Изъ этихъ послѣднихъ словъ явствуетъ, что трудъ Коломба, конечно, не курсъ стратегіи. Дѣйствительно, это лишь рядъ *историческихъ изысканій*, съ опредѣленной цѣлью—выяснить, что флотъ на войнѣ долженъ себѣ всегда ставить главной цѣлью, такъ называемое, *обладаніе моремъ*.

Значитъ, въ сущности, Коломбъ даетъ подготовленный матеріалъ для обобщеній и выводовъ, главнымъ образомъ, по одному лишь вопросу — выбору цѣли при стратегическомъ замыслѣ (см. эт. I, 21 и. 31). И то, конечно, матеріалъ недостаточно полный. Его изслѣдованія относятся лишь къ періоду парусного флота, при чемъ взяты лишь тѣ войны, въ которыхъ принимала участіе Англія, а изъ парового періода выхвачены лишь отдѣльные немногочисленные факты.

13. Коломбъ тяготѣетъ къ шаблону.

При этомъ нельзя не отмѣтить, свойственное первоначальной стадіи всякой работы, увлеченіе сдѣланнымъ яко-бы «открытіемъ», и его формулировкой, и неизмѣнное тяготѣніе къ тому, чтобы обратить его въ шаблонъ. Не избѣгъ этого и Коломбъ, тѣмъ болѣе что, изучая его трудъ, не видно, чтобы авторъ ознакомился съ классическими трудами по стратегіи въ области сухопутной войны, которые помогли-бы ему отвести настоящее мѣсто въ теоріи веденія войны проповѣдуемой имъ формулѣ.

Значеніе понятія «владѣнія моремъ» въ морской войнѣ конечно и не было открыто Коломбомъ. Оно было *практически* хорошо извѣстно всѣмъ выдающимся флотоводцамъ безъ помощи писаной теоріи, а въ силу лишь ихъ генія, таланта и свободнаго здраваго смысла. Отсюда-же вытекало и ихъ умѣнье найти наилучшіе, соотвѣтствующіе обстановкѣ, пути для достиженія этого «обладанія моремъ». И, очевидно, вслѣдствіе этого и пути эти были очень разнообразны.

Коломбъ-же лишь сдѣлалъ попытку обобщить эти явленія, и формулировать изъ нихъ выводъ, въ видѣ «закона», а затѣмъ пошелъ и дальше и стремится дать такія формулы и для *способовъ примѣненія* «закона».

Если-бы спросить Коломба въ началѣ русско-японской войны—везти-ли японцамъ войска до окончательнаго обезси-

ленія русскаго флота, то, судя по его труду, можно, съ значительной долей вѣроятности, сказать, что отвѣтъ получился-бы отрицательный, такъ какъ его формула — сначала полное обладаніе моремъ, а затѣмъ уже перевозка десантной арміи, и это понятіе онъ возводитъ въ «законъ».

Подтвержденіе этому предположенію я нашелъ, напр. у Мэхэна въ его разборѣ русско-японской войны (*). Онъ проводитъ мысль, что одна изъ причинъ пораженія русскихъ заключалась и въ крайнемъ ихъ увлеченіи идеей, такъ называемаго «fleet in beeing», создателемъ и защитникомъ которой въ современной ея формѣ (**) онъ вполнѣ справедливо считаетъ Коломба. Идея эта заключается въ томъ, что слабый флотъ, по болѣе или менѣе надежно укрытый, представляетъ такую угрозу болѣе сильному и хотя-бы даже побѣдоносному флоту, что послѣдній, до полнаго обезсиленія своего противника, совершенно связанъ въ своихъ операціяхъ. «Fleet in beeing» говоритъ Коломбъ въ первомъ изданіи своего труда (***) «хотя-бы и обезславленный (потерпѣвшій неудачу), болѣе слабый, и укрывшійся за необставленными песчаными банками, представлялъ изъ себя такую *наблюдающую силу*, которая способна была парализовать дѣйствія какъ на морѣ, такъ и противъ береговъ, противника, хотя-бы и побѣдоноснаго. Именно въ этомъ состоитъ главный интересъ разбора сраженія при Бичи-Хедѣ».

А въ третьемъ изданіи своего труда (1899), въ предисловіи, онъ, формулируя свой взглядъ на этотъ вопросъ, ссылается на вышеприведенныя его слова, и заключаетъ: «Море должно быть совершенно очищено отъ защищающихъ его *судовъ и эскадръ* раньше чѣмъ приступать къ слѣдующей стадіи морской войны — къ вторженію на непріятельскую территорію».

Мэхэнъ считаетъ, что русскіе очень крѣпко надѣялись на вѣрность этой формулы, и считали, что дѣйствія японцевъ

(*) См. Naval Strategy, стр. 398 и 428.

(**) Терминъ этотъ впервые былъ употребленъ англійскимъ адмираломъ Хербертомъ (лордомъ Торрингтономъ) въ его защитѣ на судѣ послѣ проиграннаго имъ сраженія при Бичи-Хедѣ въ 1690 г.

(***) Naval Warfare. 1890 г. стр. 122. Русскій переводъ (очень плохой) стр. 167.

будутъ парализованы пребываніемъ первой эскадры въ Портъ-Артурѣ, или второй эскадры во Владивостокѣ, если-бы хотя-бы значительной ея части удалось туда прорваться. Этимъ онъ объясняетъ, что адмиралъ Рожественскій поставилъ себѣ цѣлью не *бой* съ японскимъ флотомъ, а *прорывъ* мимо него во Владивостокъ.

Напр. у Коломба вы найдете такой подзаголовокъ въ XVIII главѣ: «Экспедиція Наполеона въ Египетъ, какъ примѣръ *неправильной* стратегіи. Вторженіе въ Крымъ, какъ примѣръ *подобной-же* неправильности».

Между тѣмъ между этими двумя операціями разница въ обстановкѣ огромная. Хотя въ тотъ моментъ, когда предпринималась египетская экспедиція, англичане и не имѣли почти никакихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ, но въ каждый данный моментъ англійскій флотъ тамъ могъ появиться, и притомъ всѣ шансы были за то, что въ случаѣ встрѣчи, французскій флотъ, конвоировавшій экспедицію, будетъ разбитъ. Въ Крымской же кампаніи соединенному англо-французскому флоту грозилъ только русскій гораздо болѣе слабый по численности и исключительно парусный флотъ. Въ первомъ случаѣ французы не только не владѣли моремъ, но и не пытались этого достигнуть. Задача ихъ флота была—*укрыться* отъ англичанъ. Во второмъ—одно *появленіе* союзнаго флота обезпечивало за нимъ владѣніе моремъ. Правда, Коломбъ въ самомъ изложеніи смягчаетъ характеръ приведеннаго заголовка и проводитъ различіе между этими двумя операціями, но все таки чувствуется, что ему очень хотѣлось-бы, насколько возможно, приблизить ихъ одну къ другой, обобщить ихъ, сдѣлать изъ нихъ общій выводъ, и потому я и обратился къ заголовку, что онъ вѣрнѣе отражаетъ сущность мышленія автора.

14 Коломбъ смѣшиваетъ безусловный «принципъ» съ условнымъ «правиломъ».

А причина «увлеченія» Коломба на путь шаблона заключается въ томъ, что то, что онъ формулировалъ, совсѣмъ не «законъ», или, принимая, что военная наука и не можетъ имѣть законовъ, въ настоящемъ значеніи этого слова,—его формула совсѣмъ

не «принципъ» (*), а только *условное* «правило», вытекающее изъ приложенія настоящаго принципа—*принципа безопасности операціи*—къ особой обстановкѣ—морю, и притомъ именно для случая, когда черезъ море желаютъ перебросить десантную армію. А тѣмъ паче нельзя выдавать за «принципъ», хотя-бы и наиболѣе цѣлесообразный въ большинствѣ случаевъ, *способъ* обезпеченія безопасности операціи. Это ужъ будетъ чистый шаблонъ. А это и дѣлаетъ Коломбъ, возводя въ «законъ» (принципъ) не только то положеніе, что раньше чѣмъ везти десантную армію, надо *овладѣть моремъ*, но и то, что для этого надо непремѣнно *уничтожить флотъ противника*. Между тѣмъ это послѣднее положеніе лишь *нормальное*, въ извѣстныхъ условіяхъ, т. е. условное приложеніе, тоже условнаго, вышеуказаннаго *правила*.

15. Коломбъ трактуетъ «правило» и «норму» какъ шаблонъ (рецептъ). И вотъ Коломбъ, въ своемъ увлеченіи, какъ бы позабываетъ, что не только «принципъ», но и «правило», и «норму» нельзя трактовать какъ рецепты. Это формулировки не всеобъемлющія всѣ случаи на войнѣ (таковы лишь принципы въ своей совокупности), а лишь условныя, опредѣляющія въ одномъ словѣ или въ одной фразѣ характерныя свойства обстановки въ которой прилагается неизмѣнный принципъ.

Обладаніе моремъ» выражаетъ въ двухъ словахъ понятіе о такой *морской* обстановкѣ, при которой ничто не можетъ мѣшать никакимъ операціямъ на извѣстномъ пространствѣ моря. А значитъ, прилагая *принципъ* безопасности операціи къ операціи вторженія на непріятельскую территорію со стороны моря, мы получаемъ *правило*—въ планѣ *такой* операціи ставить себѣ первоначальную цѣль—обезпечить себѣ обладаніе моремъ. А *нормальный* способъ достигнуть этой цѣли—это обезсилить флотъ противника, такъ какъ именно онъ, въ *нормальныхъ* условіяхъ будетъ представлять изъ себя главное препятствіе для достиженія обладанія моремъ. А *нормальный* способъ обезсиленія непріятельскаго флота — это

(*) См. эт. I. 8—9. Подробнѣе см. «Введеніе въ курсъ исторіи в. м. искусства» стр. 171—174 и 183—195.

побѣда надъ нимъ въ генеральномъ сраженіи. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что эти *нормы* можно обращать въ *шаблоны*, якобы пригодные всегда.

Флотъ противника можетъ быть достаточно (напр. на достаточный промежутокъ времени) обезсиленъ и не только генеральнымъ сраженіемъ, а цѣлою совокупностью и другихъ причинъ—неполной готовностью, безпорядками въ организаціи, нерѣшительностью своего начальника, обстоятельствами внутренней или внѣшней политики и т. п....

И рѣшеніе вопросовъ—имѣется-ли въ наличіи обладаніе моремъ, и какой путь избрать для его достиженія, если окажется, что обладанія моремъ нѣтъ, должно исходить изъ пониманія всѣхъ вышеуказанныхъ условій и соотвѣтственнаго изученія *всей* обстановки.

Безъ обладанія моремъ нѣтъ вторженія—это *рецептъ*, если подъ «обладаніемъ моремъ» подразумѣвать лишь слѣдствія полнаго уничтоженія противника. И такихъ *рецептовъ* военная наука положительно не допускаетъ.

Но то-же самое выраженіе есть *правило*, при пониманіи условности его, вполнѣ допускаемое военной наукой, если подъ «обладаніемъ моремъ» понимается вся, могущая быть очень разнообразной, совокупность условій, вслѣдствіе которыхъ можетъ быть обоснованъ расчетъ, что противникъ не можетъ помѣшать вторженію.

Первый ведетъ къ пренебреженію обстановкой, а второе—къ тщательному изученію ея. Первый подавляетъ умъ практическаго дѣятеля, душитъ инициативу и способствуетъ стремленію прикрыться имъ отъ личной отвѣтственности. Второе возлагаетъ на практическаго дѣятеля всю отвѣтственность за правильность оцѣнки обстановки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не стѣсняетъ его въ его творчествѣ, и ведетъ къ развитію ума, и къ привычкѣ не оглядываться ни на кого, и крѣпко стоять на своихъ собственныхъ ногахъ. Первый противенъ военной наукѣ, второе — неизбѣжная составная часть этой науки, которая и складывается изъ неизмѣнныхъ принциповъ и изъ условныхъ правилъ и нормъ.

Если-же условность послѣднихъ двухъ строго не проведена, и онѣ не выдѣлены отъ ясно формулированныхъ неизмѣнныхъ принциповъ—это ужъ не теорія военнаго дѣла, не научная обработка военнаго историческаго матеріала.

16. Коломбъ не создатель стратегіи какъ науки въ области морской войны. Такимъ образомъ трудъ Коломба, и въ смыслѣ полноты своего содержанія, и въ смыслѣ метода изложенія полученныхъ имъ выводовъ и ихъ оцѣнки—не представляетъ изъ себя ни трактата по стратегіи, ни курса, и Коломбъ, ни въ коемъ случаѣ не создатель стратегіи, какъ науки, въ области войны на морѣ.

Необходимо отмѣтить, что онъ, собственно, самъ и не претендуетъ совсѣмъ на это, а приходится говорить объ этомъ и обосновывать вышеприведенную характеристику Коломба лишь потому, что очень часто этому труду приписываютъ совершенно несоотвѣтствующій ему характеръ. Многихъ вводитъ въ заблужденіе *начало* заглавія труда Коломба, которое гласитъ: «Морская война, *ея основные принципы* и опытъ». Дѣйствительно это похоже на претензію дать трактатъ по стратегіи въ области морской войны. Но за этимъ заглавіемъ слѣдуетъ подзаголовокъ, въ которомъ и заключается вся сущность и цѣнность труда Коломба, и подзаголовокъ этотъ гласитъ: «историческое изслѣдованіе», т. е. его трудъ только *подготовка историческаго матеріала къ формулированію основныхъ принциповъ* морской войны и ея опыта, на основаніи этого матеріала.

А въ предисловіи Коломбъ говоритъ «предлагая свою книгу на судъ публики, я увѣренъ только въ томъ, что она будетъ помнить, что умѣнье употреблять совершенно новый инструментъ не достигается *первымъ* усиліемъ, и что для своего *способа изложенія военно-морской исторіи* я не имѣлъ образца, которому-бы могъ слѣдовать».

Значитъ Коломбъ самъ считалъ свой трудъ лишь работой по «военно-морской исторіи», «историческимъ изслѣдованіемъ», а отнюдь не «стратегіей». А что касается до *способа* Коломба излагать *военно-морскую исторію*, то способъ этотъ дѣйствительно и новый, и необходимый для подготовки историческаго

матеріала для использованія его съ цѣлью разработки стратегіи какъ науки, и въ этомъ и состоитъ огромная цѣнность труда Коломба.

17. Опасность основываться на неправильныя терминологіи Коломба.

А какія нежелательныя послѣдствія могутъ проистекать изъ неправильной терминологіи Коломба для тѣхъ, кто восприметъ эту терминологію и будетъ на ней основывать свои разсужденія, показываетъ фактъ, что даже такой талантливый и образованный человѣкъ, какъ покойный адмиралъ Макаровъ, ссылаясь на представленія Коломба о «принципахъ», самъ запутался въ опредѣленіи значенія этого понятія.

«Заговоривъ о *принципахъ* вообще», говоритъ онъ (*), «позволю себѣ сказать еще разъ, что къ нимъ надо относиться *осмотрительно*. Коломбъ и Мэхэнъ проповѣдуютъ, что раньше, чѣмъ предпринимать десантную экспедицію, нужно уничтожить военный флотъ противника. Руководствуясь этими *принципами*, японскій адмиралъ Ито *долженъ былъ* сначала уничтожить китайскій флотъ, а потомъ уже приняться за содѣйствіе арміи фельдмаршала Ямагаты. Для уничтоженія китайскаго флота надо было перейти къ Портъ-Артуру и брать этотъ портъ съ моря, или-же блокировать этотъ портъ, чтобы запереть въ немъ китайскій флотъ. Операціи на берегу отъ этого безъ сомнѣнія сильно пострадали-бы, ибо движеніе береговой арміи и подвозъ провіанта всецѣло зависѣли отъ поддержки флота. Перевозочныя средства береговыя были крайне недостаточны и Ямагата требовалъ, чтобы перевозка всѣхъ матеріаловъ была какъ можно дальше по линіи операціи, да и время не ждало — приближалась холодная пора. Ито, вѣроятно понималъ, какъ важно уничтожить китайскій флотъ, но обстоятельства заставляли Ито поступить иначе. При болѣе энергичномъ противникѣ можетъ быть слѣдовало поступить иначе, но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ былъ адмиралъ Ито, выборъ рода дѣйствія былъ правиленъ и оправдался на дѣлѣ. Отсюда мы можемъ вывести заключеніе, что Наполеонъ былъ правъ, когда сказалъ, что на войнѣ

(*) «Разсужденія по вопросамъ морской тактики». 1897 г. стр. 12 и 253 Курсивы мои.

обстановка повелѣваетъ (*). Объ общихъ принципахъ можно сказать, что ихъ нужно изучать, но для войны важнѣе всего глазомѣръ, т. е. умѣнье представить себѣ всѣ обстоятельства и въ зависимости отъ нихъ выбрать должное рѣшеніе, руководствуясь главной идеей — разбить непріятеля, и опираясь прежде всего на свой собственный здравый смыслъ... Опасность *принциповъ* заключается именно въ томъ, что они могутъ быть неправильно истолкованы».

Мысль адмирала вполнѣ правильная — указать, что принципы нельзя примѣнять *слѣпо*, и что нужно сообразоваться съ обстановкой. Но вся *доказательность* его разсужденія пропадаетъ, какъ ударъ въ воздухъ, такъ какъ во взятомъ имъ примѣрѣ, оно относится къ *принципу*, въ томъ видѣ какъ его понимаетъ Коломбъ, на котораго онъ и ссылается, т. е. значитъ, совсѣмъ не къ *принципу*, а къ *правилу*, которое связано съ обстановкой не только по *способу* своего примѣненія, но и по *сущности* своего содержанія. Цитированный адмираломъ яко-бы *принципъ* Коломба прямо указываетъ—*что надо дѣлать въ опредѣленномъ случаѣ* — «раньше, чѣмъ предпринять десантную экспедицію, нужно уничтожить военный флотъ противника», тогда какъ не только *принципъ*, но и вообще вся теорія военнаго дѣла, какъ впрочемъ и всякая теорія, ничего не рѣшаетъ, а только объясняетъ, и этимъ направляетъ творчество на путь правильныхъ рѣшеній. А путь шаблона, на который былъ увлеченъ и Коломбъ, она осуждаетъ самымъ энергичнымъ образомъ (**). И значитъ, свой выводъ изъ разсужденія совсѣмъ не о принципѣ, а о чемъ-то совершенно другомъ, адмиралъ Макаровъ не могъ примѣнять къ дѣйствительнымъ принципамъ. А тотъ *глазомѣръ*, который совершенно справедливо цѣнитъ выше всего на войнѣ адмиралъ Макаровъ, не есть что-то отдѣльное отъ принциповъ и теоріи, а именно и представляетъ изъ себя, доведенное до инстинктивности, пониманіе, какъ прилагать все тѣ-же принципы къ безконечно разнообразной обстановкѣ (***). А въ

(*) Курсивъ автора.
(**) См. эт. II· 7—8.
(***) См. эт. II 12 и 13 и эт. III 16.

добыванiи этого драгоцѣннаго глазомѣра огромную роль играетъ именно теорiя (а съ нею и принципы), конечно исключая отсюда генiи и большiе таланты, которымъ этотъ глазомѣръ дарованъ отъ природы, благодаря чему они и именуются таковыми (*).

18. Опасность обоснованія для всѣхъ глазомѣра на своемъ здравомъ смыслѣ. А вотъ пропагандировать для *всѣхъ* «глазомѣръ», опирающiйся прежде всего на *свой* собственный здравый смыслъ, — это дѣйствительно опасно. Вѣдь истинный, свободный въ своемъ проявленiи, здравый смыслъ — рѣдкiй даръ Божiй, и если легко было обходиться съ нимъ адмиралу Макарову, который дѣйствительно былъ богато имъ надѣленъ отъ природы, то это еще далеко не значитъ, что это пригодно для всѣхъ. И гдѣ-то мѣрило, посредствомъ котораго каждый могъ-бы опредѣлить, въ какой мѣрѣ именно онъ надѣленъ здравымъ смысломъ? Кто-же не знаетъ, что обыкновенно человѣкъ можетъ признать въ себѣ и недостатокъ знанiй, и умѣнья, и даже ума — но почти никто не откажется отъ того, что именно онъ-то и обладаетъ здравымъ смысломъ. А между тѣмъ — какъ различны сужденiя различныхъ людей, опирающихся при этомъ каждый на *свой* здравый смыслъ, а вѣдь истинный-то здравый смыслъ все таки одинъ!

И можно себѣ представить — какой хаосъ получится въ любомъ дѣлѣ, если предоставить всякому поступать по его собственному, *какъ онъ его понимаетъ*, здравому смыслу!

Для среднихъ людей, для массы, для всякаго опредѣленнаго дѣла, надо конкретизировать основанiя для понятiя «здраваго смысла» въ области этого дѣла, и имъ надо строить и практиковать свой «глазомѣръ», сознательно исходя изъ этихъ конкретизированныхъ основанiй. Вотъ таковыми въ военномъ дѣлѣ и являются *принципы*, которые, *въ своей совокупности представляютъ изъ себя*, ни болѣе ни менѣе, какъ именно *формулированный здравый смыслъ въ области понятiй о веденiи войны*.

(*) См. эт. II 5 и 6.

19. Обоснованіе глазомѣра на «принципахъ» не вредно и для выдающихся талантовъ.

А что сознательное обоснованіе своего «глазомѣра» на *принципахъ* не вредно въ иныхъ случаяхъ и большому таланту, примѣръ тому даетъ самъ адмиралъ Макаровъ въ томъ-же, цитированномъ выше, его разсужденіи. Онъ примѣняетъ свой *естественный* глазомѣръ къ «ясному представленію себѣ всѣхъ обстоятельствъ», въ которыхъ находились японцы въ періодъ отправленія десантной арміи для взятія Портъ-Артура и «къ выбору въ зависимости отъ него должнаго рѣшенія», и приходитъ къ выводу, что противно *принципамъ* Коломба и Мэхэна, выборъ рода дѣйствій адмираломъ Ито «былъ *правиленъ и оправдался на дѣлѣ*».

Между тѣмъ, именно благодаря тому, что Ито не только не блокировалъ китайскій флотъ въ Портъ-Артурѣ, но даже совсѣмъ не наблюдалъ за нимъ, послѣдній *безъ его вѣдома* перешелъ изъ Портъ-Артура въ Вей-ха-вей, и только изъ за этого японцамъ пришлось предпринять самую тяжелую изъ всей войны, зимнюю экспедицію для взятія Вей-ха-вея, изъ за чего значительно затянулась и самая война. Кромѣ того, если-бы китайскій флотъ, заблокированный въ Портъ - Артурѣ, оставался-бы тамъ до самаго его взятія, которое далось японцамъ исключительно легко, и ничѣмъ не могло-бы быть затруднено пребываніемъ тамъ китайскаго флота, то послѣдній достался-бы имъ безъ всякихъ дополнительныхъ потерь, и въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ онъ достался имъ потомъ въ Вей-ха-веѣ, и кампанія этимъ и была-бы закончена.

Значитъ, вполнѣ реальныя невыгоды того, что Ито допустилъ переходъ китайскаго флота въ Вей-ха-вей, не давъ ему боя, въ которомъ онъ имѣлъ всѣ шансы его разбить, были очень велики, и потому является большой вопросъ *оправдался-ли на дѣлѣ* выбранный имъ способъ дѣйствій? А отсюда возникаетъ сомнѣніе и въ *правильности* этого способа.

Адмиралъ Макаровъ оправдываетъ этотъ способъ, исходя изъ того соображенія, что, если-бы адмиралъ Ито поставилъ себѣ первоначальной цѣлью разбить китайскій флотъ, онъ не могъ-бы обезпечить движенія впередъ и подвозъ провіанта той (первой) японской арміи, которая двигалась вдоль запад-

наго берега Кореи. Но вѣдь перевозили войска и провіантъ коммерческія суда, а флотъ Ито только обезпечивалъ *безопасность* этихъ операцій. Но грозить этимъ операціямъ могъ только китайскій флотъ, который почти въ полномъ составѣ находился въ Портъ - Артурѣ, и совершенно было достаточно небольшого отряда, чтобы обезпечить безопасность вышеуказанныхъ операцій на случай, хотя и довольно невѣроятный, при выяснившемся характерѣ китайскихъ начальниковъ. появленія у береговъ Кореи нѣсколькихъ легкихъ китайскихъ судовъ, находившихся въ южныхъ портахъ.

Единственный узкій выходъ изъ Портъ - Артура облегчалъ его блокаду, а то же соображеніе о характерѣ китайскихъ начальниковъ заставляло предполагать очень вѣроятную возможность бѣгства флота изъ Портъ - Артура въ случаѣ, если-бы ему стала грозить серьезная опасность. Этотъ флотъ. въ свою очередь могъ встрѣтиться съ транспортами, которые везли изъ Японіи вторую армію маршала Оямы (*), и если-бы это случилось могла-бы произойти катастрофа.

Значитъ, если оцѣнивать обстановку этого періода войны, не съ точки зрѣнія непосредственной помощи флота въ дѣлѣ перевозки войскъ и провіанта первой арміи, противорѣчащей *яко-бы принципу* Коломба, какъ это дѣлаетъ адмиралъ Макаровъ, а съ точки зрѣнія настоящаго принципа—*принципа обезпеченія безопасности операціи,* выставляющаго это свое требованіе вообще, не указывая впередъ мѣры и способа его выполненія, предоставляя послѣднее творчеству исполнителя, сообразно его пониманію обстановки. то рѣшеніе могло быть только одно—заблокировать китайскій флотъ въ Портъ Артурѣ, и, въ случаѣ выхода его, вступить съ нимъ въ бой. И разъ, во время вышеприведенныхъ операцій первой и второй японскихъ армій, адмиралъ Ито даже не зналъ гдѣ въ каждый данный моментъ находится китайскій флотъ—а это такъ и было, такъ какъ отсутствіе этого флота явилось сюрпризомъ для японцевъ при взятіи ими Портъ Артура,—то, съ точки

(*) Они шли безъ всякаго прикрытія и увидѣли флотъ Ито только въ устьѣ р. Тайдонгъ. См. мое изслѣдованіе «Военныя дѣйствія во время японо-китайской войны». 1896 г. стр. 14—15.

зрѣнія настоящаго основного принципа, дѣйствія адмирала Ито были явно неправильны, и онъ, если онъ дѣйствовалъ самостоятельно, подвергалъ значительному, а главное—*безполезному* риску вторую армію, находившуюся въ морѣ безъ всякой защиты. Точно также его дѣйствія неправильны съ точки зрѣнія и принципа внутренней цѣлости и единства дѣйствій, и принципа подготовки удара (*).

20. «Правило» Коломба случайно оправдалось въ японо-китайской войнѣ.

И, значитъ, хотя и случайно, но именно въ этой обстановкѣ оправдалось *правило*, неправильно формулированное Коломбомъ, какъ принципъ, и именно потому, что въ данномъ случаѣ какъ разъ создалась такая типичная обстановка—перевозка десантной арміи, которой грозила встрѣча съ непріятельскимъ флотомъ,—изъ приложенія къ которой неизмѣннаго принципа безопасности операціи и выводится вполнѣ условное правило Коломба, и которая, именно въ данной своей разновидности—нахожденія почти всего китайскаго флота въ порту съ однимъ узкимъ выходомъ, и гдѣ онъ не могъ ей оказать помощи при имѣющей послѣдовать ея атакѣ со стороны суши—представляла особо благопріятныя условія для примѣненія *способа* рекомендуемаго правиломъ Коломба—сначала обезсилить непріятельскій флотъ, а потомъ везти десантную армію.

Такого же мнѣнія, какъ и Коломбъ (**), держится о способѣ дѣйствій Ито, и извѣстный англійскій адмиралъ и писатель Фримантль.

«Очевидно», говоритъ онъ (***), «что здѣсь не было даже попытки не только къ блокадѣ, но даже къ угрозѣ (демонстраціи для прикрытія высадки), хотя въ продолженіи двухъ недѣль флоты находились всего въ разстояніи 70 миль другъ отъ друга. А между тѣмъ запереть китайскій флотъ въ Портъ Артурѣ было очень легко и выгодно, такъ какъ флотъ этотъ

(*) См. «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства, стр. 104.

(**) «Recent illustrations of the principles of Naval Warfare»—новая XIX глава, помѣщенная во второмъ изданіи труда Коломба, и на русскій языкъ непереведенная.

(***) «Naval aspects of the China-Japan War», помѣщенная въ американскомъ журналѣ «Forum». См. выноску на стр. 1 моего изслѣдованія «Военныя дѣйствія на морѣ во время японо-китайской войны».

*

не могъ оказать никакой помощи крѣпости, и, съ паденіемъ Портъ Артура, долженъ былъ попасть въ руки японцевъ».

И вотъ, въ данномъ случаѣ, потому ошибся *естественный* «глазомѣръ» и такого выдающагося таланта, какъ адмиралъ Макаровъ, что онъ, безсознательно конечно, пренебрегъ обоснованіемъ этого глазомѣра и на основныхъ принципахъ веденія войны. Вотъ въ этомъ отношеніи съ принципами надо обходиться столь же «осмотрительно», какъ это указываетъ адмиралъ Макаровъ въ смыслѣ слѣпого ихъ примѣненія.

Коломбъ даетъ совершенно извращенное представленіе объ этихъ принципахъ, и ужъ достаточно одного этого, повторю я вновь, помимо неполноты его труда, чтобы отрицать его значеніе какъ создателя стратегіи въ видѣ науки въ области морской войны.

2. Мэхэнъ, Головачевъ, Лабресъ, Давелюи.

21. Труды Мэхэна «О вліяніи морской силы на исторію». Одновременно съ Коломбомъ началъ писать обширное историческое изслѣдованіе и капитанъ флота Соединенныхъ Штатовъ Мэхэнъ, и опять и онъ началъ работать и писать именно потому, что была создана соотвѣтствующая каѳедра.

«Настоящій трудъ» говоритъ Мэхэнъ въ предисловіи къ «Вліянію морской силы на французскую революцію и имперію», «подобно предшествовавшему ему—Вліяніе морской силы на исторію, 1660—1783 г.—является исключительно результатомъ работъ автора при военно-морской коллегіи Соединенныхъ Штатовъ, въ качествѣ лектора по военно-морской исторіи и морской тактикѣ.... Авторъ признается, что вначалѣ онъ *не имѣлъ научнаго представленія* и раціональныхъ знаній *о военно-морской исторіи* прошлаго. Удѣливъ этому предмету вниманіе, какое требовали отъ него его *новыя обязанности*, и сопоставивъ различныя событія морскихъ войнъ съ доктринами признанныхъ авторитетовъ въ исторіи *сухопутной* войны, онъ скоро пришелъ къ заключенію, что *принципы,* которымъ они приписываютъ *общность* приложенія въ спеціальной сферѣ ихъ изслѣдованій, получили также широкое и убѣдительное подтвержденіе и въ морскихъ лѣтописяхъ... Тѣмъ,

что автору удалось сдѣлать, онъ обязанъ всецѣло и исключительно военно-морской коллегіи, которая была учреждена для содѣйствія такимъ изслѣдователямъ, и которой, какъ и ея основателю, контръ-адмиралу Stephen B. Luce, онъ выражаетъ свою благодарную признательность *за направленіе на путь, едва-ли бы найденный имъ самимъ*».

Въ направленіи работы Мэхэна можно отмѣтить большое сходство съ тѣмъ какъ пришлось работать Штенцелю (см. выше 7). Кромѣ военно-морской исторіи Мэхэну, какъ и Штенцелю, при самомъ основаніи академіи пришлось читать и тактику и стратегію. Оба они обратились за матеріаломъ въ исторію, и оба ее нашли въ такомъ видѣ, что пришлось оставить лекціи по веденію войны въ сыромъ видѣ, и заняться сначала обработкой военно-морской исторіи въ такой видъ, который годился-бы для обобщеній, необходимыхъ для обоснованія ученія о веденіи войны, какъ науки. Но чтобы взяться за такую обработку историческаго матеріала, по мнѣнію Мэхэна (*), необходимо подходить къ нему съ яснымъ представленіемъ объ основныхъ принципахъ, на которыхъ зиждется сущность военнаго дѣла, и вотъ за этими принципами пришлось обратиться къ сухопутнымъ авторамъ. Мэхэнъ изучалъ Жомини и Эрцгерцога Карла, а Штенцель—Клаузевица. Но только Мэхэну больше посчастливилось чѣмъ Штенцелю. Начавъ читать лекціи въ академіи съ 1887 г., Мэхэнъ уже черезъ три года начинаетъ печатать рядъ военно-морскихъ историческихъ работъ подъ заглавіемъ «О вліяніи морской силы на исторію», а въ 1911 году напечаталъ наконецъ и свою «Морскую стратегію», которую, какъ онъ указываетъ, онъ могъ обосновать лишь по окончаніи своихъ вышеупомянутыхъ историческихъ работъ. Между тѣмъ Штенцель, начавъ чтеніе лекцій на 12 лѣтъ раньше Мэхэна, не поспѣлъ самъ закончить своихъ историческихъ работъ, собравъ только для нихъ матеріалы, а объ окончательной обработкѣ своего «ученія о веденіи морской войны» (Kriegsführung zur See), онъ лишь мечталъ до гробовой доски, и эта его работа была напечатана только послѣ его смерти съ

(*) Naval Strategy, стр. 16—17.

очень малыми измѣненіями противъ того ея состоянія, въ которомъ она была въ 1881 г., когда Мэхэнъ еще и не приступалъ къ своей работѣ.

Справедливость однако заставляетъ здѣсь отмѣтить, что случилось это лишь благодаря тому, что Штенцель былъ гораздо скромнѣе Мэхэна. Трудъ его и въ незаконченномъ видѣ, въ которомъ онъ не считалъ его достойнымъ быть напечатаннымъ, въ общемъ выше труда Мэхэна, и именно вслѣдствіе того, что онъ сумѣлъ гораздо больше вынести изъ изученія писателей по стратегіи въ области войны на сушѣ, чѣмъ на это оказался способнымъ Мэхэнъ, въ натурѣ котораго все таки лежитъ извѣстное тяготѣніе къ шаблону, столь противное истинной военной наукѣ. Этимъ-же недостаткомъ, какъ мы видѣли выше, страдалъ и Коломбъ, который дальше подготовки историческаго матеріала и не пошелъ.

22. Мэхэнъ подтверждаетъ мнѣніе Коломба о военно-морской литературѣ и о состоянии военнаго образованія во флотѣ.

Точно также, какъ и Коломбу, Мэхэну при самомъ началѣ своей работы пришлось констатировать отсталость въ военно-научномъ отношеніи и военно-морского сословія, и военно-морской литературы.

«Морскіе историки», говоритъ онъ въ цитированномъ уже выше предисловіи, «мало заботились о связи между общей исторіей и своимъ спеціальнымъ предметомъ, ограничиваясь обыкновенно ролью простыхъ хроникеровъ морскихъ событій... Во всякомъ случаѣ авторъ не знаетъ *ни одного сочиненія* (*), которое преслѣдовало-бы спеціально цѣль настоящаго его труда, а именно оцѣнку вліянія морской силы на ходъ исторіи и на благосостояніе націй. Какъ въ другихъ *историческихъ* сочиненіяхъ трактуется о войнахъ, о политикѣ, о соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ странъ, касаясь морскихъ событій только случайно, и обыкновенно безъ интереса къ нимъ, — такъ настоящій трудъ имѣетъ цѣлью разсмотрѣть морскіе интересы на первомъ планѣ, не отдѣляя ихъ, однако, отъ соотвѣтствующихъ имъ причинъ и слѣдствій въ общей исторіи, но стараясь показать, какъ они видоизмѣняли послѣд-

(*) См. выше (4).

нія и видоизмѣнялись ими.... Первоначальный трудъ автора, при выполненіи его, расширился, безъ отступленія отъ основного простого мотива, въ попытку—безъ сомнѣнія слишкомъ слабую — *анализировать стратегическое веденіе морскихъ кампаній*, также какъ и тактическія черты различныхъ сраженій, въ которыхъ сражавшимися начальниками была выказана хотя-бы сколько нибудь ясная тактическая цѣль.... Нѣкоторое *удивленіе*, съ которымъ *морскіе офицеры* увидѣли, что трудъ такого направленія представляетъ интересъ, въ сущности свидѣтельствовало, что, слѣдя за *матеріальнымъ* и *техническимъ* развитіемъ флота, они въ то-же время *нелогично уклонились отъ систематическаго изученія искусства войны*, которое, между тѣмъ, и составляетъ ихъ спеціальное и *главное дѣло*. Слѣдовательно, если высказанное автору одобреніе и заслужено въ общемъ, то это слѣдуетъ приписать просто факту, что онъ былъ приведенъ силою обстоятельствъ къ необходимости удѣлить *самой важной части морской профессіи* то вниманіе, которое въ состояніи удѣлить ей и *всякій* другой морской офицеръ, но которое, однако, удѣлялось ей до сихъ поръ слишкомъ мало».

Охарактеризовавъ въ этихъ словахъ, правда въ очень деликатной формѣ — Коломбъ сдѣлалъ это гораздо рѣзче — жалкое состояніе военно-морской литературы и невѣжество морского сословія въ «самой важной части морской профессіи». Мэхэнъ указываетъ и послѣдствія этихъ фактовъ.

«Развитіе искусства войны на морѣ шло медленнѣе, и въ настоящее время подвинуто менѣе, чѣмъ искусство войны на сушѣ. Эта отсталость происходитъ отчасти отъ неустойчивости (?) обстановки дѣйствій на морѣ, а отчасти и отъ пренебреженія къ изученію прошлаго и преподаннаго имъ опыта, какъ «не приложимаго къ дѣлу»,—пренебреженія, отъ котораго морская профессія не вполнѣ свободна еще и теперь».

23. Трудъ Мэхэна, подобно труду Коломба,—чисто историческій.

Эти выдержки ясно показываютъ, что разбираемые труды Мэхэна (*) чисто историческіе, что они представляютъ изъ себя только

(*) Его послѣдній трудъ «Naval Strategy» будетъ разобранъ ниже, въ концѣ изслѣдованія о морской стратегической литературѣ.

соотвѣтственно подготовленный историческій матеріалъ для разработки стратегіи, какъ науки, но ни въ коемъ случаѣ ихъ нельзя признать за какой либо трактатъ по стратегіи, какъ это часто приходилось слышать. Но, какъ мы видѣли выше, и самъ Мэхэнъ считалъ эти труды лишь подготовкой историческаго матеріала для работы надъ стратегіей, и съ появленіемъ его труда, подъ заглавіемъ «Naval Strategy», такое недоразумѣніе уже не можетъ имѣть болѣе мѣста.

Характеръ-же его историческихъ трудовъ тотъ-же, что и труда Коломба.

Оба предпосылаютъ своимъ изслѣдованіямъ обширныя вступительныя разсужденія, которыя Коломбъ озаглавилъ «Сущность морской войны», а Мэхэнъ—«Элементы морского могущества», но ни то, ни другое совершенно не имѣютъ характера изслѣдованія природы войны, которое могло-бы оправдать приравниваніе ихъ къ научнымъ трактатамъ по стратегіи. Оба они принимаютъ эту природу яко-бы уже гдѣ-то и кѣмъ-то установленной, и говорятъ о ней въ самыхъ общихъ и туманныхъ выраженіяхъ, что показываетъ, что надъ этимъ вопросомъ авторы едва-ли задумывались, и не обращались за его разрѣшеніемъ и къ сухопутнымъ писателямъ, а просто, каждый со своей излюбленной точки зрѣнія, отмѣчаютъ извѣстныя характерныя особенности въ обстановкѣ, въ которой протекаетъ не война вообще, а морская война, и не стараются проникнуть въ ея сущность какъ извѣстнаго явленія въ жизни человѣческихъ обществъ.

А потому, въ результатѣ этихъ изслѣдованій, вмѣсто того, чтобы получить выводы въ видѣ добытыхъ умозрительнымъ путемъ *принциповъ* веденія войны, на которые можно стать, какъ на первую научную ступень, чтобы подняться на слѣдующую — повѣрку этихъ принциповъ (*) историческими изслѣдованіями, теперь уже въ любой обстановкѣ, сообразно спеціальности и личному вкусу автора—сухопутной или морской, современной или древней, въ періодъ парусного, гребного или парового флота, въ кампаніяхъ Аннибала и Напо-

(*) См. эт. I, 8—11 и эт. III, 1—3.

леона, или Нельсона и Сенявина,—Коломбъ и Мэхэнъ получили не какіе либо *принципы*, а нѣкоторые частные условные выводы, связанные съ опредѣленной обстановкой.

Коломбъ вывелъ изъ своего вводнаго разсужденія понятіе о «владѣніи моремъ» — отнюдь не *принципъ*, какъ онъ его называетъ, а только условное *правило*, а Мэхэнъ—представленіе о тѣхъ элементахъ, которые, такъ или иначе, вліяютъ на развитіе морской силы націй. Хотя онъ и увѣряетъ, что эти элементы принадлежатъ къ «порядку природы», и это конечно совершенно вѣрно, но они, въ то-же время, отнюдь не принадлежатъ къ сущности природы войны, какъ явленія.

24. Отличіе сущности мышленія Клаузевица отъ Коломба и Мэхэна Чтобы точнѣе пояснить мою мысль, какъ я чувствую самъ — недостаточно ясную, процитирую нѣкоторыя выдержки изъ вводныхъ разсужденій Коломба, Мэхэна и Клаузевица. Тогда болѣе выпукло можетъ быть обрисована разница въ ихъ образѣ мышленія.

Коломбъ начинаетъ свое изложеніе такъ: «Въ противоположность своему родичу, сухопутной войнѣ, *принципы* (?) которой берутъ начало съ незапамятныхъ временъ, морская война родилась сравнительно недавно».

И послѣ того онъ черезъ нѣсколько строкъ сейчасъ-же переходитъ къ своей излюбленной идеѣ: «о постоянномъ *обладаніи водой*,—обладаніи, подобномъ тому, какое имѣло мѣсто относительно суши, и не мечтали, по той простой причинѣ, что такая мечта не могла быть осуществленной для триремы древнихъ и для галеры среднихъ вѣковъ».

Въ чемъ-же, собственно, состоятъ эти принципы *сухопутной* войны, — уже самое это выраженіе показываетъ, что въ представленіи Коломба принципы сухопутной и морской войны различны,—въ чемъ, собственно, сущность войны, и чѣмъ она вслѣдствіе этого управляется, — обо всемъ этомъ Коломбъ не говоритъ.

Мэхэнъ тоже проходитъ мимо вопроса о сущности войны, и начинаетъ такъ: «Съ соціальной и политической точекъ зрѣнія море представляется великимъ путемъ, или скорѣе обширной общинной равниной, черезъ которую можно проходить по всѣмъ направленіямъ»... и черезъ нѣсколько строкъ онъ

уже подходитъ къ своему лейтъ-мотиву — значенію морской силы: «Несмотря на всѣ заурядныя и исключительныя опасности моря, путешествія и перевозка товаровъ водой всегда были легче и дешевле чѣмъ сушей», а дальше уже сама собою вытекаетъ необходимость защиты торговыхъ путей военнымъ флотомъ и т. д...

Все это совершенно вѣрно и очень важно для разбираемыхъ Коломбомъ и Мэхэномъ частныхъ случаевъ, по *сущности войны*, и вытекающихъ изъ этой сущности послѣдствій, на которыхъ зиждется наука о веденіи войны, тутъ нѣтъ.

Клаузевицъ-же начинаетъ такъ (*): «Мы вынуждены начать со взгляда на сущность общаго (войны); потому что въ дѣлѣ военномъ (болѣе нежели въ любомъ иномъ), разбирая частности, не слѣдуетъ упускать изъ вида общаго цѣлаго... Война не болѣе, какъ широко раздвинутый поединокъ. Если-же сумму всѣхъ безчисленныхъ поединковъ, изъ коихъ состоитъ война, обобщимъ въ сборномъ понятіи одного единоборства, то мысль эту, для большей наглядности, можно воплотить, представляя себѣ двухъ борющихся атлетовъ. Каждый изъ нихъ стремится къ тому, чтобы путемъ тѣлеснаго насилія заставитъ противника исполнить свою волю; ближайшая цѣль его — низвергнуть противника и этимъ самымъ сдѣлать его неспособнымъ къ дальнѣйшему сопротивленію.

«*Итакъ война есть проявленіе насилія съ цѣлью вынудить противника исполнить нашу волю*».

«Сила вооружается открытіями науки и изобрѣтеніями искусства для того, чтобы побороть другую, враждебную себѣ, силу».

«Эти силы сами ставятъ себѣ нѣкоторыя несущественныя ограниченія подъ видомъ международныхъ обычаевъ; но это обстоятельство отнюдь не уменьшаетъ эфекта насилія».

Достаточно даже этой короткой выписки, чтобы видѣть, что исходная точка и цѣль работы Клаузевица совершенно другая, чѣмъ у Коломба и Мэхэна, и что его разсужденія — правильны они или неправильны, это вопросъ другой,—будутъ

(*) Война. Часть 1 стр. 1.

оставаться таковыми пока война будетъ явленіемъ жизни человѣческихъ обществъ, внѣ зависимости отъ того въ какой обстановкѣ будетъ протекать эта война—на землѣ, на водѣ или въ воздухѣ. Его разсужденія неизмѣнно ведутъ къ тому, чтобы изслѣдовать природу насилія, природу обстановки войны и проявленія природы человѣческаго духа въ этой обстановкѣ, для наилучшаго примѣненія насилія. А это, въ свою очередь, неизмѣнно приведетъ къ основнымъ принципамъ подготовки и веденія войны, которые затѣмъ въ виду очень большой сложности войны и трудности ея изслѣдованія, придется провѣрить, чтобы этимъ путемъ еще лучше утвердить ихъ въ сознаніи историческимъ путемъ.

25. Мэхэнъ, какъ и Коломбъ, склоненъ къ шаблону. Выше было уже указано, что, не выработавъ въ себѣ яснаго представленія объ основныхъ принципахъ, Коломбъ склоненъ впадать въ шаблонъ, недопустимый въ истинной военной наукѣ.

Совершенно то-же самое случилось и съ Мэхэномъ, который тоже склоненъ обратить свою любимую идею—«значеніе морской силы»—въ шаблонъ; и причина такого направленія у него та-же, что и у Коломба. Онъ тоже строитъ свои заключенія не на *принципахъ*, почерпнутыхъ изъ изученія сущности войны, а изъ своей излюбленной идеи, совсѣмъ не безусловной.

Напр., справедливо взявшись за выясненіе вліянія на ходъ историческихъ событій именно *морской* силы, которымъ до него дѣйствительно пренебрегали, Мэхэнъ ударяется въ противоположную крайность.

Не выяснивъ значенія и сущности военной силы вообще, онъ не выясняетъ и проистекающаго отсюда естественнаго соотношенія и связи между отраслями этой силы—сухопутной и морской, первой какъ *исполнительницы*, а второй—*подготовительницы* и *охранительницы* свободы дѣйствій (оперативной свободы) первой.

А потому онъ и не выясняетъ—какъ тѣсно связаны обѣ эти силы, какъ онѣ необходимы другъ другу.... А въ результатѣ получается впечатлѣніе шаблона—клади всю свою надежду на морскую силу, а не на, зависящую отъ обстановки,

могущей быть до безконечности разнообразной, комбинацію изъ той и другой силы.

Другой Мэхэновскій шаблонъ—это положеніе, что будто-бы морская сила есть нѣкоторая, опредѣленнаго вида, производная отъ морской торговли страны и географическаго ея положенія и конфигураціи. Мэхэнъ увѣрялъ (*), что государство должно разсчитывать свой военный флотъ сообразно своей морской торговлѣ и своему географическому положенію.

26. Нелѣпость Мэхэновской идеи о соотношеніи военнаго и коммерческаго флотовъ.

Для того, чтобы нелѣпость подобнаго шаблона стала очевидной, представимъ себѣ два государства: одно, обладающее очень благопріятнымъ географическимъ положеніемъ, въ смыслѣ расположенія относительно торговыхъ путей и конфигураціи своихъ береговъ, а также ведущее обширную морскую торговлю при наличіи у него большого торговаго флота, а другое — находящееся въ худшей географической обстановкѣ, и въ смыслѣ меньшей длины береговой линіи, и по замерзаемости своихъ морей, и по нахожденію въ сторонѣ отъ міровыхъ торговыхъ путей, и притомъ обладающее торговымъ флотомъ вдвое меньшимъ нежели первое государство. Положимъ, государства эти отдѣлены другъ отъ друга моремъ.

И вотъ по Мэхэну выходитъ, что второму государству нуженъ военный флотъ, вообще гораздо болѣе слабый чѣмъ первому, и примѣрно слабѣйшій вдвое.

Ну, а во время войны, второе государство, обладая вдвое слабѣйшей морской силой, должно, значитъ, отступиться отъ своей морской торговли и должно отказаться отъ ея защиты только потому, что она имѣетъ несчастье быть незначительной по сравненію съ торговлей противника.

Но вѣдь это очевидная нелѣпость! Всякому дорого *свое* — внѣ зависимости отъ величины, и всякій борющійся естественно будетъ стремиться имѣть средства, годныя для обезсиленія противника, совершенно не справляясь съ тѣмъ— правильно или неправильно ему имѣть эти средства по

(*) Только теперь, больше чѣмъ черезъ 20 лѣтъ послѣ появленія разбираемаго его труда, онъ отказался отъ этого шаблона.

рецепту, который прописываетъ Мэхэнъ. Въ этомъ сущность человѣческой борьбы и войны, и эта сущность сейчасъ-же и опрокидываетъ всякій рецептъ.

Вопросъ совсѣмъ другой — кому изъ противниковъ *легче* имѣть соотвѣтствующую морскую силу и кому она будетъ обходиться дешевле. Очевидно второму государству морская сила, способная бороться съ морской силой перваго государства, будетъ обходиться гораздо дороже, и созданіе и поддержаніе этой силы будетъ требовать гораздо большихъ заботъ и труда, такъ какъ одинъ изъ главныхъ естественныхъ рессурсовъ для нея — обширный торговый флотъ — гораздо бѣднѣе.

Но вѣдь можетъ оказаться, что второе государство, по условіямъ своего бюджета, *можетъ* затратить больше на соотвѣтствующую морскую силу, что оно *можетъ* платить за нее сравнительно, дороже! Что-же, ему и тогда не имѣть сильнаго флота?

Флотъ вѣдь предназначенъ не только для защиты своихъ торговыхъ кораблей, онъ обезпечиваетъ свободу сношеній моремъ вообще, и защищаетъ морскую торговлю, хотя-бы она велась и на нейтральныхъ судахъ, и въ особенности это важно, если эти нейтральныя суда везутъ грузъ, необходимый для жизни воюющей страны, или безъ котораго затрудняется веденіе войны. Затѣмъ флотъ обезпечиваетъ свои берега отъ вторженія, даетъ возможность вторженія со стороны моря на территорію противника, и наконецъ главное — онъ существенно необходимъ, какъ сила подготовляющая и охраняющая свободу дѣйствій своей арміи, и величина этой необходимой силы не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ величиной своего торговаго флота. Она зависитъ исключительно отъ обстановки ожидаемыхъ войнъ, отъ военныхъ данныхъ, отъ плана войны, который долженъ установить наивыгоднѣйшую комбинацію использованія тѣхъ средствъ, которыя можетъ затратить государство на подготовку къ войнѣ.

И что-же, слѣдуетъ отказаться отъ всѣхъ этихъ соображеній изъ за малаго развитія морской торговли съ помощью своего торговаго флота? Конечно это нелѣпо, и никто этого

и не дѣлаетъ, и выводъ это близорукій, и противорѣчащій военной наукѣ, которая, изслѣдовавъ сущность войны, выставляетъ не подобные рецепты, а «принципы», и между ними принципъ соотвѣтствія средствъ поставленнымъ цѣлямъ, и принципъ крайняго напряженія силъ.

27. Необходимость флота вытекаетъ изъ чисто военныхъ соображеній.

И вотъ слѣдуя этимъ принципамъ, а не рецептамъ Мэхэна, государство, разъ у него на то имѣется возможность, на какихъ-бы источникахъ ни обосновывалась эта возможность, обязано имѣть сильный флотъ, внѣ зависимости отъ размѣра его коммерческаго флота, и именно такой, который способенъ сломить морскую силу противника, если одолѣть этого противника—жизненный вопросъ для государства.

Оно можетъ, и конечно должно, всемѣрно развивать свою собственную морскую торговлю и торговый флотъ, чтобы *облегчить* и *удешевить* себѣ созданіе и поддержаніе необходимой ему морской силы, но это ужъ вопросъ совсѣмъ другой.

Если-бы слѣдовать рецепту Мэхэна, а не предуказаніямъ вѣчной сущности войны, какъ явленія, каковыя формулируются въ «принципахъ», то Греція въ V вѣкѣ до Р. Х. (она въ то время не имѣла почти никакого торговаго флота) не должна-бы была слушать Ѳемистокла, и создавать флотъ для борьбы съ персами, такъ какъ въ составъ персидской имперіи входило нѣсколько морскихъ торговыхъ государствъ, въ рукахъ которыхъ была сосредоточена вся морская торговля того времени въ Средиземномъ морѣ. Однако греки флотъ создали, и именно побѣда этого флота при Саламинѣ рѣшила тогда вопросъ о существованіи Греціи. На этомъ-же основаніи и римляне, которые не имѣли никакого торговаго флота къ началу борьбы съ Карѳагеномъ, съ морской торговой республикой, не должны были пытаться создать такой военный флотъ, который-бы могъ одолѣть карѳагенскій. Однако они это сдѣлали, и именно, благодаря побѣдамъ этого флота и содѣйствію его арміи, Римъ могъ сокрушить Карѳагенъ, хотя въ этотъ періодъ онъ оставался все тѣмъ-же бѣднымъ собственною морскою торговлей государствомъ.

Также и Великіе Петръ и Екатерина не должны-бы были создавать флотъ, способный вступить въ борьбу со шведами и турками, но они это сдѣлали и добыли Россіи необходимыя ей Балтійское и Черное моря, хотя русскій торговый флотъ былъ и въ ихъ время и остался ничтожнымъ. Но потому-то и заслужили они титулъ Великихъ, что ихъ геній, какъ и всякій геній вообще, самъ своей собственной силой постигъ сущность дѣла, и не поддался никакимъ искусственнымъ, противорѣчащимъ этой сущности, рецептамъ. А таковые рецепты подобные Мэхэновскимъ существовали и тогда, и владѣли массами, какъ они владѣютъ ими и теперь.

Мэхэнъ, хотя и черезъ много лѣтъ, все таки призналъ ошибочность своего рецепта, но въ массу этотъ рецептъ проникъ глубоко, и въ особенности въ такую среду, въ которой нѣчто подобное, по извѣстнымъ причинамъ уже сложилось давно, и вошло въ кругъ нормальнаго мышленія этой среды. А потому и стоитъ еще говорить объ этомъ рецептѣ, хотя и самъ Мэхэнъ отъ него отказался.

Вѣдь чѣмъ, напр., отличается отъ Мэхэновскаго рецепта и отъ способа его обоснованія, постоянно встрѣчаемыя у насъ убѣжденія, что намъ *не нуженъ* такой флотъ какъ нѣмцамъ, такъ какъ мы, по сравненію съ ними страна континентальная и нашъ торговый флотъ по сравненію съ нѣмецкимъ ничтоженъ, а что кромѣ того мы и *не можемъ* имѣть такой-же флотъ какъ у нихъ, такъ какъ состояніе технической нашей промышленности гораздо ниже.

Между тѣмъ вопросъ можетъ рѣшаться только съ одной точки зрѣнія — можемъ мы успѣшно бороться съ нѣмцами при равной, или даже превосходной по численности нашей арміи, но при явной слабости нашего флота—или не можемъ? И можемъ ли мы одолѣть нѣмцевъ, не побѣдивъ ихъ на морѣ? И если окажется, что мы *не можемъ*, то вѣдь нѣтъ и никакого выхода, какъ создать такой флотъ, внѣ зависимости отъ того, въ какомъ соотношеніи находится нашъ торговый флотъ къ нѣмецкому, и какъ-бы это ни было трудно, вслѣдствіе того соотношенія въ которомъ находится наша техническая промышленность по отношенію къ нѣмец-

кой. Здѣсь не мѣсто доказывать, что шансы на успѣшную борьбу съ нѣмцами безъ побѣды надъ ними на морѣ, очень малы, не больше чѣмъ вообще на всякую счастливую случайность. Это я попытаюсь сдѣлать въ своемъ мѣстѣ, въ особомъ этюдѣ (*).

28. Живучесть у насъ Мэхэновскаго рецепта. Теперь-же я хотѣлъ лишь отмѣтить живучесть у насъ Мэхэновскаго рецепта, причемъ я опять таки не хочу сказать, что мы теперь именно отъ Мэхэна заимствовали этотъ рецептъ. Конечно нѣтъ. А просто онъ только очень хорошо пришелся намъ ко двору, такъ какъ онъ выливаетъ въ извѣстную формулу то направленіе мышленія, которое дѣйствительно оправдываетъ наименованіе насъ страной континентальной — это непониманіе наше значенія морской силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ я хочу только отмѣтить, что рѣшать намъ вопросъ о флотѣ надо не съ помощью разсужденій подобныхъ Мэхэновскимъ, а исходя изъ сущности войны, изъ опредѣляющихъ эту сущность принциповъ, и изъ примѣненія именно ихъ, а не чего-либо другого, къ той обстановкѣ, въ которой придется вести войну именно намъ.

И тогда совершенно въ другомъ свѣтѣ предстанутъ для насъ вопросы—*нуженъ-ли* намъ флотъ, и *можемъ-ли* мы его имѣть?

Напр. англичанамъ и американцамъ гораздо дороже стоитъ содержаніе солдата чѣмъ намъ или японцамъ, и разъ побѣдитъ ихъ флотъ, страна ихъ недоступна для непріятельскаго вторженія. Но это отнюдь не удерживаетъ ихъ отъ расходованія огромныхъ суммъ на армію, такъ какъ тѣ арміи, которыя они оплачиваютъ гораздо дороже чѣмъ мы, они считаютъ для себя необходимыми. Наша армія гораздо болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ и англійскую армію, и въ особенности американскую, а военный нашъ бюджетъ всего въ 1,9 раза больше англійскаго, и лишь въ 1,6 раза больше американскаго такого-же бюджета, и послѣдній въ 3,3 раза провосходитъ расходы на сухопутную силу Японіи (**), хотя послѣдняя содержитъ болѣе многочисленную армію чѣмъ

(*) См. пункты 38 и 39 разбивки стратегическаго матеріала, этюдъ I. 21.

(**) Цифры эти относятся къ 1912 году.

Соединенные Штаты. Французы теперь не подчиняются тому, что прирост ихъ населенія не выдерживаетъ конкурренціи съ германскимъ, и возвращаются къ трехлѣтнему сроку службы, хотя это глубоко противорѣчитъ духу всего плана реформъ демократической республики. А напр., наша армія готова все что угодно заимствовать отъ нѣмцевъ, вплоть до нѣмецкой рецептурной военной науки, а вотъ ихъ работы надъ усиленіемъ мощи своей арміи посредствомъ созданія могущественнаго флота, она замѣчать не хочетъ, ибо это... по чужому вѣдомству, и здѣсь насъ одолѣваетъ естественно въ насъ живущая формула Мэхэна.

Вообще, всякая рецептура въ военномъ дѣлѣ приводитъ къ самымъ нелѣпымъ выводамъ и послѣдствіямъ, и вотъ почему истинная военная наука такъ возстаетъ противъ всякой рецептуры, и наличіе таковой—это прямой признакъ, что истинная наука еще отсутствуетъ.

Таковы и историческіе труды Коломба и Мэхэна. И потому они ни въ коемъ случаѣ не трактаты по стратегіи, а только матеріалы для ея разработки, и притомъ—матеріалы одностороние освѣщенные, это необходимо всегда помнить. Но все таки Коломбъ и Мэхэнъ сдѣлали огромный шагъ впередъ, сравнительно съ тѣми, которые считались морскими историками до нихъ. Тѣ по сравненію съ ними были просто морскіе хроникеры.

29. В. Ф. Головачевъ. Въ русской литературѣ мѣсто настоящаго морского историка, съ точки зрѣнія подготовки историческаго матеріала (см. выше), занимаетъ одинъ только Викторъ Филиппповичъ Головачевъ, труды котораго появились даже раньше трудовъ Коломба и Мэхэна. И если онъ не такъ прогремѣлъ какъ они, то во-первыхъ потому, что его труды обнимали слишкомъ узкую область (капитальный трудъ по разбору войны у него только одинъ—русско-шведская война 1788—1790 г.), во-вторыхъ онъ не имѣлъ каѳедры, ибо хотя таковая и была учреждена при его жизни, но онъ не удостоился быть приглашеннымъ ее занять, а въ-третьихъ, надо отмѣтить, что въ то время какъ труды Мэхэна вызвали все таки по его словамъ (см. выше) среди его сослуживцевъ

«нѣкоторое удивленіе, что трудъ такого направленія представляетъ интересъ», у насъ труды Головачева прошли совершенно незамѣченными, и, собственно, мало знаютъ ихъ и теперь, за исключеніемъ немногочисленныхъ любителей и слушателей академіи, которымъ приходится съ ними познакомиться для выполненія задаваемыхъ имъ соотвѣтственныхъ работъ.

Зная же Головачева и лично, и по трудамъ его, можно съ увѣренностью сказать, что если-бы этотъ человѣкъ могъ всю свою жизнь посвятить военно-морской наукѣ, и притомъ имѣлъ-бы каѳедру, онъ далеко оставилъ-бы за собою Мэхэна. Вотъ про Головачева, какъ и про Штенцеля можно сказать, что въ ихъ трудахъ совершенно не видно какого либо тяготѣнія къ шаблону.

Головачевъ, какъ и огромное большинство военно-морскихъ писателей, не успѣлъ добраться до разработки ученія о войнѣ на морѣ какъ науки, такъ какъ приходилось спачала (см. выше, 7) соотвѣтственно обрабатывать военно-морской историческій матеріалъ. И приходилось обращаться къ изученію исторіи и для того, чтобы самому пріобрѣсти твердый историческій фундаментъ, необходимый для работъ по теоріи военнаго дѣла, такъ какъ талантливые люди инстинктивно чувствовали то, что Лееръ такъ образно выразилъ въ словахъ (*): «При обширныхъ, основательныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи, теорія стратегіи есть дѣло серьезное и полезное, ключевой камень въ изученіи военнаго дѣла; при малыхъ-же и поверхностныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи — дѣло вредное, своего рода лакированная пыль (**)».

30. Тяготѣніе къ шаблону подрываетъ въ корнѣ достоинство научной работы.

Но бывали случаи, когда и съ большимъ багажемъ историческихъ работъ за спиной, военно-морскіе писатели, что случалось конечно и съ сухопутными, взявшись за разработку теоріи войны, терпѣли въ этомъ неудачу. Такъ было и съ Мэхэномъ и съ Корбетомъ (см. ниже 53, разборъ ихъ трудовъ по

(*) Стратегія, ч. I, 5-е изд. стр. 44.

(**) Мы видѣли, какъ много работали въ области исторіи Ллойдъ, Жомини и Клаузевицъ раньше чѣмъ взяться за труды по теоріи войны. См. эт. IV.

стратегіи), и, съ моей точки зрѣнія, главная причина этой неудачи коренится въ ихъ тяготѣніи къ шаблону, которое проявилось и въ чисто историческихъ ихъ трудахъ, какъ мы видѣли это выше въ разборѣ такихъ трудовъ Мэхэна. Не смогли они отдѣлаться отъ этого тяготѣнія и въ работахъ по теоріи войны, и это въ корнѣ подорвало ихъ достоинство въ научномъ отношеніи, сведя эти работы лишь на степень матеріала для отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ особой обстановкѣ, какъ это случилось, напр. съ пропитанной стремленіемъ къ шаблону «Essai de strategie navale» C[t] Z. et H. Montéchaut (см. выше, 6), хотя конечно далеко не въ такой степени.

Конечно тѣмъ болѣе неудачны были такія попытки военно-морскихъ писателей, которые принимались за изслѣдованія по теоріи войны безъ достаточной исторической подготовки, которые полагали, что науку о веденіи войны можно высосать изъ пальца—изъ собственнаго опыта.

31. «Политика и морская война» Лабреса. Особенно характерной въ этомъ отношеніи является книга капитана 1-го ранга австрійскаго флота Лабреса «Политика и морская война», на которую обратилъ вниманіе нашъ главный морской штабъ, и счелъ полезнымъ познакомить съ нею нашъ личный составъ, переведя ее на русскій языкъ и издавъ ее.... въ годъ нашей несчастной войны съ Японіей.

Первая часть этой книги носитъ громкое названіе—«Морская стратегія», а третья—«Политика и морская стратегія въ отдѣльныхъ военныхъ (?) случаяхъ».

Не говоря ужъ о томъ, что само по себѣ слово «морская», отнесенное къ слову «стратегія», слѣдуетъ считать неправильнымъ (*), но никакой собственно стратегіи, какъ науки, въ этой книгѣ нѣтъ, если даже и понимать ея содержаніе какъ стратегію, приспособленную къ морской обстановкѣ.

И дѣйствительно у Лабреса нѣтъ никакого изслѣдованія о сущности войны, нѣтъ и вывода изъ нея принциповъ веденія войны, нѣтъ даже и ссылки на нихъ, какъ на основаніе его изслѣдованія.

(*) См. эт. III, 6—8.

Онъ начинаетъ съ.... «выбора типа» корабля. Затѣмъ, минуя все остальное, относящееся до подготовки войны, переходитъ къ «мобилизаціи», затѣмъ къ «составу эскадръ», а послѣ того, раздѣливъ случаи войны на 6 комбинацій (А, Б, В, Г, Д и Е), въ зависимости отъ соотношенія силъ и цѣлей противника, разбираетъ задачи флота и намѣчаетъ его дѣйствія. Затѣмъ онъ разбираетъ, современную тому моменту когда онъ писалъ, политику нѣсколькихъ государствъ, и отсюда выводитъ комбинаціи возможныхъ войнъ, и разбираетъ—какъ будутъ дѣйствовать флоты въ этихъ войнахъ.

Притомъ всѣ эти разсужденія никакой теоретической и научной почвы подъ ногами не имѣютъ—это рядъ безпочвенныхъ и притомъ мало-талантливыхъ умствованій. Этотъ трудъ можетъ пригодиться какъ извѣстный матеріалъ для той части стратегіи, въ которой комбинируются примѣры для практики въ приложеніяхъ теоріи къ извѣстнымъ обстановкамъ, и только. И, повторяю, и матеріалъ-то этотъ далеко не перваго сорта, такъ какъ авторъ явно мало образованъ, мало талантливъ, и очень склоненъ къ рецептурѣ, а не къ изслѣдованію сущности разбираемыхъ имъ вопросовъ. Историческихъ трудовъ за нимъ не числится, и это очень сильно отразилось на его трудѣ.

Это именно одинъ изъ авторовъ, который хочетъ *выдумать* а не разработать стратегію.

За нимъ числится еще одинъ трудъ—«Морская тактика», которая отличается еще болѣе рецептурнымъ характеромъ нежели его «Политика и Морская война».

Лабресъ уже давно пропагандируетъ особую форму построенія кораблей—кучки въ видѣ ромба, которыя онъ и располагаетъ въ линію кильватера, фронта, пеленга и т. п....

И вотъ его трудъ по тактикѣ, очень обширный производитъ впечатлѣніе, что онъ только для того и написанъ, чтобы пропагандировать «свой строй», какъ написано было «Essai de Strategie maritime», чтобы пропагандировать «кривыя погони».

Лабресъ силится доказать, что *внѣ* этого строя нѣтъ спасенія, что онъ наилучшимъ образомъ отвѣчаетъ всѣмъ боевымъ требованіямъ во всѣхъ случаяхъ, которые могутъ встрѣтиться во время войны. Въ этомъ трудѣ уже полностью сказался весь Лабресъ—узкій, неспособный къ широкому мышленію, поклонникъ шаблона, и знакомство съ этимъ трудомъ должно-бы было заставить съ осторожностью отнестись и къ его «Политикѣ и Морской войнѣ», и не тратить и безъ того очень ограниченныя у насъ на это средства на переводъ его на русскій языкъ, и не рекомендовать его для офицеровъ нашего флота—а рекомендаціей ему служилъ самый фактъ его изданія главнымъ морскимъ штабомъ.

Требованія отъ курса тактики тѣ-же, что и отъ курса стратегіи (*). Нужно исходить все изъ тѣхъ-же принциповъ, или обоснованныхъ на сущности войны, или принятыхъ, какъ отправныя точки, отъ стратегіи. Потомъ должны быть изслѣдованы свойства всѣхъ средствъ примѣняемыхъ на войнѣ, и вотъ тутъ, между другими, должны быть изслѣдованы и свойства, конечно, *всѣхъ* строевъ, а не какого либо одного. И притомъ непремѣнно должно быть совершенно ясно оговорено и крѣпко внѣдрено въ мышленіе читателя, что всѣ эти изслѣдованія свойствъ предназначаются лишь для того, чтобы онъ только позналъ эти средства, всѣ ихъ положительныя и отрицательныя свойства, чтобы *самому* выбирать подходящія къ оцѣниваемой имъ *самимъ* обстановкѣ, т. е. самому выбрать то или другое средство, и использовать то или другое его свойство.

Такое направленіе курса будетъ вести къ расширенію кругозора и къ *воспитанію ума*. Лабресъ-же способенъ только къ выдуманнымъ, а не къ обоснованнымъ разсужденіямъ, и его образъ мыслей неизмѣнно ведетъ къ рецептурѣ — *къ шаблону*.

32. «Изслѣдованіе по морской стратегіи» Давелюи. Въ хронологическомъ порядкѣ за трудомъ Лабреса идетъ сочиненіе лейтенанта французскаго флота Давелюи — «Изслѣдованіе по морской стратегіи» (**).

(*) См. эт. V.

(**) R. Daveluy. Etude sur la Strategie Navale. 1905 г. Переведено и издано Военно-Морскимъ Ученымъ Отдѣломъ Главнаго Морского Штаба въ 1906 г.

Намѣренія у автора самыя хорошія. «Читая исторію» говоритъ онъ, «приходишь къ кажущемуся маловѣроятнымъ заключенію, что хотя въ войнахъ принимаютъ участіе *многіе*, все таки *мало кто* понимаетъ войну. Тѣ-же ошибки, тѣ-же заблужденія повторяются почти съ математической точностью. И поразмысливъ надъ этимъ, приходишь къ заключенію, что такое явленіе и естественно. Военное ремесло таково-же, какъ и всѣ другія. Необходимыя для него познанія въ той мѣрѣ, чтобы потомъ примѣнять ихъ буквально, пріобрѣтаются легко: уловить-же *смыслъ* этихъ знаній дано не всякому. Мало умѣть красить полотно, чтобы быть художникомъ. Рѣдко кто одаренъ отъ природы *върнымъ* пониманіемъ военнаго дѣла». Это геніи и выдающіеся таланты. А что-же тогда дѣлать остальнымъ?

На это Давелюи отвѣчаетъ—«изучать условія войны и слѣдовать законамъ, которые ею руководятъ—этимъ можно избѣжать многихъ ошибокъ».

Какимъ-же путемъ «изучать войну»? Давелюи рѣшительно склоняется къ тому, что единственный источникъ, откуда можно почерпнуть пониманіе войны — это исторія, причемъ онъ ссылается на мнѣніе Наполеона, что «высшія познанія войны пріобрѣтаются только опытомъ, да изученіемъ исторіи и сраженій великихъ полководцевъ».

«И если *учителя*» заключаетъ Давелюи, «признавали необходимымъ прибѣгать къ свѣту исторіи, то по какому праву могли-бы мы отрѣшиться отъ нея, и думать, что мы можемъ *изобрѣсти войну*».

Увы, такое право всегда и всюду предъявляетъ невѣжество, и чтобы перенести центръ тяжести съ *изобрѣтенія* войны на ея *изученіе*, надо выдержать жестокую борьбу именно съ невѣжествомъ.

Еще одну интересную мысль надо отмѣтить у Давелюи. Указавъ, что послѣ Іены пруссаки опомнились и начали усердно учиться, онъ говоритъ: «Вѣдь вслѣдствіе того, что еще при паденіи первой имперіи они приняли историческій методъ изученія военнаго дѣла (*), они разбили насъ въ

(*) Какъ разъ въ это время работалъ Клаузевицъ, см. эт. IV.

1870 году. Только тутъ французская армія вспомнила, что 60 лѣтъ тому назадъ ею руководилъ человѣкъ, воплощавшій въ себѣ военный геній. Такъ каждый народъ долженъ пройти періодъ испытаній прежде чѣмъ отыскать *истинныя* основы военнаго воспитанія».

«Къ несчастью, французскій флотъ, даже послѣ Абукира и Трафальгара, не вынесъ уроковъ изъ этихъ пораженій. И причина тому—*ударъ при Трафальгарѣ не коснулся сердца страны*».

«Въ это время открывалась новая эра завоеваній. Гулъ пушекъ, раздававшійся на берегахъ Дуная, заглушилъ предсмертные стоны агоніи флота. Ульмъ и Аустерлицъ—были цвѣтами, брошенными арміей на могилу флота».

33. Затишье въ энергіи роста у насъ военно-морской идеи.

Слова эти невольно заставляютъ задать себѣ вопросъ и о насъ — достаточно-ли мы перенесли испытаній, чтобы въ странѣ нашей ярко пробудилось ясное сознаніе въ необходимости для насъ не кое-какой, а дѣйствительно могущественной морской силы? Достаточно-ли энергично работаетъ у насъ военная мысль, хотя-бы тѣмъ историческимъ методомъ, на который указываетъ Давелюи?

Онъ нашелъ оправданіе французскому флоту, что уроки, преподанные ему Абукиромъ и Трафальгаромъ остались неиспользованными.

А имѣются-ли такія оправданія у насъ?

Наша армія не забросала цвѣтами могилу флота, какъ это сдѣлалъ Наполеонъ въ 1805 г.,—она вплела лишь новые терніи въ мученическій вѣнецъ русскаго народа. И неужели и этого оказалось мало для того, чтобы ударъ дошелъ до сердца страны?

А если ударъ этотъ дѣйствительно не коснулся сердца страны—а на это похоже, судя по отношенію къ значенію для насъ морской силы, то неужели не коснулся онъ и сердца флота? Неужели не пронизалъ онъ всей толщи нашего личнаго состава?

Вопросъ этотъ поневолѣ заставляетъ задать то затишье, которое наступило у насъ въ отношеніи жажды къ использованію опыта прошлаго, и, работающей на основѣ изученія

этого опыта, военной науки въ практической дѣятельности флота, очень скоро послѣ войны съ Японіей. Это сказалось и на морской печати, и на распаденіи почти всѣхъ кружковъ, возникшихъ послѣ войны, и посѣщеніи лекцій въ морскихъ собраніяхъ въ портахъ, и на стремленіи офицеровъ въ морскую академію, и на многомъ другомъ (*).

Но хочется все таки думать, что внѣшность эта обманчива, что обида пораженій гнѣздится въ сердцѣ личнаго состава, что сѣмя этой обиды зрѣетъ, и недалекъ полный переворотъ въ этомъ отношеніи.

А сила для такого переворота—только въ знаніи. Увѣренность въ томъ—*что* надо дѣлать, создаетъ и энергію, которая повидимому какъ-бы замерла. Виновата въ этомъ затишьѣ—я не устану это повторять—(**)—не чья-либо злая воля, а именно незнаніе, и на борьбу съ нимъ и нужно направлять главныя усилія.

31. Трудъ Давелюи— не стратегія.

Однако, вернусь къ Давелюи. Итакъ намѣренія у него хорошія, и остается посмотрѣть каково выполненіе.

Я-бы сказалъ такъ. Почти все, что онъ говоритъ, очень разумно. Но, прочитавши его книгу, впечатлѣніе получается хаотическое. Хотя авторъ всѣми силами стремится къ тому, чтобы его книга была поучительной для французскаго флота, сдѣлать какіе либо изъ нея выводы до крайности трудно.

Систематичность въ его изложеніи совершенно отсутствуетъ, классификація матеріала по отдѣламъ очень странная. Напр. въ «Основы морской стратегіи» (часть первая) у него входятъ главы и о «цѣли и средствахъ войны», и о «внутреннихъ операціонныхъ линіяхъ» и о «политикѣ залоговъ».

Никакихъ точныхъ опредѣленій стратегическимъ понятіямъ Давелюи не даетъ, и терминологія у него совершенно путаная. Самъ онъ проповѣдуетъ постоянное обращеніе къ исторіи, а

(*) См. по этому вопросу мое «Введеніе въ курсъ исторіи в. м. искусства», стр. 488.

(**) См. тамъ-же, стр. 514, и мой «Очеркъ военныхъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны» (въ изданіи В. К. А. М. «Военные флоты» за 1906 г.) стр. 131, 132 и 137.

между тѣмъ изъ чтенія его книги явствуетъ, что въ исторіи онъ только слегка покопался, а затѣмъ, сознавъ важность стратегіи и констатировавъ ея отсутствіе въ военно-морской литературѣ, рѣшилъ ее создать, но не на почвѣ тщательной обработки историческаго матеріала, а просто—выдумать ее изъ головы. Въ этомъ онъ подобенъ Лабресу, но такъ какъ онъ неизмѣримо его талантливѣе, и по сущности своего ума совсѣмъ не склоненъ къ шаблону, то трудъ его представляетъ несравненно бо̀льшую цѣнность нежели трудъ Лабреса, несмотря на его крупные недостатки.

Давелюи, повидимому, пренебрегъ изученіемъ писателей по стратегіи въ области войны на сушѣ, и это сильно отразилось на систематичности его изложенія и на правильности его терминологіи. Такъ какъ Давелюи безспорно талантливъ, то можно найти у него массу хорошихъ вещей, но все у него свалено въ одну кучу, въ которой разобраться очень трудно.

Разбора сущности войны, какъ общественнаго явленія у него нѣтъ. Связь политики и войны совершенно не выяснена. Этому посвящена у него только одна и довольно темная фраза (стр. 12): «политическія соображенія, которыя вызываютъ войны, не должны имѣть никакого вліянія на самыя военныя дѣйствія», положеніе, какъ мы уже видѣли (*), очень рискованное, тѣмъ болѣе, что оно выставляется какъ-бы совершенно самоочевидное, а потому ничѣмъ не обосновывается.

Подъ заглавіемъ «Основы стратегіи» Давелюи подразумѣваетъ не основные принципы, а цѣлый рядъ разсужденій, связанныхъ съ вопросами о составленіи плана. Да и самое слово «принципъ» для него повидимому остается темнымъ. «Ложная наука», говоритъ онъ (стр. 373), «приписывающая незыблемое значеніе принципамъ, существенно измѣнчивымъ, должна быть изгнана простымъ здравымъ смысломъ, который вдохновляется дѣйствительной жизнью, и принимаетъ въ расчетъ и время и мѣсто».

Мысль его, конечно, понять можно. Онъ справедливо возстаетъ противъ рецептовъ-шаблоновъ. Но зачѣмъ-же смѣ-

(*) См. эт. V.

шивать понятіе о принципѣ съ понятіемъ о шаблонѣ, когда эти понятія, по своей сущности, совершенно противоположны. А вся путаница только оттого (*), что Давелюи не даетъ опредѣленія слову «принципъ», и не выясняетъ, что дѣло идетъ не о немъ, а о примѣненіи его къ обстановкѣ (времени и мѣсту), которое дѣйствительно разнообразно до безконечности.

35. Неправильный взглядъ Давелюи на бой, какъ на цѣль войны.

И такихъ смѣшеній въ понятіяхъ у Давелюи очень много. Бой Давелюи ставитъ *цѣлью* войны (стр. 13). Но разъ только исходить изъ такого положенія, все ученіе о *цѣлесообразности* боя отпадаетъ, такъ какъ оно теряетъ всякій смыслъ. А между тѣмъ это ученіе одинъ изъ очень важныхъ отдѣловъ стратегіи. Цѣль войны, напр. по Клаузевицу, не бой—а обезсилить противника. Бой-же—это лишь средство для достиженія этой цѣли. Правда, главное средство, но все-таки лишь средство, а не цѣль. И дѣйствительно въ трудѣ Давелюи и нѣтъ ученія о цѣлесообразности боя.

Но вчитавшись въ его книгу, видишь, что и тутъ у него сама мысль правильная, и только сбивчиво изложена. Дѣло въ томъ, что онъ, въ особенности какъ французъ, находится подъ вліяніемъ негодованія, и вполнѣ справедливаго, на долго практиковавшуюся французами на морѣ систему «сохраненія кораблей», и избѣганія въ этихъ видахъ боя. Это негодованіе онъ почерпнулъ изъ исторіи, но въ увлеченіи имъ на систему, принесшую его отечеству столько вреда, онъ поставилъ бой на мѣсто — не скажу неподобающее, ибо нѣтъ для боя слишкомъ высокаго мѣста въ военномъ дѣлѣ,—а просто на неправильное мѣсто, а изъ за этого и упустилъ страшно важное представленіе о цѣлесообразности боя. И если-бы, согласно Давелюи, такое представленіе не имѣло-бы мѣста въ умахъ французскихъ военныхъ моряковъ, то онъ не выяснилъ-бы для нихъ дѣло, а лишь одно заблужденіе замѣнилъ-бы другимъ—противоположнымъ.

Въ число «основъ стратегіи» у него, какъ я уже указалъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего, включены «внутреннія линіи»,

(*) Это ввело въ заблужденіе и адмирала Макарова. См. выше, 17.

а между тѣмъ не дается никакого опредѣленія операціонной линіи вообще. Вопросу о планѣ онъ посвящаетъ въ одномъ мѣстѣ всего четыре страницы, и многое, что относится къ этому вопросу, по мелочамъ разбросано по всей книгѣ.

Итакъ, Давелюи даетъ цѣлый рядъ превосходныхъ, интересныхъ и справедливыхъ мыслей, и прочитать его книгу совершенно необходимо всякому работающему по вопросамъ стратегіи, но, къ сожалѣнію, мысли эти приходится часто тщательно очищать отъ наростовъ неправильной терминологіи, чтобы оцѣнить всѣ ихъ достоинства.

И, значитъ, приходится признать, что о стратегіи, какъ наукѣ, о курсѣ стратегіи, у Давелюи нѣтъ и помина. Его книга представляетъ изъ себя не болѣе какъ совершенно сырой матеріалъ для разработки теоріи стратегіи. Она не можетъ *воспитывать* умъ—это невозможно при отсутствіи какого либо метода.

Въ трудѣ Давелюи ясно сказалось отсутствіе у него каѳедры, а значитъ и сравнительной безотвѣтственности. Писать гораздо легче и безотвѣтственнѣе, чѣмъ по долгу службы говорить передъ людьми, долгъ службы которыхъ изучать, и которымъ надо дать всѣ средства для этого изученія.

3. Бриджъ и Даррiюсъ.

36. «Искусство морской войны» Бриджа. Въ 1907 году появилось сочиненіе англійскаго адмирала Бриджа, подъ заглавіемъ—«Искусство морской войны» (*). Это ужъ трудъ гораздо большей цѣнности, чѣмъ только что разобранное сочиненіе Давелюи.

Онъ тоже не представляетъ изъ себя разработанной теоріи въ видѣ «науки», а тѣмъ болѣе это не «курсъ» стратегіи.

Въ немъ тоже отсутствуетъ «полнота», такъ какъ авторъ, не имѣя каѳедры, говоритъ лишь о томъ, что ему нравится. Но о томъ, о чемъ онъ находитъ нужнымъ говорить, говоритъ онъ превосходно.

(*) The art of Naval Warfare: introductory observations, by Admiral Sir Cyprian Bridge, G. C. B. 1907. Переведено на русскій языкъ въ 1912 г.

*

Всякое слово у него продумано. Во всемъ его трудѣ сквозитъ и полное безпристрастіе и огромный опытъ.

Не смотря на то, что книга Бриджа составляетъ трудъ большей части его сознательной жизни (онъ началъ ее обдумывать и печатать статьи, выражающія формулированные въ ней взгляды съ 1872 года), авторъ отводитъ ей очень скромное мѣсто.

«Изученіе морской войны» говоритъ онъ въ предисловіи «въ томъ видѣ, насколько это допустимо исключительно съ помощью книгъ, потребуетъ обширныхъ трактатовъ, излагающихъ и объясняющихъ событія прошедшихъ войнъ, и прилагающихъ ихъ выводы къ современной обстановкѣ (не правда-ли какой правильный и ясный планъ разработки военной науки!). Но едва-ли имѣется значительная надежда на появленіе такихъ трактатовъ, если не будетъ имъ подготовленъ путь. И вотъ эта маленькая книжка (дѣйствительно она заключаетъ въ себѣ всего 250 страницъ малаго формата), и представляетъ изъ себя попытку подготовить этотъ путь».

Общая мысль автора такая: ученія о морской войнѣ еще нѣтъ—вотъ попытка направляющаго вступленія къ разработкѣ матеріала для этого ученія. Поэтому онъ и даетъ подзаголовокъ — «вступительныя замѣтки» (introductory observations), и указываетъ, что на книгу свою онъ смотритъ какъ на вступленіе къ изученію военно-морской исторіи. Онъ считаетъ, что единственно правильный путь для обученія искусству веденія войны на морѣ,—это сообщить изучающимъ это искусство общія главныя направленія этого искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ направить ихъ къ тому, чтобы они прилагали эти знанія къ изслѣдованію отдѣльныхъ войнъ, кампаній и сраженій, т. е. къ историческимъ изслѣдованіямъ.

Приводя идею Бриджа къ принятому нами способу выраженія, онъ стремится заставить изучающихъ военную науку постигнуть природу морской войны, чтобы выработать въ себѣ способность прилагать результаты этого пониманія къ любой обстановкѣ.

37. Бриджъ объ изученіи исторіи войны на морѣ.

Красной нитью проходитъ по всей книгѣ стремленіе автора показать необходимость изу-

ченія исторіи (*) и главенство моральнаго элемента по сравненію съ матеріальнымъ. Онъ безпощадно бичуетъ слѣпое преклоненіе передъ техникой и пренебреженіе *общими* военными познаніями. «Врачъ не долженъ умѣть дѣлать инструменты» говоритъ онъ (стр. 6), «а долженъ только знать ихъ употребленіе». Недостаточность знанія исторіи, по его мнѣнію, ведетъ къ тому, что человѣкъ не въ состояніи отличать частнаго отъ принципіальнаго, и впадаетъ изъ за этого въ цѣлый рядъ ошибокъ. Бриджъ вполнѣ признаетъ важность правильной терминологіи. «Неправильная терминологія—это серіозный врагъ здравой стратегіи», говоритъ онъ (стр. 92).

Изъ вопросовъ особенно хорошо разобранныхъ у Бриджа, по сравненію съ предыдущими авторами, можно указать на вопросъ о базахъ, о планѣ и о требованіяхъ къ высшему командованію.

Оригинальна заключительная мысль автора (стр. 244)— «чѣмъ больше изучаемъ мы исторію, тѣмъ болѣе мы теряемъ привычку благодарить провидѣніе, что мы не таковы, какъ другіе». Дѣйствительно исторія учитъ скромности, и хорошія познанія по исторіи, какъ и вообще всякія хорошія познанія лучшее лекарство противъ самоувѣренности (**). Самоувѣренны именно невѣжды. Въ заключеніе Бриджъ ставитъ одно очень трудно выполнимое требованіе, хотя оно имѣетъ и свою справедливую сторону. Онъ, вполнѣ правильно конечно, опасается (стр. 245—247) всякой чисто теоретической школы, т. е. увлеченій теоріей, или, если болѣе точно выяснить внутренній смыслъ его мысли, онъ просто боится рецептуры. Настоящая теорія, какъ мы видѣли (***), въ рецептуру впасть не можетъ—она смертельный ея врагъ. Но то, что часто выдается за теорію, сплошь и рядомъ впадаетъ въ шаблонъ—

(*) При этомъ онъ отнюдь не ограничиваетъ изученія исторіи только «послѣдними» событіями. Онъ сознаетъ, что для пониманія сущности войны годны всѣ періоды, лишь-бы дѣйствовали талантливые люди. «Исторія греко-персидскихъ войнъ» говоритъ онъ (стр. 247) «не является для изученія періодомъ слишкомъ древнимъ, а исторія русско-японской войны не является слишкомъ недавней, если мы можемъ найти въ нихъ поучительный матеріалъ для достиженія поставленныхъ нами цѣлей». См. также эт. III. 25.

(**) См. эт. V, 32, мнѣніе Фалькенгаузена о скромности.

(***) См. эт. II, 1 (опредѣленіе теоріи) и 8 (теорія и шаблонъ).

это тоже мы видѣли, и не разъ даже и на протяженіи этого очерка.

Поэтому можно понять, почему Бриджъ, придавая огромное значеніе исторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ требованіе, чтобы историкъ не дѣлалъ никакихъ выводовъ по стратегіи и по тактикѣ, и вообще пусть оставитъ онъ ихъ совсѣмъ въ покоѣ. Пусть историкъ только правильно изложитъ фактъ, а читатели—строевые офицеры ужъ сами сдѣлаютъ всѣ нужные имъ выводы, приложенные къ дѣлу. Изъ этого правила онъ допускаетъ только рѣдкія исключенія, когда историкъ вмѣстѣ съ тѣмъ и строевой офицеръ, и приводитъ какъ примѣръ таковаго—Мэхэна.

Его точка зрѣнія на роль историка—только устанавливать факты, совершенно правильна. Еще больше объясняется его взглядъ, если припомнить, что начиная съ Джемса, и кончая Корбетомъ, Вильсономъ, Лофтономъ, Клоусомъ и другими—историки англійскаго флота это не моряки, и даже не военные.

38. «Строй» и выводы изъ изученія исторій войнъ.

Но не слишкомъ-ли это много требовать отъ строя, чтобы онъ самъ работалъ надъ историческимъ матеріаломъ для полученія изъ него тактическихъ, а въ особенности стратегическихъ выводовъ.

Вѣдь хорошо, если флотъ столь счастливъ, что среди его личнаго состава много такихъ, и между ними и адмираловъ, которые считаютъ необходимымъ удѣлить время, не только на заглядываніе въ исторію морскихъ войнъ, но и на ихъ *изученіе*. Быть можетъ англійскій флотъ и имѣетъ много такихъ, но я въ этомъ позволю себѣ сомнѣваться, несмотря на то, что самъ Бриджъ служитъ тому примѣромъ. Дѣйствительно, онъ дѣлаетъ изъ исторіи цѣлый рядъ очень цѣнныхъ выводовъ, и согласно своей идеѣ, имѣетъ полное право на это, такъ какъ всю свою жизнь провелъ въ строю. И дѣйствительно, оказывается, это не помѣшало ему изучать исторію морскихъ войнъ, не помѣшало стать и энергичнымъ защитникомъ неотложной необходимости такого изученія, и рекомендовать этотъ способъ изученія военнаго дѣла для всѣхъ.

Но здѣсь мнѣ кажется, онъ ошибается, какъ ошибался адмиралъ Макаровъ, предлагая каждому ставить на первое мѣсто въ рѣшеніи военныхъ вопросовъ *свой* собственный здравый смыслъ (см. выше, 18). Оба они слишкомъ мѣряютъ на собственную мѣрку. Ихъ ясному логическому мышленію конечно претитъ невыносимая рецептура, въ которую впадаютъ сплошь и рядомъ военные писатели. Но слѣдуя имъ, не будемъ-ли мы поддерживать ту «профессіональную анархію» (*), которая является столь губительной для идеи объ «единствѣ военнаго мышленія» (**)? А это непремѣнно случится, если всякій будетъ дѣлать выводы изъ исторіи только *для себя*, и работа эта не будетъ объединяться «военной наукой».

39. Склонность къ шаблону не зависитъ отъ характера службы.

И гдѣ ручательство въ томъ, что имѣющіе званіе «строевыхъ», не будутъ имѣть такой-же склонности къ рецептурѣ, какъ и военные «теоретики»? Правда нельзя упрекнуть въ этой склонности напр. Жомини (***) и Клаузевица, не страдали этой склонностью и эрцгерцогъ Карлъ и Бюловъ, и какъ мы видѣли выше и Шлихтингъ, и изъ морскихъ писателей—Лабресъ, Коломбъ и Мэхэнъ. А это вѣдь все люди изъ разряда тѣхъ, которымъ Бриджъ позволяетъ дѣлать выводы.

И вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно были свободны отъ склонности къ рецептурѣ напр. Джонъ Клеркъ въ своемъ «Опытѣ морской тактики», не бывшій ни морякомъ, ни военнымъ, и никогда не ступавшій на палубу корабля, и Лееръ въ своей «стратегіи», почти всю жизнь работавшій только въ кабинетѣ. И оба они были ярыми врагами той рецептуры, на которую справедливо ополчается Бриджъ.

И болѣе чѣмъ странно утверждать, что склонность къ рецептурѣ зависитъ отъ характера службы. Это просто неправда.

(*) См. ниже, 42.

(**) См. предисловіе и эт. II, 7.

(***) Если его и упрекали въ этомъ, то происходило это просто по недоразумѣнію, т. к. Жомини энергично возстаетъ противъ всякой рецептуры. См. эт. V, 11.

40. Кадръ для разработки военнаго дѣла какъ науки. Первое мѣсто въ умѣньѣ дѣлать цѣнные выводы изъ исторіи войнъ принадлежитъ все тѣмъ-же талантамъ, подкрѣпленнымъ широкимъ образованіемъ, и вооруженнымъ правильнымъ методомъ работы, и чѣмъ меньше эти таланты, тѣмъ сильнѣе должны быть эти необходимыя и большимъ талантамъ подпоры. Вотъ изъ такихъ людей, внѣ зависимости отъ ихъ близости къ «строю», и долженъ создаваться совершенно необходимый кадръ посредниковъ между исторіей войнъ въ видѣ только «точнаго установленія фактовъ» и строемъ, изучающимъ эти факты. Очевидно, самыми цѣнными въ этомъ кадрѣ будутъ, при наличіи у нихъ таланта и образованія, именно «практики», и, конечно, ихъ личный опытъ можетъ, въ извѣстной мѣрѣ, возмѣстить недостатокъ даже въ талантѣ и въ образованіи. Но только «въ извѣстной мѣрѣ», и при такомъ ограниченіи ихъ окажется немного, какъ немного будетъ и «талантовъ», способныхъ, при недостаточности личнаго опыта, проникнуть въ сущность дѣла. На сколько цѣнны Бутаковъ (*), Макаровъ, Бриджъ и Штенцель, на столько-же вреденъ Лабресъ, и на столько-же осторожно приходится относиться къ Коломбу и Мэхэну.

Но безъ этого «кадра» строю, съ извлеченіемъ изъ военной исторіи того что нужно для веденія войны, не справиться. Онъ къ этому и не подготовленъ и просто ему, въ огромномъ большинствѣ, и некогда этимъ заниматься. А кто окажется съ необходимой для такого труда подготовкой, и кто сумѣетъ отдать этому труду необходимое для него время, тотъ тѣмъ самымъ и войдетъ въ тотъ-же «кадръ», работающихъ надъ разработкой военнаго дѣла какъ «науки». Задача же ея только *объяснять* и направлять творчество на *путь* правильныхъ рѣшеній, и тщательное воздерживаніе отъ того, чтобы «рѣшать» (**), предоставляетъ широкое поле для «всѣхъ» въ дѣлѣ изученія исторіи войнъ, чтобы провѣрять выводы науки, укрѣплять ихъ въ себѣ, если онѣ оправдываются собственнымъ изученіемъ, и практиковать свой умъ въ

(*) См. эт. II, 13.
(**) См. эт. II, 7, 8 и 12.

оцѣнкѣ самой разнообразной обстановки, и тѣмъ подготовлять себѣ тотъ «глазомѣръ» и «умѣнье рѣшать», которые «практики» дѣйствительно должны вырабатывать себѣ сами, получивъ отъ «науки» лишь вѣрныя направленія. И вотъ для этой работы имъ дѣйствительно нуженъ *свой* неустанный трудъ по изученію исторіи, и такъ, съ моей точки зрѣнія, и надо понимать указанія Бриджа.

41. Особая цѣнность труда Бриджа. Въ заключеніе скажу о трудѣ Бриджа такъ. Повидимому, Бриджъ не изучалъ классическіе труды въ области войны на сушѣ. Каѳедры онъ не имѣлъ. Это, конечно, положило извѣстный отпечатокъ на его трудъ, и въ смыслѣ систематичности и полноты. Но талантъ его, и настоящій здравый его смыслъ, соединенные съ тщательнымъ изученіемъ исторіи морскихъ войнъ, привели его къ превосходнымъ изъ нея выводамъ, и предохранили его отъ наклонности къ шаблону. Солидный-же его профессіональный (строевой) опытъ придаетъ его выводамъ положительно исключительную цѣнность. Но опять-таки его трудъ, конечно, не курсъ стратегіи, а только превосходно подготовленный матеріалъ для извѣстныхъ отдѣловъ такого курса.

42. «Война на морѣ» Дарріюса. Одновременно съ трудомъ Бриджа, появилась въ 1907 г. во Франціи книга профессора стратегіи и тактики въ Высшей Военно-Морской школѣ въ Парижѣ, капитана 1-го ранга Darrieus'а, подъ заглавіемъ «La Guerre sur mer strategie et tactique. La doctrine» (*).

Авторъ находился въ самой благопріятной обстановкѣ для своей работы. Онъ занимаетъ каѳедру и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ строевой офицеръ. Каѳедра обязываетъ отвѣтственностью передъ слушателями, не только въ смыслѣ систематичности и полноты курса, но и въ отношеніи необходимости провѣрки всего этого всѣми доступными средствами. А значитъ нѣтъ возможности избѣжать изученія дѣла, какъ оно поставлено на однородныхъ каѳедрахъ въ арміи, начавшей работать гораздо раньше насъ. Имѣя каѳедру немыслимо ограничиваться выдумкой «своей» стратегіи.

(*) Переведена на русскій языкъ въ 1907.

Состояніе-же въ строю способствуетъ чувству мѣры и возможности оцѣнки пригодности изучаемаго для практическаго дѣла.

Дарріюсъ прежде всего приходитъ къ заключенію, что у насъ, т. е. у моряковъ—нѣтъ «метода» въ изученіи войны на морѣ (стр. 3) (*). Затѣмъ у насъ нѣтъ «доктринъ» морской войны, т. е. не выведены и не формулированы ея основные законы. Вотъ почему онъ даетъ подзаголовокъ своему труду — «Доктрина».

Изъ за этого, по его мнѣнію, во флотѣ царитъ въ отношеніи науки о веденіи войны на морѣ «профессіональная анархія».

Къ отсутствію «доктринъ» присоединяется отсутствіе изученія морскихъ войнъ, и въ общемъ получается впечатлѣніе «невѣжества».

Дарріюсъ приводитъ слова Мольтке: «Наши кампаніи и побѣды послужили наукой для французовъ, которые теперь, какъ и мы, обладаютъ численностью, вооруженіемъ и мужествомъ. Но наша сила въ *искусствѣ руководительства,* въ высшемъ командованіи — однимъ словомъ — въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ. Этой нашей силѣ Франція можетъ завидовать—этой силы у нея нѣтъ».

Вотъ эту силу надо создать и во флотѣ, такъ какъ, по мнѣнію Дарріюса, просто нелѣпо думать, что если это важно для веденія войны на сушѣ, то будто-бы это не нужно для флота.

Первымъ шагомъ къ созданію этой силы авторъ считаетъ «высшую военно-морскую школу», такъ какъ безъ нея нѣтъ «единства мнѣній». При «разноголосицѣ» не можетъ быть разумнаго руководительства, и прямое ея слѣдствіе — «профессіональная анархія».

43. Гипнозъ «ожиданія генія» ведетъ къ разгрому.

Конечно «выучить побѣждать нельзя» (стр. 8), тѣмъ болѣе никакая наука не создаетъ генія. Но если упереться съ ослинымъ упрямствомъ въ эту *очевидную* истину, то остается продолжать дѣлать то, что столь долго дѣлалось прежде, т. е. мириться съ общимъ невѣжествомъ,

---

(*) Страницы указываются по французскому оригиналу.

извинять преступную индиферентность и возмутительную инертность, въ *гипнотизированномъ состояніи ожиданія генія*—спасителя, авось онъ въ открытый ротъ свалится съ неба.

Вотъ въ такомъ-то пріятномъ ожиданіи, прибавлю я со своей стороны, и сваливается на голову задравшихъ ее къ небу невѣждъ не геній — спаситель, а *разгромъ*—учитель, и увы—не всегда и учитель!

44. Дарріюсъ объ изученіи исторіи. Дарріюсъ приходитъ къ выводу (стр. 13—15), что единственный способъ познать стратегію—это изучать исторію. Но при этомъ надо опасаться создавать «рецепты».

Стратегія должна только оріентировать. Цѣлью изученія исторіи онъ ставитъ извлеченіе изъ нея «философіи военнаго дѣла», а не простое лишь знакомство съ тѣмъ какъ дѣйствительно происходилъ тотъ или другой историческій фактъ.

Это дѣло историковъ, какъ таковыхъ, вродѣ Лакура и Ронсьера (*). Для стратегіи-же и тактики нужны тѣ *выводы* изъ исторіи, которые по мнѣнію Жомини «остаются неизмѣнными, которые могутъ быть возведены на степень *общихъ принциповъ*».

45. Опасность увлеченія «націонализмомъ». Въ одну изъ основъ своего труда Дарріюсъ кладетъ выраженіе фонъ-деръ Гольца (**) «писатель по стратегіи и по тактикѣ не долженъ упускать въ своихъ трудахъ *національной* точки зрѣнія; надо, чтобы онъ давалъ *національную* стратегію, *національную* тактику. Только такимъ способомъ онъ окажетъ дѣйствительную услугу своему отечеству».

Слова очень цѣнныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какія опасныя! Съ какой исключительною тщательностью изученія надо приступать къ осуществленію ихъ на дѣлѣ, чтобы не впасть въ пристрастность и въ рецептуру! Безъ всякаго сомнѣнія надо въ стратегическомъ или тактическомъ ученіи указать направленіе для использованія національныхъ достоинствъ и прикрытія національныхъ недостатковъ, какъ моральныхъ, такъ

(*) Lacour-Gayet и de Roncière извѣстные изслѣдователи по исторіи французскаго флота.

(**) Авторъ извѣстной книги «Вооруженный народъ».

и матеріальныхъ (напр. особенности театровъ войны, государственныхъ ресурсовъ и т. п.), но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не легко отмѣтить дѣйствительныя таковыя національныя отличія, въ особенности моральнаго свойства, и очень тщательно надо оговаривать условность указаній, построенныхъ на этихъ особенностяхъ, такъ какъ всегда будетъ существовать опасность, что масса, склонная вообще къ шаблону, и къ замѣнѣ труда тѣмъ что «дано отъ Бога», т. е. вообще къ меньшей затратѣ труда, пренебрежетъ тѣмъ трудомъ, который съ избыткомъ могъ-бы покрыть результатъ, ожидаемый отъ «національныхъ особенностей», оказывающихся къ тому-же часто и воображаемыми.

Огромное безпристрастіе требуется отъ изслѣдователя при опредѣленіи и оцѣнкѣ этихъ особенностей, и далеко не всѣмъ и не всегда удается сохранить это безпристрастіе.

И особенно опасенъ этотъ путь для насъ. Именно мы, въ надеждѣ на особый нашъ «духъ» много разъ на протяженіи нашей военной исторіи собирались «закидывать шапками» всѣхъ нашихъ враговъ, и едва-ли вытравили изъ насъ это стремленіе даже всѣ тяжкія перенесенныя нами испытанія...

«Планы обороны Артура» писалъ военный министръ за нѣсколько лѣтъ до войны съ Японіей (*) «разрабатывались западно-европейскими спеціалистами еще при китайскомъ управленіи, и по нимъ гарнизонъ крѣпости долженъ состоять не менѣе какъ изъ 20.000, а количество орудій не менѣе 350; предположеніе военнаго министерства ограничиваются сосредоточеніемъ на полуостровѣ всего 11.300 человѣкъ при 150 орудіяхъ, такое ограниченіе силъ военное министерство дѣлаетъ въ сознаніи необходимости возможно осторожнаго образа дѣйствій, въ расчетѣ на доблесть русскаго воинства, которое и при этихъ силахъ сумѣетъ отстоять Портъ-Артуръ, по крайней мѣрѣ на необходимое для прибытія подкрѣпленій время».

И развѣ можно сказать, что такой взглядъ не сыгралъ своей роли въ судьбѣ многострадальной крѣпости?

(*) Выдержки изъ этого доклада были напечатаны въ газетѣ «Русь» 15 января 1907 г.

Я помню, адмиралъ Макаровъ еще задолго до войны говорилъ (*): «минная война въ особенности въ духѣ русскаго человѣка, а потому намъ надо развивать минныя флотиліи».

Едва-ли можно серьезно обосновать такое утвержденіе, но пусть даже оно безошибочно — что мы вывели изъ такого указанія выдающагося авторитета?

Мы должны-бы были особенно тщательно *изучать* минную войну, а мы напротивъ—вообразили, что мы особенно къ ней способны, и что въ такой войнѣ мы и спустя рукава побѣдимъ. А оказалось, что нашъ противникъ, быть можетъ естественно и не столь способный къ такому роду войны, но тщательно изучившій и ее, взялъ надъ нами верхъ и въ операціяхъ минныхъ флотилій, ибо оказался болѣе подготовленнымъ и къ нимъ.

Мы охарактеризовали національную особенность нашего противника способностью «макакъ», и не малую роль сыграло это представленіе въ нашемъ допущеніи готовиться и дѣйствовать «кое-какъ».

Какъ мы видѣли въ предыдущемъ этюдѣ (**) нѣмецъ Шлихтингъ старательно указываетъ на то, что трудъ его чисто *національный*, что онъ знать ничего не хочетъ кромѣ того, что придется дѣлать германской массовой арміи на извѣстномъ театрѣ войны, а мы готовы принять его положенія какъ рецепты и для насъ, какъ когда-то перенимали у нѣмцевъ букли и косы.

46. Національизмъ вовлекъ Дарріюса въ пристрастность.

Вотъ и Дарріюсъ не сумѣлъ понять тѣхъ словъ фонъ-деръ Гольца, которыя онъ цитируетъ. Онъ понялъ ихъ, во первыхъ такъ, что для своихъ выводовъ изъ исторіи ему достаточно изучить главнымъ образомъ дѣянія французовъ на морѣ, а во вторыхъ, онъ не сумѣлъ при этомъ отрѣшиться отъ того, что онъ французъ, и на протяженіи своего историческаго изслѣдованія прилагаетъ всѣ старанія, чтобы сгладить ошибки въ дѣяніяхъ французскихъ адмираловъ.

(*) См. Разсужденія по Морской тактикѣ, стр. 214.

(**) См. этюдъ V, 18—21.

Изъ иностранныхъ адмираловъ Дарріюсъ разбираетъ только искусство Нельсона, который ужъ слишкомъ знаменитъ, чтобы имъ можно было пренебречь. О Дрэкѣ и Рюйтерѣ онъ не говоритъ ничего, а вѣдь именно они положили начало примѣненія истинныхъ основъ военнаго искусства къ морской обстановкѣ въ періодъ парусного флота. Вотъ первое послѣдствіе неосторожнаго строительства «національной» военной науки! А если мы вспомнимъ органическую неспособность французовъ именно къ стратегіи (*), то и увидимъ въ какое фальшивое положеніе попалъ Дарріюсъ, изъ котораго ему пришлось выходить, замазывая стратегическіе промахи разбираемыхъ имъ французскихъ адмираловъ.

Само по себѣ, внѣ вышеизложенныхъ соображеній, историческое изслѣдованіе Дарріюса, занимающее болѣе половины его книги, чрезвычайно интересно. Нѣкоторые сообщаемые имъ факты совершенно новые и очевидно извлечены изъ архивовъ. Но главное, чѣмъ можно воспользоваться изъ этого изслѣдованія для разработки курса стратегіи — это матеріаломъ о качествахъ высшаго командованія. Остальные вопросы, которые онъ затрагиваетъ при разборѣ искусства различныхъ флотоводцевъ, появляются какъ-то случайно, но все таки и въ нихъ найдется не мало цѣнныхъ мыслей о преимуществѣ наступленія передъ обороной, о сосредоточеніи силъ, объ изученіи противника, о вліяніи обстановки и т. п...

47. Дарріюсъ слабъ въ военно-морской исторіи. Морскія кампаніи Дарріюсъ разбираетъ исключительно изъ періода парового флота, начиная съ войны за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ отдѣлъ его труда является очень поверхностнымъ, и едва-ли на основаніи изслѣдованія такого рода можно рѣшаться дѣлать сколько нибудь обоснованные выводы.

Напр. относительно кампаніи 1866 г. въ Адріатическомъ морѣ можно съ полною увѣренностью сказать, что Дарріюсъ не ознакомился съ самыми обыкновенными и вполнѣ доступными источниками объ этой войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и

(*) Подробно это обосновано въ моей книгѣ «Организація морской силы» ч. II, стр. 1—66. Также М. Сб. за 1900 г. №№ 7 и 8.

совершенно обязательными для всякаго, кто хочетъ что либо о ней писать. Я говорю про трудъ бывшаго флагъ-офицера адмирала Тегетгофа, профессора Атльмайера—Attlmayr. Der Krieg Österreichs in der Adria im Iahre 1866,—который былъ написанъ въ 1896 г. по порученію морского отдѣла австрійскаго военнаго министерства, и который печатался и въ австрійскомъ морскомъ журналѣ, и вышелъ и отдѣльной книгой.

Вообще, что касается до источниковъ, на которыхъ основывается Дарріюсъ, то о нихъ мы ничего не знаемъ, такъ какъ ссылокъ онъ почти не дѣлаетъ, и это тоже нельзя не отнести къ недостаткамъ его труда.

Относительно кампаніи 1866 г. Дарріюсъ находитъ возможнымъ ограничиться лишь тактическимъ разборомъ сраженія при Лиссѣ, заявляя, что эта кампанія не даетъ стратегическаго матеріала. Въ этомъ и сказалась бѣдность тѣхъ источниковъ которыми онъ пользовался. Про кампанію 1866 г. можно сказать совершенно обратное. Тактическій матеріалъ Лисскаго сраженія въ значительной мѣрѣ устарѣлъ, и уже потому, что тактическій матеріалъ значительно менѣе устойчивъ въ своемъ значеніи для современности, чѣмъ стратегическій. Между тѣмъ въ стратегическомъ отношеніи эта кампанія въ высшей степени поучительна (*).

48. Причины недостатковъ труда Дарріюса. Недостатокъ обоснованности въ этой части труда Дарріюса, съ моей точки зрѣнія, прямое послѣдствіе того тяжелаго положенія, въ которомъ находятся всѣ работающіе по разработкѣ стратегіи въ области войны на морѣ (см. выше 1, 7 и 29), вытекающаго изъ неподготовленности историческаго матеріала для обобщеній и выводовъ (**). Пришлось за это взяться самому, а времени для

(*) См. мою статью въ «Военной Энциклопедіи»—«Австро-Итальянская война 1866 г.« т. I, стр. 83.

(**) Во французской высшей военно-морской школѣ прибавляется къ этому вѣроятное отсутствіе курса исторіи военно-морского искусства. Говорю вѣроятное—потому, что прежде такого курса тамъ не было навѣрно, а теперь если-бы онъ былъ, не пришлось-бы профессору стратегіи отдѣлять больше половины своего курса на предварительныя историческія изслѣдованія.

этого достаточно не было, и рамки курса, считая эти рамки пропорціональными рамкамъ разбираемаго труда Дарріюса, не допускали возможности удѣлить историческимъ изслѣдованіямъ соотвѣтственнаго мѣста. А извѣстнаго «гражданскаго мужества» у Дарріюса противиться своей понятной склонности, или столь-же понятнымъ требованіямъ руководителей академіи—какъ можно скорѣе перейти къ конкретнымъ выводамъ, къ курсу—не оказалось. Штенцель (см. выше 7) напр. отказался отъ окончательной разработки курса веденія войны, и мечталъ о немъ до самой смерти, посвятивъ весь свой трудъ лишь соотвѣтственной обработкѣ историческаго матеріала. Мэхэнъ только черезъ 24 года послѣ начала своей преподавательской дѣятельности напечаталъ свою стратегію (*).

Корбетъ сдѣлалъ это черезъ 13 лѣтъ послѣ появленія перваго его историческаго труда. Оба они эти большіе промежутки времени тоже посвятили соотвѣтственной подготовкѣ историческаго матеріала. Также поступали въ свое время и Жомини и Клаузевицъ (см. эт. IV, 3—5). Коломбъ и не пошелъ дальше историческаго изслѣдованія. Дарріусъ ихъ примѣру не послѣдовалъ, какъ это сдѣлалъ и Давелюи. Оба они только скользнули по изученію исторіи, а потому оба, собственно говоря, «выдумали» стратегію, а это уже очень сильно умаляетъ достоинство ихъ работы. Причины, по которымъ они это сдѣлали, могли быть очень различны. Давелюи, не обязанный каѳедрой въ смыслѣ срока и размѣра работы, могъ посвятить историческимъ изслѣдованіямъ сколько угодно времени. Но ему, или недоставало истиннаго пониманія необходимости и такой подготовки матеріала, хотя онъ и говоритъ объ этомъ, или просто ему «не терпѣлось». Дарріюсъ, можетъ быть и настоящимъ образомъ понималъ эту необходимость—онъ тоже много говоритъ объ этомъ, но онъ, быть можетъ слишкомъ легко поддался требованіямъ каѳедры, въ смыслѣ времени и мѣста, и напечаталъ то, что Штенцелъ находилъ

(*) Въ этихъ примѣрахъ я совершенно не касаюсь достоинствъ курсовъ, что зависитъ отъ таланта и пониманія сущности дѣла, а лишь указываю взгляды авторовъ на возможность ихъ печатать до окончанія ихъ историческихъ трудовъ.

необходимымъ держать въ рукописи, изъ того-же нетерпѣнія подѣлиться съ личнымъ составомъ французскаго флота хотя-бы первымъ приближеніемъ въ своей работѣ. Что будетъ дальше мы увидимъ по его дальнѣйшимъ трудамъ, если оные появятся, а пока за нимъ историческихъ трудовъ не числится, и въ этомъ отношеніи Давелюи его превзошелъ, написавъ очень цѣнное изслѣдованіе по русско-японской войнѣ. Историческія-же изслѣдованія Дарріюса различныхъ кампаній, включенныя въ разбираемый его трудъ, повторяю,—чрезвычайно слабы. Но, хотя, по тѣмъ или инымъ причинамъ, Дарріюсу и пришлось скомкать историческую часть своего труда, она все таки взяла у него больше половины его книги. А такъ какъ и весь его трудъ тоже долженъ былъ уложиться въ извѣстныя рамки, то ему пришлось скомкать и стратегію, тѣмъ болѣе, что его трудъ заключаетъ въ себѣ и тактику, ибо онъ числится профессоромъ по обѣимъ этимъ наукамъ.

Между тѣмъ безъ предварительнаго обстоятельнаго изученія исторіи военнаго искусства нельзя и думать приступать къ разработкѣ курса сратегіи (см. выше 29, слова Леера).

Вотъ при такихъ ненормальныхъ условіяхъ отношенія самого Дарріюса къ своей работѣ, несмотря и на занятіе имъ каѳедры, и на принадлежность его къ «строю», курсъ его вышелъ очень несовершеннымъ, несмотря на всѣ его достоинства въ тѣхъ рамкахъ, въ которыхъ автору все таки удалось охватить свой предметъ.

Трудъ Дарріюса отнюдь не курсъ стратегіи. Это разсужденія по извѣстному циклу стратегическихъ вопросовъ, и выводы изъ этихъ разсужденій иногда очень далеки отъ серіозной обоснованности.

49. Оправданія Дарріюса недостатковъ его курса. Дарріюсъ, правда, самъ признаетъ недостатки своего курса, но тѣ объясненія которыя онъ даетъ этимъ недостаткамъ, съ моей точки зрѣнія, положительно не выдерживаютъ критики, и притомъ онѣ могутъ быть столь соблазнительны, какъ оправданія, и для другихъ, что нельзя на нихъ не остановиться.

Онъ признаетъ (см. стр. 358 и дальше), что трудъ его построенъ иначе чѣмъ соотвѣтствующіе труды въ области

войны на сушѣ, иначе чѣмъ курсы въ сухопутныхъ военныхъ академіяхъ. Тамъ, указываетъ онъ, самымъ тщательнымъ образомъ изучаютъ кампаніи — хотя-бы одну—чтобы имѣть случай говорить о всѣхъ деталяхъ вліяющихъ на веденіе войны. Онъ признаетъ всѣ достоинства этого метода.

Но, говоритъ онъ для этого «надо, чтобы тѣ, которымъ предлагается такое изученіе, обладали хотя-бы минимальнымъ количествомъ *общности мысли* относительно извѣстнаго ряда важнѣйшихъ истинъ».

Иными словами необходимо единство мышленія, основанное на воспринятіи основныхъ принциповъ, и тогда, съ ихъ точки зрѣнія, подробное изученіе историческихъ событій полезно.

А такъ какъ во флотѣ единства мышленія еще нѣтъ, то отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что «умы морского сословія еще не достаточно зрѣлы для *раціональнаго* изученія искусства веденія войны». Не правда-ли, выводъ, дѣйствительно, удивительный! Прежде всего тотъ примѣръ отсутствія единства мышленія, который онъ приводитъ, касается не основныхъ принциповъ, а предлагаемыхъ методовъ веденія войны съ Англіей, при настоящемъ наличіи силъ французскаго флота. Вѣдь методы эти дѣйствительно могутъ быть различны, такъ какъ разные люди и въ дѣйствительности могутъ съ одинаковымъ успѣхомъ принимать различные *пріемы* и съ тѣми-же средствами, и исходя притомъ изъ тѣхъ-же самыхъ основныхъ положеній. Это различіе вполнѣ законное. То различіе въ мнѣніяхъ, на которое онъ указываетъ, относится повидимому въ значительной мѣрѣ и до исполнительной части плана, а не до основъ его. «Каждый сдѣлаетъ лучше *по своему*, говоритъ Лееръ (*). «У всякаго есть своя манера, свой методъ въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей. Этотъ видъ *методизма*, именно *методизмъ субъективный*, какъ его называетъ Клаузевицъ, долженъ быть признанъ дѣломъ вполнѣ законнымъ, въ противоположность *методизму объективному* (рутинизму, законному лишь въ низшихъ сферахъ искусства)».

(*) Стратегія. Т. I. 5-е изд. стр. 394.

50. Основныя понятія надо доказывать возможно точно.

Что-же касается до отсутствія единства мысли въ области основныхъ понятій о веденіи войны на морѣ, то ѐсли Дарріюсъ говоритъ именно о нихъ, и тѣмъ паче если онъ именно ихъ имѣетъ въ виду, то вѣдь единство это ничѣмъ инымъ достигнуто быть не можетъ, какъ убѣжденіемъ въ ихъ истинности. Для такого-же убѣжденія, разъ важность его признается Дарріюсомъ, никакъ нельзя экономить на полнотѣ и обоснованности доказательствъ. А такъ какъ эти доказательства почерпаются Дарріюсомъ исключительно въ исторіи (*), то очевидно недопустимъ бѣглый и поверхностный разборъ историческихъ фактовъ, который онъ себѣ позволяетъ, а именно ему надо было тщательно анализировать всякій фактъ, о которомъ онъ говоритъ. Трактованіе-же кампаній, вродѣ того какъ онъ трактуетъ кампанію 1866 г. на Адріатическомъ морѣ (см. выше, 46), совершенно недопустимо именно въ морскихъ академіяхъ, недавно основанныхъ, которыя только начинаютъ дѣло пропаганды и созданія «единства военнаго мышленія».

51. Дарріюсъ сваливаетъ свою вину на другихъ.

На самомъ-же дѣлѣ такія разсужденія Дарріюса имѣютъ видъ просто сваливанія *своей* вины на своихъ слушателей и читателей. Борьба съ ихъ невѣжествомъ, въ которомъ онъ ихъ обвиняетъ, въ томъ и должна состоять, чтобы всѣми мѣрами внѣдрять въ ихъ способъ мышленія о веденіи войны основные принципы этого дѣла, а для того чтобы сдѣлать это съ помощью исторіи войнъ, надо прежде всего самому хорошо изучить ее, чтобы избѣжать поверхностности въ изложеніи выводовъ этого изученія.

Дарріюсъ-же стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что «морская академія еще слишкомъ молода (слишкомъ недавно учреждена), чтобы она могла внушить, не только всему личному составу,

(*) Выводъ принциповъ возможенъ, и, съ моей точки зрѣнія, обязателенъ, и дедуктивнымъ путемъ (см. эт. III, 1—3), исходя изъ проявленій природы человѣка, въ обстановкѣ борьбы въ сферѣ смертельной опасности, но не только Дарріюсъ, а и вообще огромное большинство писателей по стратегіи— и въ числѣ ихъ Лееръ — не прибѣгаютъ къ этому способу, а потому, я его здѣсь и не подразумѣваю.

*

но даже и тѣмъ офицерамъ, которые въ ней обучались, такое единство взглядовъ, которое давало-бы на практикѣ единство рѣшеній (*)».

А потому, по его мнѣнію, и нельзя сравнивать методы преподаванія, принятые *теперь* въ сухопутной военной академіи, съ тѣми которые *пришлось* (?) *принять* въ морской.

Доказательствъ своего положенія, но напрасно, онъ ищетъ въ томъ положеніи въ которомъ находилось дѣло въ сухопутной французской академіи черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ 1870 года.

Онъ ссылается на генерала Бонналя, который черезъ 22 года (въ 1892 г.) послѣ этой войны писалъ: «Всѣмъ извѣстно то невѣжество, которое царило въ 1870 г. въ нашей (французской) арміи въ смыслѣ практическихъ познаній по стратегіи. Но полученный нами урокъ не пропалъ даромъ; дѣйствительно ни въ одну изъ эпохъ па протяженіи нашей исторіи, мы не проявляли такой кипучей дѣятельности какъ сейчасъ-же послѣ этой войны (**). Идеи, сначала смутныя, понемногу начали группироваться вокругъ нѣсколькихъ основныхъ принциповъ, извлеченныхъ изъ опыта, и такимъ образомъ выработалось основаніе для доктрины, имѣющей цѣль дисциплинировать умъ, а теперь (1892 г.) идеи эти находятся въ періодѣ полнаго развитія, причемъ въ этомъ широкое участіе приняла военная академія. Военная доктрина не предписывается. Она рождается изъ дружнаго содѣйствія умовъ, воспитанныхъ посредствомъ *постепенно* пріобрѣтаемыхъ убѣжденій».

Отсюда Дарріюсъ выводитъ совершенно справедливое указаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не оправдывающее его методъ работы, что требуется очень продолжительное время, и для того, чтобы разработать ученіе о войнѣ, а тѣмъ болѣе для того, чтобы это ученіе проникло въ толщу личнаго состава. Это мы ужъ видѣли хотя-бы на Леерѣ. Но это нисколько

(*) Это ужъ очень похоже на стремленіе къ шаблонамъ. Теорія ничего не рѣшаетъ, а только направляетъ на *путь* правильныхъ рѣшеній, совершенно не предполагая, и даже не допуская, что эти рѣшенія будутъ тожественны. А Дарріюсъ говоритъ «dicte à tous les *mêmes* solutions».

(**) Ибо флотъ не забросалъ цвѣтами могилу арміи (см. выше 32 и 33).

не уничтожаетъ требованія, чтобы первоначальная, хотя-бы и самая малая часть работы, слѣдовала-бы правильному методу и не была-бы поверхностной. Лееръ работалъ надъ трудомъ своимъ 32 года, но во всѣхъ своихъ стадіяхъ трудъ этотъ былъ строго научнымъ.

Дарріюсъ ссылается еще и на Берлинскую военную академію, которая привела къ такимъ блестящимъ результатамъ германскую армію.

Новаторомъ въ ней явился въ 1806 году генералъ Шарнгорстъ, который построилъ систему преподаванія въ академіи на изученіи кампаній Наполеона. «Но истинными мастерами и создателями германскаго генеральнаго штаба были, безъ всякаго сомнѣнія, Клаузевицъ и Диллизенъ; именно они, посредствомъ неустаннаго философскаго изслѣдованія событій наполеоновскихъ войнъ, создали цѣлый рядъ доктринъ, которыми такъ хорошо прониклась германская армія, и изъ которыхъ фельдмаршалъ Мольтке сумѣлъ извлечь столь блестящій результатъ. Но это проникновеніе въ умы личнаго состава потребовало около полувѣка».

Повторяю, Дарріюсъ, мнѣ кажется здѣсь просто путается въ своихъ ссылкахъ и заключеніяхъ. И прежде всего, онъ невѣрно оцѣниваетъ обстановку. Берлинская академія дѣйствительно въ 1806 г. начала работать почти на чистомъ мѣстѣ. Наполеоновская эпоха еще протекала и не была изучена. Очевидно начали съ изученія фактической стороны этихъ кампаній, и только вслѣдъ за этимъ послѣдовало философское ихъ изученіе (Клаузевицъ), и въ результатѣ появилась теорія стратегіи, для чего понадобилось около 15 лѣтъ. А затѣмъ, правда, еще около 35 лѣтъ прошло до момента когда пруссаки начали примѣнять положенія этой теоріи (1866 г.), но это время понадобилось уже не на созданіе теоріи стратегіи, а на проникновеніе этой теоріи въ толщу личнаго состава. Самая-же работа созданія теоріи была выполнена всего въ 25 лѣтъ, считая тутъ и фактическое и философское изслѣдованіе.

Когда-же проснулись французы послѣ 1870 г., если спали у нихъ и въ академіи, а на это похоже, если судить по сло-

вамъ Бонналя, то работа по созданію доктринъ стратегіи была, сравнительно, не такая ужъ сложная.

Теорія была уже разработана. На лицо были труды Клаузевица, Жомини, Леера и другіе. Надо было только въ нихъ разобраться и повѣрить ихъ выводы опытомъ послѣднихъ двухъ большихъ войнъ. Это ужъ конечно требовало меньше времени, чѣмъ тогда, когда 60 лѣтъ тому назадъ, приступала къ этому дѣлу Берлинская военная академія. И дѣйствительно генералъ Бонналь (см. выше цитированныя его слова) констатируетъ, что уже черезъ 22 года послѣ войны, и въ теоріи разобрались, и правильныя идеи уже проникли достаточно глубоко въ толщу личнаго состава.

Дарріюсу пришлось трудиться надъ разработкой теоріи стратегіи по морскимъ матеріаламъ, не подготовленнымъ ни фактической соотвѣтственной разработкой, ни тѣмъ болѣе философской. И вдругъ онъ считаетъ возможнымъ разрабатывать эту теорію какимъ-то кустарнымъ способомъ, который сойдетъ и въ такомъ видѣ для «сѣрой» публики. Онъ полагаетъ допустимымъ, вмѣсто серьезныхъ изслѣдованій, способныхъ вырабатывать *убѣжденія*, отдѣлаться изложеніемъ ряда выраженій великихъ военныхъ людей, очень хорошихъ и поучительныхъ,— объ этомъ спора нѣтъ,— но только *выраженій*, которыя надо принимать на *вѣру*, въ силу преклоненія передъ авторитетомъ, а не *доказательства*.

Изъ этихъ выраженій и изъ болѣе чѣмъ поверхностнаго разбора нѣсколькихъ послѣднихъ кампаній Дарріюсъ составляетъ небольшой кодексъ *истинъ*, настоящихъ истинъ — это правда, но недостаточно доказанныхъ, а потому не могущихъ претендовать на то, чтобы быть для всѣхъ убѣдительными.

А самого-то курса стратегіи и нѣтъ, и по характеру содержанія, да и по полнотѣ. Достаточно отмѣтить, что и Дарріюсъ не даетъ опредѣленій, нѣтъ у него ученія о замыслѣ (операціонной линіи), о базахъ, о подготовительныхъ и вспомогательныхъ операціяхъ и т. п. И когда онъ ссылается на примѣры сухопутныхъ академій, то это просто недоразумѣніе. Именно въ нихъ, по приводимымъ имъ-же словамъ, доктрина создавалась упорнымъ трудомъ тщательныхъ, сначала историческихъ, а потомъ философскихъ изслѣдованій.

52. Трудъ Дарріюса — не курсъ стратегіи. И такъ, его работа — не курсъ стратегіи, а лишь очень интересныя разсужденія по стратегіи, которыя въ большей мѣрѣ могутъ способствовать нагроможденію фактовъ и идей, т. е. накопленію умственнаго жира, чѣмъ созданію умственныхъ мышцъ, въ видѣ правильнаго военнаго мышленія.

Что-же касается до его метода, то еще разъ повторяю, никакъ нельзя недостаткомъ подготовки слушателей и читателей, оправдывать собственную неподготовленность. Мы, работники словомъ и перомъ въ области разработки теоріи стратегіи, можемъ ошибаться въ томъ что мы дѣлаемъ, мы можемъ не поспѣть сдѣлать хорошо — все это такъ, и бываетъ сплошь и рядомъ, но мы не смѣемъ сознательно пропагандировать поверхностность, цинично обнажая нашу собственную неподготовленность, какъ яко-бы *должную*, яко-бы оправдываемую «сѣростью» нашихъ слушателей и читателей. Этимъ мы только самымъ яркимъ образомъ выставимъ нашу собственную «сѣрость». Такой методъ недостоинъ «каѳедры», онъ унижаетъ ее.

4. *Корбетъ.*

«Some principles of maritime strategy».

53. Характеристика Корбета. Въ 1911 г., послѣ продолжительной исторической работы, извѣстный англійскій морской историкъ Корбетъ напечаталъ свой трудъ по стратегіи подъ заглавіемъ: «Some principles of maritime strategy».

Каѳедры по стратегіи онъ не занимаетъ и къ строевому составу флота не принадлежитъ. Онъ даже и не военный (*). Не смотря на это, раньше чѣмъ приступить къ своему труду по теоріи веденія войны, онъ тщательно изучаетъ классическихъ писателей въ области войны на сушѣ. Онъ постоянно цитируетъ взгляды Жомини, и въ особенности

(*) По образованію юристъ. Профессоръ англійской исторіи въ оксфордскомъ университетѣ. Его перу принадлежатъ: «Monk». 1889; «Drake and the Tudor Navy, with a history of the rise of England as maritime power». 2 vol. 1889; «The successors of Drake» 1892; «Papers relating the Navy during the spanisch war 1585—87». 1898; «Sir Francis Drake» 1904; «England in Mediteraneau 1603—1713» 2 vol. 1904; «Fighting Instructions 1530—1816» 1905; «England in the Seveu years war, a study in combined strategy» 1906; «The campaign of Trafalgar» 1907.

Клаузевица, котораго онъ ставитъ исключительно высоко, и другихъ.

Казалось-бы, что у Корбета было достаточно шансовъ создать выдающійся трудъ по стратегіи въ области морской войны—рядъ солидныхъ трудовъ по исторіи морскихъ войнъ, и тщательное изученіе классиковъ въ области войны на сушѣ. Отсутствіе каѳедры, разъ человѣкъ имѣетъ свою собственную охоту и досугъ для разработки войны какъ науки, несущественно, и примѣромъ тому служитъ Бриджъ, (см. § 36), а Дарріюсъ показалъ (см. § 48—52), что не спасаетъ и каѳедра, если самостоятельно, или подъ давленіемъ другихъ, отнестись къ ней недостаточно добросовѣстно. Также не столь существенна непринадлежность къ военному сословію и строю (см. § 39—40) при наличіи таланта и безпристрастности. Это доказали и Джонъ Клеркъ и Лееръ, и отрицательныхъ примѣровъ тому сколько угодно въ военной литературѣ. Нельзя отрицать таланта и у Корбета. А все таки онъ выдающагося труда по стратегіи не далъ, и скажу даже больше, трудъ этотъ можетъ оказать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже вредное вліяніе на неподготовленнаго читателя, который окажется способнымъ имъ увлечься сверхъ мѣры. А причина тому—крайній *націонализмъ* (см. выше, § 45) автора. Не тотъ націонализмъ, который заставляетъ тщательно и безпристрастно изслѣдовать въ равной мѣрѣ и національные свои недостатки и достоинства, чтобы отъ первыхъ избавиться, а вторые использовать (таковъ былъ Джонъ Клеркъ), и не тотъ націонализмъ, который имѣетъ задачей изъ разсмотрѣнія особыхъ условій своей страны, выработать наилучшіе методы для веденія войны именно въ этихъ условіяхъ (къ таковымъ напр. можно причислить и Шлиххтинга, см. эт. V), а тотъ націонализмъ, который не видитъ въ прошломъ своего народа его ошибокъ, а видитъ только одни достоинства, который во что бы то ни стало хочетъ оправдать эти ошибки, когда на нихъ указываютъ другіе.

Вотъ именно таковъ Корбетъ. Изъ своихъ историческихъ трудовъ, которые всѣ относится исключительно къ исторіи англійскаго флота, онъ вынесъ очень одностороннее «пониманіе» *англійской* морской стратегіи, по которой выходитъ,

что англичане всегда дѣйствовали очень хорошо, и что это и оправдалось ихъ успѣхами. И для подтвержденія такого вывода онъ привлекаетъ и Жомини и Клаузевица, заимствуя отъ нихъ то, что ему нужно, и объясняя ихъ «сухопутностью» то, что идетъ въ разрѣзъ съ его взглядами.

Вотъ имѣя все время въ виду этотъ узкій націонализмъ Корбета, изученіе его труда представляетъ огромный интересъ, и матеріалъ для разработки курса стратегіи въ области морской войны онъ даетъ чрезвычайно цѣнный.

54. Намѣренія у Корбета хорошія.

Намѣренія-же у Корбета самыя хорошія. Онъ ставитъ себѣ задачей работать для созданія «единства мысли», которое создаетъ взаимное пониманіе безъ объясненій и безъ словъ, и даже при небрежномъ объясненіи. А это можетъ дать, по его мнѣнію, только надежно обоснованная теорія. Онъ приводитъ примѣръ (стр. 2—3), какъ, изъ за отсуствія общей тактической теоретической подготовки въ англійскомъ флотѣ, одинъ изъ капитановъ эскадры Роднея въ 1780 г. не понялъ въ бою сигнала своего адмирала, который заключалъ въ себѣ превосходную мысль, но очень темно выраженную, и изъ за этого Англія была лишена побѣды какъ разъ именно въ тотъ моментъ когда она ей была настоятельна нужна. Единство мысли въ области стратегіи въ особенности важно, по мнѣнію Корбета, для Англіи, такъ какъ въ случаѣ войны, приготовленія къ ней и веденіе ея, будутъ разбросаны по всему свѣту, и какія либо совѣщанія тутъ будутъ немыслимы.

Отрицаютъ пользу теоріи лишь тѣ, которые не понимаютъ чего именно можно отъ нея требовать. Корбетъ опредѣляетъ, что дѣло теоріи вырабатывать *нормы* для различныхъ дѣйствій на войнѣ, но отнюдь *не рецепты*, которымъ можно слѣдовать слѣпо. Правда величайшіе успѣхи были достигнуты посредствомъ самыхъ смѣлыхъ отклоненій отъ нормъ, но надо принимать во вниманіе, что удачно это дѣлали только геніи, которые именно посредствомъ своей геніальности умѣли оцѣнить тѣ условія обстановки, которыя оправдывали такія отступленія.

Для поясненія значенія роли теоріи Корбетъ приводитъ хорошій примѣръ (стр. 7—8). Мореплаваніе имѣетъ дѣло со

столь-же неустойчивой обстановкой какъ и война. Законы штормовъ и приливовъ, вѣтровъ и теченій, и вообще метеорологіи очень неопредѣленны и неустойчивы, а между тѣмъ искусство кораблевожденія очень усовершенствовалось благодаря теоретическому изученію всѣхъ этихъ явленій, и безъ теоретической подготовки въ этой области немыслимъ теперь хорошій морякъ. Наконецъ, именно теорія связываетъ воедино морскую и сухопутную стратегію. Основой для нихъ служитъ «теорія войны».

Поэтому Корбетъ начинаетъ съ изслѣдованія этой «теоріи войны», которой онъ и посвящаетъ первую часть своей книги (73 страницы изъ 310). Именно здѣсь онъ обращается за основами къ сухопутнымъ классикамъ, о которыхъ потомъ уже и не упоминаетъ. По его образному выраженію, онъ раньше чѣмъ пуститься въ путь, изучаетъ карту составленную тѣми, которые уже прошли этотъ путь.

55. Въ «теоріи войны» Корбета нѣтъ ни изслѣдованія природы войны, ни установленія основныхъ ея принциповъ.

Судя по названію, именно здѣсь можно было ожидать изслѣдованія, самостоятельнаго или заимствованнаго, въ данномъ случаѣ это не важно, сущности войны и вывода изъ этой сущности тѣхъ основныхъ принциповъ, которые одинаково ложатся въ основу веденія войны какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ излѣдовать ихъ примѣненіе въ спеціальной обстановкѣ морской войны. Однако, къ сожалѣнію, о такихъ принципахъ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Притомъ съ самаго начала Корбетъ устанавливаетъ нѣсколько странную терминологію, относительно раздѣленія стратегіи, которое въ значительной мѣрѣ подрываетъ имъ-же самимъ указанное значеніе теоріи войны, какъ *единой* стратегіи. Онъ раздѣляетъ стратегію на *приморскую* (maritime) и *морскую* (navale) (*). «Подъ *приморской* стратегіей», говоритъ онъ (стр. 13)

(*) Въ общеупотребительномъ смыслѣ на русскомъ языкѣ слова *maritime* и *navale* однозначущи, и переводятся словомъ *морской*. Но исключая одинаковыя понятія соотвѣтствующія въ русскомъ языкѣ, какъ этимъ англійскимъ, такъ и въ особенности французскимъ словамъ, откуда они заимствованы англичанами, за словомъ *maritime* останется значеніе—*приморскій*, котораго слово *naval* совсѣмъ не имѣетъ. Это-же значеніе всего ближе къ тому смыслу которое ему очевидно придаетъ Кордетъ, а именно слово *приморскій*, опре-

«мы подразумѣваемъ принципы, которые управляютъ войной, въ которой существеннымъ факторомъ является море. *Морская*-же стратегія лишь та ея часть, которая опредѣляетъ движенія флота послѣ того какъ *приморская* стратегія опредѣлила какую роль долженъ играть флотъ по отношенію къ дѣйствіямъ сухопутныхъ силъ». Тутъ уже чувствуется какъ-бы выдѣленіе какой-то особой совершенно сухопутной стратегіи— и предчувствіе это потомъ оправдывается,—и выводъ основныхъ положеній не изъ сущности войны, какъ борьбы людей, а изъ условій типичной обстановки, такъ что можно впередъ сказать, что то, что называетъ Корбетъ «принципами», для войны напр. въ воздухѣ окажется непригоднымъ. Вотъ такого представленія о принципахъ Корбетъ изъ изученія Жомини и Клаузевица не вынесъ, и въ этомъ существенно отличается отъ Леера, способъ мышленія котораго я выставляю образцомъ въ этихъ изслѣдованіяхъ о стратегической литературѣ (см. эт. V). Самое названіе труда Корбета «Principles *of maritime* strategy» показываетъ, что онъ хочетъ выяснить тѣ принципы, которые руководятъ войной, въ которой принимаютъ участіе и армія и флотъ, но это вызываетъ представленіе, согласно смыслу его-же опредѣленія, что принципы—это общіе принципы войны, ложащіеся въ основу теоріи войны вообще. А на самомъ дѣлѣ онъ въ своей книгѣ больше противопоставляетъ и разграничиваетъ представленія о войнѣ сухопутныхъ и моряковъ, чѣмъ ихъ соединяетъ и обобщаетъ.

Изъ природы войны, въ томъ видѣ какъ она выражена въ ученіи Клаузевица, онъ беретъ лишь часть ея послѣдствій— связь политики и стратегіи, и соотвѣтственную этой связи классификацію войнъ (*). Но вѣдь это совсѣмъ не выражаетъ главную сущность войны какъ явленія насилія, и какъ про-

---

дѣляетъ тотъ раіонъ суши, гдѣ дѣйствія арміи тѣсно связаны съ дѣйствіями флота, который въ открытомъ морѣ собственно серьезныхъ объектовъ для своей дѣятельности не имѣетъ. Дальше (стр. 54) онъ прямо говоритъ, что maritime wars—это mixed wars, т. е. такія въ которыхъ участвуетъ армія и флотъ.

(*) Т. е. какъ разъ именно то, что рѣшительно отрицаетъ Шлихтингъ, см. эт. V, § 19.

явленій и требованій природы человѣка въ сферѣ насилія. Та выражается въ принципахъ, и между другими и въ принципѣ крайняго напряженія силъ. И вотъ ученіе о связи политики и стратегіи это есть лишь ученіе о зависимости мѣры приложенія этого принципа отъ политическаго элемента въ обстановкѣ. На этомъ нельзя построить ученіе о веденіи войны, игнорируя важность самихъ основныхъ принциповъ, а Корбетъ это именно и дѣлаетъ.

Онъ постоянно мѣшаетъ представленіе о самыхъ принципахъ съ *правилами* и *нормами* ихъ примѣненія, которое конечно полностью зависитъ отъ особенностей обстановки. Въ выясненіи этихъ особенностей, въ подборѣ соотвѣтствующихъ историческихъ примѣровъ, Корбетъ обнаруживаетъ недюжинный талантъ, и эти разсужденія представляютъ очень цѣнный вкладъ въ морскую стратегическую литературу. Но когда онъ этими разсужденіями хочетъ опрокинуть не слѣпую приложимость правилъ и нормъ, создававшихся для войны на сушѣ, къ веденію войны на морѣ—эта была-бы вполнѣ законная и полезная борьба съ рецептурой,—а хочетъ доказать неприложимость и самыхъ принциповъ къ этой войнѣ, тогда онъ заходитъ самъ и заводитъ читателя въ опасныя дебри, въ особенности когда онъ руководится при этомъ узкимъ націонализмомъ. А замѣтить это у него далеко не всегда одинаково легко именно потому, что онъ не выдѣляетъ принципы особо отъ правилъ и нормъ, онъ не выводитъ ихъ изъ сущности войны, а выводитъ какъ тѣ, такъ и другіе все изъ той-же обстановки, или связываетъ ихъ съ представленіями о способахъ веденія войны тѣхъ или другихъ, хотя-бы и выдающихся, военныхъ людей. Но эти способы—это вѣдь лишь проявленія степени ихъ пониманія сущности войны въ той или другой типичной обстановкѣ, складывавшейся изъ тѣхъ элементовъ политическихъ, географическихъ (напр. суша или море), и матеріальныхъ (напр. состояніе оружія, численность и т. п.), въ которыхъ имъ приходилось дѣйствовать — а совсѣмъ не самая сущность, которая находится внѣ ихъ, и достоинство которой не можетъ оцѣниваться степенью ихъ пониманія этой сущности. Я уже имѣлъ случай говорить о

неправильности связыванія представленія о «теоріи» военнаго дѣла съ какимъ либо именемъ (см. эт. V, § 11).

56. Корбетъ связываетъ «теорію» и принципы» не съ природой» войны а съ отдѣльными «именами».

Еще болѣе неправильно связывать съ какимъ либо именемъ, тотъ или другой изъ основныхъ принциповъ. Можно сказать, что Ллойдъ первый формулировалъ извѣстнымъ образомъ основные принципы, можно сказать, что Жомини ставилъ на первое мѣсто среди нихъ принципъ сосредоточенія силъ на рѣшительномъ пунктѣ, а Клаузевицъ—принципъ крайняго напряженія силъ, но никакъ нельзя сказать, что кто нибудь *создалъ* тотъ или другой принципъ, какъ создается тотъ или другой пріемъ, лишь проистекающій изъ принципа, приложеннаго къ обстановкѣ, хотя-бы то былъ и Наполеонъ. А Корбетъ это дѣлаетъ, и именно посредствомъ перемѣшиванія принциповъ со всѣмъ остальнымъ. Онъ опредѣляетъ характерныя черты, *новаго* для того времени Наполеоновскаго способа веденія войны (стр. 19), какъ 1) примѣненіе народной арміи вмѣсто наемной (это было нарождавшейся тогда нормой), 2) примѣненіе крайняго напряженія силъ до полнаго опрокинутія противника (это принципъ), 3) предпочтеніе наступленія оборонѣ (это лишь наивыгоднѣйшій способъ примѣненія всѣхъ принциповъ въ совокупности, когда то допускаетъ обстановка, и такова была обстановка въ которой дѣйствовалъ Наполеонъ), и 4) выборъ цѣлью операціи нанесеніе удара вооруженнымъ силамъ противника, а не занятіе извѣстной части его территоріи (это выборъ наивыгоднѣйшей цѣли для примѣненія принциповъ).

И вотъ когда Корбетъ характеризуетъ этими чертами основы *сухопутнаго* взгляда на веденіе войны, и оспариваетъ примѣненіе этихъ основъ къ морской обстановкѣ, онъ какъ-бы не видитъ, что это, за исключеніемъ второй, совсѣмъ не основы въ чистомъ своемъ видѣ, и что за ними стоятъ дѣйствительныя основы—принципы, прямо вытекающіе изъ сущности природы человѣческой борьбы посредствомъ насилія. А тутъ подоспѣваетъ и въ этомъ случаѣ его узкій національзмъ, и онъ не упускаетъ случая отмѣтить (стр. 20), что идея о крайнемъ напряженіи силъ и о выборѣ объектомъ опе-

раціи вооруженныхъ силъ противника принадлежитъ Кромвелю, т. е. и самый принципъ и наивыгоднѣйшій способъ примѣненія этого принципа, если и считать его за таковой всегда, принадлежатъ *англичанину*. Между тѣмъ ему слѣдовало во-первыхъ совершенно отдѣлить первый (принципъ) отъ второго (способа примѣненія), и показать, что первый вытекаетъ изъ неизмѣнной сущности войны, и существовалъ всегда, внѣ всякихъ Наполеоновъ и Кромвелей одинаково, и что внѣ ихъ существовалъ типично выгодный пріемъ, какъ обращеніе своихъ усилій именно противъ вооруженной силы противника. А потому этотъ принципъ и способъ примѣненія характеризовалъ дѣйствія всѣхъ выдающихся и полководцевъ и флотоводцевъ во всѣ эпохи, начиная съ глубокой древности, съ Ѳемистокла и Александра Великаго, и отъ способа этого отступали лишь подъ давленіемъ особыхъ условій обстановки, нисколько не нарушая этимъ основного принципа. Корбетъ же силится доказать, что способъ этотъ особенно непримѣнимъ именно въ морской обстановкѣ, и что именно, англичане это хорошо поняли, а потому и имѣли всегда успѣхъ.

57. Главная задача Корбета противорѣчитъ представленію о неизмѣнности принциповъ.

Это собственно главная задача, которую онъ поставилъ себѣ въ своемъ трудѣ. Задача болѣе чѣмъ неблагодарная, такъ какъ типичность этого способа, какъ въ большинствѣ случаевъ наивыгоднѣйшаго, проистекаетъ не изъ особенностей суши или моря, и происходящихъ изъ этихъ особенностей послѣдствій для войны, а изъ сущности насилія, задача котораго обезсилить противника, что очевидно достигается обезсиленіемъ его вооруженныхъ силъ, которыя потому и являются главнымъ объектомъ операцій во всякой войнѣ. А если это въ нѣкоторыхъ случаяхъ войны на морѣ, и на нихъ-то и опирается Корбетъ, не можетъ быть достигнуто однѣми морскими силами, безъ помощи арміи, то это отнюдь не значитъ, что и морскія силы не должны въ этихъ случаяхъ ставить себѣ это главной цѣлью, а лишь то, что значитъ соотвѣтственная армія и должна быть въ этихъ случаяхъ придана къ флоту для непосредственныхъ совмѣстныхъ съ нимъ дѣйствій. Такъ поступили японцы въ 1904 г., осадивши Порт-

Артуръ съ суши, именно для того, чтобы овладѣть русскимъ флотомъ, который имъ мѣшалъ сосредоточить свои усилія противъ русской арміи. Русскіе же сдѣлали капитальную ошибку, поставивъ себѣ главной задачей на морѣ не борьбу съ японскимъ флотомъ, а дѣйствія па сообщенія японской арміи, избѣгая морского генеральнаго сраженія. Можно съ другой стороны подобрать сколько угодно примѣровъ, что нельзя было одолѣть противника на сушѣ безъ помощи флота, ибо онъ или почерпалъ свою силу съ моря (испанцы въ борьбѣ съ Наполеономъ, англичане въ Гибралтарѣ, шведы въ борьбѣ съ Россіей, турки въ Азовѣ, гугеноты въ Ла Рошели, русскіе въ 1812 и 1854—55 г. и т. п.), или необходимо было для успѣха раздѣлить его силы угрозами съ моря въ тылъ и во флангъ. Таково положеніе для обѣихъ сторонъ напр. въ шансахъ нашей борьбы съ Германіей. И всѣ эти положенія отнюдь не должны вести на сушѣ къ тому, чтобы не ставить себѣ объектомъ непріятельскую армію, а къ тому чтобы непремѣнно для дѣйствій противъ нея привлечь и флотъ, и если такового нѣтъ, то создать его. Вотъ почему неблагодарная задача формулировать какіе-то особые яко-бы *принципы* чисто морской (naval) войны. Называть ихъ можно пожалуй какъ угодно—это будетъ только неудобная и сбивчивая терминологія, но все таки, если и называть ихъ принципами, то надо все время помнить, что за ними стоятъ другіе *неизмѣнные*, изъ которыхъ они проистекаютъ, и въ той мѣрѣ, поскольку они противорѣчатъ тѣмъ принципамъ, они противорѣчатъ и сущности войны, а значитъ въ той-же мѣрѣ они вредны.

И вредъ ихъ, притомъ еще обыкновенно трудно замѣчаемый, въ томъ и состоитъ, что масса, воспринявъ извѣстныя положенія какъ принципы, обыкновенно забываетъ объ ихъ условности, и стремиться обратить ихъ въ рецепты. Для англійскаго личнаго состава быть можетъ и не будетъ особаго вреда отъ превращенія положеній Корбета въ рецепты, потому-что онъ дѣйствительно во многихъ изъ нихъ очень мѣтко и тонко схватываетъ и характеризуетъ особенности той обстановки въ которой придется вести войну именно Англіи. Безъ вся-

кого сомнѣнія ему лучше чѣмъ намъ понятна сущность англійскаго духа, и то, что онъ проповѣдуетъ, быть можетъ и соотвѣтствуетъ этой сущности, и съ этой точки зрѣнія его нормы быть можетъ вполнѣ и умѣстны для англичанъ.

58. Опасность «націонализма» Корбета. Но тѣмъ большую опасность тогда таятъ его нормы для насъ, если мы воспримемъ ихъ какъ принципы, вытекающіе не изъ національныхъ особенностей обстановки и духа, а изъ самой сущности, если не войны вообще, а хотя бы только морской войны. А такія стремленія у насъ болѣе чѣмъ возможны, если мы не будемъ все время помнить объ узкомъ національзмѣ Корбета, и объ его пренебреженіи класть въ основу всѣхъ своихъ разсужденій дѣйствительные принципы веденія войны. Что такія увлеченія возможны мы видимъ на примѣрѣ Шлихтинга (см. эт. V.), идеи котораго рекомендуются у насъ къ непремѣнному руководству, несмотря на узкій его, и имъ самимъ провозглашенный, національзмъ, и на особую обстановку изъ который исходятъ всѣ его разсужденія. Его идеями увлекаются даже и въ нашемъ флотѣ, перенося къ намъ въ рецептурномъ видѣ его положенія пригодныя лишь для извѣстной сухопутной обстановки. Тѣмъ паче можно ожидать такого-же пониманія положеній Корбета, который написалъ *морскую* стратегію, который не выставляетъ на видъ, какъ это дѣлаетъ Шлихтингъ, свой узкій національзмъ, и который гораздо искуснѣе чѣмъ Шлихтингъ въ діалектикѣ, а потому и въ правильности доводовъ его куда труднѣе разобраться.

Вотъ почему я позволяю себѣ войти въ подробности при разборѣ этого его труда, чрезвычайно цѣннаго для всякаго работающаго по вопросамъ стратегіи въ обстановкѣ морской войны, но могущаго вмѣстѣ съ тѣмъ натолкнуть на очень рискованный путь человѣка не находящагося постоянно на сторожѣ, и недостаточно подготовленнаго въ смыслѣ широкихъ познаній по исторіи войнъ на морѣ, изъ которой Корбетъ почерпаетъ доказательства для своихъ положеній.

59. Корбетъ, яко-бы съ «англійской» точки зрѣнія оспариваетъ «принципъ» единой власти. Какъ яркій образчикъ тѣхъ заблужденій, въ которыя можетъ ввести Корбетъ, приведу его выводъ объ организаціи командованія смѣшанной экспедиціей. Онъ отрицаетъ необхо-

димость ставить во главѣ такихъ экспедицій *одного* общаго начальника, такъ какъ по его мнѣнію (стр. 306) «опасность треній между двумя командующими (флотомъ и арміей) ничтожна по сравненію съ опасностью, что общій начальникъ ошибется изъ за незнакомства своего съ той спеціальностью къ которой онъ не принадлежитъ».

Свой выводъ онъ оправдываетъ тѣмъ, что впродолженіи самаго блестящаго періода *англійскихъ* войнъ никогда смѣшанная экспедиція не ставилась подъ начальство одного лица—моряка или военнаго; всегда было два самостоятельныхъ начальника, которымъ предоставлялось дружески (amicably) приходить къ общему рѣшенію. И по увѣренію Корбета эта система, за очень рѣдкими исключеніями, оказалась очень хорошей. Какъ прекрасный (fine example) примѣръ хорошаго результата такой системы онъ приводитъ экспедицію союзниковъ въ Крымъ, когда военный совѣтъ состоявшій изъ адмираловъ и генераловъ даже разныхъ національностей, пришелъ относительно высадки къ правильному рѣшенію, и самая высадка удалась прекрасно.

Ну вотъ вамъ и рецептъ, а по мнѣнію Корбета одинъ изъ «some principles of maritime strategy»—не назначать общаго начальника смѣшанной экспедиціи, а предоставить полюбовно сговариваться начальнику десантной арміи съ начальникомъ флота. И какъ-же не принять этого рецепта, если весь огромный опытъ англичанъ, военная исторія которыхъ изобилуетъ смѣшанными экспедиціями, подтверждаетъ его надежность, и объ этомъ свидѣтельствуетъ такой извѣстный историкъ англійскаго флота какъ Корбетъ! Легко можетъ случиться, что именно такъ и будетъ разсуждать большинство.

Но не такъ будетъ разсуждать человѣкъ, привыкшій все расцѣнивать съ точки зрѣнія настоящихъ принциповъ, вытекающихъ изъ природы войны и природы человѣка—главнаго элемента въ явленіи войны, и знакомый съ исторіей морскихъ войнъ. Природа войны (сущность насилія) требуетъ твердыхъ, устойчивыхъ рѣшеній и энергичнаго исполненія этихъ рѣшеній, а природа человѣка такова, что это доступно

лишь тогда, когда рѣшаетъ и исполняетъ *одинъ*, при наличіи у него *полной мочи*, внѣ зависимости отъ какихъ либо военныхъ совѣтовъ, которыми нельзя управлять военной силой на войнѣ, хотя-бы этотъ военный совѣтъ и состоялъ всего изъ двухъ другъ другу не подчиненныхъ людей. А отсюда, прилагая это къ смѣшанной экспедиціи, выходитъ, что начальникъ у нея долженъ быть одинъ, а чтобы возмѣстить его незнакомство съ той спеціальностью, къ которой онъ не принадлежитъ, при немъ долженъ состоять такой спеціалистъ въ числѣ его непосредственныхъ помощниковъ. Конечно ошибки могутъ быть. Но если требованія природы войны ставить на первое мѣсто, то этими ошибками приходится пренебречь, такъ какъ нерѣшительность, вялость въ исполненіи и неизбѣжныя тренія между различными людьми состоящими на одинаковыхъ правахъ у одного дѣла, какъ послѣдствія отсутствія единства власти, противорѣчащія природѣ войны, далеко превзойдутъ по своимъ гибельнымъ результатамъ случайныя ошибки отъ профессіональнаго незнанія, разъ приняты мѣры, чтобы такія знанія начальникъ могъ легко почерпать отъ своего непосредственнаго помощника. Всѣ эти разсужденія выражаются въ *принципъ единства командованія.*

Отчего-же выводъ Корбета оказался въ противорѣчіи съ этимъ принципомъ? Да просто потому, что онъ здѣсь, какъ и вообще во всемъ своемъ трудѣ, съ основными принципами совершенно не считается, а всѣ свои такъ называемые «principles» выводитъ изъ особенностей какой либо обстановки, притомъ почти исключительно той, въ которой оказывались или могутъ оказаться англичане. А значитъ эти «principles» очень условны, и заимствовать ихъ надо съ большой осторожностью, непремѣнно провѣряя ихъ съ точки зрѣнія настоящихъ основныхъ принциповъ.

И разъ они имъ противорѣчатъ, приходится поневолѣ усомниться и въ серьезности историческихъ ссылокъ Корбета, несмотря на весь его авторитетъ.

И когда мы это сдѣлаемъ въ данномъ случаѣ, окажется, что сомнѣніе наше вполнѣ оправдается.

60. Невѣрное освѣщеніе Корбетомъ обстановки высадки союзниковъ въ Крыму.

Во первыхъ разберемъ его «fine exemple», долженствующій подтвердить, что рѣшеніе вопросовъ посредствомъ военнаго совѣта привело къ хорошему результату *даже* при самой тяжелой и сложной обстановкѣ. А тяжесть и сложность, по его мнѣнію заключались въ томъ, что не имѣлось достаточно свѣдѣній о мѣстахъ для высадки, и опасность отъ возможности нападенія со стороны русскаго флота была столь велика, что все предпріятіе было собственно безумно (short of madness). Но вѣдь мы знаемъ, что это было совсѣмъ не такъ. Союзный флотъ по численности значительно превосходилъ нашъ черноморскій флотъ, и въ то время какъ въ его составѣ было много паровыхъ кораблей, у насъ таковыхъ не было ни одного, и одинъ этотъ фактъ дѣлалъ высадку союзниковъ со стороны моря совершенно безопасной, и эта безопасность продолжала оставаться таковой къ какимъ-бы ошибочнымъ заключеніямъ ни приводили-бы результаты треній ихъ военныхъ совѣтовъ, и сколь-бы они ни медлили. А объ этомъ огромномъ неравенствѣ морскихъ силъ Корбетъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ, а даже напротивъ, увѣряетъ (стр. 292—3), что русскій флотъ очень немного уступалъ по своей боевой силѣ флоту союзниковъ (not much inferior in battle power), а о паровыхъ корабляхъ бросаетъ фразу о неиспытанности парового двигателя (even steam was an unproved element).

Такимъ образомъ, со стороны моря союзникамъ и нечего было ожидать какой либо помѣхи высадкѣ. А если имъ не помѣшали и со стороны суши, то мы-то вѣдь хорошо знаемъ, что это было результатомъ не искусства ихъ, а цѣлаго ряда ошибокъ со стороны нашей арміи, а потому примѣръ выбранный Корбетомъ ни въ коемъ случаѣ не годится для доказательства превосходства «англійскаго» способа организаціи командованія смѣшанной экспедиціей. Здѣсь могла быть надѣлана куча ошибокъ, и все таки за нихъ союзники-бы не поплатились.

А между тѣмъ Корбетъ прямо упивается «національной» гордостью по поводу этой организаціи. Съ негодованіемъ онъ

отмѣчаетъ, что въ Англіи создалась легенда, что будто-бы въ отношеніи организаціи и работы штаба эта война ничего не дала кромѣ отрицательныхъ (deterrent) примѣровъ. «На самомъ-же дѣлѣ» говоритъ онъ (стр. 292) «и въ отношеніи организаціи это было наиболѣе отважнымъ, блестящимъ и удачнымъ изъ всего, что мы когда-либо дѣлали въ этомъ родѣ».... Затѣмъ перечисливъ всѣ трудности предпріятія, онъ продолжаетъ: «И все таки все это было выполнено, и что касается до морской части операціи, методы, которые привели къ такому успѣху, характеризуютъ достиженіе высшей степени искусства, какъ результата всего того, что мы вынесли изъ богатаго нашего опыта предыдущихъ трехъ столѣтій».

61. И «англійскій» опытъ не опровергаетъ «принципа» единой власти.

Однако раньше чѣмъ сдѣлать окончательный выводъ о націоналистическомъ пристрастіи Корбета, надо сдѣлать предположеніе, хотя-бы и мало правдоподобное, — не правъ-ли онъ въ данномъ случаѣ въ томъ смыслѣ, что можетъ быть дѣйствительно свойства англійскаго національнаго характера таковы, что у англичанъ можно допускать состояніе у одного дѣла двухъ лицъ другъ другу не подчиненныхъ. Вѣдь онъ увѣряетъ, что, высказывая свое положеніе, онъ опирается на трехсотлѣтній опытъ англійскаго флота, и что англичане дѣлали такъ всегда, и всегда дѣло шло прекрасно.

Но для этого приходится провѣрить его историческую ссылку. И вотъ тутъ-то, увы, оказывается, что националистическое пристрастіе увлекло даже извѣстнаго историка на путь, если не прямого извращенія, то забывчивости по отношенію къ историческимъ фактамъ.

Почитайте Коломба и Клоуса (новѣйшая и наиболѣе обстоятельная исторія англійскаго флота, см. выше, 8), и вы натолкнетесь положительно на массу примѣровъ неудачъ и досадныхъ послѣдствій въ смѣшанныхъ экспедиціяхъ, благодаря треніямъ между морскими и сухопутными начальниками не подчиненными единой власти. Напр. въ 1741 г. (*), т. е. какъ

(*) L. Clowes. The Royal Navy, V. III, стр. 66—79.

разъ въ серединѣ того трехсотлѣтняго періода, на который ссылается Корбетъ, англичане предприняли цѣлый рядъ смѣшанныхъ экспедицій въ Вестъ-Индіи противъ испанскихъ колоній, причемъ во главѣ ихъ стояли неподчиненные другъ другу адмиралъ Вернонъ и генералъ Вентвортъ. Между ними сейчасъ-же возникли самыя серьезныя разногласія изъ за которыхъ, по мнѣнію Клоуса, и оказались эти экспедиціи неудачными, причемъ эти разногласія приняли такой характеръ, что графъ Ньюкастль писалъ Вернону (письмо отъ 31 октября 1741 г.): «Его Величество приказалъ мнѣ сообщить Вамъ и генералу Вентворту, что онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ относится къ спорамъ и враждѣ, возникшимъ между его морскими и сухопутными начальниками, противно его приказаніямъ, и съ огромнымъ вредомъ для службы; и я получилъ приказаніе рекомендовать вамъ, въ случаѣ разногласій въ мнѣніяхъ въ будущемъ, строго воздерживаться отъ рѣзкостей и горячности въ выраженіяхъ».

И оригинально, что министръ, запретивъ адмиралу ругать генерала, все-таки оставилъ ихъ вмѣстѣ, и въ томъ-же неподчиненномъ положеніи другъ другу, и опять послѣдовалъ рядъ неудачъ. Клоусъ такъ и называетъ этотъ періодъ войны «неудачными похожденіями Вернона и Вентворта». И такихъ примѣровъ чисто «англійской традиціонной» нормы въ организаціи верха смѣшанныхъ экспедицій можно привести очень много, и значитъ «принципъ единства власти» остается, вопреки Корбету, вѣренъ и для англичанъ, чего собственно и слѣдовало ожидать. Вотъ это-то и печально, что Корбетъ ничего не почерпнулъ у сухопутныхъ классиковъ о важности и неизмѣнности основныхъ принциповъ, а беретъ у нихъ только то, что подходитъ къ его предвзятымъ идеямъ о веденіи морской войны.

Я даже не скажу, чтобы эти предвзятыя идеи были несимпатичны. Напротивъ, онѣ были-бы даже очень похвальны, и привели-бы только къ хорошимъ результатамъ, если-бы Корбетъ оказался способнымъ не переходить мѣру въ подчиненіи какому-то внутреннему, я думаю, чисто инстинктивному особому своему чувству съ одной стороны, и націоналистическому пристрастію съ другой.

62. Предвзятое противопоставленіе «германской сухопутной» школы «англійской морской».

Основной мотивъ, который, насколько я понимаю, руководитъ Корбетомъ въ этомъ его трудѣ, это его желаніе бороться съ рецептами для веденія войны. Мотивъ болѣе чѣмъ симпатичный. Но къ несчастью, онъ вообразилъ, что эти рецепты — порожденіе континентальныхъ взглядовъ на войну, что вызваны они спеціально условіями войны на сушѣ, для которой они яко-бы вполнѣ пригодны, и что создали ихъ великіе полководцы, въ особенности Наполеонъ (въ болѣе раннія времена онъ въ область войны на сушѣ не заглядываетъ), а ввела ихъ въ ученіе о войнѣ германская, или континентальная школа (German or Continental School, стр. 38), во главѣ которой стоялъ Клаузевицъ.

Такой предвзятый взглядъ, основа котораго пожалуй лежала опять-таки все въ томъ-же націонализмѣ Корбета, помѣшалъ ему понять, несмотря на тщательное изученіе Клаузевица, что ни онъ, ни Наполеонъ ни въ какой мѣрѣ неповинны въ рецептурѣ; что всѣ выводы перваго и дѣйствія второго исходили изъ глубокаго ихъ пониманія природы войны, что и для войны на сушѣ, одинаково какъ и для войны на морѣ, недопустимы никакіе рецепты, и что лучшій способъ для борьбы съ рецептурой — это ясное пониманіе, что на войнѣ все должно соотвѣтствовать природѣ войны, и что къ обстановкѣ должны быть приспособливаемы все-таки ничто иное, какъ проявленія этой природы, а не то, что этимъ проявленіямъ противорѣчитъ, и что одна обстановка, сама по себѣ, никакихъ правильно обоснованныхъ и устойчивыхъ методовъ веденія операцій дать не можетъ. И разъ Корбетъ вообразилъ, что сухопутные почерпнули свои методы только изъ *обстановки*, то онъ и всталъ на путь вывода методовъ для войны на морѣ только изъ опредѣленія особенностей обстановки такой войны, и изъ противопоставленія этихъ особенностей особенностямъ войны на сушѣ. Объ основныхъ-же принципахъ войны вообще, вытекающихъ изъ природы войны, и которые, оставаясь неизмѣнными, различаются, въ зависимости отъ обстановки, лишь въ способахъ примѣненія, онъ не упоминаетъ. Поэтому вмѣсто органической связи методовъ

веденія войны на сушѣ и на морѣ, у него эти методы рѣзко противопоставляются другъ другу, и настолько, что его методы веденія войны на морѣ въ значительной мѣрѣ тяготѣютъ къ рецептурѣ, т. е. къ тому, противъ чего, по его мнѣнію, онъ энергично борется.

Таковы его «principles», которые на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не принципы, а просто нормы, сами по себѣ совершенно условныя, какъ нормы примѣненія неизмѣнныхъ принциповъ, хотя и къ типичнымъ, но все-таки измѣнчивымъ обстановкамъ. А тѣмъ болѣе условны его нормы, такъ какъ онѣ выведены исключительно только изъ условій обстановки, а потому подвержены опасности оказаться въ противорѣчіи съ дѣйствительными принципами, т. е. съ природой войны. Такой примитивный и заманчивый по своей простотѣ выводъ нормъ— обыкновенно излюбленный способъ массъ, большинства. Такія нормы особенно легко укореняются въ массѣ въ видѣ любимыхъ навыковъ, традицій и т. п. и легко тяготѣютъ къ тому, чтобы обратиться въ рецепты. Цѣлый рядъ такихъ *навыковъ* Корбетъ легко могъ найти въ исторіи англійскихъ морскихъ войнъ, и не только у массы и у среднихъ людей въ роли начальниковъ, но и у людей выдающихся, которые тоже подвержены были ошибкамъ.

И вотъ когда ко всему этому подоспѣлъ на помощь явно пристрастный націонализмъ Корбета, то отсюда и вытекло его стремленіе противопоставить «германской континентальной» школѣ, не просто даже морскую, а «англійскую» (British or or Maritime School) школу, и стремленіе оправдать и подвести подъ эту школу всѣ англійскіе морскіе *навыки* и *традиціи*, разсматривая ихъ лишь съ точки зрѣнія англійской морской обстановки, и не разбирая — соотвѣтствуютъ-ли они природѣ войны вообще. И здѣсь онъ доходитъ до такой мелочности, вродѣ указанной выше попытки доказать, что Наполеоновскіе методы веденія войны уже примѣнялись Кромвелемъ, и т. п.

Отсюда и проистекаютъ главнымъ образомъ, съ моей точки зрѣнія, тѣ рискованные выводы, къ которымъ иногда приходитъ Корбетъ. Яркимъ примѣромъ служитъ вышеприведен-

ный выводъ объ организаціи командованія смѣшанной экспедиціей.

63. «Инстинктивная» склонность Корбета къ погонѣ за нѣсколькими цѣлями приводитъ его къ «оборонительной» тенденціи.

Но кромѣ этого Корбетомъ владѣетъ, не превзятая, а какъ я уже выразился выше, особая идея чисто инстинктивная, которую онъ нигдѣ прямо не высказываетъ, и даже утверждаетъ противное, но которая помимо его воли проскакиваетъ во многихъ мѣстахъ, и оказываетъ замѣтное вліяніе на ходъ его разсужденій. Уловить и точно формулировать ее конечно очень трудно, — она больше чувствуется чѣмъ ясно сознается. Конечно, я впередъ согласенъ, что я могу здѣсь сильно ошибаться, но мнѣ эта идея представляется такъ. Корбетъ инстинктивно противъ такой рѣшимости, которая умѣетъ жертвовать второстепеннымъ въ пользу главнаго, онъ инстинктивно стремится къ такому рѣшенію, которое-бы отвѣчало цѣлому ряду требованій, даже другъ другу рѣзко противорѣчащихъ, онъ склоненъ къ какой-то инстинктивной жадности къ достиженію многихъ цѣлей. Національзмъ его проявляется и здѣсь. Онъ напр. приписываетъ идею о выборѣ какъ главнаго объекта для операцій непріятельской живой силы «континентальной» школѣ, и путемъ противопоставленій приходитъ къ заключенію, что для «англійской» школы это не такъ. Какъ англичанинъ, онъ инстинктивно не можетъ помириться съ какими-либо жертвами въ морской торговлѣ въ пользу чисто военныхъ цѣлей и т п. Эта инстинктивная погоня за многими цѣлями, что при наступательной тенденціи явно недоступно, незамѣтно приводитъ его къ явно оборонительной тенденціи, хотя онъ и не хочетъ въ этомъ сознаться, и у него вы найдете страницы (напр. 172—173, 228, 237, 260, 283, 301 и другія), гдѣ онъ горячо говоритъ о наступленіи, и о важности рѣшенія всѣхъ вопросовъ боемъ, но страницы эти имѣютъ характеръ какъ-бы оправданій противъ возможныхъ упрековъ въ оборонительной тенденціи. Но кончаются эти страницы, онъ вновь начинаетъ разсуждать, и между строкъ вновь проступаетъ помимо его воли эта оборонительная тенденція, проистекающая въ свою очередь изъ его инстинктивнаго стремленія къ погонѣ за достиженіемъ нѣсколькихъ цѣлей.

Вотъ изъ-за этой постоянной борьбы на страницахъ труда Корбета его и инстинктивныхъ, и предвзятыхъ, и узко націоналистическихъ идей съ тѣмъ, что онъ быть можетъ вполнѣ искренно хочетъ провести въ своемъ трудѣ — его обоснованность на безпристрастномъ обсужденіи условій обстановки морской войны, все это дѣлаетъ указаніе его заблужденій очень труднымъ. Далеко не во всѣхъ случаяхъ они проступаютъ такъ наглядно, какъ въ вышеразобранномъ вопросѣ объ организаціи командованія смѣшанной экспедиціей.

Но тѣмъ большій вредъ могутъ принести такія его положенія, рискованность которыхъ труднѣе замѣтить, а потому я позволю себѣ продолжить разборъ его труда.

64. Война съ «ограниченной» цѣлью Клаузевица въ освѣщеніи Корбета. Книга Корбета раздѣляется на три части: I—Теорія войны, II—Теорія морской войны, и III—Веденіе морской войны.

По заглавію можно было думать, что первая часть и представляетъ изъ себя изслѣдованіе о природѣ войны и формулированіе основныхъ принциповъ, обоснованное на сухопутныхъ классикахъ. Но объ этомъ нѣтъ и помина. Дѣйствительно именно здѣсь Корбетъ пользуется сухопутными классиками, но беретъ у нихъ только одинъ частный вопросъ, соотвѣтствующій его идеямъ о морской войнѣ.

Онъ прямо съ жадностью впивается въ тотъ отдѣлъ ученія Клаузевица, гдѣ тотъ говоритъ о зависимости характера войны отъ политики (*), и въ особенности въ его изслѣдованія о войнахъ съ *ограниченной цѣлью* (**), когда, или изъ за слабости, или изъ за ограниченной политической цѣли, военной цѣлью можетъ служить не живая военная сила противника, которую необходимо обезсилить, чтобы подчинить волю противника своей, а такой цѣлью можетъ служить напр. захватъ извѣстной части плохо защищенной территоріи противника, съ тѣмъ чтобы потомъ укрѣпиться на этой территоріи и ее оборонять, причемъ противникъ, опять таки или изъ за слабости, или изъ за того, что эта часть территоріи для него

(*) Клаузевицъ. Война Т. 1, стр. 10—11.

(**) Клаузевицъ. Война Т. II. Наброски для 8-й книги.

не представляетъ большой политической цѣнности, откажется отъ нея и раньше полнаго обезсиленія своихъ вооруженныхъ силъ, и даже можетъ откажется отъ нея и безъ всякой борьбы, а только подъ вліяніемъ угрозы, считая что для интенсивной борьбы за нее «игра не стоитъ свѣчей».

Вотъ пріемы именно такой борьбы, неизбѣжно тяготѣющей къ оборонѣ и къ выжиданію благопріятныхъ случаевъ для нанесенія ударовъ, болѣе всего соотвѣтствуютъ идеямъ Корбета, а потому онъ и стремится ихъ обосновать ссылкой на сухопутныхъ классиковъ, и главнымъ образомъ на Клаузевица. Онъ считаетъ, что Клаузевицъ *открылъ* «his new discovery», стр. 46) войну съ «ограниченной» цѣлью, и если онъ не смогъ достаточно широко развить теорію такой войны, то это произошло и оттого, что онъ совершенно не былъ знакомъ съ обстановкой морской войны, и съ англійскими пріемами веденія такой войны. Именно въ морской войнѣ, по мнѣнію Корбета, нѣтъ необходимости сосредоточивать всѣ свои усилія на низверженіи живой военной силы противника, что необходимо на сушѣ при веденіи войны съ «неограниченной» цѣлью, такъ какъ въ морской войнѣ легко захватить какую нибудь слабо защищенную колонію, и такъ какъ она отдѣлена отъ владѣльца ея морскимъ пространствомъ, иногда очень большимъ, то захватившему легко удержать свою добычу, *защищая* это морское пространство съ помощью флота. Чисто англійская точка зрѣнія тутъ ярко бросается въ глаза. Такой пріемъ очевидно доступенъ лишь такому государству, которое во первыхъ, владѣетъ болѣе сильнымъ флотомъ, дѣлающимъ попытку отобрать заморскій захватъ маловѣроятной, а во вторыхъ—такому государству, которое само отдѣлено отъ своего противника моремъ, а потому недоступно воздѣствію его арміи. И дѣйствительно Корбетъ во всей своей книгѣ совершенно не говоритъ о борьбѣ на морѣ двухъ такихъ государствъ, которыя имѣютъ общую сухопутную границу, не только въ отдаленныхъ колоніяхъ, но и въ метрополіяхъ. Притомъ онъ считаетъ какъ-бы установленнымъ фактомъ, что захватъ колоніи это не такой объектъ, изъ за котораго стоило-бы доводить борьбу до крайняго напряженія

силъ, и потому въ результатѣ въ такихъ случаяхъ и являлась всегда война, охарактеризованная Клаузевицемъ, какъ война съ «ограниченной» цѣлью, въ которой нѣтъ надобности ставить объектомъ для своей военной силы обезсиленіе именно военной силы своего противника. Но такъ было въ тѣ времена, откуда главнымъ образомъ черпаетъ свои примѣры Корбетъ,—въ періодъ паруснаго флота. Теперь-же и колоніи и заморскія страны пріобрѣли исключительную важность какъ свободныя земли для эмиграціи и какъ рынки сбыта, и теперь тѣ войны которыя будутъ происходить изъ за интересовъ связанныхъ съ заморскими странами едва-ли будутъ имѣть характеръ войнъ съ «ограниченной» цѣлью.

65. Корбетъ выставляетъ русско-японскую войну какъ примѣръ войны съ «ограниченной» цѣлью.

Какъ примѣръ такой войны въ новѣйшее время, и кромѣ того, по его мнѣнію, примѣръ очень простой и очень ясный (стр. 74), онъ приводитъ русско-японскую войну. Тутъ на лицо была «ограниченная» территоріальная цѣль—захватъ Кореи, и возможность, благодаря ея дальнему отстоянію отъ Европейской Россіи, удержать этотъ захватъ, сравнительно небольшими силами, и главнымъ образомъ съ помощью флота, подобно напр. Севастополю въ Крымской войнѣ. Здѣсь не было, по мнѣнію Корбета, осложненій въ видѣ союзниковъ, такъ какъ англо-японскій союзъ локализировалъ борьбу. Затѣмъ Корея не была столь важна для Россіи, чтобы изъ за нея ей стоило доводить борьбу до крайняго напряженія силъ, и наконецъ на лицо было и главное условіе, которому Клаузевицъ придаетъ важнѣйшее значеніе въ вопросѣ о цѣлесообразности примѣненія такого рода войны—своимъ захватомъ Кореи и расположеніемъ своего флота въ этихъ водахъ японцы вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали и безопасность своей собственной страны.

А разъ такова была форма войны, то можно было не ставить своей главной цѣлью уничтоженія живой силы противника. Именно потому японцы повезли сразу экспедиціонный корпусъ въ Корею, не завладѣвши предварительно моремъ, и до тѣхъ поръ не обращали серьезнаго вниманія на русскій флотъ (under cover of *minor* operations of the fleet), пока

Корея не была занята достаточными силами, чтобы ее *удержать*. А тогда, чтобы *обезпечить* ее со стороны моря, пришлось взять Портъ-Артуръ, чтобы уничтожить находившийся тамъ русскій флотъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ взять Ляоянъ, такъ какъ онъ представлялъ изъ себя превосходную *оборонительную* позицію для прикрытія Кореи и Портъ-Артура. Бой при Цусимѣ совершенно обезпечилъ Корею со стороны моря, и позиція тамъ японцевъ стала столь-же *неприступной* какъ позиція Веллингтона за укрѣпленіями Торресъ Ведрасъ. «Оставалось теперь» заключаетъ Корбетъ характеристику этой войны (стр. 78—79) перейти къ третьей ступени этой формы войны—доказать Россіи, что ей выгоднѣе помириться съ создавшимся положеніемъ, чѣмъ стараться его опрокинуть. Это было выполнено наступленіемъ на Мукденъ, и Японія добилась своего, будучи очень далеко отъ обезсиленія своего противника. Наступательная сила Россіи никогда не была такъ велика, тогда какъ таковая сила японцевъ почти изсякла».

Изъ этой характеристики, не скажу—очень ловко, такъ какъ считаю, что Корбетъ вполнѣ добросовѣстенъ, и дѣлаетъ это просто инстинктивно подъ напоромъ своихъ идей—но все-же очень настоятельно проводится оборонительная идея, присущая войнѣ съ «ограниченной» цѣлью.

66. Для Японіи война съ Россіей не была войной съ «ограниченной» цѣлью.

Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Я конечно не принимаю во вниманіе явно случайной ошибки Корбета, гдѣ онъ приписываетъ Мукдену то, что было достигнуто Цусимой. Но была-ли это война, въ той мѣрѣ въ какой она исходитъ изъ политики—а только тогда и могутъ быть примѣнимы разсужденія Клаузевица—войной съ «ограниченной» цѣлью?

Угроза Россіи захватить Корею, а японцы были увѣрены въ таковомъ нашемъ намѣреніи, грозила, опять таки по мнѣнію японцевъ, самому существованію Японіи, а потому, что касается до нея, она была готова вести, да и вела эту войну, съ полнымъ напряженіемъ силъ, до полнаго ихъ истощенія, съ огромнымъ рискомъ, въ случаѣ пораженія, потерять всякую надежду чтобы выбиться когда либо изъ положенія третье-

степеннаго государства. Значитъ для нея въ этой войнѣ цѣль отнюдь не была «ограниченной», въ видѣ завладѣнія Кореей. Ея цѣль была отстоять свое существованіе и совершенно не только опрокинуть могущество Россіи на берегахъ Тихаго океана въ данный періодъ времени, но уничтожить и самую возможность возстановленія этого могущества въ будущемъ. И сообразно этой идеѣ, чисто наступательной, они и дѣйствовали. И съ моей точки зрѣнія никакъ нельзя сказать, что въ этой войнѣ въ ихъ дѣйствія проникала идея—захватить Корею, засѣсть въ ней, и доказать противнику, что безъ чрезмѣрныхъ усилій онъ ее назадъ не возьметъ, а потому пусть отъ нея откажется, и что на русскую живую военную силу они смотрѣли лишь съ точки зрѣнія, насколько она можетъ помѣшать ихъ идеѣ. Если-бы это было такъ, то Японія не должна была даже и начать эту войну, такъ какъ раньше ея начала ей уже было извѣстно, что Россія предоставляетъ ей въ Кореѣ полную свободу дѣйствій. Однако она сдѣлала видъ, что будто-бы ей ничего неизвѣстно объ этой уступкѣ, и скорѣе начала войну, чтобы оставить *видимыя* причины войны тѣ-же самыя, и идти къ гораздо болѣе важной цѣли, которую никакъ нельзя назвать «ограниченной». И потому и всѣ дѣйствія ея были проникнуты отнюдь не оборонительной идеей, а чисто наступательной, и на первое мѣсто она ставила отнюдь не занятіе Кореи и обращеніе ея въ неприступную позицію, а именно обезсиленіе русской военной силы, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, и главнымъ образомъ на морѣ, такъ какъ этимъ обезпечивалась сила и ея арміи. Съ самаго перваго момента войны японцы сосредоточили свои усилія на достиженіи этой послѣдней цѣли, и когда не помогли ни внезапная минная атака, ни закупориваніе, ни бомбардировки съ моря, они отдали цѣлую армію на то, чтобы взять русскую морскую силу съ сухого пути. И если они въпродолженіе этой операціи берегли свою эскадру, то именно потому, что знали, что ей придется выдержать борьбу съ русскими морскими подкрѣпленіями, шедшими изъ Европейской Россіи. И если они повезли войска раньше чѣмъ завладѣли моремъ, то именно потому, что ждать они не могли,

такъ какъ иначе русскіе поспѣли бы сосредоточить въ Манчжуріи превосходныя силы. А всѣ мѣры къ тому, чтобы эта перевозка совершилась благополучно, были ими приняты, и всѣ эти мѣры противъ русскаго флота носили ярко наступательный характеръ, и имѣли цѣлью уничтожить этотъ флотъ. А при заключеніи мира они не удовольствовались не только Кореей и Портъ-Артуромъ, но даже и Южной Манджуріей, а добились отдачи имъ южной половины Сахалина, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ *всѣ* выходы изъ того моря, гдѣ у Россіи могла возникнуть морская сила. И конечно требованія японцевъ были-бы еще гораздо больше, если-бы они собственно не были совсѣмъ истощены, и надежда ихъ на успѣхъ въ случаѣ продолженія войны основывалась уже не столь на способности своей военной силы къ дальнѣйшимъ побѣдамъ, сколь на ослабленіи Россіи ея внутренними осложненіями. А потому даже и требованіе половины Сахалина было для нихъ большимъ рискомъ. Но это было столь для нихъ важно, что они рискнули, и добились своего.

67. Для Россіи также война съ Японіей не была войной съ «ограниченной» цѣлью.

Для Россіи, вначалѣ, эта война дѣйствительно подходила подъ разрядъ войнъ съ «ограниченной» цѣлью. Россія, во первыхъ, не хотѣла воевать вообще, и во всякомъ случаѣ надѣялась, что достаточно будетъ угрозы, чтобы заставить Японію отказаться отъ ея видовъ на Корею. И когда это не подѣйствовало, она была готова уступить и уже уступила все то, чего *видимо* требовала Японія. И даже тогда, когда, не смотря на это, Японія все таки начала войну, Россія еще не скоро почувствовала, что цѣль ее выиграть уже далеко не «ограниченная», что проигрышъ знаменуетъ для нея не просто потерю упованій на Корею, а потерю *единственнаго свободнаго выхода въ океанъ*. А это былъ вопросъ настолько жизненный, что стоило изъ за него довести борьбу и до крайняго напряженія силъ. И это непремѣнно бы и было сдѣлано, несмотря даже на непониманіе серьезности положенія въ обществѣ и въ толщѣ народа, но когда руководящіе круги сознали эту серьезность, было уже поздно—разразилась уже революція. Правильно или нѣтъ была оцѣнена степень ея

опасности, это вопросъ другой, но именно изъ нея была признана невозможность продолжать борьбу.

А значитъ, если истинная цѣль Японіи не была разгадана раньше, и война не велась со стороны Россіи съ самаго ея начала съ крайнимъ напряженіемъ силъ, то эта была *грубая ошибка* съ ея стороны, и значитъ Японія добилась своей цѣли не благодаря какимъ то особымъ достоинствамъ любезной сердцу Корбета особой формы войны (съ «ограниченной» цѣлью) а просто, благодаря своему искусному веденію войны въ духѣ «абсолютной» (*) войны, и благодаря грубымъ ошибкамъ противника, который неправильно вообразилъ, что такую войну можно вести спустя рукава.

На самомъ дѣлѣ эта война и была «абсолютной», и только и могла быть выиграна при крайнемъ напряженіи силъ. И приводить ее какъ выдающійся примѣръ войны съ «ограниченной» цѣлью болѣе чѣмъ странно. И Корбетъ ничего не говоритъ о томъ, что—сначала ошибочность оцѣнки положенія, а потомъ—внутреннія волненія были причиной того, что Россія не довела борьбу до крайняго напряженія силъ. Ничего онъ не говоритъ и про то, какую огромную помощь оказала Англія въ этой войнѣ Японіи, тѣмъ, что запретила отправленіе на театръ войны Черноморскаго флота, задержала въ пути отрядъ Вирениуса, запретила русскимъ перехватывать военную контрабанду (дѣло Малакки), т. е. энергично препятствовала крайнему напряженію ихъ силъ. А вмѣсто этого онъ увѣряетъ, какъ мы видѣли выше, что война эта не была «осложнена союзами или разсчетами на таковые» (стр. 74).

По мнѣнію Корбета достоинства пропагандируемой имъ (**) для моря формы войны (съ «ограниченной» цѣлью) въ полной мѣрѣ понимались только въ Англіи, которая инстинктивно постигала, что эта форма наилучшимъ образомъ (стр. 73 — 74) соотвѣтствуетъ ея условіямъ. Поэтому, когда Японія начала войну, то во всѣхъ континентальныхъ державахъ считали,

(*) По Клаузевицу—войны за важный политическій объектъ, которая можетъ быть выиграна лишь при крайнемъ напряженіи силъ.

(**) Глава, въ которой все это изложено такъ и называется «Strength of limited war».

что поступокъ ея близокъ къ сумасшествію, такъ какъ тамъ понимали только «абсолютную» форму войны, и только одна Англія, съ ея традиціями и инстинктнымъ пониманіемъ выгодъ войны съ «ограниченной» цѣлью, понимала, что Японія имѣетъ разумные шансы на успѣхъ. Это его утвержденіе еще больше оттѣняетъ вышеуказанное его умолчаніе о той огромной помощи, которую оказала Англія Японіи въ этой войнѣ.

68. Крымская война тоже не была войной съ «ограниченной» цѣлью.

Стремленіе Корбета придать оборонительную тенденцію всякимъ дѣйствіямъ англичанъ особенно ярко проявляется въ его объясненіи причинъ — почему во время Крымской войны они послали флотъ въ Балтійское море и въ Финскій заливъ (стр. 76—77). Оказывается причиной этого служило опасеніе, что русскіе нападутъ на Британскіе острова (!), которые оставались беззащитными. Что-же касается до демонстративнаго значенія этого флота, съ цѣлью помѣшать Россіи посылать войска на югъ, и его задачи вовлечь Швецію и Пруссію въ войну съ Россіей — то это все, по увѣренію Корбета, были вещи второстепенныя. И только потому онъ такъ излагаетъ роль этого флота, что если бы на первое мѣсто пришлось поставить его задачи—сломить военную силу противника, а не просто занять по отношенію къ ней оборонительное положеніе, пришлось-бы признать эту войну за форму «unlimited war», къ каковой формѣ Англіи, согласно «англійской морской» школѣ, въ противуположность «германской сухопутной» прибѣгать не подобаетъ. Онъ и Крымскую войну считаетъ за образчикъ «limited war», въ которой роль «ограниченной» территоріальной цѣли (стр. 75) сыгралъ Севастополь, который союзники съ помощью пріемовъ такой формы войны, спачала захватили и потомъ удерживали, пока Россія не уступила въ ея *споръ* съ западными державами. Какъ извѣстно, этотъ споръ былъ о «святыхъ мѣстахъ», и потому если основываться только на этой *видимой* причинѣ войны—какъ мы видѣли выше Корбетъ исходитъ и въ характеристикѣ русско-японской войны только изъ *видимыхъ* причинъ — можно понять причисленіе этой войны къ войнамъ съ «ограниченной» цѣлью, и легко объяснить, что Россія уступила, не доведя борьбы до крайняго

напряженія силъ. Ибо, молъ, и политическій объектъ войны былъ неважный, и значитъ эта война вполнѣ подходитъ подъ опредѣленіе Клаузевица.

На самомъ же дѣлѣ, какъ это извѣстно, не было ничего подобнаго. Съ самаго начала Англія, которая была душой союза и вовлекла Францію въ «авантюру» (для послѣдней дѣйствительно не было важной политической цѣли въ этой войнѣ), имѣла очень важную политическую цѣль — уничтожить морское могущество Россіи, главнымъ образомъ въ Черномъ морѣ, которое лежитъ на флангѣ ея путей по Средиземному морю. И она прибѣгла къ крайнему напряженію силъ для достиженія этой цѣли—послала для достиженія ея весь свой флотъ, снарядила значительную десантную армію, что для Англіи въ особенности трудно, и привлекла къ этому Францію, что стоило ей крупныхъ денежныхъ жертвъ и крайнихъ усилій ея дипломатіи. А Севастополь оказался территоріальнымъ объектомъ всѣхъ этихъ усилій лишь потому, что тамъ находился русскій флотъ, и всѣ учрежденія его питавшія. Такъ что для Англіи эта война, если и не грозила ея собственному существованію, хотя Корбетъ и увѣряетъ (см. выше), что въ Англіи опасались русскаго вторженія, то по пріемамъ, по крайнему напряженію силъ, по главной цѣли — сломить военную силу противника, она ближе подходила къ «абсолютной» войнѣ нежели къ войнѣ съ «ограниченной» цѣлью. Таковой она была и для Россіи. По ея мнѣнію, быть можетъ и ошибочному, какъ это было и въ войнѣ съ Японіей, она дошла до крайняго напряженія силъ, и больше уже бороться не могла, и странно говорить, что она уступила, считая объектъ не важнымъ. Вѣдь Парижскій трактатъ, какъ и Портсмутскій миръ—были наибольшими униженіями, которыя когда либо пришлось претерпѣвать Россіи. И не только въ моральномъ отношеніи. Она потеряла право имѣть флотъ на Черномъ морѣ, а въ Балтійскомъ—базироваться на Аландскіе острова, какъ въ 1905 г. она потеряла возможность имѣть флотъ въ Тихомъ океанѣ. Отъ такихъ вещей великая держава не отказывается безъ борьбы, доведенной по ея мнѣнію, опять таки не буду спорить, можетъ и ошибочному, до крайняго напряженія силъ.

69. Традиціонная политика Англіи. Передъ войной съ Японіей мы занимали загадочную для Англіи позицію, по отношенію къ намѣчавшейся уже тогда ея предстоящей борьбѣ съ Германіей. По отношенію къ послѣдней мы находились во враждебномъ ей лагерѣ. А потому обѣимъ имъ было выгодно насъ ослабить. Поэтому Германія натолкнула насъ на войну съ Японіей, а Англія помогла послѣдней уничтожить нашъ флотъ. Такая политика—поочередное уничтоженіе морскихъ силъ своихъ возможныхъ противниковъ—для Англіи традиціонная, и объ этомъ слѣдовало-бы помнить Корбету при характеристикѣ Крымской войны и отношенія Англіи къ русско-японской войнѣ.

Имѣются англійскіе писатели, которые очень откровенно говорятъ объ этой традиціонной политикѣ, въ періодъ образованія англійской имперіи.

«Ни одно государство кромѣ Англіи» говорятъ они (*) «не выказывало такой настойчивости въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли. Союзники отпадали, разъ они считали, что *временные* ихъ интересы требовали мира или перехода на сторону противника. Англія же твердо стояла за то дѣло, изъ за котораго ей приходилось взяться за оружіе».

«Въ этой *удивительной настойчивости* не было, однако, и слѣда погони за какими либо *отвлеченными идеалами*. Пресловутое *политическое равновѣсіе* являлось не болѣе какъ *предлогомъ* для дѣйствій, и слова служили лишь къ тому, къ чему вообще слова и могутъ только служить; а просто въ это время Англія вступила на путь колоніальнаго расширенія и въ этомъ и лежали всѣ *дѣйствительныя причины* ея дѣйствій, какими-бы мотивами они не оправдывались».

«Велъ-ли Мальбругъ свою армію къ побѣдѣ во Фландріи, пробивался-ли Веллингтонъ отъ Торресъ Ведрасъ по направленію къ Парижу, однимъ словомъ, *каковы-бы ни были видимыя наши дѣйствія, настоящая цѣль была—уничтоженіе нашихъ противниковъ въ морѣ*. Именно потому нашими главными

(*) Clarke and Thursfield. The Navy and the Nation. 1897. стр. 218. Курсивы мои.

врагами *поочередно* являлись Голландія, Испанія и Франція, а *случайными* союзниками—Пруссія, Австрія и *Россія*».

И добивалась этой цѣли Англія съ полнымъ напряженіемъ силъ, посредствомъ настойчиваго стремленія уничтожить именно военную силу противниковъ—ихъ флотъ. Всѣ этапы ея по этому пути отмѣчены генеральными сраженіями. Когда не хватало морской силы, для уничтоженія или захвата флота примѣнялась армія. Не хватало своей арміи—принанималась чужая, подъ видомъ союзниковъ. И много разъ впродолженіе своей исторіи Англія, уничтоживъ или значительно ослабивъ морскую силу своего очереднаго противника, вступала съ нимъ въ союзъ, чтобы съ помощью его арміи приступить къ уничтоженію флота слѣдующаго по очереди. Ослабивъ Голландцевъ, она съ помощью Голландіи уничтожила французскій флотъ при Ла-Хогѣ. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того французскій флотъ пересталъ существовать, Англія вступила съ французами въ союзъ и возила французскія войска на своихъ транспортахъ для уничтоженія базъ испанскаго флота. Сломивъ вторично силу французскаго флота въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ, и достигнувъ этого посредствомъ союза съ Россіей и ея арміи, Англія, съ помощью французской арміи наноситъ смертельный ударъ возникшей русской морской силѣ въ Черномъ морѣ, а черезъ 50 лѣтъ союзная ей Японія наноситъ такой-же ударъ развивающемуся могуществу Россіи на берегахъ Тихаго океана. Теперь, когда наша морская сила совершенно надорвана, Англія вступила съ нами въ соглашеніе, и готовитъ нашей арміи роль разрушителя ея очереднаго противника на морѣ—Германіи. И всѣ эти войны велись за очень важныя именно для Англіи политическія цѣли. И по тому крайнему напряженію, съ которымъ они велись, и по тѣмъ пріемамъ, которые примѣнялись при этомъ, чисто наступательнаго характера, съ явнымъ стремленіемъ поставить себѣ главной военной цѣлью—обезсилить военную силу противника, эти войны гораздо больше подходили къ «абсолютнымъ» войнамъ, по классификаціи Клаузевица, нежели къ войнамъ съ «ограниченной» цѣлью, каковыми стремится ихъ выставить Корбетъ, желая противопоставить какую-то «англійскую морскую» школу «германской сухопутной».

*

70. Вѣрная система войны одна — основанная на «природѣ» войны.

Вѣрная система веденія войны одна—основанная на «природѣ» войны. Она можетъ подходить къ ней ближе или дальше, но постоянно должна сообразоваться съ ней, такъ какъ отступленія отъ нея проходятъ даромъ только благодаря слабостямъ и ошибкамъ противника, и, если, по какимъ либо обстоятельствамъ, желательно для облегченія себя, или приходится изъ за невозможности развить достаточное напряженіе энергіи, отступать отъ законовъ этой природы, то надо зорко смотрѣть за противникомъ—соотвѣтствуютъ-ли его намѣренія и дѣйствія этимъ законамъ. И если да, то мы идемъ на вѣрный разгромъ, и никакіе пріемы войны съ «ограниченной» цѣлью насъ не спасутъ.

Конечно англичане, какъ и всѣ остальные народы, дѣлали массу ошибокъ въ своихъ войнахъ, и эти ошибки, какъ и всякія военныя ошибки вообще, характеризируются обыкновенно несоотвѣтствіемъ ошибочныхъ дѣйствій природѣ войны, отступленіемъ отъ основныхъ принциповъ, выражающихъ эту природу, въ *большей мѣрѣ, чѣмъ того требовала обстановка.* И вотъ одинъ изъ недостатковъ Корбета въ томъ-то и состоитъ, что онъ стремится оправдать всѣ эти ошибки, и выставить ихъ въ видѣ разумныхъ послѣдствій особой «англійской морской» школы веденія войны, противоположной «германской сухопутной». Это противопоставленіе ему необходимо, разъ онъ всѣ свои выводы обосновываетъ только на разницѣ въ обстановкѣ. А общности основныхъ принциповъ онъ во вниманіе не принимаетъ, и объ нихъ, какъ я уже упоминалъ выше, не говоритъ совсѣмъ.

И вотъ оказывается, что все, что Корбетъ находитъ необходимымъ почерпнуть у Жомини и Клаузевица—это классификацію войнъ по политической цѣли, съ тѣмъ, чтобы извлечь изъ этой классификаціи понятіе о войнѣ съ «ограниченною» цѣлью, и понемногу продвигать впередъ на первое мѣсто пріемы такой войны, явно тяготѣющей къ оборонѣ и къ оттягиванію рѣшительныхъ ударовъ, и къ рецепту—не считать военную силу противника главнымъ объектомъ дѣйствій. Со всѣмъ остальнымъ, что проповѣдуютъ сухопутные

классики онъ несогласенъ, все остальное по его мнѣнію «континентально», и для «англійской морской» школы веденія войны непригодно. Онъ осуждаетъ (стр. 80) германскій генеральный штабъ за то, что въ своей исторіи русско-японской войны онъ позволилъ себѣ выразить мнѣніе, что занятіе Кореи и изолированіе Портъ-Артура—это была подготовка для сосредоточенія японскихъ силъ для наступленія противъ русской арміи. Это, по его мнѣнію, признакъ «unlimited outlook»—взгляда соотвѣтствующаго абсолютной войнѣ, а онъ здѣсь былъ не у мѣста, такъ какъ эта война была «limited» т. е. съ «ограниченной» цѣлью, и взглядъ этотъ принесъ японцамъ только вредъ, не позволивъ имъ достаточно быстро справиться съ Портъ-Артуромъ, раньше чѣмъ русскіе подорванные корабли могли быть исправлены.

Широко пользуясь разсужденіями Клаузевица о войнахъ съ «ограниченной» цѣлью, восхваляя его какъ *открывшаго* (стр. 46) и объяснившаго такую форму войны, указывая (стр. 49), что Клаузевицъ самъ не сознавалъ, по своей *«континентальной»* близорукости, всего значенія своей блестящей теоріи, Корбетъ однако не выдвигаетъ на первое мѣсто совершенно опредѣленное заключеніе Клаузевица о такого рода войнахъ.

«Со всѣмъ этимъ», т. е. съ законностью существованія, въ зависимости отъ обстановки, любого отличія войнъ отъ абсолютной, говоритъ Клаузевицъ (*) «теорія вынуждена согласиться, но тѣмъ не менѣе, обязанность ея поставить абсолютный видъ войны въ *первомъ* ряду. Онъ послужитъ общимъ направляющимъ пунктомъ, для того, чтобы тотъ, кто желаетъ извлечь науку изъ теоріи, *никогда* не терялъ изъ виду войны абсолютной, чтобы онъ смотрѣлъ на нее какъ на *основное* мѣрило всѣхъ своихъ надеждъ и опасеній; чтобы онъ къ ней приблизился тамъ, гдѣ это *возможно* или *вынуждено*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это *основное пониманіе войны*, составляя фундаментъ нашего мышленія и дѣятельности, придастъ войнѣ нашей извѣстный характеръ и тонъ

(*) Клаузевицъ. Война. т. II, стр. 303.

тогда даже, когда ближайшія рѣшающія причины исходятъ изъ совсѣмъ иныхъ областей», т. е. изъ «ограниченныхъ» политическихъ цѣлей».

Конечно Корбетъ не можетъ просто пройти мимо такого категорическаго утвержденія Клаузевица, разъ онъ на него опирается. Но онъ значительно смягчаетъ его выраженіе, резюмируя его (стр. 46) такъ: «Держите передъ собой этотъ типъ (абсолютную войну) и его абсолютный методъ, чтобы примѣнять его *когда вы можете или когда вы должны,* но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно помните, что существуетъ два главныхъ вида войны». А кромѣ того онъ предпосылаетъ разсужденіе о томъ, что восьмая книга Клаузевица это только набросокъ, который онъ вообще-бы передѣлалъ, какъ передѣлалъ-бы и предыдущія книги, если-бы остался живъ. Это все вѣрно, но Корбетъ отъ себя уже даетъ понять, что Клаузевицъ передѣлалъ-бы свое произведеніе въ духѣ идей Корбета. Но вотъ въ этомъ послѣднемъ позволительно сомнѣваться.

Здѣсь къ мѣсту отмѣтить, что другой морской писатель—Штенцель (см. выше 37) изъ изученія того-же Клаузевица пришелъ къ совершенно другимъ заключеніямъ для морской войны (*).

71. Корбетъ невѣрно опредѣляетъ «объектъ» морской войны. Вотъ съ такимъ тощимъ и тенденціознымъ багажемъ, почерпнутымъ для вящшей доказательности у сухопутныхъ классиковъ, Корбетъ приступаетъ ко второй части своего труда—къ изложенію «теоріи морской войны». Она состоитъ изъ трехъ главъ; 1) теорія объекта—обладаніе моремъ; 2) теорія средствъ—составъ флотовъ, и 3) теорія метода—сосредоточеніе и раздѣленіе силъ.

Первую главу Корбетъ начинаетъ съ установленія факта, что абсолютное владѣніе моремъ—это случай рѣдкій, и что нормальное положеніе на морскомъ театрѣ войны—это борьба за такое владѣніе. Борьба для одного изъ противниковъ, быть можетъ, съ очень малыми шансами на успѣхъ, но все таки

(*) Stenzel. Kriegführung zur See. стр. 199 и дальше, особенно стр. 230 и 257—260.

борьба. Дѣйствительно, разбитый противникъ можетъ черезъ извѣстный промежутокъ вновь выйти, даже если онъ заблокированъ, такъ какъ никакая блокада не обезпечиваетъ отъ прорыва вполнѣ, и наконецъ нельзя заблокировать всѣ мелкія суда противника. Поэтому, совершенно справедливо, Корбетъ опредѣляетъ владѣніе моремъ, какъ извѣстное обезпеченіе для себя сообщеній по морю и перерывъ такихъ сообщеній для противника.

Но вслѣдъ за этимъ сейчасъ-же начинается сдвигъ въ сторону его личныхъ и націоналистическихъ идей. Оказывается обезпеченіе сообщеній на морѣ нужно для *коммерческихъ*—онѣ поставлены впереди—и для военныхъ цѣлей, и что объектомъ морской войны является такое обезпеченіе, въ отличіе отъ сухопутной войны, гдѣ объектомъ является занятіе территоріи. Обезсиленіе военной силы противника этимъ сразу отодвинуто на второй планъ. А затѣмъ проводится мысль, что обезпеченіе сообщеній на морѣ—это совсѣмъ другая вещь, чѣмъ обезпеченіе сообщеній на сухомъ пути. Тамъ это понятіе узкое—обезпеченіе сообщеній лишь арміи, а здѣсь—цѣлой страны. На сушѣ территоріей можно овладѣть только послѣ побѣды надъ непріятельской арміей, и только послѣ того можно задушить національную жизнь противника на этой территоріи, чѣмъ можно вынудить его на подчиненіе нашей волѣ, а на морѣ можно производить такое давленіе съ самаго начала захватомъ и прекращеніемъ его торговли. А потому вполнѣ законно на морѣ съ самого начала войны *раздѣлить* свои силы между двумя объектами—военной силой противника и его морской торговлей.

Принципіально, конечно, противъ этого возражать трудно. Но дѣло въ томъ, что у Корбета это является лишь первымъ звеномъ цѣпи, сначала мало даже замѣтной, но которая понемногу должна привести къ тому, что главная задача морской войны и заключается въ давленіи на финансы противника, а не въ обезсиленіи его живой военной силы. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько страницъ довольно сомнительныхъ разсужденій, на которыхъ еще придется остановиться, онъ приходитъ (стр. 96) къ выводу, что главная задача, для ко-

торой нужно добиваться владѣнія моремъ—это возможность завладѣть непріятельской государственной и частной собственностью на этомъ морѣ, и если-бы не существовало права захвата частной собственности, то морская война явилась-бы просто непостижимой, непонятной (inconceivable), и нельзя-бы было тогда дать какое либо обоснованное ученіе о морской войнѣ, и если отнять это право (стр. 94), то почти исчезла-бы цѣль морскихъ сраженій.

Изъ этихъ его словъ явствуетъ, что цѣли владѣнія моремъ для того, чтобы дать силу для дѣйствій своей арміи, и обезсилить непріятельскую, онъ не имѣетъ въ виду совсѣмъ. А какъ разъ именно это и будетъ имѣть мѣсто при борьбѣ государствъ, которыя имѣютъ общую сухопутную границу, и для которыхъ прекращеніе морской торговли, хотя и крайне тяжело, но не знаменуетъ для нихъ необходимости подчиниться волѣ противника. Развѣ только политическая цѣль дѣйствительно будетъ крайне ограниченная. Въ серьезной-же борьбѣ каждое дѣйствіе флота будетъ имѣть главнымъ объектомъ или непріятельскую армію, или непріятельскій флотъ, который ее усиливаетъ, или мѣшаетъ развить могущество нашей арміи (*). Корбетъ становится здѣсь на чисто англійскую точку зрѣнія, и даже не совсѣмъ современную при быстромъ ростѣ германскаго флота и возможности образовать коалицію, морскія силы которой не будутъ уступать англійскимъ. При огромномъ превосходствѣ англійскаго флота сплошь и рядомъ случалось, что флотъ противника Англіи запирался въ портахъ. Снарядить армію, чтобы взять портъ съ суши, и вмѣстѣ съ тѣмъ взять и флотъ, обыкновенно англичанамъ безъ союзниковъ было не подъ силу, а потому имъ и оставалось одно—захватывать отдаленныя колоніи и морскую торговлю. Также отъ дѣйствій противъ морской торговли и отъ захвата колоній можетъ сильно пострадать именно такая держава какъ Англія. Но если это такъ, то книга Корбета

(*) Подробнѣе о роли флота въ такой войнѣ, см. мою брошюру «Значеніе флота въ ряду военныхъ средствъ государства» 1910 г. Тѣ-же взгляды развиты въ моихъ академическихъ запискахъ «Опытъ записокъ по стратегіи» Часть II. Отдѣлъ I, стр. 322—447.

должна быть озаглавлена «принципы *англійской* морской стратегіи», а не морской стратегіи вообще. Да и для Англіи, я думаю, такая стратегія, при современной обстановкѣ можетъ оказаться очень опасной, и какіе-же это «принципы», которые, не въ примѣненіи ихъ, а сами по себѣ, въ такой мѣрѣ зависятъ отъ обстановки!

72. Неправильная аналогія между войной на сушѣ и на морѣ.

Но въ его разсужденіяхъ кроется вотъ еще какое недоразумѣніе.

Установивъ неправильную точку зрѣнія на главную задачу морской войны, онъ хочетъ оправдать эту точку зрѣнія ссылкой на аналогію съ войной на сушѣ. И здѣсь онъ уже допускаетъ очевидную ошибку. А именно онъ считаетъ, что и на сушѣ частная собственность подлежитъ захвату, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто на морѣ, и что посредствомъ контрибуцій и реквизицій на занятой арміей территоріи, армія задушитъ жизнь завоеваннаго народа, и тѣмъ принудитъ его къ подчиненію воли побѣдителя.

Я ни въ коемъ случаѣ не хочу возражать противъ права захвата непріятельской частной собственности на морѣ. Это право, съ моей точки зрѣнія, вполнѣ справедливое и необходимое, какъ одинъ изъ способовъ давленія на противника. Я возражаю только противъ того, что это средство въ общемъ *самое дѣйствительное*, и что главная цѣль операцій въ морской войнѣ—это возможность осуществлять это право. Я считаю, что, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, главная цѣль операцій на морѣ—подготовлять и обезпечивать успѣшность дѣйствій арміи, которая или побѣдами или угрозой неизбѣжности пораженія и рѣшаетъ вопросъ о подчиненіи воли побѣжденнаго, или увѣреннаго въ своемъ пораженіи, волѣ побѣдителя. И какую-бы часть территоріи противника не заняла-бы армія, она производитъ на него давленіе не захватомъ частной собственности, и не стѣсненіемъ частной собственности, и не стѣсненіемъ частной жизни гражданъ, а завладѣніемъ какъ собственностью, такъ и правами *государства*, т. е. общимъ, о не частнымъ народнымъ достояніемъ, и конечно всѣмъ этимъ никакой народъ не поступится, пока

его живая военная сила можетъ надѣяться на побѣду. А потому главной военной цѣлью и приходится ставить обезсиленіе этой силы, и для достиженія этой задачи—жертвовать всѣми остальными.

Изъ того, что на морѣ *можно* съ самаго начала войны захватывать частную собственность, а на сушѣ захватъ государственной собственности возможенъ обыкновенно лишь послѣ побѣды надъ непріятельской арміей, или ея отступленія, еще не слѣдуетъ, что это *должно* быть поставлено на первое мѣсто при веденіи операцій на морѣ. Это *можетъ* дѣлаться лишь въ той мѣрѣ, и въ такой мѣрѣ это и *должно* дѣлать, въ какой оно возможно, не уменьшая шансовъ на побѣду надъ непріятельской живой военной силой—его флотомъ. Значитъ это можно дѣлать лишь при значительномъ превосходствѣ въ морской силѣ, и притомъ это доступно только или островному государству, или такому, у котораго и армія столь сильна, что у противника нѣтъ никакой надежды на побѣду и на сушѣ (*). Если же этого нѣтъ, и изъ за преслѣдованія торговли шансы на побѣду надъ флотомъ противника будутъ уменьшены на столько, что онъ окажется побѣдителемъ, за всѣ эти захваты частной собственности придется заплатить сторицей, и контрибуціей и потерей правъ и территорій, когда, благодаря побѣдѣ флота противника будетъ расчищенъ путь для успѣха его арміи. Вотъ почему начинать войну съ широкаго преслѣдованія торговли неблагоразумно, если нѣтъ серьезныхъ шансовъ на окончательную побѣду. Здѣсь достаточно будетъ лишь такое развитіе этихъ операцій, которое могло-бы прекратить подвозъ военной контрабанды, т. е. для нихъ могутъ быть отдѣлены лишь такія силы, которыя дадутъ большій результатъ въ смыслѣ обезсиленія военной силы противника, нежели ихъ примѣненіе для непосредственной борьбы съ этой силой (**).

(*) Напр. таково положеніе въ текущей войнѣ тройственнаго согласія вмѣстѣ съ Японіей по отношенію къ Германіи съ Австріей.

(**) Съ этой точки зрѣнія захватъ въ текущей войнѣ Германіей коммерческихъ судовъ въ нейтральныхъ водахъ («Рязань» у береговъ Японіи), наложеніе огромныхъ контрибуцій (250 милліоновъ франковъ на Брюссель и Льежъ, 50 тысячъ рублей на Калишъ) и т. п. является для нея дѣйствіями очень рискованными. Захватъ «Рязани» уже послужилъ однимъ изъ поводовъ присоединенія Японіи къ державамъ воюющимъ съ Германіей.

А конечно нельзя отрицать, что могутъ быть случаи, когда рядъ удачныхъ захватовъ торговыхъ судовъ, и возвышеніе премій морской страховки приведутъ противника къ склонности уступить. Но нельзя отрицать и того, что случаи это будутъ исключительные, и что это будетъ имѣть мѣсто лишь при дѣйствительно ничтожномъ политическомъ объектѣ войны, и при совершенно легкомысленномъ начатіи этой войны той стороной, которая такъ легко уступила. Вотъ почему Корбетъ и клонитъ все къ типу войны съ «ограниченной» политической цѣлью. Но я-бы тогда лучше сказалъ не «ограниченной», а «ничтожной». А то «ограниченная» цѣль, по его мнѣнію, была и въ русско-японской войнѣ, а едва-ли выгодно было тому или другому изъ противниковъ ставить главной задачей морскихъ операцій преслѣдованіе торговли, хотя эта торговля и имѣла большое значеніе для одного изъ нихъ, и едва-ли бы послѣдній уступилъ, если-бы такія операціи и оказались очень успѣшными.

Я отмѣчаю эту неправильную точку зрѣнія Корбета на главную задачу морской войны, чтобы внушить необходимость быть на сторожѣ при чтеніи его труда. Она не сразу бросается въ глаза, потому что *подмѣшана* къ цѣлому ряду *превосходныхъ* разсужденій, но именно она болѣе всего близка сердцу автора, и именно она одна изъ тѣхъ, которыя характеризуютъ духъ всего труда Корбета, основной мотивъ его мышленія.

73. Неправильная ссылка на испано-американскую войну. Вотъ и въ этой главѣ, настаивая на томъ (стр. 100), что на первое мѣсто въ борьбѣ надо поставить подрывъ финансоваго положенія противника, вслѣдствіе чего, обратно тому какъ это имѣетъ мѣсто на сушѣ, на морѣ конфискаціи частной собственности— это главныя операціи (primary operations), онъ тутъ-же совершенно справедливо обрушивается на рецептъ Коломба (см. выше, § 17) о невозможности перевозки войскъ безъ окончательнаго овладѣнія моремъ.

Но въ томъ-то и прорывается его сущность и въ этомъ случаѣ, что нападаетъ онъ на Коломба не потому, чтобы его рецептъ мѣшалъ сосредоточенію усилій противъ военной силы противника, а именно потому, что онъ *препятствуетъ* и *раз-*

броскѣ силъ для достиженія цѣлаго ряда побочныхъ цѣлей, которыя Корбетъ ставитъ на одну доску, а часто даже и выше цѣли—обезсилить военную силу противника. И потому въ приводимомъ имъ примѣрѣ, чтобы иллюстрировать нелѣпость Коломбовскаго рецепта, онъ не договариваетъ. Онъ указываетъ, что въ испано-американской войнѣ американцы поступили глупо, не перебросивъ въ самомъ ея началѣ армію на Кубу для помощи инсургентамъ изъ за того, что они опасались появленія испанскаго флота. И это конечно вѣрно, и похоже на заботу Корбета о необходимости одолѣть испанскую армію на Кубѣ. Онъ даже указываетъ, что изъ за этой задержки въ переброскѣ войскъ, чуть было американцы не проиграли кампанію. Но когда онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 171) и при обсужденіи другого вопроса возвращается къ обсужденію испано-американской войны, то онъ возстаетъ противъ того, чтобы американскій флотъ поставилъ бы себѣ главной задачей найти и разбить испанскій флотъ, а стоитъ на сторонѣ того, что для него гораздо благоразумнѣе было занять оборонительную позицію, и такую, чтобы защитить и перевозку десантной арміи и не позволить испанской эскадрѣ войти, ни въ Гаванну, ни въ Сіенфуэгосъ, при чемъ достиженію испанцами этихъ портовъ онъ придаетъ столь важное значеніе, что считаетъ, что это обозначало-бы потерю всей кампаніи. Но что-же нужно было для этого дѣлать американскому флоту, разъ эти гавани лежали на противуположныхъ сторонахъ острова? Да ничего другого, какъ раздѣлиться на двѣ части, изъ которыхъ каждая оказалась бы слабѣе испанской эскадры, даже въ томъ видѣ, какою она была на самомъ дѣлѣ, не говоря о томъ какою она могла оказаться. И онъ одобряетъ то раздѣленіе американскаго флота, которое было допущено въ началѣ войны, не упоминая о томъ, что еще цѣлый отрядъ былъ отдѣленъ для защиты прибрежной торговли. Все это, значитъ, по его мнѣнію, было въ порядкѣ вещей. А когда американскій флотъ принялся за поиски эскадры Сервера, правда, принялся крайне неумѣло, тогда онъ съ полнымъ осужденіемъ отнесся къ этой операціи. И не къ выполненію, повторяю — это выполненіе дѣйствительно было

ниже всякой критики, а къ самой этой операціи, какъ такой, которая предпринята была подъ гибельнымъ вліяніемъ вреднаго сухопутнаго рецепта—ставить себѣ главной цѣлью разбитіе непріятельской живой военной силы. И ни однимъ словомъ не упоминаетъ Корбетъ о томъ, что когда война началась, американская армія не была готова ни къ какимъ операціямъ, и что время года для ея операцій было совершенно непригодно, и что у американскаго флота было очень много времени для хорошей подготовки операціи нахожденія непріятельской эскадры и сохраненія постояннаго съ ней соприкосновенія до принужденія ея къ бою, что въ данной войнѣ дѣйствительно рѣшалъ всѣ вопросы именно образъ дѣйствій адмирала Девью въ Манилдѣ, о чемъ Корбетъ тоже умалчиваетъ въ своихъ примѣрахъ. Американская-же десантная армія, которая была рѣшительно непригодна для операцій противъ серьезныхъ испанскихъ силъ—осада С. Яго сдѣлала это болѣе чѣмъ яснымъ—нашла себѣ счастливый объектъ въ испанской эскадрѣ, и когда, все таки благодаря ей, эта эскадра была принуждена къ бою и была уничтожена, американцы выиграли кампанію. А между тѣмъ проигрышъ ея висѣлъ на волоскѣ, и американскій флотъ былъ-бы много виноватъ въ этомъ, если-бы, вмѣсто заблокированія С. Яго, которое все таки явилось слѣдствіемъ хоть и плохихъ, но все таки поисковъ за уничтоженіемъ живой силы противника, онъ въ нѣсколькихъ группахъ занималъ-бы оборонительное положеніе. Вотъ почему и этотъ примѣръ, выбранный Корбетомъ для подтвержденія его взглядовъ, я считаю очень неудачнымъ. А главу эту Корбетъ заканчиваетъ указаніемъ, что въ ней имъ опредѣлены основные принципы (fundamental principles) на которыхъ зиждется представленіе о владѣніи моремъ.

74. По Корбету задача крейсеровъ быть «глазами флота»—второстепенная.

Понятно поэтому, что когда онъ съ этими принципами подходитъ въ слѣдующей главѣ (теорія средствъ) къ рѣшенію вопроса о составѣ флота, то опять нѣкоторые его выводы оказываются очень рискованными.

Разъ ни въ коемъ случаѣ нельзя жертвовать въ морской войнѣ операціями нападенія на морскую торговлю и ея защиты,

то очевидно особую важность пріобрѣтаетъ типъ крейсера, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Корбетъ (стр. 105) «типы судовъ изъ которыхъ состоитъ флотъ представляютъ изъ себя, или должны представлять, матеріальное выраженіе стратегическихъ и тактическихъ идей».

И въ главѣ этой Корбетъ жестоко ополчается на рецептурное пониманіе положеній что будто-бы (стр. 111) «владѣніе моремъ зависитъ отъ линейныхъ судовъ», и что «крейсеры—это глаза флота».

И что онъ возстаетъ противъ рецептурнаго пониманія чего-бы то ни было, это можно-бы было только привѣтствовать. Но воюя противъ одной крайности, Корбетъ впадаетъ въ другую. Крейсеръ, по его мнѣнію, существуетъ главнымъ образомъ для владѣнія сообщеніями (control of communications), въ смыслѣ обезпеченія своей торговли и захвата чужой, а для этого ихъ необходимо имѣть большое количество, а чтобы ихъ могло быть много, надо пожертвовать ихъ боевой силой и не глядѣть на нихъ какъ на «глаза флота». Конечно, онъ понимаетъ, что все таки безъ этихъ «глазъ» флоту не обойтись, онъ согласенъ снабжать его временно крейсерами, когда это ему нужно для обезпеченія того владѣнія моремъ, которое осуществляютъ собственно только крейсеры, но при обсужденіи состава флота нужно помнить, что служба крейсеровъ при эскадрѣ — это не главное ихъ назначеніе, и что она только отрываетъ ихъ отъ присущаго имъ назначенія.

А удобны-ли будутъ созданные, исходя изъ такихъ требованій, крейсеры для службы при эскадрахъ, онъ мало заботится. Даже нужду въ броненосныхъ крейсерахъ (стр. 119—120) онъ выводитъ изъ необходимости поддержки многочисленныхъ слабыхъ крейсеровъ во время исполненія ими главныхъ ихъ функцій—владѣнія сообщеніями, и потомъ уже примѣряетъ ихъ пригодность къ требованіямъ боевой эскадры.

Въ англійской исторіи онъ возвеличиваетъ адмирала Ансона (стр. 109), который создалъ *настоящій* типъ крейсера, освободивъ его отъ всякихъ боевыхъ функцій (true cruiser—completely divorced frow any battle function). Онъ находитъ возможнымъ ссылаться на Нельсона, и его извѣстный вопль о

недостаточности крейсеровъ относитъ къ тому, что онъ здѣсь имѣлъ въ виду необходимость ихъ для контроля путей сообщенія, а не для надобностей эскадры, для чего онъ обходился минимальнымъ количествомъ крейсеровъ, не желая отвлекать ихъ отъ *главнаго* ихъ дѣла. Но только Корбетъ забываетъ при этомъ, что Нельсонъ, отдѣляя много крейсеровъ для этого *главнаго* дѣла, поступалъ такъ подъ давленіемъ правительства, которое предъявляло къ нему требованія обезпечить англійскую морскую торговлю въ Средиземномъ морѣ и не соглашалось жертвовать ею для облегченія его борьбы съ французскимъ флотомъ.

Если-бы это было такъ, какъ думаетъ это Корбетъ, Нельсонъ въ своемъ воплѣ о крейсерахъ не говорилъ-бы, что «если эскадра лишена развѣдчиковъ и гонится за непріятелемъ, я считаю ее заблудившейся; если-же эта эскадра избѣгаетъ встрѣчи съ противникомъ, я считаю ее въ опасномъ положеніи». Именно Нельсонъ имѣлъ случай особенно остро прочувствовать недостатокъ крейсеровъ при эскадрѣ. Только вспомните его безумныя метанія по Средиземному морю послѣ того, какъ онъ, благодаря недостаточному числу крейсеровъ, упустилъ Египетскую экспедицію (*), и два раза упускалъ эскадру Вильнева.

Но это все Корбетъ считаетъ неважнымъ. О первомъ случаѣ онъ не упоминаетъ совсѣмъ, а по поводу второго онъ замѣчаетъ, что вопль Нельсона о крейсерахъ остался неразъясненнымъ, и разъясняетъ, что если Нельсонъ и упустилъ Вильнева (стр. 112), то онъ вполнѣ могъ быть *утѣшенъ* тѣмъ обстоятельствомъ, что *за то* онъ могъ продолжать осуществлять контроль надъ сообщеніями по Средиземному морю, что было *столь-же важно* (equally important). Никто, по его мнѣнію, не сознавалъ больше Нельсона необходимость жертвовать службой крейсеровъ при эскадрѣ (the battle fleet that was made to suffer) для контроля сообщеній, и это онъ и дѣлалъ съ полнымъ сознаніемъ, и конечно это и представляетъ изъ себя вполнѣ логичную точку зрѣнія (surely this is at least the logical view). Слишкомъ смѣлое утвержденіе о мнѣніи

(*) И тогда не было вопроса о контролѣ путей сообщенія, такъ какъ передъ этимъ англичане совсѣмъ очистили Средиземное море.

Нельсона! А судя по дальнѣйшимъ ссылкамъ (см. ниже, § 104) Корбета на Нельсона уже явно невѣрнымъ, я считаю себя и въ данномъ случаѣ вправѣ сомнѣваться въ правильномъ его объясненіи причинъ дѣйствій Нельсона?

75. Возможное опасное вліяніе идей Корбета на кораблестроительную программу.

А теперь посмотримъ, каковъ-же можетъ быть практическій выводъ, если принять положеніе Корбета за фундаментальные принципы (fundamental principles) морской войны?

Исходя изъ понятія объ «абсолютной» войнѣ, т. е. соотвѣтствующей ея *природѣ*, и изъ вытекающаго изъ него положенія о необходимости сломить военную силу противника, для чего, согласно принципу сосредоточенія силъ, и должны быть направлены всѣ силы, отдѣляя для преслѣдованія остальныхъ цѣлей лишь строго необходимое, чтобы поставить достиженіе все той-же главной цѣли въ самыя благопріятныя условія, составъ флота будетъ опредѣленъ такой, который лучше всего отвѣчаетъ этой главной цѣли—борьбѣ со флотомъ противника. Совершенно конкретно этотъ вопросъ разрѣшится когда политикой будутъ намѣчены опредѣленные противники, и изъ нихъ указанъ очередной. Сообразно этому составляется кораблестроительная программа и строится флотъ. И въ немъ типы и число крейсеровъ опредѣляются такъ, чтобы поставить въ наилучшія условія, съ одной стороны—работу линейныхъ судовъ, а съ другой—минныхъ флотилій.

Если-же исходить изъ понятія объ особой выгодѣ войны съ «ограниченной» цѣлью (limited war), и считать операціи нападенія на торговлю и ее защиты первостепенными, то разъ имѣется своя обширная морская торговля, или таковая существуетъ у очереднаго противника, надо, помимо обезпеченія нуждъ эскадръ и флотилій, построить еще много крейсеровъ спеціально для того, что Корбетъ называетъ «контролемъ путей сообщенія». И въ типѣ этихъ крейсеровъ совершенно не слѣдуетъ стѣсняться полнымъ пренебреженіемъ къ требованіямъ боевыхъ эскадръ (completely divorced from any battle function), если это идетъ въ разрѣзъ съ ихъ приспособленностью для главной цѣли—для нападенія на торговлю и для ея защиты.

Значитъ здѣсь передъ программой судостроенія ставятся два различныхъ требованія, явно противорѣчащія другъ другу. Это противорѣчіе отнюдь нельзя сравнить напр. съ также противорѣчащими требованіями относительнаго числа различныхъ типовъ судовъ въ боевой эскадрѣ.

Тамъ различныя мнѣнія все таки имѣютъ *одну* общую цѣль—создать флотъ наиболѣе способный одолѣть флотъ противника, и исходятъ они изъ требованій, предъявляемыхъ природой войны, которая говоритъ, что сила по существу покоряется лишь силой, и только лишенный силы противникъ уступитъ. Здѣсь-же выставляется тезисъ—противникъ уступитъ *и* отъ нанесеннаго ему финансового убытка. И это конечно противорѣчитъ природѣ войны, потому что тутъ въ виду имѣется противникъ слабый—на низшихъ ступеняхъ возможнаго сопротивленія. Конечно нельзя оспаривать, что такой противникъ найдется, и можетъ быть найдется и довольно часто.

Но изъ за этого онъ не уступитъ *навѣрно*, а только *можетъ быть*, а между тѣмъ средство должно быть разсчитано на возможность, что противникъ дойдетъ до крайняго напряженія силъ, ибо вѣдь такой возможности никто отрицать не возьмется. И тогда средство пригодится и тогда, когда противникъ окажется слабымъ. Средство-же, построенное на разсчетѣ на слабость, окажется никуда не годнымъ, когда противникъ проявитъ силу духа, и помирится съ тѣми лишеніями, которыми по нашему мнѣнію онъ будетъ приведенъ къ подчиненію нашей волѣ. И тутъ не поможетъ никакое ученіе объ «ограниченныхъ» политическихъ цѣляхъ, ибо то, что мы въ данный моментъ считаемъ «ограниченною» для противника цѣлью, даже если мы не грубо ошибаемся, а это болѣе чѣмъ возможно, то завтра эта цѣль окажется жизненной. И къ чему-же тогда окажется наша сила, подготовленная для той вялой и длительной формы борьбы, которой характеризуется война изъ за «ограниченной» политической цѣли. На возможности такихъ гибельныхъ ошибокъ очень опредѣленно указываетъ тотъ-же Клаузевицъ (*).

(*) Т. I, кн. I, глава 1-я, и т. II, кн. VIII, глава 2-я.

И не для того и предназначается это ученіе. Оно говоритъ лишь о томъ, что для разныхъ войнъ могутъ понадобиться различныя степени напряженія силъ, и разныя формы и примѣненія этого напряженія, но необходимая *способность* своихъ силъ къ *крайнему* напряженію, все таки, не мѣряется ничѣмъ другимъ какъ возможнымъ (*) крайнимъ напряженіемъ со стороны самого сильнаго изъ возможныхъ очередныхъ противниковъ. Составъ военной силы нельзя измѣнять по своему желанію, когда война уже на носу, и тѣмъ болѣе, когда она началась. Въ особенности это вѣрно по отношенію къ морской войнѣ, такъ какъ серьезную боевую силу, пригодную для пріемовъ «абсолютной» войны, ни скоро создать, ни импровизировать нельзя. Поэтому соображенія объ «ограниченныхъ» политическихъ цѣляхъ и о возможныхъ ихъ вліяніяхъ на форму войны никакъ нельзя вводить въ кораблестроительную програму такихъ государствъ, которыя по своей силѣ способны къ «абсолютной» войнѣ, и имѣютъ способныхъ къ такой войнѣ противниковъ. Эти соображенія годятся только для самого веденія войны, когда уже выяснилась «ограниченность» политической цѣли, и выяснилось и отношеніе къ ней и наше и нашего противника.

Вотъ почему опасна мысль Корбета о первостепенномъ значеніи нападенія на торговлю и ея защиты, и о необходимости для этого строить многочисленный особый классъ судовъ. Онъ правда не хочетъ отказаться и отъ надлежащей силы боевого флота. Но онъ готовъ, съ моей точки зрѣнія, въ опасной мѣрѣ пожертвовать этой силой въ пользу достиженія первой цѣли. Онъ не разъ повторяетъ, что боевой флотъ—это лишь обезпеченіе (напр. стр. 112—113) (**) контроля путей сообщенія, подъ которымъ онъ понимаетъ главнымъ образомъ нападеніе на торговлю и ея защиту. И вотъ онъ не хочетъ упустить ни ту, ни другую задачу, у него, какъ я указывалъ это выше (см. § 63) просто какая-то инстинктивная наклон-

---

(*) Въ томъ смыслѣ какъ это трактуется Клаузевицемъ въ его п.п. 5—10, главы 1-й, кн. I, т. I.

(**) «The true function of the battle fleet is to *protect* cruisers and flotilla, at their special work».

ность къ преслѣдованію разныхъ цѣлей, какая-то жадность не упустить и то, и другое.

76. Теперь идеи Корбета могутъ оказаться опасными и для Англіи.

И опять ссылки его на исторію я не могу признать основательными, съ точки зрѣнія разработки теоріи войны. Англія, дѣйствительно, впродолженіи значительныхъ періодовъ своей морской исторіи, находилась въ обстановкѣ, которая какъ-бы подтверждаетъ выводы Корбета. Флоты ея противниковъ были, сравнительно, очень слабы, у нея была, сравнительно, огромная морская торговля, которую естественно желательно было защитить, и эта-же морская торговля давала ей колоссальныя богатства, которыя позволяли ей доводить свой морской бюджетъ до огромныхъ, сравнительно, суммъ. Даже коалиціи ее не страшили, и она справедливо гордилась тѣмъ, что флотъ ея превышаетъ силы трехъ любыхъ флотовъ соединенныхъ вмѣстѣ. Тогда понятно, не ослабляя необходимой силы своего флота. она могла строить массу мелкихъ крейсеровъ спеціально для защиты своей торговли и уничтоженія торговли своихъ противниковъ. Самые большіе торговые флоты послѣ англійскаго—германскій и американскій, имѣли ничтожную защиту въ видѣ боевыхъ флотовъ этихъ странъ. Но теперь эти времена прошли безвозвратно и для Англіи. Теперь дай Богъ ей выдержать состязаніе въ силѣ флота хотя-бы съ одной Германіей—своимъ главнымъ изъ очередныхъ противниковъ. И теперь постройка массы крейсеровъ спеціально для крейсерской войны несомнѣнно умалитъ ея шансы въ борьбѣ съ боевымъ германскимъ флотомъ, и теперь и она не можетъ себѣ позволить такую роскошь, и должна поставить на первое мѣсто въ постройкѣ крейсеровъ требованія боевого флота, и всегда возможной для него формы «абсолютной» войны. И въ будущей войнѣ едва-ли какой нибудь англійскій адмиралъ, если онъ не окажется только подъ давленіемъ ложныхъ идей правительства, какъ въ свое время оказался въ такомъ положеніи Нельсонъ, упуститъ непріятельскую эскадру изъ за того, что отдѣлитъ больше чѣмъ можетъ крейсеровъ для задачъ крейсерской войны, а едва-ли онъ найдетъ «logical» утѣшиться въ упущеніи эскадры противника успѣхами этой крейсерской

*

войны. Конечно и въ будущемъ у Англіи можетъ найтись такой слабый противникъ, и столь незначительна окажется политическая цѣль войны, что противникъ подчинится ея волѣ и при помощи пріемовъ «limited war», но строить флотъ въ разсчетѣ на такіе пріемы не можетъ и она. Тѣмъ болѣе не могутъ этого дѣлать континентальныя государства, противники которыхъ имѣютъ съ ними общую границу, и флоты которыхъ имѣютъ прямую задачу подготовить успѣхъ своей арміи, для чего непремѣнно придется сосредоточить всѣ усилія на обезсиленіи непріятельскаго флота.

Съ идеей Корбета о первостепенной важности крейсерской войны можно пойти очень далеко. Можно весь свой флотъ предназначить для этой цѣли. И такія идеи не разъ имѣли мѣсто у насъ и во Франціи, и не только въ теоріи, но они осуществлялись и въ жизни. Но скоро здравый смыслъ бралъ верхъ, и отъ осуществленія этихъ идей оставался лишь горькій осадокъ въ видѣ сожалѣнія о безцѣльно истраченномъ государственномъ достояніи, и грузъ въ видѣ мало пригодныхъ для войны многочисленныхъ судовъ, которыя надо было содержать въ ущербъ нуждамъ настоящаго боевого флота. Что-же касается до исторіи, то она несомнѣнно давала отвѣтъ, что крейсерская война ничего не рѣшаетъ даже противъ Англіи, и что серьезно дѣйствительной она становится лишь тогда, когда дѣйствіями боевого флота обезсиленъ непріятельскій флотъ.

77. Особенно опасными могутъ быть идеи Корбета для насъ.

Распространительное толкованіе, которое придалъ Корбетъ идеѣ о войнѣ съ «ограниченной» цѣлью, и вытекающія изъ этого послѣдствія, однимъ изъ которыхъ въ данномъ случаѣ является возможность жертвъ чисто боевыми задачами въ пользу крейсерской войны, я считаю особенно опасными для насъ. Мы особенно склонны къ увлеченіямъ такого рода различными «дешевыми» способами войны, и по этому именно намъ, работающимъ въ области теоріи стратегіи въ русской Морской Академіи, необходимо энергично бороться съ самыми незначительными ростками такихъ идей. Корбета совсѣмъ нельзя упрекнуть въ какихъ либо крайностяхъ, и тѣмъ болѣе не явятся болѣе край-

ними чѣмъ онъ его соотечественники, и напр. нѣмцы. А вотъ мы, схватившись за идею въ ея зародышѣ, способны довести ее до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Это наше несчастное свойство намъ нужно всегда помнить, а потому и остерегаться (*).

78. Главное назначеніе крейсеровъ по Корбету.

Итакъ по Корбету (стр. 115) «и опытъ и теорія одинаково утверждаютъ въ видѣ общаго принципа (general principle), что на крейсеры надо смотрѣть какъ на типъ судовъ занятый главнымъ образомъ (primarily) активнымъ занятіемъ сообщеній, и что отвлеченіе ихъ для надобностей флота должно быть уменьшено до предѣловъ крайней возможности (furthest margin) разумнаго риска. Степень-же такого риска конечно можетъ быть опредѣлена только сообразно обстановкѣ и зависитъ отъ индивидуальности отвѣтственнаго начальника. И вотъ Нельсонъ уменьшалъ число крейсеровъ при эскадрѣ больше чѣмъ какой либо другой начальникъ. Въ его кампаніи 1805 г., когда его сужденія можно считать самыми зрѣлыми, онъ довелъ этотъ рискъ до такихъ предѣловъ, что простая неудача—случайное обнаруженіе его мѣста нейтральнымъ судномъ—привело къ лишенію его генеральнаго боя, котораго онъ искалъ, и позволило непріятельской эскадрѣ уйти».

И такой примѣръ Корбетъ считаетъ *положительнымъ!* И такой способъ употребленія военной силы, по его мнѣнію, проистекаетъ изъ основныхъ *принциповъ* морской войны! Вотъ въ этомъ его заключеніи особенно ярко бросается въ глаза разница между настоящими принципами, и тѣмъ, что подъ этимъ подразумѣваетъ Корбетъ, и къ какимъ рискованнымъ выводамъ онъ приходитъ изъ за того, что въ основу своихъ разсужденій онъ не кладетъ этихъ настоящихъ принциповъ, а строитъ ихъ на частныхъ обстановкахъ, да еще пристрастно освѣщенныхъ въ историческомъ отношеніи.

По Корбету вообще выходитъ что флотъ, по мѣрѣ развитія своихъ операцій таетъ, какъ таетъ и армія, не только

(*) Подробнѣе объ этомъ см. мою «Организацію морской силы» ч. II, стр. 61 и дальше, а также «Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства», стр. 516.

отъ потерь и отъ увеличенія числа боевыхъ задачъ, но и отъ отдѣленія значительныхъ силъ для занятія путей сообщенія.

Но разница въ томъ, что армія, отдѣляя эти силы, охраняетъ свою жизнь—подвозъ, безъ котораго она сейчасъ-же потеряетъ свою силу, и потому она должна это дѣлать именно съ цѣлью обезсилить непріятельскую военную силу, тогда какъ флотъ, гораздо болѣе независимый въ смыслѣ возможности обходиться безъ *непрерывнаго* подвоза, долженъ по Корбету дѣлать это для достиженія такихъ цѣлей, связь которыхъ съ обезсиленіемъ непріятельской военной силы очень проблематична, и вліяніе которыхъ, во всякомъ случаѣ, скажется такъ поздно, что не помѣшаетъ непріятелю использовать ослабленіе боевыхъ силъ, вызванное этимъ выдѣленіемъ.

79. Всѣ симпатіи Корбета на сторонѣ разброски силъ. Понятно поэтому, что когда въ третьей главѣ (теорія метода) Корбетъ переходитъ къ обсужденію вопроса о сосредоточеніи и раздѣленіи силъ (concentration and dispersal), всѣ его симпатіи, собственно, на сторонѣ второго пріема. Къ этому необходимо должна была его привести множественность цѣлей, безъ желанія жертвовать требованіями какой либо изъ нихъ.

Корбетъ и начинаетъ съ критики самого понятія «сосредоточенія». Если-бы онъ, хотя-бы здѣсь, началъ съ опредѣленія и разбора *принципа* сосредоточенія силъ, и вотъ для этого обратился-бы къ сухопутнымъ классикамъ, столько работавшимъ надъ этимъ вопросомъ, то онъ быстро пришелъ-бы къ опредѣленному заключенію. Онъ установилъ-бы, что сосредоточеніе силъ это идеалъ, конечно въ полной мѣрѣ недостижимый на дѣлѣ. Что *приходится* раздѣлять свои силы, но только, помня, что это удаленіе отъ идеала, что надо строго не допускать, чтобы это раздѣленіе было больше того, чѣмъ того дѣйствительно требуетъ обстановка. Что для сосредоточенія силъ для достиженія главной цѣли надо въ наивозможной полной мѣрѣ—отнюдь не меньше, чѣмъ то допускаетъ обстановка—жертвовать возможностями достиженія остальныхъ цѣлей. Что принципъ единства операцій требуетъ, чтобы все что дѣлается имѣло опредѣленную связь съ достиженіемъ главной цѣли.

80. Корбетъ разрываетъ съ сухопутными классиками, когда дѣло идетъ о принципѣ сосредоточенія силъ.

Но тутъ Корбетъ круто разрываетъ съ сухопутными классиками. Послѣ того какъ онъ заимствовалъ у нихъ нужную ему идею о «limited war», онъ больше уже ни разу къ нимъ не обращается (*). Да, съ своей точки зрѣнія онъ правъ, ибо ни въ какомъ случаѣ не нашелъ-бы у нихъ подтвержденія своихъ идей «англійской морской» школы. Также не находитъ онъ нужнымъ вдаваться въ обсужденіе *принципа* сосредоточенія силъ, а просто обращается къ обсужденію термина «сосредоточеніе» въ смыслѣ логическаго значенія этого слова. Онъ находитъ что значеніе это темно (стр. 128—130), и что въ немъ путались даже писатели, отличающіеся особой ясностью мышленія. Можно подумать, что именно здѣсь онъ сошлется на Жомини, или Клаузевица, но увы... онъ не находитъ военнаго писателя съ болѣе яснымъ военнымъ мышленіемъ нежели... Давелюи. Мы уже знакомы съ этимъ писателемъ (см. выше §§ 32—35), который, при всей своей талантливости, именно путается во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, такъ какъ историческій его багажъ крайне легокъ, а съ сухопутными классиками онъ совершенно незнакомъ. Но пришлось ограничиться и Давелюи, такъ какъ повторяю, у Жомини и Клаузевица Корбетъ не нашелъ-бы отзвука своимъ идеямъ.

Затѣмъ онъ возстаетъ противъ «сосредоточенія», какъ противъ рецепта. Что чистое «сосредоточеніе» въ буквальномъ смыслѣ этого слова немыслимо, это понятно всякому стоящему на почвѣ *принципа* сосредоточенія силъ. Поэтому Корбетъ развиваетъ справедливыя, но собственно излишнія разсужденія о томъ, что безъ раздѣленія обойтись нельзя, и что въ самомъ раздѣленіи заключается идея сосредоточенія.

81. Идеалъ стратегическаго развертыванія по Корбету.

Но вотъ когда онъ приходитъ къ выводамъ, приходится ужъ относиться къ нимъ съ опасеніемъ. «Задача сосредоточенія въ морѣ, или

(*) Изъ указателя именъ, приложеннаго къ его труду, явствуетъ, что всѣ упоминанія именъ Клаузевица и Жомини кончаются 81 страницей, принадлежащей главѣ «Сила формы войны съ ограниченной цѣлью» (Strength of limited war.).

стратегическаго развертыванія» говоритъ онъ (стр. 132) «заключается въ томъ, чтобы покрыть возможно бо̀льшее пространство, и сохранить въ тоже время такую эластичную связь между частями, чтобы обезпечить быстрое соединеніе двухъ или большаго количества сосѣднихъ частей этого организма въ любой части занятаго пространства, и главное—съ возможностью быстраго сосредоточенія всѣхъ къ одному извѣстному стратегическому центру».

Съ перваго взгляда чрезвычайно эффектное, ясное, исчерпывающее, и заманчивое по этимъ качествамъ опредѣленіе. Но вглядываясь въ него ближе, видишь, что въ немъ отсутствуетъ *цѣль*—для чего все это дѣлается. Изъ природы войны, и отъ сухопутныхъ классиковъ, мы заимствуемъ идею, что цѣль должна быть *важная,* и что важно преслѣдовать *свою* цѣль, а не подчиняться цѣлямъ противника, что на первый планъ надо ставить свое «я хочу», и только потомъ сообразовать это съ тѣмъ, что хочетъ противникъ и чѣмъ онъ намъ можетъ помѣшать въ осуществленіи нашей воли. И вотъ эта мысль, основанная на важности моральнаго превосходства передъ противникомъ, совершенно не проявляется въ разсужденіяхъ Корбета. «Онъ хочетъ» покрыть «наибольшее пространство», хочетъ имѣть возможность сосредоточиться противъ *всякой* попытки дѣйствовать противника, и если противникъ будетъ грозить генеральнымъ сраженіемъ, то сосредоточиться для этого всѣмъ въ опредѣленномъ стратегическомъ центрѣ.

У Корбета всюду на первомъ мѣстѣ идея обороны *всего*, всюду онъ исходитъ изъ предположенія—что сдѣлаетъ противникъ, и какъ сдѣлать такъ, чтобы ему во *всемъ* помѣшать.

Быть можетъ такое истолкованіе опредѣленія Корбета покажется произвольнымъ. Но вчитайтесь во многія мѣста этой главы и вообще всей книги, вдумайтесь въ приводимые имъ примѣры, и тогда быть можетъ и вы согласитесь со мной, не смотря на то, что вы въ состояніи будете привести многія его выраженія, какъ-бы противорѣчащія моему истолкованію. Но съ этой странной смѣсью вѣрныхъ положеній, съ

извивающейся между ними неправильной, но любимой идеей автора, приходится имѣть дѣло на протяженіи всего труда Корбета. Именно эту особенность этого труда я и хотѣлъ-бы выяснить. Такъ и здѣсь. Покрыть наибольшее пространство—это имѣть возможность всюду защищать свою торговлю, всюду нападать на торговлю непріятеля, и всюду быть готовымъ отразить случайныя активныя дѣйствія противника (sporadic actions).

«Сколь-бы не требовалъ нашъ планъ войны тѣснаго сосредоточенія», говоритъ онъ (стр. 133) «необходимость защиты торговли всегда будетъ требовать разброски силъ». Это конечно вѣрно. Но вѣрно и то, что погнавшись за двумя цѣлями, не достигнешь ни одной, и искусство въ томъ то и состоитъ, и къ этому-то и ведетъ принципъ сосредоточенія силъ, чтобы умѣть жертвовать менѣе важнымъ болѣе важному, чтобы тѣмъ самымъ, въ концѣ концовъ, достигнуть и менѣе важнаго.

Другая специальная особенность морской обстановки, которая по мнѣнію Корбета тоже ведетъ къ разброскѣ силъ—это легкость сохранить передвиженія флота втайнѣ. Изъ за этого противнику (стр. 133—134) открыта масса комбинацій для нападенія, «самые отдаленные и разбросанные пункты слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ возможные объекты для противника».

Казалось-бы, при наличіи постановки на первый планъ идеи «чего я хочу», эта возможность сохраненія въ тайнѣ передвиженій на морѣ, должна-бы была вести къ стремленію ее использовать для нанесенія противнику внезапныхъ сосредоточенныхъ ударовъ, въ особенности выгодныхъ, если онъ разбросаетъ свои усилія по многимъ объектамъ на различныя «sporadic actions». Но Корбетъ предоставляетъ такой способъ дѣйствій противнику, а самъ выбираетъ систему лишь противодѣйствія *всѣмъ* начинаніямъ противника. При этомъ его «сосредоточеніямъ» онъ даже и не хочетъ мѣшать. Напротивъ, онъ проповѣдуетъ мысль о томъ, что противнику надо дать соединиться—только тогда ему и можно нанести серьез-

ный ударъ, такъ какъ его вышеприведенный планъ стратегическаго развертыванія долженъ обезпечить и свое сосредоточеніе для генеральнаго сраженія. Такимъ образомъ разброска силъ въ этомъ планѣ—это вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы ловушка для противника, ставящая передъ нимъ заманчивую перспективу сосредоточенія, а тутъ хлопъ—сосредоточился и искусно разбросанный флотъ, и противнику капутъ.

«Идеальное сосредоточеніе» заключаетъ Корбетъ (стр. 153), «это *видимость* слабости, которая скрываетъ дѣйствительную силу». Такую точку зрѣнія можно понять, когда это рекомендуется для обладающаго во первыхъ огромнымъ превосходствомъ въ силахъ,—тогда можно быть сильнымъ *вездѣ*, а во вторыхъ—полною увѣренностью, что свое сосредоточеніе въ нужный моментъ удастся, и что побѣда надъ сосредоточеннымъ противникомъ несомнѣнна, благодаря не только превосходству въ числѣ, но и превосходству въ качествахъ своей военной силы. И въ такомъ положеніи дѣйствительно находились англичане по отношенію своихъ противниковъ, и потому они могли это дѣлать, и имъ часто сходили съ рукъ и увлеченія такимъ образомъ дѣйствій.

82. Корбетъ рекомендуетъ раздѣленіе силъ и для слабаго и для сильнаго.

Но Корбетъ рекомендуетъ такое направленіе военной мысли одинаково и для сильнаго и для слабаго. Дѣйствительно, разъ сильному выгодно разбросать свои силы, чтобы *заманить* слабаго *видимой* своей слабостью, и заставить его сосредоточить свои силы, то слабому очевидно не выгодно лѣзть въ разставленную ему ловушку, и ему остается лишь или сидѣть смирно и ничего не предпринимать, а если предпринимать что либо, то именно обратиться къ различнымъ «sporadic actions», т. е. къ расброскѣ своихъ силъ по многимъ цѣлямъ. Но сильный, по Корбету, уже предпринялъ противъ этого свои мѣры и ждетъ слабаго *вездѣ*, такъ что собственно онъ оставляетъ слабому надежду лишь на случайные успѣхи.

«Много разъ бывало» говоритъ онъ (стр. 138), «что ведя войну со слабымъ противникомъ, главное затрудненіе которое мы испытывали заключалось въ томъ, что онъ держалъ свои

флоты раздѣленными. Это было нѣчто вродѣ заколдованнаго круга. И главная наша задача была тогда разорвать этотъ кругъ. И заставить слабаго противника сосредоточиться—это главная предварительная задача для обезпеченія одной изъ тѣхъ уничтожающихъ побѣдъ, къ которымъ мы всегда должны стремиться, но которыя такъ рѣдко даются въ руки. Именно принуждая противника къ попыткамъ сосредоточиться, мы посредствомъ разумнаго раздѣленія силъ получаемъ возможность наносить сокрушительные удары и отдѣльнымъ его частямъ. Ведя его къ тому, чтобы онъ массировалъ свои силы, мы упрощаемъ нашу задачу, и заставляемъ его выбирать между предоставленіемъ намъ свободы въ использованіи владѣнія моремъ и генеральнымъ сраженіемъ... И когда мы имѣли слишкомъ большое преимущество въ силахъ, и сосредоточивали ихъ, послѣдствіемъ такого способа дѣйствій являлось то, что противникъ, теряя надежду на побѣду, раздѣлялъ свои силы для «sporadic actions». И на столько былъ обезпеченъ такой результатъ нашего сосредоточенія, что въ старыхъ нашихъ войнахъ мы всегда прибѣгали къ возможно болѣе растянутому (loosest) сосредоточенію, чтобы предупредить такія операціи противника. Правда, тенденція французовъ прибѣгать къ такому способу войны, приписывалась обыкновенно присущей имъ не способности къ стратегическому разсчету (*), и тенденція эта объявлялась противорѣчащей теоріи стратегіи, но этотъ взглядъ вытекалъ скорѣе изъ того раздраженія, которое причинялъ намъ принятый ими методъ, нежели изъ здраваго, хладнокровнаго разсужденія».

Итакъ способъ дѣйствій, столь осуждаемый и французскими писателями, былъ наилучшій въ ихъ положеніи! И на мѣсто принципа сосредоточенія силъ, собственно, надо-бы было поставить принципъ раздѣленія силъ, а сосредоточеніе—это только уступка обстановкѣ! Конечно Корбетъ не говоритъ этого прямо, но во всѣхъ его разсужденіяхъ чувствуется его

(*) Подробное изслѣдованіе о сравнительной способности французовъ и англичанъ къ стратегическимъ и тактическимъ концепціямъ имѣется въ моей книгѣ «Организація морской силы», Т. II, стр. 1—66.

тяготѣніе къ такой мысли. И дѣйствительно, если бы такое направленіе было присуще обстановкѣ морской войны, то съ полнымъ основаніемъ можно-бы было противопоставлять «англійскую морскую» школу стратегіи «германской сухопутной», какъ это хочетъ сдѣлать Корбетъ».

83. Ошибочность идеи Корбета—въ передачѣ иниціативы въ руки противника.

Но вглядимся попристальнѣе — на чемъ, собственно, зиждутся всѣ вышеприведенныя разсужденія Корбета? И мы увидимъ, что онъ крѣпко надѣется на *безопасность* раздѣленія силъ, и не предполагаетъ у противника наличія такого *искусства*, которое позволило-бы ему воспользоваться этимъ раздѣленіемъ, чтобы своими сосредоточенными силами нанести ударъ части раздѣлившаго свои силы. У послѣдняго-же предполагается всегда наличіе искусства въ превосходной степени. Его раздѣленіе силъ всегда будетъ таково, что всюду онѣ поспѣютъ сосредоточиться, чтобы разбить сосредоточеннаго противника, и чѣмъ полнѣе будетъ сосредоточеніе противника тѣмъ лучше, ибо тѣмъ проще будетъ ударъ, сразу будетъ разгромлена вся его сила. А сомнѣнія въ томъ, что и своя сила будетъ во время сосредоточена для нанесенія этого удара, у Корбета нѣтъ. Выгода-же такого способа дѣйствій очевидна—всѣ пути сообщенія могутъ быть заняты, своя торговля будетъ обезпечена, а непріятельская будетъ уничтожена, и не будутъ допущены никакія его «sporadic actions». Наличіе-же искусства выкажется и въ томъ, что никакія демонстраціи, никакія маневрированія никого не обманутъ, ибо будутъ неискусны и «видимая слабость» не только будетъ «таить» въ себѣ дѣйствительную силу, но всегда будетъ способна во время и проявить ее.

Здѣсь все строго логично, и упущено только одно—вліяніе *моральнаго* фактора. А вотъ «сухопутная школа» утверждаетъ, что это вліяніе страшно важно.

Что, собственно, дѣлаетъ Корбетъ? Онъ совѣтуетъ сильному передать всю *иниціативу* въ руки слабому, а самому занять такое *выжидательное* положеніе, которое годилось-бы для пресѣкновенія въ корнѣ всего, что-бы ни предпринялъ противникъ. И награда за это—безопасность своей торговли и

захватъ непріятельской. А иниціатива, это и есть то средство, которое позволяетъ таланту дѣлать чудеса, и побѣждать съ малыми силами, и въ особенности раздѣленнаго противника. У кого инициатива, тотъ *первый* начнетъ сосредоточиваться, а его противникъ будетъ только *поспѣвать* за нимъ. А если кромѣ того онъ талантливѣе и искуснѣе, то тотъ за нимъ можетъ и не поспѣть. Затѣмъ, въ чьихъ рукахъ инициатива, въ рукахъ того и всѣ выгоды внезапности, т. е. за нимъ возможности, истекающія изъ двухъ основныхъ принциповъ—и принципа сосредоточенія силъ и принципа внезапности. Инициатива-же *(чего я хочу)* облегчаетъ примѣненіе и третьяго основного принципа—прикрытія своей слабой стороны, и выдвиганія впередъ сильной, и она-же облегчаетъ нарушеніе у противника возможности взаимной поддержки (еще основной принципъ), примѣненіе которой въ особенности важно именно для выжидающаго. Это хорошо говорить, что застигнутая сосредоточеннымъ слабымъ часть сильнаго отступитъ къ нѣкоему стратегическому центру сосредоточенія, и тогда сильный и разобьетъ слабаго. Нужно еще умѣть и имѣть возможность туда отступить, а это тоже въ значительной мѣрѣ зависитъ и отъ искусства, которое *можетъ* оказаться на сторонѣ слабаго, и отъ случайностей, которыя по существу въ данномъ случаѣ будутъ именно въ его пользу.

84. Когда противники въ соприкосновеніи, на морѣ легче принудить къ бою отступающаго чѣмъ на сушѣ.

Разъ противники въ виду другъ у друга, па морѣ ищущему боя легче принудить къ бою избѣгающаго боя, напр. для отступленія къ главнымъ силамъ, противника.

На сушѣ скорость передвиженія противниковъ въ общемъ одинаковая, ибо составъ ихъ—люди и лошади, способность которыхъ къ передвиженію одинаковая. Отдѣльные отставшіе люди, или сломанныя повозки, легко могутъ быть оставлены назади, такъ какъ это слишкомъ *малая* часть силы, чтобы стоило ее защищать, разъ впереди важная цѣль—соединиться съ остальными частями своей силы, чтобы разбить противника. Съ другой стороны, на сушѣ мѣстность позволяетъ, въ случаѣ боя, относительно слабому продержаться сравнительно значи-

тельное время, и тѣмъ дать возможность остальнымъ частямъ своей силы подойти на помощь (*).

На морѣ все это иначе. Въ составѣ каждой силы непремѣнно найдутся плохіе и хорошіе ходоки. Это неизбѣжно въ случаѣ состава силы изъ кораблей разнаго времени постройки, но даже и въ силѣ идеальнаго состава изъ строго однотипныхъ кораблей въ категоріи линейныхъ судовъ, простая случайность, а возможность такихъ случайностей очень велика, можетъ вызвать необходимость уменьшеніе хода у одного или нѣсколькихъ такихъ кораблей. И вотъ уклоняющемуся отъ боя оставить плохихъ ходоковъ сзади нельзя—въ нихъ заключается слишкомъ большая сила. И тогда приходится принять бой, если у болѣе сильнаго противника достаточное число хорошихъ ходоковъ, чтобы завязать бой, и плохіе его ходоки не на столько отстанутъ, чтобы не поспѣть во время. А того элемента мѣстности, который на сушѣ позволяетъ и слабому продержаться значительное время, до подхода подкрѣпленій, на морѣ нѣтъ, и можно оказаться разбитымъ раньше чѣмъ подойдутъ эти подкрѣпленія.

85. На морѣ еще не выгоднѣе передавать инициативу въ руки противника чѣмъ на сушѣ.

Вотъ почему на морѣ еще невыгоднѣе передавать инициативу въ руки противника чѣмъ на сушѣ. Къ этому-же выводу должна-бы была привести отмѣченная и Корбетомъ особенность морского театра войны—особая трудность услѣдить за противникомъ, который гораздо легче чѣмъ на сушѣ можетъ скрыть свои движенія. Казалось-бы вотъ ужъ изъ-за этого одного на морѣ въ особенности важно взять инициативу въ свои руки, а Корбетъ не находитъ лучшаго изъ этого вывода, какъ быть готовымъ *вездѣ* отразить *внезапный* ударъ, и предоставляетъ выбирать форму этого удара противнику.

А отчего Корбетъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ?

(*) Правда на войнѣ отступленіе ведетъ за собой потерю территоріи, чего на морѣ нѣтъ, но этой потерей жертвуютъ, разъ ожидаемый результатъ этого—одолѣніе противника. Притомъ элементъ мѣста, позволяющій слабому продержаться до прихода подкрѣпленій, въ извѣстной мѣрѣ освобождаетъ отъ такой жертвы.

Да именно изъ-за того, что съ настоящими принципами, вытекающими изъ природы войны, онъ не считается, и мы видѣли, что рекомендуемый имъ методъ въ основѣ своей противорѣчитъ этой природѣ, а исходитъ онъ изъ особыхъ условій обстановки, въ которой иногда оказывалась Англія, благодаря огромному превосходству своего флота, и ошибкамъ ея противниковъ, дѣйствительно принимавшимъ иногда характеръ упорно проводимой системы. Но вѣдь и жестоко-же поплатилась Франція за такую систему! Именно вѣдь вѣра въ эту систему и приводила ее къ гибельной для нея мысли, что она можетъ бороться съ Англіей, и посредствомъ слабаго флота, а потому и не считала она нужнымъ его создавать, и рекомендовала своимъ адмираламъ на первомъ планѣ имѣть въ виду «сохраненіе кораблей» и стремленіе достигнуть поставленныхъ имъ цѣлей, избѣгая боя (*)? Не поплатились-ли также и мы въ достаточной мѣрѣ за такую систему въ послѣдней войнѣ? Развѣ наша Портъ-Артурская эскадра не должна была прорваться во Владивостокъ, избѣгая боя! И развѣ рѣшится кто нибудь утверждать, что такая директива, данная адмиралу Витгефту, не имѣла никакого вліянія и на печальный для насъ исходъ этого боя, а благодаря его результатамъ, и на ходъ всей кампаніи? Корбетъ въ своихъ этихъ разсужденіяхъ явно проводитъ мысль о такихъ возможностяхъ для «fleet in beeing», принципіально избѣгающаго боя, которые на самомъ дѣлѣ ему совсѣмъ не присущи. И не даромъ Мэхэнъ (**) упрекаетъ насъ въ увлеченіи этой идеей въ войнѣ съ Японіей, и считаетъ, что и она сыграла свою роль въ нашихъ пораженіяхъ.

86. Передача иниціативы противнику приводитъ Корбета къ «открытой» блокадѣ.

Критикуя разсужденія Корбета нельзя не остановиться еще на одномъ его доводѣ за разброску силъ сильнѣйшимъ и за его выжидательную стратегію. Онъ совершенно справедливо указываетъ, что въ морской войнѣ флотъ слабаго можетъ

(*) Подробно этотъ вопросъ разобранъ въ «Историческомъ очеркѣ развитія французскаго флота», помѣщенномъ въ моей «Организаціи морской силы», ч. II, и въ М. Сб. 1900 г. №№ 6—8.

(**) См. его «Naval Strategy» главы XIII и XIV.

запереться въ порту, и тогда онъ недостижимъ для боя. Что-же дѣлать тогда сильному, какъ не разбросаться по возможно большему пространству, чтобы использовать полученное обладаніе моремъ, и быть готовымъ наброситься на непріятельскій флотъ какъ только что онъ высунетъ носъ изъ своего убѣжища? Но рѣшеніе вопроса и тутъ не трудно, съ точки зрѣнія природы войны. Если укрывшійся въ порту флотъ противника представляется важнѣйшей военной цѣлью на данномъ театрѣ, то надо снарядить армію, чтобы съ паденіемъ приморской крѣпости овладѣть и флотомъ, или во всякомъ случаѣ заставить его выйти изъ порта. Такъ и поступили американцы съ С.-Яго, а японцы съ Портъ-Артуромъ, и тѣ-же англичане, и безъ посторонней помощи съ Копенгагеномъ въ 1807 г., и съ помощью французской арміи съ Севастополемъ. Ну, а если это почему либо недоступно, какъ это напр. бывало очень часто съ Англіей. Ну тогда надо употребить всѣ силы на тѣсное заблокированіе флота противника. Употребляя здѣсь терминъ «тѣсная» блокада, я совершенно не подразумѣваю здѣсь требованіе о нахожденіи блокирующаго флота у самого порта, а лишь такое заблокированіе, которое при данной обстановкѣ оставляло-бы противнику наименьшую долю возможности избѣжать боя при прорывѣ. Расположеніе-же флота для такой тѣсной блокады зависитъ отъ обстановки и состоянія средствъ веденія морской войны. Прежде можно было держаться безопасно въ разстояніи мили отъ самыхъ сильныхъ фортовъ, а теперь дальность артиллеріи, а главнымъ образомъ минныя суда заставили увеличить это разстояніе до ночного раіона минныхъ судовъ и дневного подводныхъ лодокъ. И вотъ для такой тѣсной блокады должны быть призваны всѣ силы и придется пожертвовать и крейсерскими операціями, такъ какъ неослабное наблюденіе, и нахожденіе прорвавшагося противника потребуетъ значительнаго расхода крейсеровъ, что потребуется и всегда, чтобы сохранить въ своихъ рукахъ инициативу, ибо для этого нужно какъ можно больше знать о противникѣ, и какъ можно болѣе затруднить ему что либо знать о васъ, и это и должны сдѣлать крейсеры состоящіе при эскадрахъ, а для этого ихъ должно быть много.

Но такой образъ дѣйствій конечно идетъ въ разрѣзъ съ представленіями Корбета, ибо какъ-же тогда торговля? И потому онъ склоняется къ формѣ блокады, которую онъ называетъ «открытой» (open), и не потому, что блокирующій флотъ принужденъ держаться далеко отъ порта, а потому, что онъ этой своей намѣренной удаленностью какъ-бы соблазняетъ противника выйти, выманиваетъ его, и этимъ будто-бы облегчаетъ себѣ возможность его уничтожить.

Разсужденіе, съ моей точки зрѣнія, нѣсколько наивное, такъ какъ все это заманиваніе имѣетъ смыслъ только въ разсчетѣ на глупаго, легко попадающагося на удочку противника. А умному и искусному противнику онъ просто и въ этомъ случаѣ передаетъ значительную часть инниціативы, позволяя ему въ значительной мѣрѣ использовать внезапность и сосредоточеніе. И, съ моей точки зрѣнія, всякое разставливаніе ловушекъ—это чисто оборонительная тенденція. А если вчитаетесь въ причины выставленные имъ въ защиту преимущественности такого вида блокады, то увидите, что опять на сцену появляется лучшая возможность при этомъ использовать временное преобладаніе моремъ на большомъ пространствѣ, что обезпечитъ свою торговлю и прекратитъ торговлю противника.

87. Корбетъ тенденціозенъ въ подборѣ и освѣщеніи историческихъ фактовъ. Но лучше всего уяснитъ рискованность положеній, проводимыхъ *незамѣтно* Корбетомъ, между цѣлымъ рядомъ интересныхъ логическихъ разсужденій и здравыхъ мыслей, разборъ приводимыхъ имъ историческихъ примѣровъ. На этомъ особенно приходится остановиться, такъ какъ рядовой читатель въ особенности неподготовленъ замѣтить тенденціозность въ подборѣ и изложеніи историческихъ фактовъ, и склоненъ здѣсь вѣрить автору на слово.

88. Почему Корбетъ совершенно не упоминаетъ о Сюффренѣ. Прежде всего, просматривая именной указатель, я былъ пораженъ, что въ немъ не имѣется имени Сюффрена, ужъ прежде всего самого талантливаго французскаго адмирала, тогда какъ о другихъ французскихъ адмиралахъ Корбетъ упоминаетъ не разъ. Но въ томъ-то и дѣло, что Сюффренъ былъ непримиримый про-

тивникъ той системы, которую Корбетъ считалъ столь спасительной для французовъ, и не только въ теоріи, но и на практикѣ. Онъ съ самаго начала поставилъ себѣ главной военной цѣлью борьбу съ наличной англійской морской силой на остъ-индскомъ театрѣ, и съ неутомимой энергіей преслѣдовалъ эту цѣль, жертвуя для этого положительно всѣмъ остальнымъ. И вотъ вдругъ оказалось, что, несмотря на то, что ни одно изъ сраженій съ эскадрой Юза Сюффренъ не могъ довести до рѣшительнаго результата, благодаря своей слабости, онъ достигъ огромныхъ стратегическихъ успѣховъ въ этой кампаніи, и англичане справедливо привѣтствовали его по окончаніи войны, посылая въ честь его людей по реямъ. И что особенно было-бы неудобно признать Корбету— это фактъ, что никогда раньше англійская торговля не страдала на этомъ театрѣ какъ именно въ этотъ періодъ (*). И къ тому-же появленіе Сюффрена на остъ-индскомъ театрѣ войны произошло именно благодаря примѣненію въ этотъ періодъ англичанами системы «открытой» блокады, и разброскѣ ихъ силъ для преслѣдованія многихъ цѣлей. А неизвѣстность о мѣстѣ нахожденія силъ противника въ морѣ, использовалъ именно Сюффренъ, напавъ *внезапно* на отрядъ Джонсона въ Порто-Прайѣ, и хотя тактическій результатъ этого нападенія былъ и не въ его пользу, но именно благодаря его инціативѣ и примѣненной внезапности, именно этотъ бой, т. е. постановка Сюффреномъ себѣ главнымъ объектомъ боя съ непріятельской живой силой, лишилъ Джонсона возможности занять мысъ Доброй Надежды. А здѣсь Сюффрену представлялся прекрасный случай примѣнить пріемы войны съ «ограниченной цѣлью», и, увидѣвъ въ Порто-Прайѣ Джонсона, немедленно идти къ мысу Доброй Надежды, и подкрѣпить тамошній гарнизонъ, чтобы онъ могъ усиленно сопротивляться затѣмъ англичанамъ. Но онъ предпочелъ примѣнить пріемъ «абсолютной» войны и выигралъ. Очевидно все это не подходитъ Корбету для его аргументированія, и потому онъ и оставляетъ благоразумно Сюффрена въ покоѣ.

(*) *Мэхэнъ.* Вліяніе морской силы на исторію. Стр. 511.

89. «Въ британской морской исторіи трудно найти примѣры ошибочнаго раздѣленія силъ».

Ну а теперь обратимся къ тѣмъ примѣрамъ, которые приводитъ онъ. Прежде всего онъ заявляетъ (стр. 135), что «въ британской морской исторіи трудно найти (hard to find) примѣры ошибочнаго раздѣленія силъ». Конечно ему трудно найти такіе примѣры, такъ какъ «раздѣленіе» принципіально ему симпатично. Но въ исторіи извѣстны классическіе примѣры такихъ ошибокъ. И вотъ Корбетъ берется доказать, что это совсѣмъ не были ошибки.

90. Какъ Корбетъ оправдываетъ явно ошибочное раздѣленіе силъ Монкомъ въ 1666 г.

Въ 1666 г., во время второй англо-голландской войны, англійскій флотъ въ числѣ 80 (*) кораблей, подъ начальствомъ Монка, занималъ позицію въ Доунсѣ. Въ Тексел҃ѣ находился Рюйтеръ во главѣ голландскаго флота изъ 96 кораблей. На соединеніе съ голландцами изъ Средиземнаго моря шелъ французскій флотъ въ составѣ 36 кораблей подъ начальствомъ Бофора. Очевидно Рюйтеръ выжидалъ появленія послѣдняго въ каналѣ, чтобы обезпечить себѣ наивысшіе шансы на побѣду надъ живой силой противника. Но положеніе его для совмѣстныхъ дѣйствій съ Бофоромъ было невыгодно, такъ какъ ихъ раздѣлялъ Монкъ, а тотъ, при извѣстномъ искусствѣ конечно могъ не допустить соединенія своихъ противниковъ, и, при приближеніи Бофора, или выходѣ Рюйтера, могъ вступать съ ними въ бой поочередно, что особенно было важно при его численной слабости. Однако при первыхъ слухахъ о приближеніи Бофора къ каналу, притомъ слухахъ очень неопредѣленныхъ, и оказавшихся потомъ невѣрными, и шедшихъ быть можетъ со стороны противника, Монкъ *раздѣлился* (**). Онъ отправилъ Руперта съ 24 кораблями, т. е. почти съ третью своей силы къ Портсмуту, т. е. на *150 миль* къ западу, па встрѣчу къ Бофору. При начальномъ своемъ положеніи онъ былъ всего на $^1/_5$ слабѣе Рюйтера.

(*) Численность флотовъ противниковъ указана по L. Clowes. The Royal Navy. Vol. II, стр. 267 и дальше.

(**) Указанія (см. Laird Clowes, т. II, стр. 268) на то, что онъ сдѣлалъ это не самъ, а по приказанію короля Карла II, не играютъ въ данномъ случаѣ никакой роли.

Это неравенство было не столь велико, чтобы не вступить въ бой съ надеждой на побѣду. Въ случаѣ успѣха побѣда надъ Бофоромъ была обезпечена. Теперь-же, оставшаяся у него часть была въ $1^3/_4$ раза слабѣе Рюйтера, и, въ свою очередь, часть Руперта была въ $1^1/_2$ раза слабѣе Бофора. А разстояніе между этими частями оказывалось въ 150 миль, притомъ мѣстныя условія характеризовались непостоянствомъ вѣтровъ и теченій и возможностью рѣзкой въ нихъ разницы на различныхъ участкахъ этого пространства. Значитъ условія эти дѣлали очень ненадежнымъ разсчетъ на соединеніе двухъ раздѣленныхъ частей, и затрудняли сообщеніе между ними, и значитъ въ той-же мѣрѣ позволяли одной массѣ вступить въ бой съ частями противника поочередно. Вѣдь очевидно, что Монкъ, раздѣливши свой флотъ, сдѣлалъ крупную стратегическую ошибку. Послѣдствія ея не замедлили обнаружиться. Рюйтеръ, хотя и находился на разстояніи 175 миль отъ Монка, узналъ объ отдѣленіи Руперта, и немедленно вышелъ въ море, чтобы воспользоваться этимъ и разбить Монка. Когда онъ подошелъ къ раіону гдѣ крейсеровалъ Монкъ, между Дюнкирхеномъ и Сѣвернымъ Фореландомъ, наступилъ штиль и туманъ, и обоимъ флотамъ пришлось стать на якорь. Зная, что разъ противники въ виду другъ у друга, избѣжать боя нельзя, если противникъ къ нему стремится, Монкъ рѣшилъ самъ напасть на Рюйтера, чтобы использовать инициативу и внезапность нападенія, тѣмъ болѣе, что флоты изъ за штиля и тумана сильно разбросались. И какъ только задулъ вѣтеръ, онъ это и сдѣлалъ, пославъ предварительно приказаніе Руперту идти съ нимъ на соединеніе. Три дня подрядъ шелъ отчаянный бой, и хотя къ вечеру третьяго дня подоспѣлъ подойти и Рупертъ, и принялъ участіе въ бою четвертаго дня, но все таки англичане были разбиты на голову и съ большими потерями принуждены были отступить въ Темзу. Казалось-бы поразительно ясный примѣръ вреда раздѣленія силъ. Но только не для Корбета. Вѣдь «въ *британской* морской исторіи трудно найти примѣръ ошибочнаго раздѣленія силъ», а кромѣ того Монкъ— это былъ такой превосходный стратегъ, «одинъ изъ лучшихъ

въ то время» (finest strategist of the time). А потому невѣроятно, чтобы такой выдающійся *англичанинъ* ошибся.

И вотъ Корбетъ объясняетъ его поведеніе такъ. Если-бы онъ не раздѣлился, Рюйтеръ совсѣмъ не вышелъ-бы въ море. Если-бы онъ не послалъ Руперта въ Портсмутъ, этотъ портъ и островъ Уайтъ оказались-бы во власти Бофора. Если-бы Монкъ со всѣми силами направился-бы на встрѣчу французамъ, то устье Темзы оказалось-бы открытымъ для нападенія Рюйтера. «Единственный способъ обезпечить оба мѣста отъ *нападенія*, было раздѣлить флотъ, совсѣмъ также какъ въ 1801 г. Нельсонъ, на этомъ-же театрѣ былъ *вынужденъ* раздѣлить свою *оборонительную* силу. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ *раздѣленіе силъ не было ошибкой*, такъ какъ вызывалось необходимостью» (*).

Ошибка Монка и Руперта, по мнѣнію Корбета, состояла лишь въ томъ, что они, раздѣлившись, не обезпечили себѣ соединенія. Между ними должна была быть расположена цѣпь крейсеровъ, и Монкъ не долженъ былъ ввязываться въ серьезный бой, пока онъ не сблизился-бы съ Рупертомъ. «Ему слѣдовало, согласно *принципу Кемпенфельдта*, *висѣть* на Рюйтерѣ, медленно отступая по направленію къ Руперту. Если-бы Рюйтеръ за нимъ не послѣдовалъ, времени оказалось-бы достаточно, чтобы сосредоточить его флотъ. Если-бы Рюйтеръ за нимъ послѣдовалъ, ему можно было дать сраженіе въ такой обстановкѣ, въ которой отступить ему было-бы невозможно. Ошибка, по существу, была не стратегическая, а тактическая». Я нарочно привелъ все это удивительное разсужденіе почти въ полной его неприкосновенности. Оно лучше всякого критическаго изслѣдованія, и притомъ очень ярко обрисовываетъ направленіе мышленія Корбета, истинные мотивы котораго, повторяю, иногда очень незамѣтно извиваются между цѣпью чрезвычайно здравыхъ и логичныхъ об-

(*) «The only way to secure both places from attack was to divide the fleet, just as in 1801 Nelson in the same theatre was compelled to divide his defence force. In neither case was division a fault, because it was a necessity» (стр. 136—137).

щихъ сужденій. Но на иллюстрированіи конкретными примѣрами имъ приходится выступать внаружу.

И вотъ въ этомъ разсужденіи явно выходитъ внаружу и владѣющая Корбетомъ (см. выше, § 63) оборонительная тенденція, и инстинктивное отчужденіе его отъ мысли о возможности жертвовать второстепеннымъ въ пользу главнаго, и узкій его націонализмъ, не допускающій англійскихъ ошибокъ.

Монкъ былъ разбитъ—это фактъ. Но онъ «fine strategist», и допустилъ только *тактическую* ошибку—ввязался въ рѣшительный бой, когда могъ оттянуть его. Но вѣдь вопросъ о *цѣлесообразности* боя всецѣло принадлежитъ стратегіи, и значитъ ошибка его, если даже и видѣть его ошибку только въ этомъ,—чисто стратегическая. На самомъ-же дѣлѣ это былъ его единственный выходъ, чтобы, воспользовавшись благопріятной тактической обстановкой—разброской въ тактическомъ смыслѣ силъ противника и возможной неожиданности для него нападенія на него со столь слабыми силами, сдѣлать попытку исправить дѣйствительно крупную его стратегическую ошибку—раздѣленіе силъ. Корбетъ находитъ, что это было вполнѣ цѣлесообразно, чтобы защитить Портсмутъ и о. Уайтъ. Но во-первыхъ эта цѣль была ничтожная, по сравненію съ исходомъ сраженія съ Рюйтеромъ. При побѣдѣ надъ Рюйтеромъ французамъ не было никакой возможности удержаться въ Портсмутѣ и на о. Уайтѣ, а вотъ послѣ пораженія Монка, когда ему вмѣстѣ съ Рупертомъ пришлось укрыться въ Темзѣ, дѣйствительно французы могли завладѣть этими пунктами, если они къ этому стремились, какъ это представляется Корбету съ его навязчивой идеей объ «ограниченной» политической цѣли, въ видѣ стремленія урвать кусокъ плохо защищенный территоріи и тамъ удержаться. На самомъ-же дѣлѣ французы и не думали о такихъ операціяхъ, и эскадра Бофора не была и способна къ нимъ, такъ какъ никакихъ десантныхъ войскъ она не имѣла, а дѣло-бы ей пришлось имѣть на берегу съ англійской арміей, еще не забывшей кромвелевскую выучку. Наконецъ, вліяніе политики на военныя соображенія, на чемъ такъ охотно строитъ свои

соображенія Корбетъ, когда это ведетъ къ «ограниченности» въ военныхъ задачахъ, тоже было противъ какой либо опасности нападенія французовъ на какой либо пунктъ береговъ Англіи. Вѣдь французы преслѣдовали здѣсь одну цѣль— взаимное ослабленіе англійскаго и голландскаго флотовъ. Они только обѣщали помощь Бофора, чтобы способствовать возникновенію этой войны и ея продолженію, на самомъ-же дѣлѣ Бофоръ и не долженъ былъ помогать Рюйтеру (*). И если именно этотъ фактъ не былъ точно извѣстенъ англійскому правительству, то вялость французской поддержки Голландіи, и причины этой вялости ему были извѣстны. Вѣдь война продолжалась уже больше года. Значитъ ясно было, что главный противникъ здѣсь была Голландія, и что именно для ея обезсиленія надо сосредоточить свои силы, и тогда Франція сейчасъ-же отпадетъ. И конечно не могъ быть не освѣдомленъ обо всемъ этомъ Монкъ, главнокомандующій англійскими морскими силами, и если онъ дѣйствительно былъ «fine strategist», онъ долженъ-бы былъ умѣть использовать такую обстановку, и именно въ цѣляхъ сосредоточенія своихъ силъ для обезсиленія главнаго противника. Именно такъ поступилъ Рюйтеръ въ слѣдующей англо-голландской войнѣ, когда Франція столь-же подозрительно вяло помогала Англіи, какъ теперь Голландіи. Вотъ Рюйтеръ былъ дѣйствительно искусный флотоводецъ, но, кстати сказать, объ его искусствѣ, какъ и объ искусствѣ Сюффрена, Корбетъ не упоминаетъ. И не даромъ—въ его дѣйствіяхъ онъ не нашелъ-бы поддержки своимъ идеямъ.

91. Корбетъ сознательно не ставитъ за образецъ искусство Рюйтера.

(*) Въ инструкціи Людовика XIV графу Д'Эстраду, посланному въ Голландію говорилось: «Увѣрить Голландію въ содѣйствіи Франціи, и всѣми силами поддерживать враждебныя отношенія между Голландіей и Англіей; въ случаѣ примиренія--найти для Голландіи новыхъ враговъ». Къ инструкціи было приложено увѣдомленіе объ объявленіи Франціей войны Англіи, и о повелѣніи французской эскадрѣ (Бофора) выйти изъ Тулона для соединенія съ Рюйтеромъ. Но передавая эти бумаги графу Д'Эстраду, посланный короля прибавилъ: «я не могу предсказывать будущее, но совершенно увѣренъ, что противные вѣтры и другія препятствія будутъ такъ сильны, что французской эскадрѣ никакъ не удастся соединиться съ голландской» М. Сб. 1852 г. №9.

И если ужъ Монку необходимо было отдѣлить Руперта для защиты англійскихъ береговъ, то почему онъ послалъ его защищать именно Портсмутъ. Вѣроятнѣе уже было предположить, что французы захватятъ что либо въ Ирландіи, гдѣ они могли встрѣтить симпатіи католическаго населенія этого острова, постоянно готоваго отдѣлиться отъ Англіи.

Распредѣленіе силъ Монка Корбетъ считаетъ правильнымъ, какъ *защищавшее* и Портсмутъ и устье Темзы, и значитъ ему нравится именно то, что Монкъ во-первыхъ занялъ *оборонительное* положеніе, а во вторыхъ хотѣлъ *оборонять все*. Это и есть по его мнѣнію «fine strategy», и настоящая «limited war». Но я имѣлъ уже случай указывать, что все это очень хорошо сходитъ съ рукъ, когда имѣешь дѣло съ неискуснымъ противникомъ. А тутъ подвернулся Рюйтеръ, котораго можно было сломить только пріемами «абсолютной» войны, и который не пропустилъ противнику пренебреженія къ идеѣ постановки себѣ цѣлью главной военной силы противника, и этимъ и побѣдилъ Монка по всѣмъ правиламъ «абсолютной войны».

92. Тяготѣя къ раздѣленію силъ, Корбетъ «ходитъ по сбивчивой тропѣ».

Вотъ при объясненіи причинъ пораженія англичанъ въ 1666 г. Корбету не дурно было-бы вспомнить слѣдующія слова Клаузевица, котораго онъ такъ выгодно использовалъ для созданія своей теоріи.

«*Кровавая расправа* (*), стремленіе къ уничтоженію противника, это, такъ сказать, *перворожденный* сынъ войны. Положимъ, что иной разъ при мелкихъ политическихъ цѣляхъ и маломъ обоюдномъ напряженіи, *осторожный* полководецъ попытается и безъ кровавыхъ кризисовъ добраться къ желанному миру, пользуясь слабыми сторонами противника на театрѣ войны и въ кабинетѣ (политикѣ). Порицать его не станемъ, если только предложенія его *надлежаще мотивированы* и успѣхъ обезпеченъ. Тѣмъ не менѣе мы вправѣ требовать, *чтобы онъ сознавалъ и помнилъ, что подвигается только по сбивчивой тропѣ, на которой богъ войны можетъ его на-*

(*) Клаузевицъ. Война. т. 1, стр. 33—35. Первый курсивъ автора, остальные мои.

крыть совершенно нежданно. Поэтому полководецъ зорко долженъ слѣдить за противникомъ, иначе онъ рискуетъ попасть подъ удары боевого меча, имѣя въ рукахъ только жалкую парадную шпаженку... Подъ выраженіемъ уничтоженіе силъ противника подразумѣваемъ не однѣ лишь силы матеріальныя, но и *нравственныя.* Тѣ и другія тѣсно связаны между собой и, такъ сказать, взаимно проникаютъ себя. А потому раздѣлить ихъ—совершенно немыслимо. *Крупная побѣда* вліяетъ на всѣ остальныя современныя операціи, при чемъ, *конечно, нравственное впечатлѣніе играетъ роль* первенствующую; оно, если такъ можно выразиться, разливается во всѣ стороны, а потому и вліяетъ на всѣ части общаго цѣлаго. Но если уничтоженіе силъ противника представляетъ средство самое лучшее, то за то оно и болѣе рискованное, и во всякомъ случаѣ обходится дорого, а *потому часто хватаются за средства иныя...* Другія средства обходятся менѣе дорого, а неудачи при нихъ менѣе опасны; *но вѣрно это тогда только, если противникъ дѣйствуетъ въ томъ-же духѣ.* Если-же онъ, напротивъ того, изберетъ путь рѣшительныхъ боевыхъ дѣйствій, то повлечетъ насъ туда-же, хотя противъ нашей воли. Тогда все опять будетъ зависѣть отъ боевого рѣшенія. Но такъ какъ *мы дѣйствія и средства наши приладили уже въ видахъ достиженія иныхъ цѣлей,* то положеніе наше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ противъ непріятельскаго менѣе выгодно. Понятно, что однѣ и тѣ-же средства (силы) не могутъ быть употреблены для достиженія различныхъ цѣлей».

Итакъ «богъ войны» въ лицѣ Рюйтера «накрылъ совершенно нежданно» Монка, пробиравшагося по «сбивчивой тропѣ». И вотъ тяготѣніемъ къ хожденію по такой «сбивчивой тропѣ» и преисполненъ весь трудъ Корбета. Ему представляется, что расположеніе силъ Монка какъ разъ представляло изъ себя рекомендуемый имъ образчикъ стратегическаго развертыванія (см. выше, § 81), «видимой слабости, таившей въ себѣ силу». Не доставало только одного—«эластичной связи между частями», но и этого могъ достигнуть Монкъ, эшелонировавши между собою и Рупертомъ рядъ «крейсеровъ». Но самъ-же онъ (см. стр. 107) заявляетъ, что

въ періодъ англо-голландскихъ войнъ никакихъ «крейсеровъ» не было и что фрегаты того времени становились въ боевую линію (*). А вѣдь для связи на разстояніи 150 миль, надо было выдѣлить, по крайней мѣрѣ, 15 такихъ судовъ. Значитъ Монкъ долженъ былъ еще больше себя ослабить, и все для того, чтобы защитить Портсмутъ на случай совершенно невѣроятной его атаки Бофоромъ! Понятно, что при такомъ направленіи идей Корбету и въ голову не приходитъ упрекнуть своего «fine strategist—а», т. е. Монка, въ томъ, что онъ не держался у Текселя, чтобы встрѣтить всякое движеніе Рюйтера, имѣя свои силы сосредоточенными, или что онъ, не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, цѣпи крейсеровъ между своей позиціей и Рюйтеромъ, чтобы не позволить послѣднему использовать особенность морской обстановки, облегчающую скрытіе передвиженій флотовъ. На это-бы пошло меньше судовъ, чѣмъ на защиту Портсмута и на связь съ эскадрой Руперта. Но тогда это-бы значило по Корбету слѣдовать рецептамъ «главный объектъ дѣйствій—это непріятельскій флотъ» и «крейсеры—это глаза флота». Мы уже видѣли (см. выше, § 78), что для защиты торговли и тѣхъ пунктовъ побережья, куда подходятъ торговые пути, Корбету не жалко крейсеровъ, и къ этой мысли онъ готовъ «приладить», какъ выражается Клаузевицъ, и весь составъ флота, но дать эти крейсеры для надобности «абсолютной» войны—Боже сохрани. Это значитъ отрывать ихъ отъ прямого ихъ дѣла, и даже самъ Нельсонъ (см. выше, § 74) будто-бы болѣе чѣмъ кто либо другой былъ противъ этого.

Но куда было Монку идти въ полномъ составѣ къ Текселю? Рюйтеръ пожалуй умеръ-бы тогда со страха. По крайней мѣрѣ Корбетъ увѣряетъ, какъ мы видѣли выше, что потому еще надо было Монку раздѣлиться, чтобы заставить Рюйтера выйти, иначе тотъ-бы не вышелъ ни за какія коврижки. Значитъ своимъ раздѣленіемъ Монкъ заманивалъ Рюйтера въ ловушку! Кто знаетъ, если вѣрить вдохновенному проникновенію Корбета въ тайникъ его мыслей, быть можетъ онъ самъ,

---

(*) Прибавлю къ этому, что мелкія суда обыкновенно представляли изъ себя брандеры, игравшіе большую роль въ бояхъ того времени.

подобно великому Θемистоклу (*), далъ знать Рюйтеру о своемъ раздѣленіи, чтобы его выманить! А тотъ-то бѣдный и не зналъ, что идетъ въ ловушку! Но оказалось, что «fine strategist» попался въ эту ловушку самъ. По крайней мѣрѣ такъ выходитъ, если вѣрить объясненіямъ Корбета этой «превосходной стратегіи». И все дѣло испортилъ грубый Рюйтеръ изъ-за непониманія достоинствъ тонкихъ пріемовъ войны съ «ограниченной» цѣлью, и вѣроятно потому-то Корбетъ и не удостаиваетъ его титула «превосходнаго стратега».

93. Кто былъ Кемпенфельдтъ, особенно превозносимый Корбетомъ. А вотъ англичанина Кемпенфельдта, о «принципѣ» котораго «висѣть на противникѣ, избѣгая съ нимъ рѣшительнаго боя» онъ упоминаетъ въ защитѣ Монка, упрекая его въ непримѣненіи этого принципа, онъ тоже считаетъ «fine strategist-омъ».

Но спрашивается—кто-же былъ этотъ Кемпенфельдтъ, и что онъ проповѣдывалъ? Въ 1779 г., во время войны Англіи съ Франціей и Испаніей, Кемпенфельдтъ былъ начальникомъ штаба у адмирала Харди, командовавшаго флотомъ Канала, а затѣмъ въ разные періоды войны онъ командовалъ эскадрой наблюдавшей за Брестомъ. 12 декабря 1781 г. въ 150 миляхъ отъ Уэссана Кемпенфельдтъ, имѣя 12 линейныхъ кораблей, очень искусно захватилъ у французскаго адмирала Гишена, имѣвшаго 19 линейныхъ кораблей, 20 транспортовъ, воспользовавшись тѣмъ, что Гишенъ (вслѣдствіе пасмурной погоды просмотрѣлъ, что эскадра его оказалась далеко впереди и подъ вѣтромъ у конвоируемыхъ ею транспортовъ, что онъ, не смотря на превосходство въ силахъ, вслѣдствіе своей нерѣшительности, не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы отбить у англичанъ захваченную ими добычу. Война эта была одна изъ рѣдкихъ въ исторіи Англіи, которая оказалась для нея неудачной именно изъ-за неудачныхъ ея дѣйствій на морѣ. Ей пришлось отказаться отъ американскихъ своихъ колоній.

(*) Θемистоклъ, считая наиболѣе выгоднымъ сраженіе съ персами въ Саламинскомъ проливѣ и считая гибельнымъ принятое рѣшеніе грековъ уйти съ этой позиціи, далъ знать объ этомъ рѣшеніи и о своей готовности перейти на его сторону Ксерксу, чтобы вызвать его на рѣшеніе отрѣзать путь отступленія грекамъ и немедленно дать бой.

А между тѣмъ успѣхъ могъ быть на ея сторонѣ. Хотя флоты союзниковъ (въ концѣ войны къ нимъ присоединилась и Голландія) и превосходили англійскій флотъ численностью, но именно въ этой войнѣ ярко выказалась изнанка всякихъ союзовъ—ложное стремленіе каждаго изъ союзниковъ въ отдѣльности преслѣдовать частныя свои цѣли, въ ущербъ общей цѣли—обезсилить дружными усиліями общаго противника, и несчастное стремленіе каждаго какъ можно больше использовать для своихъ цѣлей силы союзника и какъ можно меньше помочь ему въ достиженіи его цѣлей. Все это вело къ преслѣдованію цѣлаго ряда второстепенныхъ цѣлей и къ постоянному раздѣленію силъ. Эта война, какъ она обрисовывалась въ представленіи союзниковъ, была типичная «limited war», съ цѣлымъ рядомъ «ограниченныхъ» политическихъ и военныхъ цѣлей. Но англичане не воспользовались этой благопріятной для нихъ обстановкой. Они не избрали себѣ роли «бога войны», по выраженію Клаузевица, чтобы «накрыть» противника, пробиравшагося «сбивчивой тропой». Они, вмѣсто того, чтобы использовать раздѣленіе противника и нападать, рѣшили обороняться, и притомъ обороняться *всюду*, куда-бы противникъ не обратилъ свои взоры. Именно благодаря этому они очень часто оказывались слабыми въ самыхъ важныхъ участкахъ театра войны — именно у береговъ Британскихъ острововъ. Именно въ этой войнѣ они постоянно разбрасывали свое вниманіе между непріятельскими эскадрами и торговыми своими интересами. Именно здѣсь, вслѣдствіе плохого наблюденія за противниками, а это плохое наблюденіе было слѣдствіемъ постоянной разброски силъ, французы и испанцы всегда соединялись, когда они это считали нужнымъ, и эскадры ихъ почти неизмѣнно доходили по назначенію въ самыя отдаленныя мѣста театра войны.

Съ обѣихъ сторонъ эта война была борьбой не сосредоточеніемъ усилій, а борьба разбросанныхъ силъ, болѣе или менѣе случайно выхватывавшихъ другъ у друга успѣхъ, благодаря взаимнымъ ошибкамъ. Противники вяло прожевывали эту войну впродолженіи четырехъ лѣтъ, и результатъ ея какъ для той такъ и другой стороны былъ очень неопредѣ-

ленный. Нерѣшительность, неопредѣленность—вотъ характеристика этой войны (*).

И вотъ въ такой вялой атмосферѣ и дѣйствовалъ Кемпенфельдтъ. Посмотримъ теперь — поддавался-ли онъ ей или боролся съ ней? Какія идеи онъ проповѣдывалъ?

Корбетъ его рекомендуетъ какъ «величайшаго мастера» (стр. 257), дававшаго стратегическія оцѣнки чрезвычайной цѣнности.

94. Кемпенфельдтъ былъ душой системы «открытой» блокады.

И вотъ оказывается, что именно онъ и былъ душою той системы «открытой» блокады, благодаря которой флоты союзниковъ свободно входили и выходили изъ своихъ портовъ, когда имъ это было нужно. Зимой напр. онъ считалъ лучше держать свой флотъ въ порту, чѣмъ передъ портомъ непріятеля. «Предположимъ» писалъ онъ (стр. 194—195) изъ Торбэя, находившагося отъ Бреста въ разстояніи 150 миль, въ адмиралтейство лорду Баргаму, стратегическій талантъ котораго также превозносится Корбетомъ, «что противникъ выйдетъ (изъ Бреста)—чего мы кстати искренно желаемъ—но мы поступимъ умно, если останемся въ порту. Предоставьте на долю противника долгія ночи и штормы. Они больше сдѣлаютъ въ нашу пользу, чѣмъ нашъ флотъ». По его мнѣнію лучше было использовать зиму для дѣятельной подготовки къ слѣдующей кампаніи, чтобы предупредить противника временемъ выхода въ море. «Будемъ имѣть» заканчиваетъ онъ «на западѣ сильную эскадру выжидающую движеній противника», но мѣсто ея не въ морѣ, а въ Торбэѣ въ готовности дѣйствовать, когда это потребуется. Идея чисто *оборонительная,* предоставляющая противнику значительную долю инниціативы, разсчитывающая на недостаточное искусство противника (неумѣнье справиться съ дурной погодой) или на случайныя поврежденія и имѣющая въ виду отдаленную цѣль—лучшую готовность къ *будущей* кампаніи, а не быстрѣйшее обезсиленіе противника. А какъ можно было услѣдить за противникомъ, находясь отъ него въ

(*) Желающіе убѣдиться въ такомъ характерѣ войны и крупныхъ стратегическихъ ошибкахъ въ ней обѣихъ сторонъ, а значитъ также и англичанъ, я отсылаю къ превосходному дѣйствительно разбору этой войны сдѣланному Мэхэномъ въ его «Вліяніи Морской Силы на Исторію», стр. 580—622.

150 миляхъ и ожидая извѣстій объ его выходѣ, чтобы что нибудь предпринять!

Кемпенфельдтъ совѣтовалъ примѣненіе такой системы только зимой, но практически англичане тяготѣли къ ней и лѣтомъ, и по существу противнику была предоставлена въ его передвиженіяхъ полная свобода. Корбетъ самъ признаетъ, что впродолженіи этой войны система «открытой» блокады была «не особенно удачна» (стр. 195). Но приписываетъ онъ этотъ неуспѣхъ не стратегической ея нецѣлесообразности, а цѣлому ряду другихъ причинъ. А въ цѣлесообразность системы онъ вѣритъ на столько, что вслѣдъ за этимъ (стр. 197—198), какъ «дѣйствительно хорошій примѣръ сосредоточенія», онъ приводитъ распредѣленіе англійскаго флота въ Каналѣ въ 1796 г. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ обстановку этого момента (стр. 196). «Мы не оборонялись. Французскій флотъ, собственно, былъ уничтоженъ. Никакое вторженіе намъ не угрожало. Наша политика заключалась въ понужденіи Франціи къ миру, что преслѣдовалось дѣйствіями противъ французской территоріи и морской торговли. Политика можетъ быть была и ошибочна, но разбирается только вопросъ о томъ—соотвѣтствовала-ли стратегія политикѣ. Надо помнить, что мы воевали противъ Голландіи и ожидали войны съ Испаніей, а потому должны были имѣть въ виду защиту Португаліи. Поэтому мы были болѣе чѣмъ далеки отъ желанія преградить выходъ изъ Бреста тѣхъ остатковъ французскаго флота, которые тамъ находились. Наша надежда была на то, что наше давленіе на морскія интересы Франціи заставитъ ихъ самихъ выйти для защиты этихъ интересовъ. Предназначить нашъ флотъ для закупорки Бреста, это значило его калѣчить (cripple) въ смыслѣ его пригодности для наступательныхъ операцій, и этимъ играть въ руку противника. А потому расположеніе нашего флота Канала было таково, чтобы *сохранить* его способность къ дѣятельному наступленію, и въ то-же время обезпечить его превосходство *въ любой точкѣ* омывающихъ наши берега водъ, въ которыхъ-бы противникъ могъ попытаться нанести контръ-ударъ (?). Поэтому онъ былъ раздѣленъ на 3 эскадры—одна держалась въ Сѣверномъ морѣ, другая передъ Брестомъ, а третья къ западу отъ него—а въ Порт-

смутѣ находился сильный резервъ..., который служилъ учебной эскадрой для увеличенія нашей силы на морѣ на случай присоединенія испанскаго флота къ морскимъ силамъ Наполеона (?). Истощить нашъ флотъ въ стараніяхъ предупредить «набѣгъ» изъ Бреста, который могъ одинаково произойти изъ Текселя и Дюнкирхена—это значило сдѣлать именно то, чего желалъ противникъ. Расположеніе наше представляло изъ себя дѣйствительно хорошій примѣръ *сосредоточенія*, т. е. расположенія вокругъ нѣкотораго стратегическаго центра, съ сохраненіемъ гибкости для наступленія, *не рискуя нуждами обороны*».

95. Какъ могли поплатиться англичане за систему Кемпенфельдта въ 1796 г. Казалось-бы все обстояло благополучно и все было очень хорошо защищено противъ случайныхъ попытокъ совершенно безсильнаго противника, которому былъ лишь предоставленъ самый пустякъ... *иниціатива*.

И вотъ молодой, талантливый генералъ Гошъ сговорился съ ирландскими революціонными дѣятелями, французскія войска были стянуты къ Бресту, туда-же прибылъ французскій отрядъ изъ Рошфора, и 15 декабря 1796 г. изъ Бреста вышла экспедиція изъ 17 линейныхъ кораблей, 13 фрегатовъ, 6 корветовъ и 8 транспортовъ, на которыхъ помѣщался десантный корпусъ въ 18 000 ч. Несмотря на превосходныя дѣйствія трехъ англійскихъ фрегатовъ, видѣвшихъ этотъ выходъ, имъ по ихъ малочисленности (ибо «быть глазами флота» не главная задача фрегатовъ) не удалось сохранить соприкосновеніе съ противникомъ и дать знать своевременно о выходѣ его блокирующимъ эскадрамъ, которыя по рецепту Кемпенфельдта предоставили бороться съ бурями противнику, а сами готовились для того, чтобы въ *будущемъ* году быть раньше готовыми къ выходу. Экспедиція благополучно прибыла въ Ирландію, и высадка не произошла только благодаря случайности—отдѣленію отъ экспедиціи фрегата, на которомъ находились главнокомандующіе—генералъ Гошъ и адмиралъ Мораръ-де-Галь. Но и этого было мало. Впродолженіи трехъ недѣль суда экспедиціи болтались на пространствѣ между Брестомъ и южнымъ берегомъ Ирландіи, и несмотря на цѣ-

лый рядъ бурныхъ погодъ, на отвратительное снабженіе кораблей, дѣйствительно отчаянный тогда личный составъ французскаго флота, вся эта армада благополучно вернулась домой, потерявъ всего 13 судовъ, изъ которыхъ отъ штормовъ погибло всего 6 судовъ, а англичане смогли захватить, и то совершенно случайно, лишь 1 фрегатъ, 2 корвета и 4 транспорта (*).

Спрашивается, какой выводъ изъ этого? Съ моей точки зрѣнія—не пренебрегай противникомъ, слѣди крѣпко за *военной* его силой, хотя-бы ты считалъ ее слабой, не возлагай надежды на случайности (погоду).

А вотъ Корбетъ дѣлаетъ изъ этого такой выводъ (стр. 198): «это еще примѣръ справедливости правила Кемпенфельдта о зимней погодѣ». И здѣсь приходится поставить ему какъ историку серьезный упрекъ въ тенденціозномъ освѣщеніи фактовъ. Онъ характеризуетъ эту экспедицію какъ незначительный «рейдъ» («small raiding force»)—выходъ которой представляетъ изъ себя случайность, противъ которой не можетъ гарантировать никакая морская *оборона*, особенно зимой. Между тѣмъ экспедиція эта представляла очень серьезную угрозу при тогдашнемъ состояніи Ирландіи и самой Англіи, очутившейся безъ континентальныхъ союзниковъ, благодаря блестящей кампаніи Бонапарта. Съ 18 000 корпусомъ такой исключительный военный талантъ какъ Гошъ, могъ очень много сдѣлать, оперируя въ дружественной странѣ. Бонапартъ съ корпусомъ очень немногимъ сильнѣе, надѣлалъ черезъ 2 года достаточно хлопотъ англичанамъ въ Египтѣ, и въ болѣе тяжелой обстановкѣ чѣмъ оказался-бы Гошъ въ Ирландіи.

И нечего Корбету оправдывать англійскія эскадры, что они не нашли экспедиціи изъ за тумана. Это просто неправда. Не нашли они ее потому во-первыхъ, что не достаточно тѣсно блокировали Брестъ, а во-вторыхъ, допуская даже ихъ удаленность отъ Бреста, для непосредственнаго наблюденія за Брестомъ и связи наблюдающихъ судовъ съ эскадрами, было выдѣлено слишкомъ мало развѣдочныхъ судовъ—ибо крейсеры выполняли самую важную, по мнѣнію Корбета, задачу—кон-

(*) Джемсъ. Исторія Великобританскаго флота. Т. II, стр. 2—23.

тролировали пути сообщенія. Изъ за того-же и Нельсонъ упустилъ экспедицію Бонапарта и не могъ прослѣдить ея путь въ Египетъ. А здѣсь фрегаты не могли прослѣдить путь экспедиціи Гоша въ Ирландію. Въ этомъ и было все дѣло.

Также напрасно Корбетъ упоминаетъ о возможности такихъ-же экспедицій изъ Дюнкирхена и Текселя. Въ Дюнкирхенѣ не было никакихъ французскихъ судовъ и снарядить ихъ тамъ не могли, а въ Текселѣ не было никакой десантной арміи. Англичанамъ нельзя было не сознавать, что главный ихъ противникъ—это Франція, что союзники ея ей лишь подыгрывали, и ничего безъ нея не предприняли бы, тѣмъ болѣе, что и въ союзъ они вступили лишь подъ угрозой разгрома. А та единственная французская сила на сѣверѣ, которая могла что либо сдѣлать, находилась въ Брестѣ и только оттуда и могла выйти. А значитъ, тотъ стратегическій центръ, о которомъ толкуетъ Корбетъ, былъ именно у Бреста, и для обезпеченности наблюденія за нимъ и уничтоженія той силы, которая могла оттуда выйти, надо было умѣть пожертвовать многимъ второстепеннымъ. Ужъ если разсматривать все съ точки зрѣнія обороны, какъ къ тому тяготѣетъ Корбетъ, то именно такой пріемъ, совпадающій съ постановкой главной себѣ цѣли—обезсиленія непріятельской военной силы, лучше всего обезпечивалъ и *все* побережье Англіи отъ вторженія и обезпечивалъ ея торговлю.

Такимъ образомъ свое заключеніе о достоинствахъ идеи Кемпенфельдта Корбетъ строитъ не по сущности ея самой, а на благопріятномъ результатѣ, полученномъ благодаря *недостаткамъ и ошибкамъ противника*. Это постоянный его пріемъ, и потому и надо очень внимательно разбирать приводимые имъ историческіе примѣры.

96. Кемпенфельдтъ проводилъ идею о «fleet in beeing». Другая идея Кемпенфельдта, которой восхищается Корбетъ—это идея о пресловутомъ «fleet in beeing». Никто конечно не будетъ спорить, что болѣе слабому, который имѣетъ надежду или на подходъ подкрѣпленій, или на раздѣленіе противника, можетъ быть выгодно оттянуть рѣшеніе дѣла генеральнымъ сраженіемъ.

Понятно также, что примѣненіе такого пріема болѣе доступно флоту, имѣющему передъ противникомъ преимущество въ быстроходности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ нельзя разсчитывать, что такимъ пріемомъ можно, во первыхъ, достигнуть серьезныхъ результатовъ, и во вторыхъ, что его можно примѣнять долго и что противникъ ничего не можетъ предпринять, пока такой флотъ «существуетъ», т. е. не разбитъ. Отсюда и названіе это—«fleet in beeing».

97. Теорія стратегіи не можетъ позволить строить разсчетъ на «ошибкахъ» противника.

Это можетъ случиться только благодаря *ошибкамъ* противника, а на разсчетѣ на нихъ теорія стратегіи не можетъ позволять строить какой либо стратегическій замыселъ. Это основаніе непрочное, которое можетъ быть легко опрокинуто первой случайностью. Теорія стратегіи энергично поддерживаетъ положеніе, что въ основу стратегическаго замысла должно быть положено предположеніе о томъ, что противникъ можетъ оказаться въ возможныхъ для него наилучшихъ условіяхъ, и что онъ будетъ дѣйствовать наилучшимъ доступнымъ ему способомъ.

Напр. когда адмиралу Витгефту была дана директива—идти во Владивостокъ, «избѣгая боя», то разсчетъ, положенный въ основаніе этой директивы, могъ быть только одинъ — «*авось*, противникъ прозѣваетъ». Между тѣмъ разсчетъ долженъ былъ основываться на томъ, что «противникъ не прозѣваетъ *навѣрно*». И тогда неизмѣнно вытекло-бы изъ него рѣшеніе, или отказаться отъ операціи, какъ отъ безсмысленной, или, если эта операція имѣетъ смыслъ, вступить съ противникомъ въ *рѣшительный* бой, если онъ не прозѣваетъ, и, хотя-бы путемъ своей гибели, нанести противнику такой вредъ, который облегчилъ-бы задачу другой части морской силы. Какъ разъ таково и было положеніе въ случаѣ съ Портъ-Артурской эскадрой, и тутъ нельзя было руководиться идеей «fleet in beeing», въ чемъ насъ и упрекаетъ Мэхэнъ.

Такъ вотъ идея Кемпенфельдта о «fleet in beeing» неправильна не сама по себѣ—слабому приходится иногда къ ней прибѣгать—но неправильно преувеличеніе значенія этой идеи

и самимъ Кемпенфельдтомъ, и въ особенности Корбетомъ, который еще иллюстрируетъ ее такими примѣрами, гдѣ успѣхъ обусловливался именно ошибками противника, которыя совсѣмъ не должны были непремѣнно имѣть мѣсто, и на которыя поэтому и нельзя было разсчитывать.

98. Идея «fleet in beeing» въ изложеніи Кемпенфельдта. Чтобы не умалить правильности разсужденій Кемпенфельдта и показать именно то, что въ нихъ опасно, и больше всего потому, что это именно и подхвачено и возвеличено Корбетомъ, я приведу эти разсужденія полностью. «Когда вы знаете намѣренія непріятеля» говоритъ онъ (стр. 222—224), «чтобы сдѣлать что либо дѣйствительно важное, вы должны стараться имѣть превосходство въ силахъ тамъ, гдѣ эти намѣренія будутъ осуществляться, и гдѣ, если онѣ удадутся, онѣ принесутъ вамъ наибольшій вредъ. Если вашъ флотъ раздѣленъ на столько, что онъ вездѣ слабѣе противника, то послѣднему будутъ предоставлены прекрасные шансы имѣть успѣхъ во всѣхъ его начинаніяхъ. Если не можетъ быть сформирована эскадра достаточной силы, чтобы противупоставить ее противнику въ «домашнихъ» водахъ, то болѣе выгодно уменьшить ее силу еще больше для того, чтобы имѣть превосходство въ другомъ мѣстѣ».

«Когда вы уступаете противнику въ силахъ, и у васъ имѣется только обсерваціонная эскадра для наблюденія за движеніями противника, такая эскадра должна состоять только изъ двудечныхъ кораблей (т. е. изъ кораблей наивысшей подвижности). Она должна имѣть передъ противникомъ преимущество въ скорости, ибо иначе при извѣстныхъ обстоятельствахъ она можетъ быть вынуждена или вступить въ бой, или отдать противнику своихъ худшихъ ходоковъ».

«Чрезвычайно необходимо имѣть такую летучую эскадру, чтобы она висѣла (hang) на болѣе сильномъ флотѣ противника, такъ какъ она не позволитъ ему раздѣлиться для того, чтобы перехватить вашу торговлю или разбросать свои корабли для другихъ еще болѣе обширныхъ цѣлей. Вы будете въ готовности воспользоваться случайнымъ раздѣленіемъ силъ противника,

благодаря свѣжимъ вѣтрамъ, туманамъ и т. п. Вы можете перехватывать посылаемые ему сообщенія и запасы и т. п. Наконецъ, такая эскадра будетъ представлять изъ себя препятствіе и стѣсненіе для движеній противника, и она предупредитъ значительное количество того вреда, который онъ бы намъ нанесъ въ противномъ случаѣ».

Вѣдь конечно ничего нельзя возразить противъ первыхъ двухъ абзацевъ этихъ разсужденій, да, собственно и третій не представляетъ изъ себя никакой ереси, если не принять во вниманіе при какихъ обстоятельствахъ это писалось. Какъ указываетъ самъ Корбетъ—это было въ «самые мрачные дни войны за независимость американскихъ колоній», и что на основѣ этого меморандума и велась эта война. Между тѣмъ, какъ правильно это доказываетъ Мэхэнъ (*), англичане совершенно неправильно опредѣлили главный и самый важный для нихъ участокъ театра—Вестъ-Индію. Они могли выиграть войну лишь обезсиливъ флотъ союзниковъ, и прежде всего французскій, посредствомъ, или разгрома его въ европейскихъ водахъ, или надежной закупорки французскихъ портовъ, главнымъ образомъ Бреста. Указаніе же на то, что можно довольствоваться малой силой въ домашнихъ водахъ, чтобы сосредоточить ее въ другомъ мѣстѣ, какъ разъ и имѣется въ разсужденіяхъ Кемпенфельдта. Значитъ онъ тоже неправильно оцѣнивалъ стратегическую обстановку. Но конечно никто не обязанъ былъ принимать его указаній, и если ихъ приняли, то можно думать не только потому, что рѣшили только «наблюдать» за противникомъ въ европейскихъ водахъ и безпокоить его мелкими уколами,—это конечно болѣе или менѣе доступно для «fleet in beeing», въ видѣ «летучей эскадры», какою его представлялъ въ своихъ разсужденіяхъ Кемпенфельдтъ. Это было бы безумно. Нѣтъ, въ этомъ рѣшеніи видна была *вѣра* въ то, что такая эскадра не только можетъ наблюдать и наносить мелкіе уколы, а что она можетъ совершенно связать противника въ его намѣреніяхъ, что онъ пи-

(*) См. его «Вліяніе морской силы на исторію», стр. 603.

чего серьезнаго предпринять не можетъ, пока она «существуетъ», и что «существовать» она можетъ сколь угодно долго, такъ какъ принудить ее къ бою противнику окажется нельзя. Только такимъ образомъ и можно объяснить себѣ веденіе этой войны «по Кемпенфельдту», и въ этомъ то и состоитъ опасность его «идеи».

Пока она относится только до *наблюденія* и до мелкихъ уколовъ, она правильна, и то при непремѣнномъ условіи того очень трудно достижимаго состава эскадры, которую предлагалъ Кемпенфельдтъ, и который легко могъ быть нарушенъ цѣлымъ рядомъ случайностей. Но разъ посредствомъ такого пріема думаютъ достигнуть *серьезныхъ* результатовъ, и разрушить *серьезныя* намѣренія противника, при осуществленіи которыхъ не будетъ наличія крупнѣйшихъ съ его стороны *ошибокъ*, разсчетъ на чемъ строить недопустимо, тогда эта идея становится уже опасной.

А между тѣмъ именно у Кемпенфельдта было такое преувеличенное представленіе о возможностяхъ доступныхъ для такой эскадры.

Вотъ что онъ писалъ лорду Бархаму въ 1779 г., именно по поводу относительно слабаго флота изъ 40 линейныхъ кораблей, которые тогда имѣли англичане въ домашнихъ водахъ, въ то время какъ союзники появились въ Ламаншѣ съ флотомъ изъ 66 кораблей.

«Много, я даже могу сказать *все*, зависитъ отъ этого флота. Ему предстоитъ борьба слабаго противъ сильнаго. Поэтому требуется высочайшая степень разума и ловкости, чтобы наблюдать и не пропустить благопріятныхъ случаевъ для дѣйствій, и ловить возможности обратить свои усилія противъ тѣхъ или другихъ слабыхъ частей противника; или, если подобные случаи не представятся, то чтобы висѣть надъ противникомъ, чтобы держать его въ страхѣ, и чтобы не допускать его что либо предпринимать безъ риска и опасности; чтобы управлять его вниманіемъ, и заставить его ни о чемъ не думать, какъ только о томъ, чтобы быть на сторожѣ противъ нашихъ атакъ».

И дѣйствительно правъ Кемпенфельдтъ—это требуетъ «высочайшей степени разума и ловкости», и можно-бы было согласиться и съ этими его словами, если-бы онъ писалъ это, критикуя тѣ обстоятельства, которыя поставили флотъ въ такое страшное положеніе. Но въ томъ и дѣло, что этого нѣтъ. Это вѣдь онъ пишетъ тому руководителю стратегіей англійскаго флота, котораго Корбетъ выставляетъ его единомышленникомъ, который распредѣлилъ англійскій флотъ именно такъ, какъ онъ распредѣлилъ бы его самъ. Наконецъ, онъ пишетъ это про флотъ, въ которомъ онъ самъ занимаетъ должность начальника штаба, и именно ему предстоитъ быть душой этого высочайшаго разума и ловкости, каковыя и должны быть признаны за нимъ въ случаѣ успѣха. А въ успѣхъ онъ вѣритъ, а потому и пишетъ «все зависитъ» отъ этого флота, въ руководствѣ которымъ онъ принимаетъ столь видное участіе. А что онъ вѣритъ въ этотъ успѣхъ, доказываетъ и допустимость, съ его точки зрѣнія, отправленія такихъ значительныхъ англійскихъ морскихъ силъ въ Вестъ-Индію, что въ каналѣ осталось всего 40 кораблей, и допустимость по отношенію къ противнику открытой блокады—о его мнѣніи по этому поводу уже говорилось выше (§ 94—95), почти не стѣсняющей передвиженій противника. Все, значитъ, по его мнѣнію, протекало вполнѣ логично и естественно. Такъ думать безъ вѣры въ очень большія возможности «fleet in beeing» было нельзя.

99. Какъ вліяла идея «fleet in beeing» на ходъ кампаніи 1779 г.

Дѣйствительно, посмотримъ какъ составился этотъ флотъ союзниковъ изъ 66 кораблей, который появился въ Каналѣ. Французскій флотъ въ Брестѣ былъ не готовъ еще и къ іюню. Но такъ какъ за Брестомъ никто не наблюдалъ, то въ началѣ іюня адмиралъ д'Орвилье вышелъ оттуда съ 28 кораблями и направился къ испанскимъ берегамъ, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ 38 испанскими кораблями. И соединился свободно. А англійскій «fleet in beeing» въ числѣ 35 кораблей, упустивъ случай, или не позволить Орвилье выйти изъ Бреста, или разбить его при попыткѣ выхода, расположился къ юго-западу отъ острововъ Сцилли, чтобы «висѣть» на противникѣ,

у котораго было теперь 66 кораблей, и который долженъ былъ прикрывать перевозку въ Англію 50.000 арміи, находившейся въ Гаврѣ и С. Мало, отстоящихъ отъ позиціи занятой англійской эскадрой на 200 и 250 миль къ востоку. При этомъ еще онъ такъ плохо «висѣлъ», что союзному флоту удалось пройти мимо него и занять позицію между нимъ и десантной арміей. «Давно уже не была Англія въ такомъ опасномъ положеніи» пишетъ по этому поводу Штенцель (*). Перевозка арміи не состоялась. Союзный флотъ ровно ничего не сдѣлалъ. Но произошло это исключительно вслѣдствіе вопіющихъ стратегическихъ ошибокъ и союзныхъ правительствъ и ихъ начальниковъ, и вслѣдствіе отвратительнаго снабженія флотовъ (**), а никакъ не отъ достоинствъ системы Кемпенфельдта и широкихъ возможностей для «fleet in beeing». Здѣсь эта система ровно не при чемъ, т. е. вѣрнѣе даже очень при чемъ, но въ томъ смыслѣ, что именно она привела къ тому опасному положенію, въ которомъ оказалась Англія. Именно представленія о войнѣ, какъ о ведущейся изъ за «ограниченной» цѣли, и изъ за связанной съ такимъ представленіемъ разброски силъ для овладѣнія второстепенными объектами и для ихъ защиты, вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ силы для обезсиленія непріятельскаго флота, именно истекшее отсюда представленіе о безопасности открытой блокады, ибо на тѣсную ужъ часто не хватало силъ, и представленіе о силѣ «fleet in beeing», который будто-бы могъ серьезно помѣшать дѣйствіямъ болѣе сильнаго флота противника,—вотъ что служило причиной неуспѣховъ Англіи, когда она поддавалась такимъ идеямъ. Всѣ флоты союзниковъ въ разбираемой войнѣ, которые дѣйствовали въ Вестъ-Индіи и благодаря которымъ Вашингтонъ принудилъ англійскую армію положить оружіе, вѣдь выходили изъ Бреста и Тулона. Изъ Бреста вышелъ вѣдь и Сюффренъ причинившій такъ много хлопотъ англичанамъ въ Остъ-Индіи.

(*) Stenzel. Seekriegsgeschichte. т. IV, стр. 156.

(**) См. по этому поводу: Мэхэнъ. Вліяніе морской силы на исторію; Stenzel. Seekriegsgeschichte; L. Clowes. The Royal Navy; Troude. Les batailles navales de la France, и вообще любое изслѣдованіе объ этой войнѣ.

А если Англія спаслась, или терпѣла гораздо меньшій вредъ, чѣмъ онъ могъ-бы быть, *изъ за тяжкихъ ошибокъ противника,* то отсюда вовсе не слѣдовало, что принятый его способъ дѣйствій былъ правиленъ.

И вотъ это сознаніе совершенно отсутствуетъ у Корбета. Напр. объ ошибкахъ союзниковъ въ 1779 г., объ отвратительномъ ихъ снабженіи, онъ не упоминаетъ совсѣмъ. Онъ упивается красотами стратегическихъ концепцій рекомендуемыхъ имъ «fine strategist-овъ».

100. Хвалебный гимнъ Корбета идеѣ «fleet in beeing». «Мозгомъ морской обороны (1779 г.) пишетъ онъ (стр. 256—258) «были лордъ Бархамъ въ Адмиралтействѣ и Кемпенфельдтъ какъ начальникъ штаба флота (Канала)... Послѣдній былъ *убѣжденъ*, что тяжеловѣсная союзная масса можетъ быть сдѣлана безсильной посредствомъ его сравнительно однородной и подвижной эскадры, не смотря на ея слабость, пока она могла держаться въ морѣ на западѣ». Значитъ позицію на SW отъ о. Сцилли Кемпенфельдтъ сознательно считалъ наилучшей для защиты отъ вторженія. Когда противникъ уже появился въ устьѣ Канала онъ вновь подтверждаетъ свое мнѣніе, что «двадцати пяти обшитыхъ мѣдью (*) кораблей достаточно, чтобы на столько утомлять и изнурять неповоротливую соединенную Армаду, чтобы не допустить ихъ что-либо сдѣлать...», и это его мнѣніе Корбетъ квалифицируетъ какъ мнѣніе одного изъ «величайшихъ мастеровъ». Притомъ разбираемый случай Корбетъ считаетъ особенно «значительнымъ (the more striking), потому-что защита противъ вторженія не была единственной задачей, которую долженъ былъ разрѣшить адмиралъ Харди (командующій флотомъ Канала)... онъ долженъ былъ еще прикрыть ожидаемые большіе конвои коммерческихъ судовъ». Вотъ теперь становится болѣе яснымъ, почему Харди расположился на SW отъ о-въ Сцилли

(*) Эта война какъ разъ протекала въ періодъ введенія мѣдной обшивки, которая дѣйствительно давала преимущество въ скорости. Дѣйствительно въ англійскомъ флотѣ было больше кораблей снабженныхъ этимъ нововведеніемъ, нежели въ союзномъ, но сами по себѣ, французскіе корабли были скороходнѣе англійскихъ, такъ что иногда не помогала и мѣдная обшивка.

вмѣсто того, чтобы блокировать Брестъ и помѣшать соединенію союзниковъ. Корбетъ приводитъ его сообщеніе въ адмиралтейство, въ которомъ онъ говоритъ, что позиція въ 20 лигахъ (60 миляхъ) на WSW отъ Сцилли «наиболѣе подходящая въ смыслѣ *безопасности торговыхъ судовъ*, ожидаемыхъ изъ Остъ и Вестъ-Индіи, и для встрѣчи непріятельскихъ флотовъ, *въ случаѣ если они попытаются войти въ Каналъ*». Послѣднія слова были подчеркнуты самимъ Харди, и Корбетъ это объясняетъ тѣмъ, что онъ *вѣрилъ* въ то, что непріятельскій флотъ этого не сдѣлаетъ, пока его флотъ будетъ цѣлъ (undefeated) и будетъ занимать свою позицію на западѣ. Когда у него не хватило запасовъ, онъ пошелъ въ Портсмутъ, откуда онъ непосредственно грозилъ тѣмъ путямъ по которымъ могло быть совершено вторженіе, и по мнѣнію Корбета, «пока онъ былъ тамъ, вторженіе не могло имѣть мѣста, пока онъ не былъ-бы разбитъ» (*).

И вотъ тутъ-то Корбетъ, очень легко скользя по дѣйствительнымъ причинамъ неудачи союзниковъ и не отмѣчая ихъ вопіющихъ ошибокъ, сводитъ всѣ эти причины къ достоинствамъ метода Кемпенфельдта. «Доказательство на лицо (so it proved)» говоритъ онъ. «14 августа Орвилье направился къ Лизарду и въ продолженіи двухъ недѣль пытался принудить Харди къ рѣшительному бою. Пока онъ этого не сдѣлалъ, онъ не осмѣливался ни войти въ Каналъ, ни отдѣлить эскадру для того, чтобы отогнать крейсера, блокировавшіе порты, гдѣ находилась десантная армія. Его безплодныя усилія истощили его запасы, которые уже были значительно подорваны изъ за сосредоточенія союзныхъ силъ у Финистерре и онъ, безсильный что либо предпринять, былъ вынужденъ вернуться въ Брестъ. Союзники не были въ состояніи выйти въ море еще разъ въ этомъ году, *но, если-бы они и были въ состояніи это сдѣлать, Харди и Кемпенфельдтъ могли продолжать вести свою оборонительную игру безконечно, и даже со все увеличивающимися шансами на успѣхъ, такъ какъ приблизилась*

(*) Это противорѣчіе съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ говоритъ что японцы должны были везти войска несмотря на Портъ-Артурскую эскадру. Но то были японцы, а здѣсь—противники англичанъ.

зима, и увеличивалась вѣроятность нанести имъ парализующій ударъ».

Это-ли не гимнъ достоинствамъ «fleet in beeing» и великимъ стратегамъ—Бархаму, Харди и Кемпенфельдту! Вѣдь выхода значитъ для союзниковъ съ ихъ 66 кораблями не было, имѣя противникомъ всего 40 и даже 25 (беру это изъ цитированныхъ выше словъ Кемпенфельдта) кораблей, обладающихъ нѣкоторымъ преимуществомъ въ скорости, но за то и болѣе слабыхъ, ибо изъ нихъ исключены трехдечные корабли! И такъ какъ ошибки союзниковъ и ихъ внутренняя слабость не указаны въ числѣ причинъ ихъ неудачи, а причины эти, по мнѣнію Корбета, заключаются лишь въ искусствѣ англійскихъ стратеговъ, то остается признать, что единственная ошибка французовъ состояла въ томъ, что чортъ ихъ дернулъ ввязаться въ борьбу съ англичанами, у которыхъ имѣются такіе «fine strategist-ы» и такіе пріемы борьбы, съ которыми не справиться никакими пріемами. И да трепещетъ, значитъ, «германская сухопутная» школа, читай, значитъ Германія, когда ей придется столкнуться на морѣ съ «англійской морской» школой! Все равно нѣмцамъ ни въ коемъ случаѣ не одолѣть англійскихъ стратеговъ.

Между тѣмъ стоило только въ данномъ случаѣ поставить во главѣ союзниковъ не только способнаго (таковъ былъ и д'Орвилье), но и рѣшительнаго человѣка, стоило освободить его отъ нелѣпыхъ инструкцій правительства (указаніе Фальмута, какъ мѣста высадки, постояннаго напоминанія о достиженіи поставленной цѣли по возможности безъ потери кораблей), стоило лишь снабдить хорошо суда личнымъ составомъ и продовольствіемъ, и Англія жестоко-бы поплатилась за оставленіе на главномъ участкѣ театра войны недостаточныхъ силъ, и «fleet in beeing»Кемпенфельдта былъ-бы, или заблокированъ, или уничтоженъ, и во всякомъ случаѣ не могъ-бы помѣшать двойной силѣ на столько владѣть моремъ, чтобы перевезти армію черезъ Каналъ. Счастье Англіи было, что когда она пробиралась и здѣсь «сомнительной» тропой, у союзниковъ не нашлось «бога войны», который-бы ее накрылъ на этой тропѣ. *Разсчитывать*-же на

все, что случилось, т. е. на всѣ ошибки союзниковъ, англичане, конечно, не могли, и когда дѣло окончилось благополучно, надо было сдѣлать выводъ: «Слава Богу, вывезло, и больше я ужъ въ такое положеніе себя не поставлю», а не: «Ахъ, какъ я былъ искусенъ». Корбетъ-же говоритъ (стр. 224). «Несмотря на слабость флота Канала, его *оборонительныя* операціи оказались достаточными, чтобы не допустить союзниковъ до достиженія какого-либо успѣха. Не было-ли это для Кемпенфельдта доказательствомъ положительной стороны его теоріи, при томъ въ самой блестящей (in the most brilliant) и неопровержимой (convincing) формѣ».

101. Идея «fleet in beeing» противорѣчитъ «природѣ» войны. Идея о «fleet in beeing», какъ могущаго серьезно помѣшать *безъ боя* сильному противнику въ достиженіи его цѣлей—противорѣчитъ природѣ войны, а потому она непремѣнно должна настолько разсчитывать на отсутствіе искусства у противника, или на худшее качество его силы, чтобы возмѣстить недостатокъ въ численности. А тогда пропадаетъ необходимость «оборонительной игры», какъ ее называетъ Корбетъ, и избѣганія боя, т. е. пропадаетъ и самая сущность этого понятія. Примѣнять такую систему слабому придтись можетъ, но надо тогда и знать, что достигнуть успѣха можно лишь случайно. А тогда это будетъ имѣть слѣдствіемъ стремленіе избѣжать такихъ положеній, или созданіемъ соотвѣтственнаго флота, или искуснымъ его распредѣленіемъ на театрѣ войны, жертвуя второстепеннымъ для того, чтобы быть сильнымъ тамъ гдѣ это дѣйствительно важно. При вѣрѣ-же въ дѣйствительную силу «fleet in beeing» легко можетъ быть допущена ошибка и въ планѣ войны вообще, т. е. въ неимѣніи государствомъ достаточнаго флота, сообразно возможнымъ для него войнамъ, и въ планѣ борьбы съ опредѣленнымъ противникомъ, а именно въ стратегическомъ развертываніи флота, такъ какъ тѣ части, которыя предназначены «сдерживать» болѣе сильнаго противника, чтобы обезпечить побѣду въ важныхъ пунктахъ, окажутся недостаточными, и разъ они своей роли не выполнятъ, то неправильнымъ ока-

жется разсчетъ и для главныхъ ударовъ. Цѣльность замысла и связь отдѣльныхъ его частей будетъ нарушена.

102. Идея «fleet in beeing» особенно опасна для насъ. Опять повторяю, мы особенно склонны увлекаться «дешевыми» пріемами борьбы, и потому у насъ легче всего способны воспринять идеи «fleet in beeing». Корбетъ доказываетъ его мощность, подбирая примѣры, гдѣ достигнутые имъ успѣхи зависѣли отъ *ошибокъ* противника, и всѣ эти примѣры надо «разъяснить». А примѣровъ у него такихъ не одинъ. Вѣдь «fleet in beeing» изобрѣтенъ не Кемпенфельдтомъ.

Какъ понималъ идею «fleet in beeing» ея творецъ— адмиралъ Гербертъ. Творцомъ этой идеи считается англійскій адмиралъ Гербертъ (лордъ Торрингтонъ), впервые употребившій этотъ терминъ въ 1690 году. Союзники (англичане и голландцы) разбросали въ этомъ году свои силы, тогда какъ французамъ удалось ихъ сосредоточить, и Турвиль появился 3 іюля у Портсмута съ 70 кораблями, тогда какъ у Герберта было всего 57. Хотя отдѣленные отъ него отряды союзнаго флота находились *за* противникомъ, (одинъ у береговъ Испаніи, а другой въ Ирландскомъ морѣ), но Гербертъ *все* таки надѣялся на ихъ присоединеніе, а потому хотѣлъ отступить въ Темзу, гдѣ къ нему могли присоединиться еще нѣсколько неготовыхъ еще кораблей и куда по его мнѣнію могли пробраться подъ берегомъ и западные отряды. Онъ считалъ, что пока онъ не разбитъ, противникъ ничего серьезнаго предпринять не можетъ. Вотъ здѣсь, въ изложеніи своего плана правительству, онъ и примѣнилъ въ первый разъ выраженіе «fleet in beeing». Нельзя конечно оспаривать, что *временное* выжиданіе въ его положеніи было вполнѣ у мѣста, въ надеждѣ исправить допущенную ошибку въ распредѣленіи флота. Но если-бы эта надежда не осуществилась, то огромная опасность быть разбитымъ по частямъ оставалась на лицо, и можно было пробовать избѣжать этой опасности, но не въ надеждѣ на особыя свойства «fleet in beeing», а просто попыткой соединиться. Это и хотѣлъ сдѣлать Гербертъ. Такимъ образомъ это очень далеко отъ *сознательнаго* разсчета Кемпенфельдта на безконечную способность «fleet in beeing» мѣшать *всякимъ* опе-

раціямъ превосходнаго по численности флота противника. Но Корбетъ предлагаетъ идею Кемпенфельдта. Онъ говоритъ (стр. 226), что Гербертъ создалъ эту идею, а Кемпенфельдтъ *развилъ* ее.

Правительство вмѣшалось въ планъ Герберта и онъ получилъ приказаніе вступить въ бой съ французами. 10 іюля онъ былъ разбитъ при мысѣ Бичи-Хедъ, отступилъ въ Темзу съ большими потерями и могъ выйти въ море только въ серединѣ сентября. Турвиль сдѣлалъ огромную ошибку, не преслѣдуя союзниковъ послѣ боя, вслѣдствіе чего ихъ потери были гораздо меньше чѣмъ могли-бы быть. Кромѣ того Турвиль не использовалъ свою побѣду и въ томъ смыслѣ, что не обратился противъ остальныхъ англійскихъ отрядовъ, а французское правительство не воспользовалось этой побѣдой, чтобы перебросить въ Ирландію войска, какъ это было предположено раньше. Поврежденія эскадры Турвиля были столь ничтожны, что онъ и не заходилъ для исправленія ихъ въ портъ, но когда онъ это и сдѣлалъ, въ концѣ іюля его эскадра уже была въ морѣ, т. е. почти на 2 мѣсяца раньше, чѣмъ могъ выйти Гербертъ. Ошибки Турвиля объясняются съ одной стороны его извѣстными свойствами— хорошаго тактика и плохого стратега, а съ другой какими-то политическими ошибками Людовика XIV, который вообще совершенно не умѣлъ извлечь надлежащей пользы изъ флота и который не обращалъ достаточнаго вниманія на Англію, обращая всѣ свои силы на борьбу на сушѣ съ Голландіей и ея союзниками.

103. Корбетъ основываетъ достоинства «fleet in beeing» на возможныхъ ошибкахъ противника.

Но вотъ Корбетъ опять, не упоминая ни однимъ словомъ о всѣхъ этихъ причинахъ бездѣятельности Турвиля, говоритъ (стр. 221): «Турвиль былъ *не въ состояніи* (unable) идти назадъ къ западу... Не смотря на то, что Торрингтонъ былъ принужденъ (приказомъ правительства) къ бою въ неподходящее время и въ неподходящемъ мѣстѣ, все таки цѣль его была во многомъ достигнута. Не только онъ *не допустилъ* (prevented) французовъ сдѣлать что либо, что могло повліять на исходъ войны, но онъ совершенно *разру-*

шилъ планъ Турвиля разбить англійскій флотъ по частямъ. Это онъ сдѣлалъ, хотя перейти въ наступленіе, для отместки французамъ онъ и не былъ въ состояніи».

Вотъ опять выводъ о возможностяхъ (fleet in beeing), основанный на результатахъ проистекающихъ изъ *ошибокъ* противника. Значитъ опять «fleet in beeing» *не допустилъ*, *разрушилъ*, и противникъ былъ *не въ состояніи* что либо сдѣлать! Удивительное заключеніе, чтобы не сказать больше.

Корбетъ и захватъ Кемпенфельдтомъ транспортовъ подъ носомъ у болѣе сильнаго противника (см. выше § 93) ставитъ въ плюсъ его теоріи о «fleet in beeing». Но опять этотъ случай доказываетъ только неискусство и вялость Гишена и дѣятельность и искусство Кемпенфельдта, но отнюдь не достоинство самого «fleet in beeing», какъ таковаго. Лучшее искусство и большая энергія это не привилегія именно тѣхъ, которые имѣютъ счастье командовать «fleet in beeing». Могутъ и они дѣлать ошибки и быть вялыми. Можетъ быть равно искуснымъ и энергичнымъ и сильный. И тогда слабому грозитъ неизмѣнное пораженіе, и о возможности ему серьезно мѣшать сильному нечего и думать. Значитъ тутъ дѣло не въ формѣ «fleet in beeing», а въ энергіи и въ искусствѣ, которыя тоже составляютъ элементъ (моральной) силы, и все приходитъ къ положенію, вытекающему изъ природы войны, что побѣждаетъ *болѣе сильный*.

По мнѣнію Корбета, идея «fleet in beeing», т. е. слабаго флота, избѣгающаго рѣшительнаго боя, и связывающаго этимъ операціи сильнаго флота, съ усовершенствованіемъ матеріальной части и военнаго искусства, можетъ лишь развиваться. «Во времена Торрингтона и Турвиля», говоритъ онъ (стр. 222) «когда корабли были плохо управляемы и эскадренная тактика находилась въ младенчествѣ, трудность избѣжанія боя, когда уже вошли въ соприкосновеніе съ противникомъ, была очень велика, если не было подъ рукой порта, въ который можно-бы было отступить. Но съ развитіемъ искусства морской войны, возможности (possibilities) «fleet in beeing» очень расширились, по крайней мѣрѣ такъ думали въ британскомъ флотѣ».

Я обратился къ Кемпенфельдту и его идеямъ объ открытой блокадѣ и о «fleet in beeing» потому, что Корбетъ упрекаетъ своего «fine strategist-а» Монка (см. выше, § 90) въ томъ, что онъ не слѣдовалъ «принципу Кемпенфельдта», а потому и потерпѣлъ неудачу.

Но не на одного Кемпенфельдта онъ ссылался. Онъ сдѣлалъ попытку оправдать всѣхъ своихъ «fine strategist-овъ» авторитетомъ Нельсона (см. выше §§ 74 и 90). Оказывается Монкъ въ 1666 г. сдѣлалъ то-же самое, что и Нельсонъ въ 1801 г., и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ это не было ошибкой.

104. Нелѣпость сопоставленія положенія Нельсона въ 1801 г. съ положеніемъ Монка въ 1666 г.

Такое сопоставленіе Корбету, какъ историку, дѣлать-бы не подобало. Нельсонъ въ 1801 г. долженъ былъ защищать побережье Англіи отъ вторженія *гребныхъ* судовъ, собранныхъ въ *нѣсколькихъ* портахъ. Пока эти флотиліи были въ портахъ, онѣ были для Нельсона *недоступны*. Единственный шансъ этихъ флотилій былъ *штиль*, лишавшій суда Нельсона *подвижности*. Какъ только задувалъ вѣтеръ, переходъ былъ не мыслимъ не потому, чтобы нельзя было на веслахъ перейти Каналъ, а потому, что гребныя суда не имѣли *никакой силы для морского боя*, и суда Нельсона уничтожали-бы ихъ совершенно безнаказанно.

Значитъ Нельсонъ имѣлъ передъ собой противника не только раздѣленнаго, но и совершенно безсильнаго противъ его судовъ. Но за то его суда не могли передвигаться въ тотъ моментъ, когда противникъ выйдетъ (въ штиль). А, значитъ, надо было имѣть группу судовъ на каждомъ участкѣ, откуда могъ выйти противникъ, чтобы воспользоваться малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра, чтобы ему помѣшать, и такое раздѣленіе было совершенно *безопасно*, такъ какъ вслѣдствіе безсилія гребныхъ французскихъ судовъ для морского боя, каждая группа судовъ Нельсона сохраняла условіе превосходства въ силахъ. Значитъ здѣсь принципъ сосредоточенія силъ былъ вполнѣ удовлетворенъ, и раздѣленіе судовъ группами по участкамъ дѣйствительно вызывалось обстановкой. Здѣсь дѣйствительно *никакой ошибки не было*.

И вдругъ Корбетъ рѣшается эту обстановку приравнивать къ той, въ которой былъ Монкъ въ 1666 г. Его противникъ былъ *сосредоточенъ*, и былъ *сильнѣе* его, и могъ усилиться еще. И онъ, вмѣсто того, чтобы не дать ему этого сдѣлать посредствомъ боя съ нимъ однимъ съ полнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, раздѣлилъ ихъ такъ, что и противъ той и другой части противника онъ оказался гораздо слабѣе. Вотъ здѣсь *была ошибка*, и именно противъ принципа сосредоточенія силъ. И обстановка такого раздѣленія силъ, которое допустилъ Монкъ, не требовала, а напротивъ требовала самого тѣснаго сосредоточенія его силъ.

105. Принципъ сосредоточенія силъ въ представленіи Корбета.

Но для Корбета оба эти случая сливаются въ одинъ, потому-что по его мнѣнію «принципъ», который долженъ служить руководствомъ въ колебаніяхъ между сосредоточеніемъ и раздѣленіемъ силъ заключается въ слѣдующемъ (стр. 150—151): «Степень раздѣленія силъ пропорціональна числу портовъ, откуда противникъ можетъ дѣйствовать противъ нашихъ морскихъ интересовъ, и протяженію береговой линіи, на которой они расположены». По его мнѣнію, этотъ «принципъ» имѣетъ источникомъ «душу старой англійской традиціи», къ которой англичане и должны постоянно обращаться, ибо не въ томъ дѣло, чтобы только не позволить противнику нанести вамъ ударъ въ самое сердце, но надо поражать его во всѣ моменты, когда онъ *что-либо* предпринимаетъ. Надо изъ каждой его попытки что либо сдѣлать, создавать себѣ случай для контръ-удара.

Изъ этого «англійскаго», по увѣренію Корбета, «принципа» и проистекаетъ его неизмѣнная наклонность къ раздѣленію силъ, т. е. къ нарушенію требованій природы войны. Когда это нарушеніе исходитъ изъ интересовъ самой-же природы войны, т. е. когда обстановка требуетъ частичнаго отступленія отъ этой природы, имѣя цѣлью наилучшее сохраненіе ея цѣльности въ остальномъ, то оно законно. Но Корбетъ объ этомъ не заботится. По его мнѣнію *все* оправдываетъ раздѣленіе силъ, и достиженіе цѣлей, *поочередно начиная съ главныхъ,* не укладывается въ его ученіе.

106. Корбетъ оправдываетъ раздѣленіе своихъ силъ Корнваллисомъ въ 1805 г.

Онъ напр. оправдываетъ и знаменитое раздѣленіе англійскимъ адмираломъ Корнваллисомъ своей эскадры въ 1805 г., раздѣленіе, которое Наполеонъ справедливо назвалъ глупостью.

Я напомню въ крупныхъ чертахъ это событіе. Вильневъ вернулся изъ Вестъ-Индіи и сосредоточилъ въ Ферролѣ 29 кораблей. Въ Брестѣ находился готовый къ выходу адмиралъ Гантомъ съ 21 кораблемъ, и къ этому времени у Корнваллиса, блокировавшаго этотъ портъ, набралось 35 кораблей. Моментъ былъ чрезвычайно опасный. Наполеонъ со 120 тыс. арміей ждалъ на берегахъ Ламанша появленія тамъ Вильнева, чтобы перебросить эту армію въ Англію. Если-бы Вильневу удалось соединиться съ Гантомомъ, то численное превосходство (50 кораблей противъ 35) позволяло въ извѣстной мѣрѣ надѣяться на успѣхъ, даже и при наличіи превосходства англичанъ въ моральномъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ *навѣрно* англичане не могли разсчитывать на то, что имъ удастся при такихъ условіяхъ обезсилить противника, и сохранить столько своей силы, чтобы сдѣлать невозможнымъ вторженіе. А ставка была огромная—существованіе Англіи.

Выгода положенія Корнваллиса заключалась въ томъ, что онъ находился *между* противниками, и значитъ могъ бить ихъ по частямъ, превосходя каждаго изъ нихъ значительно и въ численности.

И вдругъ онъ раздѣлилъ свою эскадру. Онъ оставилъ у себя 17 кораблей, а 18, съ адмираломъ Кальдеромъ, отправилъ къ Ферролю, чтобы наблюдать тамъ за Вильневомъ. Конечно это было очень самонадѣянно думать, что 18 англійскихъ кораблей могутъ преградить путь 29 союзнымъ, и даже 34-мъ, такъ какъ въ Бискайскомъ заливѣ находился вышедшій изъ Рошфора отрядъ изъ 5 кораблей Аллемана, который могъ тоже соединиться съ Вильневомъ, и послѣдній на это разсчитывалъ. Но все таки это можно-бы было понять, если-бы цѣлью этого передвиженія являлось, хотя и своеобразно понимаемое, стремленіе разбить противника, и обезпечить Англію отъ вторженія.

Но оказывается,—нѣтъ. Цѣль была—недопустить Вильнева захватить караваны коммерческихъ судовъ, ожидавшіеся въ это время изъ Вестъ и Остъ-Индіи, и еще надо было обезпечить Средиземное море, которое очистилъ Нельсонъ, погнавшись за Вильневомъ въ Вестъ—Индію, и еще изъ Корка въ Ирландіи должна была выйти небольшая экспедиція. И Корбетъ прямо съ гордостью заявляетъ, что идея о раздѣленіи эскадры пришла одновременно и Корнваллису и Лорду Бархаму, который управлялъ адмиралтействомъ. Корнваллисъ тараздѣлилъ, а Бархамъ уже послалъ ему приказаніе въ такомъ-же духѣ. И при этомъ онъ увѣряетъ, что Наполеонъ былъ неправъ, когда онъ назвалъ это раздѣленіе глупостью, ибо это движеніе, будто-бы и побило Наполеона (стр. 144), такъ какъ раздѣленные Корнваллисъ и Кальдеръ находились между собою въ непрерывной связи, и всегда поспѣли-бы соединиться. Но онъ почему-то умалчиваетъ, что Кальдеръ былъ не просто отдѣленъ отъ Корнваллиса, а былъ посланъ именно въ Ферроль, отстоящій отъ Бреста на 300 миль. Хороша была связь между ними, а Корбетъ увѣряетъ, что «the two squadrons never lost touch». Не говоритъ онъ и того, что раньше чѣмъ Кальдеръ подошелъ къ испанскимъ берегамъ, Вильневъ вышелъ въ море и разошелся съ нимъ, и значитъ онъ могъ подойти къ Бресту и раньше его.

Правда ничего этого не случилось. Вильневъ воспользовался первымъ предлогомъ, чтобы не идти къ Бресту, и повернулъ въ Кадиксъ. Опасность для Англіи миновала. Но изъ этого опять долженъ былъ-бы быть для англичанъ выводъ: «Слава Богу вывезло, больше такой ошибки не сдѣлаю», а Корбетъ опять выводитъ: «Ахъ какъ это хорошо было сдѣлано». При такомъ объясненіи фактовъ понятно его утвержденіе (см. выше § 89), что въ британской морской исторіи трудно найти примѣры ошибочнаго раздѣленія силъ.

Еще-бы не трудно найти, когда онъ сосредоточеніе силъ противника, явившееся слѣдствіемъ собственной разброски силъ, не считаетъ для себя опаснымъ. Планъ англичанъ въ борьбѣ съ Наполеономъ въ 1805 г. онъ характеризуетъ такъ (стр. 142):

«Мы были убѣждены, что угроза съ его стороны вторженіемъ, хотя силы для этого вторженія и были огромны, не должна была принуждать насъ къ такому тѣсному сосредоточенію, чтобы предоставить наши широко разбросанные интересы его нападеніямъ. Нельзя также сказать, чтобы наша первая по значенію цѣль была помѣшать его попыткамъ къ сосредоточенію... Распредѣленіе нашихъ эскадръ передъ его портами вызывалось по существу задачей воспрепятствовать спорадическимъ дѣйствіямъ противника. Это распредѣленіе было продиктовано *защитой* торговли, колоній и территорій нашихъ союзниковъ. Вся переписка Нельсона за этотъ періодъ показываетъ, что главная его цѣль была защита нашей морской торговли въ Средиземномъ морѣ, Неаполя и Турціи... Когда Вильневъ ушелъ отъ Нельсона, раздраженіе послѣдняго вызывалось не перспективой возможности сосредоточенія французовъ,—онъ зналъ что этому будутъ противопоставлены соотвѣтственные сосредоточенія съ нашей стороны, а скорѣе потерей случая, который ему представлялся, благодаря этой попыткѣ противника къ сосредоточенію. Онъ послѣдовалъ за Вильневымъ въ Вестъ-Индію не для того, чтобы предупредить сосредоточеніе, а для того, во-первыхъ, чтобы защитить тамъ торговлю и Ямайку, а во вторыхъ—въ надеждѣ на шансъ нанести ударъ, который ему не удалось нанести въ Средиземномъ морѣ.

Лордъ Бархамъ держался такихъ же взглядовъ. Когда, по полученіи извѣстія (прибавлю отъ себя—совершенно случайнаго) о возвращеніи Вильнева изъ Вестъ-Индіи, онъ двинулъ къ нему на встрѣчу Кальдера, то это, какъ онъ самъ это выразилъ, не было сдѣлано съ цѣлью предупредить сосредоточеніе французовъ, а помѣшать попыткамъ ихъ «sporadic actions». И дѣйствительно, намъ не было надобности мѣшать непріятельскому сосредоточенію. Это былъ нашъ лучшій шансъ хорошо разрѣшить задачу въ томъ положеніи съ которымъ мы имѣли дѣло».

При такомъ опредѣленіи причинъ всѣхъ начинаній англійскихъ стратеговъ становится понятнымъ тотъ фактъ, что

Наполеону удалось, не смотря на всѣ ошибки его адмираловъ и на недостатки союзныхъ флотовъ, собрать въ Бискайской бухтѣ, въ преддверіи въ Каналъ, гдѣ могла рѣшиться участь войны, 55 линейныхъ кораблей противъ 35 англійскихъ, и что ему удавалось отвлекать ихъ силы въ сторону различными демонстраціями, имѣвшими видъ «sporadic actions».

107. Корбетъ выбралъ опасный путь для обоснованія «теоріи» войны.

Но вѣдь все это въ концѣ концовъ рушилось, и побѣдили англичане. Для того времени никому не было дѣла—*отчего* этого произошло. Англичане торжествовали и чествовали своихъ стратеговъ-побѣдителей. Союзники критиковали тѣхъ лицъ, которымъ они приписывали вину за Трафальгаръ.

Но для насъ, работающихъ надъ созданіемъ теоріи стратегіи—это далеко не все равно, и намъ важно знать—*отчего* проигралъ Наполеонъ и выиграли англійскіе стратеги. Съ моей точки зрѣнія, исторія этой кампаніи показываетъ, что замыселъ Наполеона былъ куда выше англійскихъ замысловъ. Онъ соотвѣтствовалъ природѣ войны, а тѣ ей противорѣчили. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его замыслы были ошибочны въ томъ отношеніи, что не соотвѣтствовали качествамъ союзныхъ флотовъ, и выполненіе этихъ замысловъ было ниже всякой критики. И вотъ, благодаря этимъ ошибкамъ онъ и потерпѣлъ пораженіе. Но именно, благодаря тѣмъ-же ошибкамъ, выиграли и англичане, и только потому не сказалось въ полной мѣрѣ вліяніе ошибочности замысловъ ихъ стратеговъ.

Значитъ выводъ для насъ такой—замыслы должны соотвѣтствовать и природѣ войны и средствамъ, и успѣхъ будетъ только при хорошемъ выполненіи этихъ замысловъ. Выводъ-же Корбета такой—англичане побѣдили, а значитъ хороши были и ихъ замыслы и выполненіе, а о томъ, соотвѣтствовали-ли они природѣ войны, онъ не заботится. А отсюда получается тяготѣніе къ разбрасыванію силъ, какъ основа теоріи.

То, что удается только благодаря ошибкамъ и несовершенствамъ противника, возводится въ идеалъ замысла и выполненія. Вотъ это уже опасный путь для теоріи, и съ такимъ направленіемъ надо энергично бороться, попыткой чего и

является настоящій этюдъ. Вѣдь то, что я указалъ, составляетъ у Корбета содержаніе главы, которая называется «*Теорія* морской войны».

103. Общая характеристика труда Корбета. Этимъ я закончу разборъ книги Корбета, ибо я разобралъ тѣ обѣ части его труда, въ которыхъ излагается «теорія» войны. А это мнѣ и нужно для опредѣленія цѣнности его труда, какъ «курса» стратегіи. Повторяю, трудъ это полонъ превосходныхъ, интересныхъ мыслей и разсужденій, и изученіе его крайне полезно для всякого интересующагося вопросами стратегіи въ обстановкѣ морской войны. Но между этими превосходными разсужденіями и мыслями извивается, иногда почти незамѣтно, фальшивая и вредная стратегическая тенденція, противорѣчащая природѣ войны. Замѣтнѣе проявляется она въ освѣщеніи приводимыхъ авторомъ историческихъ примѣровъ, но тутъ ее еще труднѣе замѣтить неподготовленному исторически читателю. А вѣдь такихъ огромное большинство, и для нихъ я и писалъ свой разборъ, который можетъ показаться излишнимъ для читателей хорошо знакомыхъ съ тѣми историческими примѣрами, которые приводитъ Корбетъ.

Я останавливался въ своемъ разборѣ только на недостаткахъ Корбета, а о достоинствахъ его говорилъ лишь въ общихъ словахъ. Сдѣлалъ я это потому, что это завело бы меня слишкомъ далеко. И такъ мой разборъ вышелъ очень большимъ. А затѣмъ достоинствъ въ этомъ трудѣ такъ много, что конечно они не пройдутъ незамѣченными читателями, а вотъ ошибки могутъ пройти незамѣченными, по причинамъ уже мною указаннымъ, а потому на нихъ исключительно я и обратилъ свое вниманіе.

Конечно я вполнѣ готовъ и къ тому, что мнѣ кто нибудь докажетъ, что я преувеличилъ заблужденія Корбета, и даже оныхъ нѣтъ и совсѣмъ. Быть можетъ. Но я и тогда не считаю, ни мое время, ни время моихъ читателей, потраченное на писаніе и чтеніе этого этюда, потеряннымъ. Эти разсужденія вызовутъ на прочтеніе и на комментированіе труда Корбета, на болѣе глубокое проникновеніе въ его мысли, и если онъ правъ, то тѣмъ полезнѣе это проникновеніе.

Что-же въ концѣ концовъ представляетъ изъ себя трудъ Корбета? Можно-ли его признать за курсъ стратегіи, хотя-бы только въ области морской войны?

Съ моей точки зрѣнія, нѣтъ. Въ разобранныхъ мною двухъ частяхъ его книги, озаглавленныхъ «Теорія войны», нѣтъ собственно теоріи войны. Нѣтъ разбора природы войны, нѣтъ установленія вытекающихъ отсюда основныхъ принциповъ веденія войны, и нѣтъ разсмотрѣнія именно съ этой точки зрѣнія особенностей обстановки морской войны. Вмѣсто выясненія *единства* стратегіи проведена мысль о какой-то «англійской морской» школѣ стратегіи, противопоставляемой «германской сухопутной». За образецъ выставляются идеи англійскихъ морскихъ стратеговъ, но достоинства этихъ идей подтверждаются невѣрно освѣщенными историческими примѣрами.

Таковымъ курсъ стратегіи быть не можетъ. Обиліе-же превосходныхъ мыслей и разсужденій въ области морской стратегіи дѣлаютъ его трудъ цѣннымъ въ видѣ «этюдовъ», какъ превосходный матеріалъ для разработки курса, какъ исходное основаніе для движенія стратегической мысли. Онъ будитъ ее и своими достоинствами и недостатками.

На этомъ трудѣ Корбета особенно ярко сказался вредъ увлеченія идеей написать «національную» стратегію. Эта задача очень почтенная, и рѣшеніе ея крайне полезно. Какъ и по поводу Шлихтинга (см. эт. V, § 19) я скажу— давай Богъ, чтобы была когда нибудь написана «русская» стратегія. Но только можно это сдѣлать послѣ того, какъ разработана будетъ «просто» стратегія. Тогда талантливое и проникновенное примѣненіе ея положеній къ національнымъ особенностямъ, въ смыслѣ особенностей національной политики, національныхъ силъ и средствъ, національныхъ театровъ войны, и дастъ «національную» стратегію.

Приступать-же къ такой работѣ, не выяснивши себѣ самому основъ «просто» стратегіи, приведетъ лишь къ «національному» самовосхваленію и къ «національной» рецептурѣ. Корбетъ живой тому примѣръ.

5. *Мэхэнъ, какъ авторъ курса по стратегіи (Naval Strategy).*

109. Mahan. «Naval Strategy».

Одновременно съ трудомъ по стратегіи Корбета, появился такой-же трудъ Мэхэна подъ заглавіемъ «Naval Strategy, compared and contrasted with the principles and practice of military operations on land». Трудъ этотъ представляетъ изъ себя лекціи по стратегіи, которыя читалъ авторъ въ Морской военной Коллегіи (Naval war College) Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ періодъ времени между 1887 и 1911 годами. Такъ какъ лекціи эти въ печати не появлялись, то на новую книгу Мэхэна приходится смотрѣть какъ на результатъ 24-хъ лѣтняго его труда въ области морской стратегіи.

110. Трудъ Мэхэна не систематиченъ.

Обстановка, въ которой работалъ Мэхэнъ въ высшей степени способствовала тому, чтобы этотъ трудъ его явился выдающимся. Его перу принадлежитъ цѣлый рядъ, въ общемъ превосходныхъ, историческихъ изслѣдованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ его можно считать достаточно опытнымъ строевымъ офицеромъ, такъ какъ онъ вышелъ въ отставку послѣ командованія судами, и участвовалъ въ войнѣ за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ.

Наконецъ, ко времени изданія этого труда онъ уже 25 лѣтъ (*) занималъ каѳедру въ высшемъ военно-учебномъ заведеніи.

Но, увы, и Мэхэнъ не только не далъ *курса* «просто» стратегіи, не только не далъ *курса* «морской» стратегіи, но если и смотрѣть на его трудъ, какъ на «этюды стратегіи», какъ на матеріалъ для курса, то и въ этомъ случаѣ къ нему слѣдуетъ относиться съ извѣстной осторожностью, несмотря на крупныя достоинства этого труда.

Почему Мэхэнъ не далъ *курса*, мнѣ не совсѣмъ ясно. Онъ имѣлъ всѣ къ тому возможности. Приходится остановиться на предположеніи, что написавши за это время массу историческихъ трудовъ, появлявшихся чуть не каждый годъ, онъ просто не имѣлъ времени на обработку своихъ лекцій, и выпустилъ

(*) Онъ началъ читать лекціи въ Коллегіи съ 1886 г.

ихъ въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ читалъ. Объ этомъ онъ говоритъ и въ своемъ предисловіи. Но въ немъ-же онъ называетъ свое изложеніе *систематическимъ*. Вотъ съ этимъ едва-ли можно согласиться. Главное, чего не хватаетъ въ его трудѣ— это именно систематичности. *Всюду онъ говоритъ о всемъ.* Онъ не устанавливаетъ понятій, не даетъ опредѣленій, не приходитъ къ опредѣленно формулированнымъ выводамъ. Онъ очень красиво, умно, и даже талантливо разсуждаетъ, но выводовъ нѣтъ.

Генералъ Михневичъ, профессоръ стратегіи (*), далъ такой отзывъ объ извѣстныхъ трудахъ Мэхэна о вліяніи морской силы на исторію (**): «Самый способъ изложенія автора необыкновенно оригинальный: это чудные эскизы, *набросанные* мастерской рукой; превосходныя мысли встрѣчаются чуть не на каждой страницѣ, и въ то-же время въ концѣ сочиненія нѣтъ общаго вывода, хотя, при *внимательномъ* чтеніи, онъ самъ напрашивается безъ затрудненія».

Вотъ таковъ остался Мэхэнъ и въ послѣднемъ своемъ трудѣ. Но то, съ чѣмъ легко можно было мириться въ его историческихъ трудахъ, гдѣ систематичность въ извѣстной степени являлась сама, благодаря послѣдовательному теченію разбираемыхъ имъ событій, въ изложеніи *теоріи* какого либо дѣла является большимъ недостаткомъ.

Эта эскизность быть можетъ является слѣдствіемъ самой системы принятой въ американской военно-морской коллегіи. Тамъ нѣтъ систематическихъ курсовъ по опредѣленнымъ предметамъ, повторяющихся изъ года въ годъ. Тамъ происходятъ «чтенія» по различнымъ вопросамъ относящимся до военно-морского дѣла, размѣръ которыхъ и программа постоянно мѣняется. Чтенія эти служатъ для слушателей подспорьемъ въ ихъ *самостоятельныхъ* работахъ, и офицеры, часто въ почтенныхъ уже чинахъ, являются въ коллегію для самостоятельныхъ работъ, а не для того, чтобы прослушать опредѣленный курсъ.

(*) Теперь Начальникъ Главнаго Штаба.

(**) Морской Сборникъ. 1899 г. № 7. Библіографія.

Но даже и при такой обстановкѣ отсутствіе систематичности въ изложеніи, съ моей точки зрѣнія, большой недостатокъ, въ особенности, повторяю—для изложенія «теоріи». И даже чѣмъ короче курсъ, тѣмъ большія требованія должны къ нему предъявляться въ смыслѣ систематичности. Тутъ еще больше чувствуется отсутствіе точныхъ опредѣленій и выводовъ. Еще больше мѣшаютъ постоянныя, хотя бы и очень интересныя. отвлеченія въ сторону, постоянныя перескакиванія съ одного вопроса на другой.

Очень жаль, что Мэхэнъ не обработалъ свои лекціи для печати въ видѣ систематическаго курса. Но быть можетъ ему лично и несимпатично такое изложеніе, просто не лежитъ къ нему душа. Но во всякомъ случаѣ,—эта-ли причина его способа изложенія, или ему не было времени обработать свои лекціи, но трудъ Мэхэна не *курсъ*. Это интересныя бесѣды по стратегіи въ обстановкѣ морской войны.

111. Отчего Мэхэнъ отводитъ въ своемъ трудѣ первенствующее значеніе элементу «мѣстности».

И если прочитать ихъ очень внимательно, то можно объяснить почему именно сложились въ такомъ видѣ эти бесѣды.

Больной вопросъ американскаго флота—это необходимость его раздѣленія на двѣ части изъ-за неблагопріятной географической обстановки въ которой находились Соединенные Штаты, когда началъ работать Мэхэнъ,—тихоокеанскій и атлантическій флоты могли соединиться только чрезвычайно дальнимъ путемъ—кругомъ мыса Горна. Этотъ проклятый вопросъ угнетаетъ и нашъ флотъ, и еще въ гораздо бо̀льшей степени, такъ какъ наши берега состоятъ даже не изъ двухъ, а изъ трехъ отдѣльныхъ участковъ, раздѣленныхъ огромными пространствами суши, которыя надо огибать; и всѣ три нашихъ моря имѣютъ узкіе выходы, находящіеся въ рукахъ нашихъ противниковъ (*).

(*) Именно Мэхэнъ очень хорошо понималъ тяжелое положеніе Россіи въ этомъ отношеніи. «Трудно понять» говоритъ онъ, «какъ Россія можетъ быть спокойна до тѣхъ поръ, пока доступъ ея къ этому морю зависитъ отъ доброй воли другихъ державъ». Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію. Т. I, стр. 21.

Но въ то-же время во флотѣ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ начала формироваться надежда, что тяжелому этому положенію можетъ наступить конецъ, когда будетъ прорытъ Панамскій перешеекъ, и теперь эта надежда наконецъ и осуществилась.

Чѣмъ тяжелѣе географическая обстановка морского театра войны, тѣмъ, очевидно, она больше тяготѣетъ надъ каждой военно-морской мыслью, т. е. надъ общимъ планомъ войны—съ кораблестроительной программой и общей дислокаціей флота, и надъ частными планами войны съ отдѣльными противниками на отдѣльныхъ участкахъ—надъ выборомъ базъ, дислокаціей тамъ флота, надъ стратегическимъ его развертываніемъ, соображеніями о возможности присоединить къ нему флоты изъ другихъ морей, надъ выборомъ объектовъ для нападенія и защиты и т. п.

Здѣсь легко можетъ случиться, что «элементъ мѣстности» займетъ первенствующее мѣсто во всѣхъ стратегическихъ соображеніяхъ, и стратегическое ученіе, обоснованное главнымъ образомъ на этомъ элементѣ, можетъ показаться слишкомъ соблазнительнымъ, ибо оно какъ бы лучше всего отвѣчаетъ практическимъ потребностямъ текущаго періода.

Особенно вліяніе этихъ текущихъ потребностей должно было отразиться на высшемъ военно-морскомъ учебномъ заведеніи того типа, который представляла изъ себя, особенно при своемъ возникновеніи, военно-морская коллегія Соединенныхъ Штатовъ (*). Туда собирались офицеры почтеннаго возраста и въ солидныхъ чинахъ, чтобы *самостоятельно* разрабатывать военно-морскіе вопросы, интересовавшіе личный составъ флота, а чтенія по различнымъ предметамъ служили лишь подспорьемъ для этихъ работъ. Съ самаго начала въ коллегіи была организована стратегическая игра, темами для

(*) «На эту академію возлагается даже прямая практическая оперативная работа. Начальникъ ея входитъ однимъ изъ четырехъ членовъ «General Board», которое представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ оперативнаго отдѣла морского генеральнаго штаба. Такимъ образомъ академія занимаетъ совершенно исключительное мѣсто въ ряду другихъ высшихъ военно-образовательныхъ учрежденій». См. Колчакъ. Служба генеральнаго штаба.

которой служили операціи въ прилегающихъ къ Соединеннымъ Штатамъ моряхъ.

Очевидно, прежде всего понадобилось изучить эти моря въ стратегическомъ отношеніи. Этого конечно прежде всего и потребовали отъ лектора по стратегіи. А онъ, понятно, началъ искать методъ этого изученія и построенія на такомъ изученіи выводовъ. Понятно также, что вслѣдствіе неимѣнія подобныхъ сочиненій въ морской литературѣ, лекторъ обратился къ сухопутнымъ писателямъ. Вотъ мнѣ кажется тотъ путь, которымъ можно объяснить, что Мэхэнъ въ своихъ поискахъ за подходящимъ ему трактатомъ по стратегіи обратился не къ Клаузевицу, а къ Эрцгерцогу Карлу.

112. Ученіе Эрцгерцога Карла, на которомъ обосновывался Мэхэнъ—ложное.

Между тѣмъ полководецъ и военный писатель Эрцгерцогъ Карлъ (*) и звѣстенъ тѣмъ, что и въ практической своей дѣятельности (онъ командовалъ австрійской арміей во время борьбы съ Наполеономъ въ 1796—1809 г.), а также и въ научныхъ своихъ трудахъ (**), главнымъ элементомъ и въ стратегіи и въ тактикѣ считалъ элементъ мѣстности, и изъ него главнымъ образомъ и исходилъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и соображеніяхъ.

Онъ на первое мѣсто ставилъ *абсолютное* значеніе извѣстныхъ географическихъ пунктовъ театра войны, и считалъ, что успѣхъ долженъ быть на сторонѣ того, кто обладаетъ важнѣйшими изъ этихъ пунктовъ. Онъ проводилъ идею, что во всякомъ государствѣ есть одинъ или два стратегическихъ пункта такой важности, что занятіе ихъ доставляетъ господство надъ всей страной. Такіе пункты онъ называлъ *ключами страны*. Вотъ эти «ключи страны и стратегическіе пункты на базѣ (и промежуточные, обезпечивающіе ихъ)», согласно этому ученію (***), «опредѣляютъ своимъ положеніемъ *всѣ дѣй-*

(*) Карлъ-Людовикъ-Іоганнъ, Эрцгерцогъ австрійскій (1771—1847).

(**) «Grundsätze der Strategie» и «Militärische Werke». Имѣется новое изданіе трудовъ Эрцгерцога Карла 1893 г. подъ заглавіемъ «Ausgewälte Schriften Weiland Sr. Kaiserlichen Hoheit des Erzherzogs Karl von Osterreich. Band I и II». Изложеніе его ученія имѣется въ книгѣ: Caemmerer. Die Entwickelung der strategischen Wissenschaft im 19 Jahrhundert. 1904 г., стр. 45—58.

(***) См. Незнамовъ. Оборонительная война 1909 г. стр. 118.

ствія войскъ, которыя, съ одной стороны—обороняющагося—должны направляться къ удержанію за собой такихъ пунктовъ; съ другой—наступающаго—къ овладѣнію ими и обезпеченію сообщеній со своими стратегическими пунктами».

Идеи эти пользовались такимъ большимъ значеніемъ, что сообразно имъ были предприняты «ученые», какъ ихъ называетъ Клаузевицъ, походы прусской арміи въ Вогезахъ въ 1793 и 1794 г. Также и въ 1814 г., не обращая вниманія на расположеніе французской арміи, австрійцы повели свою армію черезъ Швейцарію спеціально для того, чтобы занять ключъ страны—Лангрское возвышенное плато, что давало будто-бы господство надъ всей Франціей. Вообще, какъ указываетъ тотъ-же Клаузевицъ, въ концѣ XVIII вѣка ни о чемъ другомъ не разсуждали, какъ только объ истокахъ Рейна и Дуная, которые считались ключами къ господству въ Средней Европѣ.

Такое направленіе съ точки зрѣнія «природы войны», изъ которой исходили всѣ великіе мыслители въ области военной науки, является ложнымъ. «Ставить на первомъ планѣ мѣстность» говоритъ Лееръ (*) «занятіе важныхъ географическихъ пунктовъ и линій, какъ то было у австрійцевъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія (стратегія Эрцгерцога Карла), а непріятельскую армію на второмъ, значитъ ни болѣе, ни менѣе какъ извращать дѣло, ставя одно изъ *средствъ* къ достиженію цѣли выше самой *цѣли*... Иногда пунктъ (линія), *самъ по себѣ весьма неважный*, можетъ получить громадное значеніе по вліянію его на исходъ извѣстной операціи, вслѣдствіе *относительнаго положенія* на театрѣ военныхъ дѣйствій *армій* обѣихъ сторонъ, подъ вліяніемъ той или другой *обстановки*... Въ тѣсномъ *географическомъ* смыслѣ, «ключъ страны» положительно безсмыслица (такихъ не существуетъ): въ широкомъ-же, *операціонномъ* смыслѣ, или, какъ принято говорить—въ *маневренномъ* смыслѣ, терминъ «ключъ операціи», въ извѣстную минуту ея развитія, вполнѣ разуменъ и понятенъ. Въ выраженіи «ключъ страны» придается *рѣшающее* значеніе

(**) Стратегія. Часть I, изд. 5-е, стр. 48—57.

мѣстному элементу, что ложно; въ выраженіи «ключъ операціи» (какъ то и должно быть)—*бою*».

Клаузевицъ посвящаетъ особую главу (*) вопросу о ключѣ страны, ибо на этомъ понятіи, по его мнѣнію, парадируютъ авторы многихъ описаній войнъ и сраженій. Увлеченіе этимъ понятіемъ онъ считаетъ *безобразнымъ*, но счастью господствовавшимъ болѣе въ книгахъ. Про приложеніе-же этой теоріи на практикѣ онъ отзывается крайне рѣзко. Такъ про походъ на Лангрское плато онъ говоритъ: «200,000 армію повели на дурацкой веревкѣ этой теоріи черезъ Швейцарію къ Лангру». «Чаще всего» говоритъ онъ «настоящій ключъ страны—это непріятельская армія».

Я остановился нѣсколько на ученіи Эрцгерцога Карла и на отношеніи къ этому ученію выдающихся авторитетовъ въ области военной мысли, такъ какъ иначе трудно понять конструкцію труда Мэхэна, и почему этотъ трудъ и помимо своей эскизности не можетъ считаться курсомъ стратегіи.

113. Мэхэнъ исходитъ не изъ «природы войны», а изъ «обстановки». Основной недостатокъ его въ томъ и состоитъ, что въ немъ Мэхэнъ исходитъ не изъ «природы» войны, какъ это дѣлаютъ напр. Клаузевицъ и Лееръ, а изъ «обстановки» вообще, и въ частности изъ одного ея элемента — мѣстности. Изслѣдованіе «природы» войны приводитъ къ «принципамъ», опредѣляющимъ эту природу. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаетъ на первый планъ духовный элементъ (**), такъ какъ главенство его надъ матеріальнымъ элементомъ—это одна изъ важнѣйшихъ сущностей природы войны, и «принципы», опредѣляя эту природу, формулируютъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовную сторону человѣка въ сферѣ военной обстановки.

Вотъ почему Мэхэнъ не устанавливаетъ этихъ основныхъ принциповъ, и когда говоритъ о «принципахъ», то сплошь и рядомъ подразумѣваетъ подъ ними «правила» и «нормы»,

(*) Война, т. II, стр. 139—143.

(**) «Основнымъ закономъ войны» говоритъ профессоръ Головинъ, «мы считаемъ законъ главенства духовнаго элемента въ явленіяхъ войны». Сборникъ статей 1914 г., стр. 7.

вытекающія изъ различныхъ типовъ обстановки. Это и понятно, разъ для него исходной точкой его разсужденій является обстановка, а не природа войны (*).

Онъ такъ и начинаетъ съ того «безобразія», которое, какъ говоритъ Клаузевицъ «господствовало въ концѣ XVIII вѣка, но болѣе только въ книгахъ», а именно съ разсужденій объ истокахъ Дуная и Рейна, и о выгодахъ той «центральной позиціи», того «ключа», при владѣніи которымъ можно было будто-бы господствовать въ центральной Европѣ.

Изложивъ по Эрцгерцогу Карлу эту теорію, Мэхэнъ посвящаетъ первыя пять главъ своей книги иллюстраціи этой теоріи цѣлымъ рядомъ разборовъ географической обстановки и ея вліянія въ сухопутныхъ и морскихъ войнахъ. Слѣдующія пять главъ носятъ общее названіе: «Основанія и принципы». Вотъ здѣсь можно-бы было ожидать изслѣдованія о природѣ войны, и выводъ изъ нея принциповъ ея подготовки и веденія. Но ничего подобнаго Мэхэнъ не даетъ. Опять онъ начинаетъ съ элемента мѣстности, сравнивая Панамскій перешеекъ все съ тѣми-же «истоками Дуная», и разсматриваетъ цѣлый рядъ вопросовъ морской войны, опять таки въ связи ихъ, главнымъ образомъ, съ элементомъ мѣстности. Поименовать эти вопросы очень трудно, такъ какъ онъ говоритъ понемногу обо всемъ, причемъ не держится никакого порядка. Можно только сказать, что больше всего онъ говоритъ о связи политики со стратегіей (глава VI), о свойствахъ базъ и стратегическихъ зонъ (главы VII и VIII), о вліяніи базъ и зонъ на десантныя экспедиціи (глава IX) и на стратегическое маневрированіе (глава X). Изъ этого перечня видно, что уловить какую либо систему въ его изложеніи трудно, кромѣ того, что все это изложеніе проникнуто географическимъ элементомъ.

(*) Отъ такого увлеченія и уклоненія отъ естественнаго обоснованія своей «стратегіи» на природѣ войны, его могло-бы оберечь изученіе Клаузевица. Но къ сожалѣнію онъ пренебрегъ имъ, и ссылается на него лишь мимоходомъ и то со словъ Корбета. Вообще оцѣнка источниковъ по стратегіи у Мэхэна болѣе, чѣмъ странная. Онъ напримѣръ ставитъ на одну доску труды Жомини и Давелюи и Дарріюса, и ничего не говоритъ о капитальныхъ недостаткахъ (см. выше §§ 34, 35 и 46—52) этихъ двухъ послѣднихъ трудовъ.

114. Мэхэнъ смѣшиваетъ «принципы» съ «правилами» и «нормами».

Что-же касается до «принциповъ», въ томъ смыслѣ какъ это понимается въ теоріи стратегіи, то ихъ у него нѣтъ. Подъ этимъ названіемъ онъ понимаетъ и выгоду занять «центральную позицію», и выгоду дѣйствовать по «внутреннимъ» операціоннымъ линіямъ, и мéньшую пригодность для обороны береговъ плавучихъ батарей по сравненію съ батареями береговыми, и что объектомъ стратегическихъ операцій должна быть группа географическихъ пунктовъ, которые можно опредѣлить какъ ключъ положенія, и свойства базы и т. п. Вѣдь очевидно, что все это лишь извѣстныя правила и нормы, и какъ таковыя противъ нихъ ничего возразить нельзя. Но выставляемые какъ «принципы», онѣ сейчасъ-же обращаются въ «рецепты», и къ сожалѣнію такими «рецептами» полна книга Мэхэна. Другого нельзя было и ожидать, разъ онъ не исходитъ изъ природы войны.

115. Мэхэнъ даетъ очень цѣнный образецъ стратегическаго изслѣдованія морского театра войны.

Центральной и лучшей частью этого труда Мэхэна являются главы XI и XII, посвященныя стратегическому обзору Мексиканскаго залива и Карaибскаго моря. Это превосходный образецъ военно-географическаго изслѣдованія морского театра. Предыдущія десять главъ служатъ только введеніемъ къ этому военно-географическому изслѣдованію. Оно и понятно. Этотъ театръ представляетъ первостепенную важность для Соединенныхъ Штатовъ, которые уже давно задались цѣлью овладѣть на этомъ театрѣ колоніями слабой Испаніи, давно рѣшили не допускать тамъ новыхъ владѣній европейскихъ державъ, чтобы такимъ образомъ обезпечить себѣ надежное и трудно уязвимое обладаніе Панамскимъ каналомъ. Все это они и выполнили, и послѣднее посягательство Соединенныхъ Штатовъ на Мексику показываетъ, что планы ихъ на этомъ театрѣ далеко не ограничиваются тѣмъ, что ими уже достигнуто. Пристальное вниманіе къ этому театру флота, а значитъ и академіи, и привело къ тому, что вся задача академическаго курса стратегіи свелась къ стратегическому изслѣдованію этого театра. Все-же остальное явилось только дополненіемъ къ этому изслѣдованію.

Такой-же характеръ дополненій носятъ и три послѣднія главы разбираемаго труда Мэхэна. Двѣ изъ нихъ посвящены разбору русско-японской войны, а третья—значенію приморскихъ укрѣпленій въ морской войнѣ, и глава эта служитъ собственно лишь дополненіемъ къ изслѣдованію о базахъ, и о ихъ вліяніи на стратегическое маневрированіе флота, т. е. къ главамъ VII—X.

Такимъ образомъ почти весь разбираемый трудъ Мэхэна представляетъ изъ себя ничто иное, какъ подробнѣйшее изслѣдованіе географическаго элемента обстановки морской войны. И въ этомъ отношеніи трудъ этотъ имѣетъ очень большую цѣнность, какъ матеріалъ и для спеціальныхъ изслѣдованій и для разработки соотвѣтствующихъ отдѣловъ курса стратегіи.

116. Трудъ Мэхэна ни въ коемъ случаѣ не «курсъ» стратегіи.

Затѣмъ, благодаря привычкѣ Мэхэна легко переходить отъ разбираемаго вопроса къ другимъ, и отвлекаться отъ него далеко въ сторону, изслѣдованіе это изобилуетъ массой чрезвычайно цѣнныхъ и интересныхъ мыслей по самымъ различнымъ стратегическимъ вопросамъ. Но о систематическомъ курсѣ, повторяю, не можетъ быть и рѣчи, хотя самъ Мэхэнъ въ предисловіи и говоритъ, что за таковой онъ считаетъ семь главъ, отъ шестой до двѣнадцатой включительно, т. е. тѣ главы въ которыхъ онъ распространяетъ ученіе Эрцгерцога Карла на морскую обстановку, и дѣлаетъ подробный военно-географическій обзоръ и стратегическій разборъ того театра войны, который заключаетъ въ себѣ Мексиканскій заливъ и Караибское море.

Въ этихъ главахъ нѣтъ никакого изслѣдованія о природѣ войны, нѣтъ формулированныхъ на основаніи этого изслѣдованія «принциповъ», нѣтъ изслѣдованія объ элементахъ и типахъ обстановки, за исключеніемъ элемента географическаго, нѣтъ изслѣдованія о моральномъ и матеріальномъ элементахъ при веденіи войны, о цѣлесообразности боя, нѣтъ ученія о замыслѣ (планѣ), нѣтъ никакой классификаціи операціи, и. т. п... однимъ словомъ нѣтъ *курса* стратегіи. А въ томъ что есть, проведена неправильная и вредная тен-

денція объ исключительномъ вліяніи на веденіе стратегическихъ операцій географическаго элемента, и объ этомъ постоянно надо помнить при использованіи этого труда какъ матеріала для практическихъ рѣшеній въ области стратегіи и для построенія теоріи стратегіи.

117. Мэхэнъ противникъ идеи «Fleet in beeing». При разборѣ труда по стратегіи Корбета (см. выше §§ 96—103), я имѣлъ случай отмѣтить его увлеченіе идеей «Fleet in beeing». Мэхэнъ энергично осуждаетъ эту идею, и въ своемъ разборѣ русско-японской войны (главы XIII—XIV) указываетъ, что одной изъ причинъ пораженія русскихъ на морѣ было именно ихъ увлеченіе этой идеей. Это его указаніе заслуживаетъ серіознаго вниманія, такъ какъ идея о слабомъ флотѣ, избѣгающемъ боя, и все таки достигающемъ какихъ-то результатовъ, вообще идея оборонительная, въ значительной мѣрѣ не чужда намъ и теперь.

Еще надо отмѣтить, что Мэхэнъ въ заключительныхъ строкахъ этого своего труда отказывается отъ своего былого утвержденія (см. выше § 26) о томъ, что военный флотъ— это непремѣнно какая-то опредѣленная функція отъ флота коммерческаго. Онъ признаетъ, наконецъ, что военный флотъ можетъ быть необходимъ и при отсутствіи морской торговли, и примѣромъ такой необходимости онъ выставляетъ какъ разъ Россію.

6. Выводы изъ обозрѣнія стратегической литературы.

118. Въ морской литературѣ нѣтъ «курса» стратегіи. Къ какимъ-же выводамъ приводитъ обозрѣніе стратегической литературы, которому я посвятилъ три послѣднихъ этюда (IV, V и VI)?

Прежде всего оказывается, что въ морской стратегической литературѣ нѣтъ такихъ трудовъ, которые можно было-бы назвать «трактатомъ» по стратегіи, а тѣмъ болѣе «курсомъ» стратегіи, подобныхъ трудамъ въ области войны на сушѣ Жомини, Клаузевица и Леера (*). Значитъ «образца» для

(*) Наиболѣе близкій къ нимъ трудъ Штенцеля (см. выше § 7) остался неразработаннымъ.

возложенной на меня работы въ морской литературѣ нѣтъ, а имѣется лишь матеріалъ, отчасти очень цѣнный, для такой работы.

А между тѣмъ то-же обозрѣніе показываетъ, что многіе изъ авторовъ, какъ по своему положенію, такъ и по своему таланту и своимъ историческимъ трудамъ, имѣли всѣ данныя къ тому, чтобы создать «курсъ» стратегіи. Нѣкоторые изъ нихъ прямо ставили себѣ такую задачу, и все таки и ихъ постигла неудача.

119. Морскіе авторы не исходили въ своихъ трудахъ изъ «природы» войны.

Обращаясь къ причинамъ — почему такъ случилось, я прихожу къ выводу, что главная изъ нихъ заключается въ томъ, что *никто* изъ морскихъ писателей въ своихъ трудахъ по стратегіи не исходилъ изъ идеи о томъ, что при всемъ безконечномъ разнообразіи той обстановки, въ которой протекаетъ война, существуетъ неизмѣнная *природа войны*, которая пропитываетъ всѣ военныя явленія, внѣ зависимости отъ той формы въ которыя выливаются эти явленія, что *формы* эти зависятъ отъ обстановки, но что сущность въ нихъ все одна и та-же. Поэтому никто изъ нихъ не начиналъ съ изслѣдованія природы войны, и не пытался ее формулировать ни дедуктивнымъ, ни индуктивнымъ (историческимъ) путемъ, раньше чѣмъ переходить къ изслѣдованію современныхъ формъ войны. А такъ какъ формы эти крайне разнообразны, и находятся подъ вліяніемъ спеціальныхъ (напр. суша и море) и національныхъ условій, то эти спеціальныя и національныя условія и ихъ разнообразіе оказывали исключительное вліяніе на эти изслѣдованія. На нихъ, значитъ, вліяли и пристрастіе къ той или иной спеціальности, и непониманіе другихъ спеціальностей, и ложные (а таковыхъ не мало) національные навыки и традиціи. Въ результатѣ рецептура и разноголосица. Да оно и понятно. При поверхностномъ изслѣдованіи разнообразныхъ формъ, безъ формулированія ихъ общей и неизмѣнной сущности, нельзя придти къ «единству военной мысли», нельзя создать въ области теоріи «школу». А между тѣмъ это дѣло первой необходимости (см. предисловіе къ этюдамъ по стратегіи.

120. «Природа» войны, не зависящая отъ обстановки, существуетъ.

Но конечно, возникаетъ основной вопросъ — да существуетъ-ли эта неизмѣнная природа войны, которая проявляется всюду, внѣ зависимости отъ какой либо обстановки, которая принимаетъ лишь различныя формы въ зависимости отъ этой обстановки безконечно разнообразной?

Для меня лично, послѣ трудовъ Жомини, Клаузевица и Леера и другихъ—существуетъ несомнѣнно. Именно сравненіе этихъ трудовъ съ остальными, разобранными въ этюдахъ IV—VI, мнѣ и сдѣлало яснымъ—отчего потерпѣли неудачу въ своихъ стратегическихъ трудахъ писатели въ области морской войны.

121. Для меня нѣтъ иного пути, какъ слѣдовать при построеніи курса стратегіи методу Жомини, Клаузевица и Леера.

А разъ для меня это такъ—для меня нѣтъ другого пути, какъ слѣдовать ихъ примѣру, лишь умножая и расширяя сферу изслѣдованія по указанному ими методу. Да считаю, что нѣтъ другого пути и для всякаго другого, который поставитъ себѣ цѣлью работать надъ созданіемъ «единства военной мысли». Дѣйствительно, при безконечно разнообразной обстановкѣ, въ которой протекаютъ военныя явленія, нельзя придти ни къ какому «единству военной мысли», если нельзя положить въ основу всѣхъ этихъ явленій что либо неизмѣнное, на чемъ можно сойтись всѣмъ, такъ какъ это возможно всѣмъ доказать, внѣ зависимости отъ какой либо обстановки, внѣ спеціальныхъ и національныхъ особенностей.

Таковыми, съ моей точки зрѣнія, и являются тѣ основы, на которыхъ строятъ свои труды группа военныхъ ученыхъ—Жомини—Клаузевицъ—Лееръ и къ нимъ примыкающіе. Тѣ, для кого эти основы не доказуемы и непріемлемы, должны выставить и доказать имъ подобныя по неизмѣнности и независимости отъ обстановки, или отказаться отъ стремленія къ «единству военной мысли», такъ какъ очевидно на подверженныхъ безконечному измѣненію «формахъ» никакого такого единства основать нельзя.

Но до сихъ поръ исторія военной науки показываетъ, что все, что было предложено иное, опровергалось болѣе чѣмъ легко,

*

тогда какъ неизмѣнность той природы войны, которая изслѣдована вышеуказанной группой военныхъ ученыхъ, и на которой они обосновали свои труды, никѣмъ еще до сихъ поръ не опровергнута.

Эта неизмѣнная природа познавалась военными геніями и выдающимися военными талантами всѣхъ странъ и народовъ непосредственно съ помощью ихъ генія и таланта, и сообразно ей они и дѣйствовали въ любой обстановкѣ, находя лишь съ помощью опять таки своего генія и таланта наилучшую форму примѣненія этой природы, т. е. форму наиболѣе подходящую къ наличной обстановкѣ.

Военные писатели, принадлежащіе къ указанной мною группѣ, среди которыхъ было не мало и выдающихся практическихъ дѣятелей (*), путемъ изслѣдованія дѣятельности военныхъ геніевъ и военныхъ талантовъ, нащупали эту природу, провѣрили ее посредствомъ другихъ методовъ изслѣдованія, и этимъ положили твердое основаніе военной «наукѣ», и возможности «единства военной мысли». Построенное на этомъ основаніи ихъ ученіе чуждо всякой рецептуры, и разъ можетъ быть доказано и принято всѣми это основаніе, можетъ быть принято и все остальное въ ихъ ученіи, такъ какъ оно логично и неизбѣжно вытекаетъ изъ принятаго уже основанія. Всѣ попытки построить какое либо военное ученіе внѣ этого основанія, какъ мы видѣли, приводятъ лишь къ отрицательнымъ результатамъ.

Вотъ почему та отвѣтственность, которую возлагаетъ на меня занимаемая мною каѳедра, приводитъ меня къ рѣшенію обратиться именно къ такому построенію теоріи стратегіи, которое только одно до сихъ поръ дало удовлетворительные результаты, и которое только одно, пока не предложено нѣчто другое, ему равноцѣнное или лучшее, можетъ послужить первой ступенью, для созданія «единства военной мысли» въ области стратегіи.

Принять какое либо другое построеніе при данномъ состояніи военной науки—съ моей точки зрѣнія—авантюра. Академическая каѳедра на это идти не можетъ.

(*) См. этюдъ IV, въ особенности § 5.

Программа и методъ такого построенія намѣчены мною въ первыхъ трехъ этюдахъ, и имъ я предполагаю слѣдовать и въ послѣдующихъ этюдахъ.

122. Въ какомъ видѣ мною намѣченъ «курсъ» стратегіи для Николаевской Морской Академіи.

Я не задаюсь пока цѣлью разработать какую либо специальную (напр. спеціально морскую) или національную (напр. для нашей борьбы съ опредѣленнымъ противникомъ на опредѣленномъ театрѣ) стратегію.

Стратегія какъ наука—едина (см. этюдъ III §§ 6 и 7). Сначала должна быть разработана «просто стратегія». И только потомъ, посредствомъ приложенія ея выводовъ къ спеціальной или національной обстановкѣ, можетъ получиться раціональная и спеціальная и національная стратегія. Попытки-же создать такія стратегическія изслѣдованія, безъ основанія ихъ на «просто» стратегіи, заранѣе обречены на неудачу, и на обращеніе въ рецептуру.

Такія изслѣдованія, конечно, могутъ быть предприняты и сейчасъ, обосновываясь на тѣхъ-же трудахъ Жомини, Клаузевица и Леера.

Но это просто не моя задача. Моя главная и первая задача—разработать *основной* курсъ стратегіи для Николаевской Морской Академіи, и этотъ курсъ не долженъ быть ни узко спеціальнымъ, ни узко національнымъ. Это долженъ быть курсъ «просто» стратегіи, и въ него спеціальная и національная стратегія войдутъ въ видѣ приложеній общихъ положеній къ спеціальной и національной обстановкамъ.

Для разработки этого курса надо использовать то, что сдѣлано Жомини, Клаузевицемъ и Лееромъ, и прибавить къ этому то, что можетъ расширить и углубить ихъ ученіе посредствомъ использованія исторіи морскихъ войнъ и трудовъ морскихъ писателей, такъ какъ и Жомини, и Клаузевицъ и Лееръ совершенно игнорируютъ морскую войну. Этотъ крупный недостатокъ ихъ трудовъ долженъ быть устраненъ, и не долженъ быть повторенъ нами, т. е. мы не должны игнорировать область войны на сушѣ, какъ это сдѣлали они съ областью войны на морѣ.

Я конечно готовъ къ тому, что я ошибаюсь въ намѣченной мною программѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я твердо убѣжденъ, что если это такъ, то мнѣ это укажутъ изъ строя, и докажутъ, что построеніе академическаго курса должно быть иное. Вотъ, чтобы дать большую ширь и доказательность этимъ указаніямъ, я и посвятилъ цѣлыхъ шесть этюдовъ на обоснованіе моей программы, и особенно развилъ этюдъ шестой, въ которомъ подробно разобралъ всю морскую стратегическую литературу, чтобы пояснить—почему я не считаю возможнымъ считать ни одинъ изъ этихъ трудовъ курсомъ стратегіи, не только общей, но даже и спеціально морской.
